

КЛАССИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

МИХАИЛ ПОГОДИН
ПОЛНАЯ
ИСТОРИЯ РУСИ

Погодин, Михаил. Полная история Руси // АСТ, Москва, 2020
ISBN: 978-5-17-121560-6
FB2: "Sergius", 14.02.2021, version 1.1
UUID: 1003C049-C71F-4317-AD95-6E0A92ADAE2D
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Петрович Погодин

Полная история Руси

Михаил Петрович Погодин — один из первых историков, положивших начало новой русской историографии. Его всегда отличал интерес к истории Домонгольской Руси и критическое отношение к историческим источникам. Именно Погодин открыл и ввел в научный оборот многие древние летописи и документы.

В этой книге собраны важнейшие труды Погодина, посвященные Древней Руси, не потерявшие своей научной ценности до сих пор.

Содержание

#1	0007
Том первый	0008
Введение. Древняя русская история	0008
Великий князь Рюрик с братьями. 862–879	0016
Великий князь Олег. 879–912	0021
Великий князь Игорь. 912–945	0024
Великий князь Святослав. 945–972	0028
Великий князь Ярополк. 972–980	0043
Великий князь Владимир. 980–1015	0046
Великий князь Святополк. 1013–1019	0060
Великий князь Ярослав. 1019–1034	0067
Образование государства	0076
Состояние общества	0086
Великое княжество Киевское	0101
Галицкое княжество	0331
Новгород	0393
Суздальское или Владимирское (на Клязьме) княжество	0466
Том второй	0576
Обозрение составных частей государства и отношений их между собою в продолжение удельного периода	0576
Великий князь	0585
Города	0597

Земля, волости, дань	0602
Сельское население	0605
Общие замечания	0608
Торговля	0613
Земледелие	0638
Ремесла	0643
Церковь, распространение христианской веры	0649
Следы язычества	0655
Грамотность и образование	0662
Летописи	0668
Общее обозрение	0684
Первое татарское нашествие	0732
Продолжение междоусобий	0746
Второе нашествие	0791
Заключение	0821

Михаил Погодин
Полная история Руси

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2020

* * *

Том первый

Введение. Древняя русская история

Предание, донесшееся из глубины веков до наших летописцев, указывает племенам словенским первоначальное место поселения в Европе на среднем и нижнем Дунае, — Дунае, который до сих пор еще слышится у нас повсюду в народных песнях. «По мнозех временех (по потопе), говорит древнейший летописец наш, Нестор, живший в XI столетии, сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска».

Отсюда, вследствие естественного размножения и других побудительных обстоятельств, выселялись они по временам, — задолго до Рождества Христова, — и заняли, наконец, почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себе обитателей по случаю нашествия с запада кельтов или волохов, которые, растревожив словен в их пригретом гнезде, заставили многих искать себе новые места поселения. Они уже тогда стояли

на известной степени образования, знакомые с земледелием и первоначальными искусстваами, говорили богатым и значительно развитым языком, имели понятия и верования о Боге и жизни посмертной, принесенные еще из прародины своей, Индии, с которой до сих пор обнаруживают родство.

Одни из словен, племена ляхские, поселились к северо-западу от Дуная; другие, наши, к северо-востоку.

Передовым из последних были собственно словене. Спасаясь от нашествия, они должны были спешно и усиленно прокладывать себе дорогу, шли-шли и достигли, наконец, озера Ильмеря,[1] потеснив обитавшую в этих местах чудь. Только здесь смогли они остановиться и построить себе город — Новгород.

Соплеменники, следовавшие по их стопам, также остановились по пути, когда натиск с юга утих, где кому случилось: на Двине, Припяти, Соже — кривичи, дреговичи.

Другие, еще прежде повернувшие направо, расселились по Днестру, Бугу, Днепру и их притокам, — тиверцы, хорваты, северяне, поляне.

Все они не составляли сплошного народонаселения, разделяясь между собою реками, лесами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанию летописца, отличались тихим и кротким нравом. Брак издавна совершался между ними по взаимному согласию. Семейные отношения отличались скромностью. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми жили в своих дремучих лесах, питались всякой нечистотой, в распрях и ссорах, и убивали друг друга; брака любовного не знали, но уводили или похищали себе жен. Так же жили радимичи, вятичи, северяне. Они сходились на игрища и плясанья между селами и там выбирали себе девиц, с кем которая сговорится. Многоженство было у них в обыкновении. Над покойниками совершалась тризна, насыпалась высокая кладь, на которой и сжигался труп. Сожженные кости собирались в небольшой сосуд и устанавливались на столбах при дорогах. Так поступали вятичи, кривичи и другие вплоть до XII столетия. Мыться и париться в банях составляло древнейший обычай, которому удивился еще, как говорит предание,

Св. Апостол Андрей.

Вскоре они познакомились со своими приморскими соседями: это были родственные племена, переселившиеся прежде них с Дуная, а далее норманны, известные у нас под именем варягов, самый деятельный и удалой народ в Европе того времени, которые уже с V века хозяйничали на всех морях и имели сообщения по всем берегам: в Британии, Галлии, Германии, Италии, наконец, ближайšie, финны, так называемая ими чудь.

Смышленные пришельцы разузнали, где в основном расположены естественные ресурсы, в которых они наиболее имели нужду, и что могут они предлагать в замену перми, булгарам, хозарам, югре. Им удалось даже впоследствии стать твердой ногой на самых выгодных для себя в этом отношении местах, откуда они могли распространять свою власть над соседними областями. Так возникли новые поселения, оказавшиеся вскоре для них необходимыми — Изборск, Торжок, Белозерск, Ростов, Муром, Бежецк, Волок Ламский.

В торговле новгородской приняли вскоре участие и норманны, нигде не упускавшие

случая заводить свои связи и расселявшиеся повсеместно; они распространили новгородскую торговлю еще далее, до самого устья Волги, куда, с противоположной стороны, через Каспийское море, из внутренней Азии, проникло с той же целью другое — бодрое, живое и, вместе, образованное племя того времени — арабы.

Арабы привозили в устье Волги к хозарам пряности, южные плоды, шерстяные ткани, драгоценные камни, которые до сих пор удерживают у нас свои восточные наименования: изумруд, яхонт, бирюзу, жемчуг... Чудские племена доставляли меха, рыбу, хлеб, металлы, юфть. Из низовых южных славянских поселений доставлялся хлеб, мед, воск. Из Греции — паволоки, золото, вино. Норманны торговали мечами франкской работы, янтарем, пухом, невольниками.

Очень рано между всеми этими народами началась взаимная мена, из которой мало-помалу, по мере распространения сообщений, образовалась правильная обширная торговля с определенными путями.

Смышленные словене умели воспользовать-

ся своим выгодным положением, на перепутье норманнов в Грецию и к финским племенам, передавали товары из рук в руки и богатели. Город их стал, в некотором смысле, перевалочным местом на Севере. Слава о Новгороде распространилась по всему Варяжскому (Балтийскому) поморью, а исландские саги наполнились сказаниями о богатстве и могуществе великого Гольмгарда.

Точно такое же значение получил на юге Киев, принадлежавший другому славянскому племени, полянам (предкам, кажется, нынешних великороссиян).

В 859 году какая-то ватага норманнов, называвшихся у нас варягами, приплыла по Варяжскому морю в устье Невы, рассыпалась по сторонам и обложила данью встреченные ею племена, славянские и финские.

Но владычество норманнов продолжалось не долго: племена вскоре восстали, одно за другим, потому ли, что были выведены из терпения насилием пришельцев, или потому, что увидели возможность легко справиться с ними и не захотели нести напрасных убытков.

Как бы то ни было, хозяева прогнали незваных гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали по-прежнему «владеть сами о себе», но вскоре перессорились между собою, «встал род на род», полилась кровь, и усобице не видать было конца, а норманны, с часу на час, могли воротиться с новыми, еще большими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбление и наложить иго тяжелее прежнего!

Тогда, среди общей смуты, пришла в голову кому-то из воевавших благая мысль, чтобы прекратить кровопролитие: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Совет пришелся по душе. Но где искать князя столь сильного, чтобы он мог дома держать свое имя грозно, а в нужном случае защитить мирные племена от внешних врагов?

Здравый смысл, народный толк, указал им норманнов, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили беспрестанно на все четыре стороны, селились везде, где пригревало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бы из че-

го, — норманнов, о которых грозная слава распространялась всюду.

Словене, с подчиненными им, более или менее, кривичами, чудью, весью и мерю, пошли «за море», к одному норманнскому племени, по какой-то причине им более знакомому, которое жило, кажется, в углу Варяжского моря, в соседстве и совокупности с родственными нам племенами, и «называлось Русью, как другие племена назывались Свееми, Англянами, Готами и Мурманами».

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и володеть нами», сказали им послы без всяких околичностей и условий. Вещие слова, определившие дальнейший ход нашей Истории.

Нашлись охотники согласиться на вызов: три брата, князья Рюрик, Синеус и Трувор. Они поднялись со всем своим племенем, «попьяша по себе всю Русь», и пришли к нам в 862 году.

Великий князь Рюрик с братьями. 862—879

Старший из братьев, Рюрик, сел в Ладоге, откуда, при истоке Невы, всегда удобнее было встретить норманнов, которые обыкновенно приставали к этой гавани, известной у них под именем Альдейгоборга, Синеус поселился у веси на Белоозере, а Трувор в Изборске у кривичей.

Через два года меньшие братья умерли: старший, Рюрик, унаследовал их волости и переселился со своей дружиной в Новгород, главный город словен, уже сильный, богатый торговлей, владевший обширной волостью и имевший свои гражданские учреждения, — «и прозвались Новгородцы от них (от пришедшей руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Двое из спутников Рюрика, Аскольд и Дир, не князья и не бояре, выпросились у него с родом своим в Константинополь, намереваясь, без сомнения, служить в числе императорских телохранителей или секироносцев.

Отпущенные, они не попали, однако же,

куда собирались: пронесясь в легких ладьях по Днепру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся им слишком крепкими, они остановились под крутой горой, на которой, в сени тополей и черешен, виднелся городок...

Осмотревшись и порасспрашивав, они узнали, что городок называется Киевом, что строители его, три брата, Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, умерли, а жители платят дань родам их, хозарам.

Искателям приключений понравилось место при широкой реке, текущей прямо в любезное для них море, на перепутье с Севера, из родины, в Грецию — так тепло здесь и привольно, всего растет, кажется, вдоволь. А жители смирны, воинов нет, городок не крепок. Не остаться ли здесь?

Подумано, сделано. Аскольд и Дир остались, а поляне, самое тихое из племен славянских, приняли их к себе без прекословия.

Разнеслась молва об удаче и выгодном поселении. Из Новгорода вскоре прибыло к ним несколько мужей, ушедших от Рюрика. После могли останавливаться у них проезжие земляки, а другие приплыть даже нарочно. Чис-

ло товарищей увеличивалось беспрестанно: они утвердились и начали владеть Полян-ской землей, как владели их единоплеменники на Севере, и, подобно им, воевать с соседями. Они вздумали идти на Константинополь, о котором на их родине рассказывались чудеса. Миклагард, Миклагард, великий город! Чего там нет! Какие сокровища везде собраны! Сколько золота и серебра, паволок! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческие воины изнежены до того, что имя их у родственных варангов употребляется в насмешку.

Славяне принялись строить лодки, которые выдалбливались из цельного дерева и потому назывались у греков однодеревками, а после у казаков душегубками. И через два года пустилось по Днепру сборное ополчение из двухсот судов... Вот открылось раздольное море, и вдали показался перед ними желанный Константинополь.

Там никто не ожидал гостей. Быстро и смело вошла русь «внутрь суду», в пристань, высадились на берег, разделили жребием предместья и принялись убивать и грабить.

Долго после сохранялось между греками воспоминание об этом внезапном нашествии руси. Походом киевских витязей Аскольда и Дира имя руси огласилось в мире: «начаша прозывати Русска земля; о сем бо уведехом, говорит летописец, яко при сем Цари (Михаиле) приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в летописаньи Гречьстем».

Патриарх Фотий свидетельствует об их обращении в грамоте, писанной им к восточным епископам в 865 году: «Россы, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, оставили суеверие, исповедуют Христа, и суть друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому».

Таким образом, в одно время с началом государства в Новгороде зародилась у нас и христианская вера в Киеве. В отличие от народов западных, получивших ее из Рима, мы приняли ее из Константинополя, от греков, и именно в то время, когда церковь вышла там с по-

бедой из борьбы со всеми лжеучителями и успела отпраздновать торжество православия, на основании семи вселенских Соборов. Сообщил ее нам патриарх, который первый восстал и против суемудрия западного, и против папского властолюбия.

А что происходило, между тем, на Севере? Неужели Рюрик оставался, сложа руки, в Новгороде?

Может быть, он принимал участие в норманнских походах по Балтийскому и Немецкому морям, в Германии, Франции и Англии; может быть, распространял пределы новгородского владычества на востоке и юге, к стороне Уральских гор; может быть, в продолжение семнадцати лет он успел и там, и здесь. Киевская летопись молчит об этих действиях, сообщая, под 879 годом, лишь известие о его кончине, перед которой он отдал на руки родственнику своему Олегу только что родившегося сына Игоря, ему же передал и свое княжение.

Великий князь Олег. 879–912

Олег, молодой, пылкий, деятельный, недолго усидел на месте. Вскоре он снарядился в поход. Малолетнего Игоря он взял с собой, словно заранее решил не возвращаться в Новгород.

На Днепре Олег занял Смоленск, город вольных кривичей, и посадил там мужа своего; плывя далее вниз, взял Любеч, где посадил также своего мужа. Наконец, представился ему Киев, на который он зарился, может быть, издали и прежде. Надо взять и его!

Смирные поляне поддались спокойно новому пришельцу, как прежде Аскольду и Диру, и «седе Олег княжа в Киеве».

Он так полюбил доставшийся ему город, что решил прекратить свой неопределенный путь и водвориться здесь навсегда. «Се буди мати градом Русским», сказал Олег. «Беша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью».

Имя Руси сделалось тогда принадлежностью Киева, откуда начало расширяться далее и далее, не найдя еще своих пределов...

Чтобы утвердить свою власть, Олег начал ставить города в новом княжестве, как ставил их Рюрик со своими мужами на севере. Потом определил он дани словен, кривичей и мери, то есть разделил землю на участки (вероятно, тысячи) и назначил, куда какой участок должен тянуть, к какому городу, и сколько представлять дани. Сверх того указал он, чтобы новгородцы, оставшиеся без защиты, платили заморским варягам ежегодно триста гривен, или полтораста фунтов серебра, «мира деля».

Устроив таким образом домашние дела, Олег, истый норманн, начал свои военные походы. Всякий год, лишь только вскрывался Днепр, отправлялся он на добычу в быстрых ладьях, по рекам, в него впадающим справа и слева, и распространял пределы дани, заставляя мирные и тихие племена славянские, одно за другим, признавать свою власть.

Так далеко успел Олег в короткое время разнести славу своего оружия, столько племен посчастливилось ему подчинить себе, но он не был доволен этими мирными завоеваниями. Чего же ему хотелось более?

Царьград — вот куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевные мысли всех варягов, вот о каком походе думал и Олег.

Долго собирался киевский князь с силами, и уже в 906 году, следовательно, через двадцать с лишком лет по водворении своем в Киеве, оставив там Игоря, «иде Олег на Греки, пояже множество Варяг, и Словен, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Северу, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулебы, и Тиверцы».

Олег счастливо преодолел все препятствия и появился под стенами Константинополя. Воины его огнем и мечом рассыпались по окрестностям, жгли церкви, разбивали палаты, а пленных рубили, расстреливали, бросали в море. По свидетельству византийских летописцев, уstraшенные греки обратились с просьбою о мире к русскому князю.

Счастье благоприятствовало смелому Олегу, и он достиг своей цели: заставил трепетать Константинополь; заставил императоров униженно просить мира, исполнить все его желания и платить ему дань; получил богатую добычу для себя, для своих мужей, вои-

нов, и для всего своего племени, вытребовал важнейшие преимущества для Руси на будущее время при всех сношениях ее с Грецией, государственных и торговых.

Последние годы своей жизни Олег провел в покое: «и живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве».

Олегу, кажется, бездетному, наследовал сын Рюрика Игорьь.

Великий князь Игорьь.912–945

Подданные племена попытались было отложиться (913), привязанные слабыми узами к Киеву, но Игорьь сходил на древлян (914) и возложил на них дань больше Олеговой.

Новый князь должен был отличиться каким-нибудь необыкновенным подвигом. Игорьь вздумал идти в дальнюю сторону, куда не ходили еще варяги, на Восток, познакомиться с другим морем, еще не известным, Каспийским, и проведать, что обретается на его берегах.

Игорева Русь поплыла на пятистах судах по Днепру в Черное море, из Черного моря по-

вернули они не направо, как обыкновенно делали в походах на Грецию, а налево, вверх, в Азовское море, через Босфор Киммерийский, потом поднялись вверх по Дону до пограничной крепости Саркела или Белой Вежи, построенной для хозаров греческими мастерами. От Саркела послали они просить кагана, чтобы он позволил им пройти через владения и рекой Волгой спуститься в море Каспийское.

Восстали все народы, обитавшие около этого моря, говорит современный арабский писатель Массуди, и возопили о помощи: с незапамятных времен не видывали они никакого врага, который нападал бы на них с моря, где доселе плавали только суда купцов и рыболовов.

Награбась досыта, русь отправилась обратно к устью Волги и послала вперед к кагану хозарскому условленную часть добычи.

Мусульмане, жившие в стране Хозарской, узнав по слухам о неистовствах руси, обратились к кагану: «Пзволь нам, говорили они, отомстить этому племени. Они вторглись в земли братьев наших мусульман, пролили

кровь их, пленили жени детей».

Царь не в силах был удержать раздраженное население и только предупредил русь о враждебных намерениях мусульман. Эти последние, собрав войско, потянулись вниз по реке в поисках неприятеля. Многие христиане из Итиля к ним присоединились.

Завидев их, русь сошла с судов и выстроилась в боевой порядок на берегу. Бой длился три дня, и, наконец, мусульмане победили. Русь была побита мечом, другие, спасаясь на суда, утонули. Силы Киевской Руси расстроились совершенно вследствие этого поражения, и вот почему, вероятно, летопись наша молчит двадцать пять лет о ее действиях, извещая только о краткой войне с печенегами.

В 941 году Игорь собрал силы для большого похода. На этот раз целью его была Греция. Они повернули к азиатским берегам Черного моря, где еще не бывали прежде их удалые товарищи — опустошили Вифинию, Пафлагонию, Никодимию, Понт и пожгли все берега Босфорские. Греки снарядили несколько хеландий (кораблей) и пустили их в море с греческим огнем, заменявшим в то время порох.

Игорь был уверен в победе, но надежда его обманула. Ужасный греческий огонь, пускаемый трубами, произвел смятение и совершенное расстройство в русском ополчении. Объятые ужасом при виде своих лодок, внезапно загоравшихся, русские воины бросались в воду, напрасно боролись с волнами и тонули. Не осталось другого спасения, кроме бегства.

Игорь не пал духом. Ему хотелось во что бы то ни стало загладить стыд своих поражений и отомстить грекам. Он послал за море звать своих родичей норманнов в поход на Грецию.

Корсуняне, поселенцы греческие на берегу Черного моря, известили Константинополь: «се идут Русь без числа корабль».

Император послал первых своих бояр к Игорю сказать ему: «Не ходи на нас, но возьми дань, что брал Олег, мы придадим к ней и еще». Игорь взял у греков золото, серебро, паволоки, на себя и на всех воинов, и возвратился в Киев.

В следующем году императоры константинопольские и великий князь русский обменя-

лись между собою посольствами и заключили договор на условиях, менее выгодных для руси, чем Олеговы.

Кончину свою Игорь нашел в следующем году (943), у соседнего с Киевом племени древлян, с которых хотел он взять лишнюю дань.

Великий князь Святослав. 945–972

Древляне, убив Игоря, испугались последствий. Во избежание мести, они решили звать вдову его Ольгу в супружество за князя своего Мала, но напрасно: мужественная княгиня русская наказала их жестоко, судя по преданию, которое сохранилось в народе о ее действиях.

Потом пошла Ольга по всей Деревской земле с сыном и с дружиною, устанавливая свои порядки.

На следующий год ходила она к Новгороду и определила дани по Мсте и Луге. Становища и уголья ее были известны до позднейшего времени, как и по Днепру, и по Десне.

В 955 году Ольга отправилась в Константинополь с многочисленной пышной свитой — увидеть город, получить дары, принять там

святое крещение, приобщаясь вере, издавна уже известной в Киеве между ее единоплеменниками и поразившей, видно, ее пылкое сердце.

Это случилось в царствование императора Константина Багрянородного, который сам описал для нас ее пребывание в своей столице со многими любопытными подробностями.

Святое крещение приняла Ольга от патриарха Полиевкта, а восприемником от купели был сам император Константин. Имя наречено ей Елена, в память древней царицы, матери равноапостольного царя Константина.

Собравшись в обратный путь, Ольга пришла к патриарху, прося у него благословения: «Люди мои поганы, и сын мой также. Помолись о мне, владыко, чтоб Бог сохранил меня от всякого зла». Патриарх старался убедить ее в помощи Божией и милости и отпустил в отечество.

Великая княгиня Ольга, приняв к сердцу новое учение, обещавшее ей вечные радости, пожелала, разумеется, больше всего сделать участником их своего милого, единственного

сына и начала тотчас убеждать его, чтобы он принял святое крещение, но Святослав не хотел ее и слушать. Закон мира, терпения, воздержания был противен Святославу так же, как и буйным его товарищам, которые видели в нем осуждение всего, чем мила и дорога им была жизнь, и потому презирали всегда тех, кто оставлял веру отцов своих.

Тяжело было матери, горячо любившей сына, видеть, как мало он обращал внимания на ее увещания и просьбы, но делать было нечего.

А он, возросший и возмужавший, позабыл вовсе о ее наставлениях: он думал только о битвах и тотчас начал «собирать вои многи и храбры, легко ходя, аки пардуст», посылая сказать племенам, на кого собирался: «Хочу на вас ити».

С какой же страны начать ему свои бранные поиски? Куда идти? Святослав решил идти на восток, к Волге, туда, где так ужасно погибли Игоревы дружины и где тлевшие кости их давно призывали себе мстителей.

Сначала плыл он Окою, из Оки переправился в Волгу и напал на Булгар с удалой сво-

ей дружиной, взял, ограбил и разорил так, что этот знаменитый город долго не мог подняться и достичь прежней степени величия.

Поплыв ниже, Святослав покорил буртасов, страна которых простиралась от левого берега Волги далеко в глубь Азии.

За буртасами встретилось с ним войско хозарское, вышедшее с самим каганом защищать пределы своей земли. Но могло ли оно остановить поток гордого победителя! Произошло сражение, и хозары были разбиты наголову.

Святослав благополучно достиг устья Волги, где процветал издавна по обеим берегам ее знаменитый Итиль, еще более богатый, чем Булгар, столица хозарских каганов, славная на всем Востоке. Город был уже пуст. Жители разбежались. Святослав взял город и нашел здесь еще более добычи, чем в Булгаре.

И вот перед ними необозримое Хвалынское море. Русь пустилась по Каспийскому морю и дня через четыре или пять высадилась уже на берегах Дагестана. Там красовался Семендер (между Итилем и Дербентом, близ Тарху), со своими мечетями, синагогами,

церквями, окруженный садами и виноградниками, в которых считалось до сорока тысяч лоз. Он разделил участь Булгара и Итиля.

Святослав у подножия Кавказа! Он победил здесь ясов, обитавших в пределах Грузии, и касогов, соседних с Азовским морем.

Отсюда Святослав мог идти вверх по Дону; он взял хозарскую крепость на берегах этой реки, верстах в семидесяти от устья, Саркел или Белую Вежу, построенную для хозаров греческими мастерами от набегов печенежских, перед тем лет за сто; поднимаясь еще выше, напал на вятичей, обложил их данью и вернулся в Киев по старой дороге, которой вышел оттуда.

Страны, прилежащие к Черному и Азовскому морю, с трепетом услышали новое имя, грозившее затмить все прежние. Калокир, сын херсонского начальника, известил о нем, вероятно, императора Никифора Фоку и получил поручение пригласить могучего русского витязя на помощь империи.

Не успел отдохнуть Святослав в Киеве, как явилось к нему это посольство. Греки просили Святослава наказать болгар, навлекших на

себя гнев Никифора.

Святослава зовут на войну! Он ли откажется? Какой пир для него веселее войны? А греки предлагают ему еще тридцать пудов золота, кроме будущей добычи.

Собралось многочисленное войско, до шестидесяти тысяч человек, по свидетельству греков, и легкие ладьи понеслись по знакомому Днепровскому пути, объявились скоро на Черном море и вошли в устье Дуная.

Болгары не выдержали стремительного удара, смешались, бежали и вынуждены были запереться в Доростоле (что ныне Силистрия). Святослав пустился по Дунаю, взял семьдесят городов и обосновался в Переяславце.

Тогда-то хитрый грек, который находился беспрестанно при нем, вкрался ему в душу и стал почти братом, сообщил ему тайные свои намерения, внушенные, вероятно, его же доблестью, которой, на его глазах, ничто не могло противиться. Калокир хотел овладеть византийским престолом, переходившим тогда из рук в руки, и за помощь Святослава обещал оставить ему навсегда Болгарию, а дань

платить больше прежней.

Искатель приключений, Святослав рад был случаю пуститься на новые опасности, помериться с другими сильнейшими противниками и получить в свои руки распоряжение престолом империи. Условие заключено.

Весть о нем должна была скоро дойти до Константинополя: император поздно увидел свою ошибку, пригласив такого помощника, который стал стократ опаснее врага.

Никифор решил примириться и с прежними своими противниками, болгарами, на которых сам вызывал Святослава, надеясь теперь, их посредством, затруднить сколько-нибудь его и Калокировы действия.

Болгары, со своей стороны, рады были примириться и обещали помощь, лишь бы император отвратил секиру, висевшую над их головами. Секира была отвращена, хоть только на время, но вследствие домашних обстоятельств Святославовых.

Печенеги видели, как он мимо них прошел по Днепру со всеми своими воинами, и вознамерились воспользоваться его отсутствием и ограбить его богатую столицу. Остановить их

было некому. Печенеги подошли под самый Киев, где великая княгиня Ольга вынуждена была запереться с молодыми своими внучатами. Неприятель обступил город со всех сторон. Несколько воинов собрались было в лодках, из-за Днепра, и остановились у другого берега, но не могли ничего предпринять в пользу осажденных. Киевляне долго томились в осаде; голод и жажда уже начали грозить им гибелью, и они решились сдаться, если еще день не получат помощи. Один смелый отрок взялся сообщить это решение заднепровской дружине и счастливо выполнил опасное поручение, пройдя неприятельский стан с вопросом на печенежском языке о своем пропавшем коне. Печенеги поздно увидели ошибку, когда он поплыл по Днепру; пущенные стрелы его не достали.

«Надо спасать княгиню и княжичей во что бы то ни стало, сказал воевода Претич, услышав о намерении киевлян, а не то Святослав нас не простит. Переправимся в лодках, доставим их как-нибудь из города и умчим на нашу сторону».

Поутру переплыли они Днепр, стремитель-

но бросились на гору, закричали, затрубили в трубы. Печенег в недоумении дали им путь, киевляне откликнулись. Ольга с внуками и людьми вышла навстречу своим избавителям и благополучно достигла ладей.

Киевляне, избавившись от угрожавшей им опасности, послали тотчас гонца к Святославу звать его домой: «Ты ищешь, князь, и блюдешь чужую землю, а о своей не думаешь; нас едва не взяли печенег с матерью и детьми твоими».

«То слышав Святослав, говорит летописец, вборъзе вседе на коне с дружиною своею, и приде Киеву, целова мать свою и дети своя».

Раздраженный, он не мог оставить печенегов без наказания, собрал войско и прогнал дерзких хищников далеко в поле. Но недолго прожил он в отечестве: соскучился по любезной своей Болгарии. «Нет, сказал он матери и боярам, не любо мне жить в Киеве; я хочу жить в Переяславце на Дунае, там середина земли моей; туда все блага сходятся: от греков золото, паволоки, вина, овощи; от чехов и угор серебро и кони; из руси меха, мед, воск,

челядь».

В следующем году Святослав решил исполнить свое заветное желание и вместо себя посадил старшего сына Ярополка в Киеве, а второго, Олега, в земле Древлянской.

Тогда же пришли к нему новгородцы просить себе князя. «Если вы не пойдете к нам, говорили они, то мы найдем себе князя и в другом месте». «Но кто к вам пойдет?» отвечал Святослав. Ярополк и Олег отказались; тогда Добрыня научил их просить Владимира, племянника его, от сестры Малуши, ключницы Ольгиной. И новгородцы повели к себе Владимира, вместе с Добрынею.

Устроив так дела, Святослав оставил нашу землю на произвол обстоятельств, думая основать новое государство в Болгарии на Дунае.

Между тем, в Византии произошла новая перемена. Иоанн Цимисхий, знаменитый полководец греческий, умертвил несчастного Никифора, в заговоре с его супругой, и взшел на окровавленный престол. Со Святославом он желал обойтись пока без войны: отправил к нему посольство вручить богатые дары и

объявить, чтобы он, исполнив желание императора Никифора и получив награду, оставил Болгарию, принадлежащую империи, и возвращался благополучно в свое отечество.

«Выкупите у меня прежде все взятые мною города, отвечал Святослав, окрыленный победами и завоеваниями, выкупите ваших пленников, заплатите золотом за Болгарию, и я оставлю ее, а если не хотите, то нет вам мира».

Греки напоминали ему судьбу отца его, Игоря, который за нарушение договора был разбит на Черном море. «Мы сами придем к вам прежде вашего, отвечал Святослав, раскинем шатры свои пред воротами вашей столицы, обнесем город крепким валом, — и тогда выходите на битву. Мы покажем, что мы не малые дети, которых можно напугать угрозами, и увидим, кому достанется победа».

И немедленно, умножив свое войско болгарями и уграми, Святослав двинулся вперед и перешел Балканские горы.

Цимисхий, желавший переговорами только выиграть время, встретил здесь Святослава с многочисленным, в несколько раз боль-

шим войском. Русское войско изумились такому неожиданному множеству неприятелей и утрашилось. Святослав сказал: «Нам некуда деться! Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрадим земли Русской и ляжем здесь костьми. Мертвым срама нет, а если побежим, то не спасемся, а срам примем. Станем же крепко. Я пойду впереди! Если голова моя упадет, то промышляйте о себе». Воины воскликнули в ответ: «Где твоя голова упадет, там и наши», и бросились все на неприятеля с отчаянной решимостью. Произошла ужаснейшая битва, длилась она долго, и Святослав победил. Греки бежали.

Цимисхий не мог противиться более: ему надо было, во что бы то ни стало, не допустить Святослава до столицы. Он просил мира, осыпал его дарами, соглашался на все его требования. Святослав со своей стороны мог также желать скорого мира, потому что потери его были значительны, и у него уже неоставало сил для продолжения своих завоеваний. Он принял предложение.

Лишь только удалился Святослав, как император начал готовиться к новому реше-

тельному походу. Греки прошли Балканы и внезапно появились у Переяславца. Калокир, бывший в Переяславце, бежал к Святославу, стоявшему в Силистрии, известить его о новой войне.

Тяжело было Святославу думать о взятии Переяславца, а за ним и других болгарских городов, сдававшихся грекам, но он не думал смиряться, он надеялся еще раз победить греков и вышел навстречу Цимисхию. Уже недалеко от Силистрии сошлись соперники, и началось сражение. Победа долго оставалась нерешенной, пока, наконец, стремительный удар конницы не решил дела опять, и русь возвратилась в город.

Между тем, на Дунае показались огненные греческие суда, о которых на Руси хранилось такое страшное предание. В страхе потерять свои утлые челны порознь, русские тотчас собрали их вместе и поставили в ряд под стеной, омываемой Дунаем.

Около двух месяцев продолжалась осада. Император, не сумев справиться с русью в открытом бою, несмотря на превосходство сил, решился смирить их голодом. Войско Свято-

слава терпело крайний недостаток во всяком продовольствии, между тем как греческое жило в изобилии. Никак нельзя было выйти из города, и всякое сообщение прервалось.

Святослав решился просить мира.

Цимисхий, со своей стороны, рад был кончить войну, которая, несмотря на победы, стоила ему дорого. Он принял предложение Святослава, налагая на него обязательства: не помышлять никогда на царство Греческое, не собирать воинов, не подсылать соглядатаев, не наводить других врагов ни на страну Греческую, ни на страны, ей подвластные. Если другой какой неприятель явится против греков, то русский князь обязан помогать им.

Как ни тягостны были условия, но Святослав должен был согласиться на все и объявил о том дружине.

Святославу захотелось еще раз увидеть своего врага, который остановил его на пути побед, заставил испытать много нужды и горя, и, наконец, уступить... Император Цимисхий согласился, и в позолоченных доспехах вышел на берег Дуная, сопровождаемый многочисленным отрядом всадников, в блестя-

цем вооружении. Святослав приплыл к нему по реке в простой лодке, гребя веслом наравне с прочими гребцами.

Греки описали нам наружность своего страшного врага: роста он был среднего, собою строен, с голубыми глазами, носом плоским, бороду он брил, усы лежали на верхней губе длинными прядями. Голова у него была почти голая, и только на одной стороне висел пук волос, означавший благородство. Шея толстая, плечи широкие. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посередине. Одежда на нем была белая и почти не отличалась от других, кроме чистоты. Сидя на лавке в ладье, мрачный и угрюмый, говорил он с императором. Свидание продолжалось недолго, и они расстались.

Немедля выдал Святослав грекам пленных, очистил Силистрию и отправился с печалью в сердце на родину, которую хотел было оставить навсегда, — и Русское царство на берегах Дуная не основалось: зерно его понеслось назад, к северу, в родимую почву.

Печенеги уже дожидались его у порогов,

предупрежденные болгарами или самими греками о его возвращении с богатой добычей и малой дружиной. Князь их Куря напал на малочисленную дружину, разбил ее, — и сам Святослав погиб. Печенеги взяли его голову, оковали череп и сделали чашу, из которой после пили, поминая храброго врага.

Великий князь Ярополк. 972–980

Трое молодых сыновей Святослава правили на Руси. Старший, Ярополк, принявший теперь достоинство великого князя, в Киеве; второй, Олег, у древлян; младший, Владимир, в Новгороде. Мудрено им было не поссориться, когда страсти кипели в груди у всех одинаково, руки порывались на битву, все хотели повелевать, и никто не думал повиняться.

Война началась между старшими. Ярополк пошел на Олега, под Овручем случилось сражение, первое междоусобное на Руси (976). Олег был разбит и принужден бежать.

Победитель вслед за ним вошел в город и послал искать брата, но его никак не могли найти, пока один древлянин не сказал, что видел накануне, как он, теснимый толпой на

мосту, упал в гроблю (ров). Начали вытаскивать трупы из гробли, и уже около полудня нашли тело Олегово.

Владимир, третий брат, услышав о его смерти, испугался и бежал за море, к верному пристанищу у единокровных норманнов, а Ярополк прислал своих посадников в Новгород, «и бе един володея в Руси».

Долго жил Владимир у норманнов, собирая себе вспомогательную рать, и уже на четвертый год возвратился в Русь, сопровождаемый полками. Он выслал посадников Ярополковых из Новгорода и велел им сказать своему государю: «Владимир идет на тебя, выходи биться». Прежде, однако же, он пошел на Рогвольда, владевшего в Полоцке, чья дочь оскорбила его отказом выйти за него замуж. Добрыня, дядя Владимира, посылал к нему отроков просить его дочери в супружество за своего племянника. Гордая норманнка отвечала: «Не хочу разуть робичича (сына рабыни); я хочу Ярополка». Посланные принесли в Новгород этот унижительный ответ; Владимир, и еще более Добрыня, воспылали гневом. С готовыми воинами пошли они теперь

В Полоцк, Рогвольд был побежден и пленен вместе с женой, сыновьями и дочерью.

«Робичица», закричал ей, ругаясь, Добрыня, как увидел ее, и велел Владимиру быть с нею перед отцом и матерью. Отца, мать и братьев Владимир потом убил, а ее взял женой, и была она прозвана Гориславою.

Из Полоцка Владимир пошел к Киеву. Брат не мог выйти против и заперся в городе. Владимир послал к Блуду, воеводе Ярополка, склонять его на свою сторону. Блуд согласился. Он убедил Ярополка оставить Киев под тем предлогом, что киевляне будто бы пересылаются с Владимиром, зовут его к себе и хотят предать своего князя. Ярополк ушел на устье Реи, в город Родню, а Владимир занял Киев, и воины его осадили брата в Родне. Осажденные скоро были доведены до крайности, и долго на Руси слышалась пословица: беда, как в Родне. Тогда Блуд сказал Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата, нам их не перебороть, заключи скорее мир с ним». Владимира же послал он предупредить, что ведет к нему Ярополка, и чтобы тот приготавливался убить его.

Владимир с дружиной ожидал брата на теремном дворе. «Иди теперь, посылай его Блуд, и скажи ему, что ты будешь доволен всем, что бы он ни дал тебе». «Не ходи, князь, удерживал его верный слуга Варяжко, убьют тебя. Беги лучше к печенегам и приведи войско». Ярополк не послушал его, и лишь только отворил дверь, которую Блуд тотчас затворил, не пуская за нее его воинов, как два варяга подняли его мечами под пазухи и убили.

Великий князь Владимир. 980–1015

Владимир стал единственным государем. Утвердившись на столе киевском, Владимир начал ходить ежегодно в походы, подобно своим предшественникам. На первый год (981) пошел он к западу и взял города Перемышль и Червень (Галицию). В том же году ходил он на вятичей и наложил на них дань от плуга, как брал его отец.

На второй год (982) воевал он снова с вятичами, которые заратились, и победил их опять.

На третий год (983) овладел он отдаленной землей ятвягов, потомков сарматских, между

Литвой и Польшей.

Столько успешных походов и побед требовали благодарности и жертвы богам. Еще в первые годы своего княжения поставил он в Киеве (а Добрыня в Новгороде) кумиры их на холме, за двором теремным: Перуна деревянного с головою серебряною и усом золотым, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша, пред которыми приводились юноши и девы, совершались жертвы, и осквернялась кровью земля Русская, как вспоминал после с негодованием набожный летописец.

Владимир ходил еще (984) на радимичей, которых победил на реке Пищане посланный им вперед воевода, прозванием Волчий Хвост. Радимичи принуждены были давать дань в Киев и давали ее еще при Несторе.

Потом ходил он (985) в ладьях вместе с дядей своим Добрыней, на волжских болгар, отдохнувших после разгрома Святославова, во время войн его на Дунае и усобицы между его сыновьями.

После всякого такого похода возвращался Владимир в Киев, обремененный добычей, и начинался у него пир с удалой дружиной. На

пирах Владимира раздавались веселые песни, играли гусли; турий рог, наполненный вином, обходил гостей; вещие бояны возлагали руки на живые струны, и струны сами славу князьям рокотали, — Олегу и Игорю, Ольге и Святославу, и самому ласковому князю Владимиру.

Могучие витязи его также живут до сих пор в памяти народной: Илья Муромец, Аляша Попович, Чурила Пленкович, Добрыня Никитич и прочие.

Но еще больше вина, пиров, веселья и войны любил Владимир женщин: он побежден был похотью женскою, говорит летописец, и «беша ему водимыя»: Рогнеда, от которой он имел четырех сыновей — Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей.

Другая жена его была болгарка, от которой имел он Бориса и Глеба. Одна чешка родила ему Вышеслава, другая Святослава и Мстислава. Жена Ярополкова, гречанка, приведенная его брату еще отцом Святославом, ради красоты лица ее, взята им была к себе беременная и родила Святополка. «От греховнаго бо корени, замечает Нестор, зол плод бывает». На-

ложниц жило у него двести в Вышегороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, где после было сельцо Берестовое: «и бе не сыть блуда, заключает Нестор, женолюбец, яко же и Соломон. Но Соломон мудр бе, и наконец погибе; се же бе невеголос, а наконец обрете спасение».

Летописец обращает этими словами внимание на принятие Владимиром христианской веры, о чем передано им (986) следующее повествование.

Соседние народы, которым русский князь стал еще страшнее своих предшественников победами, завоеваниями, счастьем, старались привлечь его на свою сторону и войти с ним в союз. Вера казалась им, и очень справедливо, лучшим для того средством. У хозар господствовал закон Моисеев; волжские болгары были магометане; греки хотели обратить Владимира к христианству Восточной церкви; немцы, к которым послала посольства Ольга, и даже Ярополк, предлагали исповедание римское.

Прежде всех пришли болгары, только что заключившие договор. «Ты князь мудрый и

смышленный, сказали они, а закона не знаешь. Прими закон наш, и поклонись Бохмиту». Владимир спросил: «В чем состоит закон ваш?» «Веровать в Бога, — и еще учит нас Бохмит обрезать, свинины не есть, вина не пить; зато по смерти даст он всякому правоверному по семидесяти жен красных, и на одну из них возложит красоту всех семидесяти, и та будет ему женою». — Владимир слушал это с большим удовольствием, потому что любил жен, но обрезание было ему противно, отвержение мяса свиного также не нравилось, а всего более запрещение вина. «Нет, отвечал он, Руси есть веселие — пити; мы не можем быть без того».

Посланные от папы немцы говорили: «Земля твоя, как и земля наша, а вера твоя не как вера наша. Наша вера свет есть. Мы кланяемся Богу, иже сотворил небо и землю, и всякое дыханье, а ваши боги древо». Владимир спросил: «Какая же у вас заповедь?» — «Поститься по силе, отвечали они, кто ест и пьет, все во славу Божью...» «Нет, прервал Владимир, возвращайтесь домой: отцы наши не знали с вами».

Пришли жидаы хозарские и сказали: «Мы слышали, что были у тебя болгары и христиане учить тебя вере своей — мы распяли того, в кого христиане веруют, а мы знаем единого Бога Авраамова, Исаакова, Иакова». «Где земля ваша?» спросил Владимир. «В Иерусалиме. Но Бог разгневался на нас за грехи наши и расточил по странам чуждым». «Так как же беретесь вы учить других, сами отверженные Богом и рассеянные? Если бы Бог любил вас и закон ваш, так не расточил бы вас по странам чуждым. Хотите вы, чтоб и с нами было то же?»

Наконец, греки прислали к Владимиру своего учителя, который растолковал ему, в чем состоят заблуждения всех этих исповеданий.

Учитель развернул перед Владимиром картину, изображающую Страшный суд, и указал ему праведников, идущих в рай, и на другой стороне грешников, посланных в ад.

С тяжелым вздохом, в глубоком размышлении, сказал Владимир, рассматривая картину: «Счастливы праведные, горе грешникам». «Крестись, прервал учитель, если хочешь стать с праведными». Владимир отвечал:

«Дай мне время», — и, осыпав грека дарами, отпустил с честью.

Причина медлительности его была следующая: он должен был знать мнение своей дружины, бояр и старцев, без которых не мог решать ничего. Он созвал их и сообщил предложения болгар, жидов и немцев, которые все хвалили законы свои.

Бояре и старцы отвечали: «Ты знаешь, князь, что своего никто хулить не станет, но хвалит всегда. Если хочешь узнать истину, то у тебя есть мужи, — пошли их испытать, как кто служит Богу».

Совет этот понравился князю и всем людям. Избранные мужи, добрые и смышленные, числом десять, обошли все страны, были у болгар, потом у немцев и, наконец, пришли к грекам.

Император, узнав о цели их прибытия в Константинополь, повелел показать богослужение во всей красоте. Патриарх облачился в святительские ризы; светильники пылали в храме Святой Софии; кадила благовонные дымились, согласные лики славословили Господа. Послов поставили на возвышенном месте,

показывали им всю красоту церковную и объясняли значение всех действий. Они были в изумлении, дивились и не находили слов для выражения своих чувств.

Когда они возвратились в Киев, Владимир велел им рассказать о виденном перед дружиною, боярами и старцами. Они начали: «У болгар закон нехорош. Поклонившись, садятся и поворачиваются по сторонам как бешеные. Радости нет никакой, а только печаль. Немцы служат в храмах долго, но без красоты. А когда греки привели нас туда, где они поклоняются своему Богу, то мы не узнали, на земле ли мы были или на небе. Нигде нет такого вида и такой красоты, которых рассказать мы не умеем; уверены только, что здесь пребывает Бог с людьми, и служба их краше всех стран. Всякий человек, вкусив сладкое, не примет горечи, так и мы...»

Бояре, выслушав повествование, сказали: «В самом деле, если бы греческий закон не был лучше всех, то бабка твоя Ольга не приняла бы его: она была ведь мудрее всех людей».

В следующем году Владимир пошел на

Корсунь, греческий город, и осадил его. Взяв город, Владимир тотчас послал послов к греческим императорам, Василию и Константину, требовать сестры их, царевны Анны, себе в супружество, грозя в случае отказа взять Константинополь, как теперь взял Корсунь. Император изъявил свое согласие с условием, чтобы он принял христианскую веру: иначе христианке нельзя сочетаться узами брака с язычником. «Я готов креститься, отвечал Владимир, потому что люба мне вера ваша, и посланные мои, испытав, одобрили ее, присылайте сестру вашу с людьми, которые окрестят меня».

Епископ корсунский со священниками, прибывшими с царевною из Константинополя, огласив Владимира и передав ему символ веры, совершил над ним таинство святого крещения, в церкви Святого Василия, стоявшей посреди торговой площади. По совершении крещения совершен был брак.

Лишь только возвратился Владимир в Киев, как и велел ниспровергнуть кумиры, одни сжечь, другие истребить, а главного, Перуна, привязать к конскому хвосту и волочить с го-

ры по Боричеву взвозу на ручей, с ручья же в Днепр. Неверные люди плакали, провожая кумир, пущенный по реке. Князь приставил двенадцать человек отталкивать его от берега, пока не пройдет пороги. За порогами выбросило кумир на берег, и то песчаное место долго называлось в народе Перуновой релью.

На другой день велел Владимир созвать жителей всего города к реке, говоря: «Если кто не окажется на реке, богатый или убогий, нищий, работник, тот будет мне противен». Люди собрались с радостью, толкуя про себя: «Если бы это было нехорошо, то князь и бояре не сделали бы того».

Поутру вышел Владимир на Днепр с попами царицыными и корсунскими, с сыновьями и боярами. Народу множество, без числа, толпилось на берегу, — и начался торжественный обряд крещения.

Владимир велел строить церкви по всем тем местам, где стояли идолы. На Перуновом холме, куда приходили князь и люди творить требы богам, поставлен был храм Святого Василия, имя которого получил он при крещении. Тогда же и по прочим городам и селам

начали приводить людей на крещение и ставить церкви: рассылались священники, дети отдавались в ученье книжное.

Так крестился Владимир и сыновья его, и вся почти земля Русская, мирно, беспрекословно, в духе кротости и послушания.

Владимир, пожив некоторое время в законе христианском, пожелал создать великолепную церковь, подобную той, какую видел в Корсуне. Шесть лет мастерами греческими строилась церковь, основание которой, скрытое в земле, удивляет до сих пор своим странством и соразмерностью. Владимир отдал в нее все, что привез из Корсуна — иконы, сосуды, кресты, и поручил ее Анастасу Корсунянину, приставив попов корсунских, определил ей десятую часть от всего имения и всех городов своих. Освящение церкви было совершено с великим торжеством.

Греция, и еще более соседняя, единоплеменная Болгария, уже давно просвещенная христианским учением, имевшая многих знаменитых учителей, преемников святых Кирилла и Мефодия, доставляли нам первых священников, пылавших огнем обращения,

как бывало везде с первыми христианами. Они принесли с собой священные книги, Евангелие, Апостол, литургию, писания отцов церкви на родном языке.

Владимир как будто переродился и начал иную жизнь. Жестокосердый, сладострастный, кровожадный, преданный пьянству, он стал умерен, воздержан, кроток, человеколюбив. Он приказывал всем нищим и убогим приходить на двор княжий и брать себе все, что нужно, пищу и питье, одежду и куны из скотниц. Распорядясь так, он все еще был недоволен, ибо больные и немощные не могут, говорил он, дойти до моего двора. Что же он сделал? Он велел пристроить возы, накладывать на них хлеба, мяса, рыбы, всяких овощей, квасы и меды в бочонках и возить по городу. Из улицы в улицу разъезжали его слуги и спрашивали: «Где больные и нищие, не могущие ходить», — и раздавали всем, кому что надо.

Точно так же, получив понятие из Священного Писания о драгоценности человеческой жизни, он не хотел казнить смертью даже разбойников.

И бранный дух Владимира, кажется, угас. В продолжение двадцати пяти лет остальной его жизни летопись упоминает в двух словах об одном походе его на хорватов (в 993 году), вероятно, по какой-нибудь особой причине; он жил в мире со всеми соседними государями: с Болеславом, королем ляхским, Андреем чешским, Стефаном угорским.

Только с печенегами война была беспре- станно. Владимир, лишь только водворился в Киеве, как начал принимать против них ме- ры и поставил множество городов по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, населил их му- жами лучшими от словен, кривичей, чуди и вятичей, чтобы преграждать их набеги до Ки- ева; иногда принужден он бывал ходить в Новгород, чтобы нанимать оттуда верховных воинов, то есть норманнов.

Сыновья его княжили в уделах, розданных им очень рано, под наблюдением кормиль- цев, и платили урочную дань отцу: Ярослав в Новгороде, Святополк в Турове, Борис в Росто- ве, Глеб в Муроме, Святослав в Деревях, Всево- лод во Владимире, Мстислав в Тмуторакани...

В последний год своей жизни (1013) Влади-

мир был огорчен слушанием сына Ярослава, который, понадеясь на силу новгородскую и помощь варягов или на старость отца и свое отдаление от него, не хотел платить двух тысяч гривен, что новгородские посадники платили уроком киевскому князю, раздавая тысячу гривен в Новгороде. Владимир рассердился. «Готовьте путь, мостите мосты», воскликнул старый князь, собираясь сам идти на войну, но силы ему изменили, он занемог. Между тем, пришло известие с другой стороны, что идут печенеги. Владимир должен был пока оставить без наказания дерзкого сына и послать свою дружину против печенегов с любимым сыном Борисом, который находился тогда в Киеве. Он уже не смог дожждаться их возвращения: 13 июля 1013 года он скончался в любимом сельце Берестовом, лет шестидесяти с лишком от рождения.

Великий князь Святополк. 1013–1019

Во время кончины великого князя Владимира Святополку, его усыновленному племяннику, случилось быть в Киеве. Имея право на стол великокняжеский, как сын старшего брата Владимира, Ярополка, он остался в Киеве, созвал киевлян и начал оделять их дарами. Те принимали дары неохотно: сердце их было с братьями в дружине Борисовой. Святополк должен был опасаться, чтобы этот любимый князь, имея с собою сильную рать, не лишил его отчины, согласно с желанием людей и бояр. Может быть, говорил в нем и тайный голос мести за отца Ярополка, убитого Владимиром. Как бы то ни было, он решил погубить Бориса и ночью, тайно, ушел в Вышгород.

Борис, не найдя нигде печенегов, возвращался со своими воинами, когда пришла к нему весть о смерти отца. Воины пришли к нему: «Спеши в Киев и садись на столе отца». «Нет, не могу я поднять руки на брата старшего, отвечал Борис. Он должен быть мне вместо отца». Такой смиренный ответ не мог по-

нравиться дружине, любившей власть, богатство и войну. От робкого все ушли к смелому, и Борис остался с одними отроками.

Приходит другое известие: хотят погубить тебя. Борис, вероятно, христианин с младенчества, воспитанный в правилах евангельского учения матерью болгаркой, не думал о сопротивлении, которое, за уходом дружины, становилось даже бесполезным, а только о приготовлении к христианской кончине. Помясь, он лег на ложе. Убийцы, как дикие звери, ворвались в шатер и пронзили копьями его и любимого отрока Георгия.

Святополк мог ожидать мести от родного Борисова брата, по отцу и матери, Глеба, князя муромского. Надо было известить и его, для предупреждения опасности. Он послал звать Глеба, якобы к занемогшему отцу. Глеб, «сидя в борзе на коня», пошел с малой дружиной, «бе бо послушлив отцю». В пути дошло до него известие от Ярослава, что отец их умер, что брат Борис убит Святополком и что он не должен идти в Киев. Глеб облился горячими слезами, и по отцу, и особенно по брату, с которым связан был узами крови, и от которого,

по старшинству, получал продолжение материнских наставлений о высокой христианской добродетели. «Увы мне, Господи, говорил он, как передает летописец, лучше умереть мне с братом любимым, нежели остаться одному на этом суетном свете!»

Посланцы Святополка плыли по Днепру, окружили корабль Глеба и обнажили мечи. Отроки его оробели. Начальник убийц, Горысер, закричал им, чтоб они убили своего князя. Повар Глеба, именем или родом Торчин, вынул тотчас нож и зарезал его.

Святополк послал убить еще третьего брата, Святослава древлянского, который бежал было в угры, но был настигнут в горах, и начал княжить в Киеве, раздавая людям куны и всякое богатство.

Между тем как эти происшествия следовали одно за другим в Киеве, в Новгороде Ярослав, находившийся в коротких связях с норманнами и желавший утвердить их еще более, вступил в супружество с Ингигердой, дочерью Олава, короля шведского (1019).

Норманны, призванные Ярославом на помощь против отца, наглые и буйные, остав-

шись у него на службе, причиняли насилие новгородцам и женам их. Те не могли долго сносить обид, встали и избili их на дворе Парамоне. Ярослав озлобился: он ждал спасения только от своих воинственных наемников и должен был даже отвечать некоторым образом за их гибель перед всеми их единоплеменниками. Затаив гнев, он уехал на Ракому, в загородное свое село, на берегу Волхова, и лестью призвал к себе главных новгородцев, которые иссекли норманнов. Новгородцы пришли и были все преданы смерти.

В эту самую ночь получает он известие от сестры Передславы из Киева: «Отец наш умер, Святополк занял его стол, велел убить Бориса и послал на Глеба; берегись его и ты!»

Что было делать Ярославу! Без новгородцев он не мог теперь успеть ни в чем, а надеяться на них было нельзя, после такой вероломной над ними казни. Дорого бы он дал, чтобы не спешить со своей мезтью. Крепя сердце, поутру он созвал остальных новгородцев и, плачущий, сказал им: «О любя моя дружина, что вчера избил я, а ныне надобна». «Ты избил нашу браться, отвечали они, но мы

поможем тебе». Вероятно, они надеялись на добро от Святополка еще менее, чем от Ярослава.

Святополк выступил навстречу к новгородскому князю с русью и печенегам. Противники сошлись на Днепре у Любеча и остановились на берегах друг против друга. Долго не решался начать никто. Святополк, стоявший на берегу между двумя озерами, не думая вовсе о сражении, пил со своей дружиной. Перед рассветом Ярослав поднял полки и переправился. Выйдя на берег, новгородцы оттолкнули лодки, чтобы нельзя было воротиться. Началась злая сеча. Ярослав начал одолевать, и Святополк бежал к ляхам, к тестю своему, Болеславу Храброму, королю польскому, а Ярослав занял Киев и сел на столе отца и деда.

Болеслав, король польский, справедливо прозванный Храбрым, ужас своих соседей, пошел в следующем году на киевского князя. Ярослав был застигнут врасплох, совершенно разбит, лишился даже всякой надежды бороться и бежал в Новгород.

Король польский собирался, по-видимому,

оставаться в Киеве дольше, чем желал Святополк; может быть, он думал даже иметь в зяте подвластного себе данника и покорить Киев владычеству Польши. Святополку не хотелось уступить власти кому бы то ни было: он велел жителям убивать тайно воинов польских, разведенных по городам на корм. Ляхов избили много, так что Болеслав должен был опасаться и за себя. Оставаться долее во враждебной земле ему было нельзя; он поспешил удалиться.

Святополк успел освободиться от нечаянного своего врага-благодетеля, но другой уже шел на него. Не с чем было встречать ему Ярослава, и он бежал к печенегам, а князь новгородский опять занял Киев.

Уже на другой год (1019), собрав многочисленное войско, явился Святополк с наемными печенегами. На реке Альте, там, где погиб несчастный Борис, противники сошлись. Все поле было покрыто воинами. Три раза сходились противники, наконец, к вечеру одолел Ярослав.

Святополк должен был искать спасения в бегстве, но он не мог сидеть на коне от слабо-

сти. Его положили на носилки и понесли. Ему все казалось, что за ним гонятся, и он беспрестанно оборачивался назад, погоняя своих воинов. Лишь только те останавливались где-нибудь, как он высылал их осведомляться: «Посмотрите, не гонятся ли за нами». Отроки возвращались с ответом, что погони никакой не было, но больной вскакивал и кричал опять: «Гонятся, побежим!» — и воины должны были с ним спешить дальше и дальше. Так достигли они Бреста, города Туровского княжества. Святополк не успокаивался и никак не мог оставаться на одном месте. Ему все чудилась погоня. «Несите дальше, дальше!» Они пробежали Лядскую землю, говорит Нестор, и там, где-то за нею, Святополк «зле изверже живот свой».

Великий князь Ярослав. 1019–1034

Ярослав мстил Святополку за смерть своих братьев, но было, за что мстить и ему. Полоцкий князь Брячислав, сын Изяслава, внук славной Рогнеды, унаследовал ее кровную ненависть к потомству разлюбившего ее мужа.

Брячислав напал на Новгород, пленил многих жителей и захватил богатую добычу. Ярослав догнал полоцкого князя на обратном его пути около реки Судомы и победил, однако же дал ему в придачу к прежней волости Витебск и Усвят (1021).

Вскоре за этой войной Ярослав должен был защищаться от брата своего Мстислава, князя тмутораканского, который, один из всех сыновей Владимира, еще оставался в живых, кроме Судислава, княжившего, вероятно, в Пскове.

Мстислав пошел на Киев, взяв с собою хозар и касогов (1023). Киевляне не пустили его, однако же, к себе, хотя Ярослава не было тогда дома: он уезжал в Новгород, а оттуда должен был отправиться в Суздальскую землю.

Чтоб отбиться от своего нового врага, Ярослав должен был возвратиться в Новгород и искать помощи там, где находил ее отец его и прочие князья, во всяком случае нужды, — у норманнов. Ждать долго они себя не заставляли, было бы готово золото, серебро и паволоки за их ратную службу. Снарядившись, пошли они на Мстислава, который встретил их у Листвена, недалеко от Чернигова. С вечера исполнил он дружину, поставив северян в середине против варягов, а сам с нею по крыльям. Северяне сошлись с варягами, но где же было им устоять против опытной в боях руки норманнского племени! Ярославовы варяги одолевали и «трудишася, секуще север», говорит летописец, но подоспел сам Мстислав с дружиной своей, навалился на варягов и сломил их полк. Ярослав увидел, что берет не его сила, и бежал.

Однако же Мстислав не хотел низложить Ярослава совершенно: он послал звать его, как старшего брата, в Киев, «а мне буди сия сторона». Но Ярослав не смел ему верить и прислал в Киев только мужей своих, а сам, только через три года, со вновь набранными

воинами, появился в своей столице. Под Городцом братья разделили Русскую землю, назначив границей между собою Днепр (1026), «и начаста жити мирно, в братолюбстве, и уста усобица и мятеж, и бысть тишина велика в земли года три».

На четвертый год Ярослав начал продолжение походов на соседние племена, пошел воевать дальше и дальше.

В 1031 году ходил он вместе с Мстиславом на Польшу, которая только что лишилась своего славного Болеслава и раздиралась междоусобиями. Этот поход был последним для храброго Мстислава. Выйдя на охоту, он разнемогся и умер, вскоре после единственного своего сына Евстафия, и вся власть его досталась Ярославу, который сделался, как Владимир, самовластцем почти всей Русской земли (1036).

Новгород отдал он тогда сыну Владимиру, которому исполнилось 16 лет. Тогда же, вероятно, раздал он города и прочим сыновьям, а брата Судислава, оклеветанного, засадил в темницу в Пскове (1036), где он и оставался во все продолжение Ярославовой жизни.

В отсутствие его печенеги опять набежали на Киев. При первом известии Ярослав собрал войско, словен и варягов, и поплыл на помощь к своей столице. За городом произошло кровопролитное сражение, и только к вечеру одолел киевский князь. На месте сражения в следующем году (1037) заложил Ярослав великую церковь Святой Софии, наподобие константинопольской, а Киев обвел каменной стеной, для защиты от вражеских набегов, с Золотыми воротами, ветхие останки которых видны еще и теперь.

В 1043 году отправил Ярослав сына, снарядив многочисленное войско, на Царьград, к старинной любимой цели русских князей, оставленной в покое после принятия христианской веры и начавшегося родства с греческими императорами. Молодому Владимиру, пылкому и храброму юноше, захотелось, видно, отличиться в предприятии славном, на войне опасной и выгодной.

Возглавить поход Ярослав поручил Вышате. В легких однодеревках поплыли витязи под Царьград по знакомому пути. Император Мономах, узнав о несущейся на него грозе,

тотчас послал послов навстречу Владимиру, просить, чтобы он отложил оружие и не нарушал долговременного мира. Владимир, которому хотелось войны во что бы то ни стало, осрамил послов и отпустил назад с высокомерным ответом. Константин должен был готовиться к обороне.

Русь уже подплыла к самому проливу и остановилась у Фара. Противники выстроились, но никто не хотел начинать сражения. Император перед вечером отправил вторичное посольство с предложением о мире. Владимир опять принял послов с презрением и потребовал по три фунта золота на всякого своего воина, чего и в половину не получил сам вещий Олег. Такого нелепого требования греки, разумеется, исполнить не могли и решились сразиться. На другой день отправили они три галеры ударить на неприятеля и вызвать его в открытое море. Начальнику их удалось проникнуть в середину русских судов и пустить греческий огонь; семь ладей он сжег, одну пленил, одну затопил. Русь снялась с якорей, выплыла на простор, как вдруг, ей на беду, подул ужасный восточный ветер.

Поднялась буря. Море взволновалось, и все ладьи русские разметало: одни, опрокинутые, пошли ко дну, другие выброшены были на берег, иные унесены в открытое море. Княжеский корабль был потоплен, так что Владимира едва спас воевода Ярослав Иван Творирич, приняв его к себе на корабль. На берегу собралось руси до шести тысяч, которым ничего не оставалось делать, как возвращаться сухим путем.

Император, довольный успехом, удалился в город, оставив у Фара суда для преследования неприятеля. Русь после бури собралась в пристани, образуемой двумя мысами. Греки проплыли мимо, и Владимир, увидев их малое число, выслал несколько людей, чтобы пресечь им обратный путь. Гребя изо всех сил, другие русские пловцы успели окружить их со всех сторон. Грекам надо было сразиться, и Владимир разбил их совершенно, в утешение себе за вчерашнюю беду. Четыре судна взял он в плен, и даже то, на котором находился начальник ополчения. Прочие греческие суда сели на мель или разбились о подводные камни. Однако же Владимир, потеряв

много судов и людей накануне, не мог исполнить своего намерения напасть на Константинополь и должен был удалиться, хотя и со многими пленными.

Это был последний греческий поход норманнских русских витязей, которые, в продолжение двухсот лет, чудесами своей отваги, предприимчивости и храбрости, приводили в трепет знаменитую столицу Восточной Империи.

С каждым годом усиливался и прославлялся Ярослав более и более. Под конец его жизни пределы унаследованной им от отцов Руси распространились до Черного и Балтийского морей, до Уральских, Карпатских и Кавказских гор, до внутренней Польши. Вот как широко и далеко очертилась норманнами окружность Русского государства!

Всех своих сыновей Ярослав переженил на иностранных княжнах, а дочерей выдал замуж за королей и принцев и вступил в родство со многими европейскими государями.

Ярослав пировал, воевал с соседями, пленял и убивал, — и в то же время строил церкви, учреждал монастыри, покровительство-

вал черноризцам, любил читать и слушать душеспасительные книги.

Ярославу принадлежит первое оглашение русских законов, которое он, «списав», дал первоначально новгородцам, отпуская их с благодарностью из-под Киева, с их помощью приобретенного, и сказал: «По сей грамоте ходите, якоже писах вам, такоже держите».

Эта Русская Правда, явственная и в договорах с греками под именем закона Русского, распространилась и по всей его державе. Норманнская в своем основании, она подверглась в продолжение двухсот лет до Ярослава влиянию славянскому и потом несколько христианскому.

Вот весь круг первоначальных отношений между русскими людьми ее времени: убийство и право мести за оное, побои и пеня, укрывательство холопов, кража, порча оружия, со свидетелями, поручителями и судом 12 целовальников.

К 1051 году принадлежит многознаменательное действие Ярославово: без всякого сношения с Византией, откуда мы получили пастырей, он назначил киевским митрополи-

том Илариона, который и был посвящен епископами в соборе Святой Софии. Так с самого начала власть духовенства стала у нас в подчинении власти правительства, сохраняя свое верховное право только в деле веры и ее учения.

Ярослав, в глубокой старости, на восьмом десятке, дождавшись многих внуков, между которыми последним был Мономах, сын Всеволода от греческой царевны, скончался в Киеве, на Федорову субботу, февраля 19 числа, 1051 года.

Княжением Ярослава оканчивается первый период Русской Истории, который по всей справедливости можно называть Варяжским или Норманнским. Князья, сохраняя чистый норманнский характер, подновляемый брачными союзами, ходили войною во все стороны, на восток и запад, юг и север, и облагали данью соседние племена, близкие и дальние, расширяя пределы своих владений и вводя везде норманнские порядки.

Любимой целью их бранных набегов был Константинополь, плативший Руси почти постоянную дань.

Рассматривая описанные события, мы постараемся теперь извлечь их смысл и понять, как возникало, развивалось и образовалось ими государство Русское.

Образование государства

И государства, как все существа в мире, начинаются неприметными точками. Долго-долго, в сильное увеличительное стекло, надо смотреть на безобразную, разнородную грудку земли, людей и их действий, на этот человеческий хаос, чтобы, наконец, поймать в нем трепещущую точку, поймать, вонзиться взорами и уже не выпускать потом ни на минуту из виду; с напряженным вниманием подмечать ее тихое, медленное, постепенное увеличение, все эпохи, или, лучше, моменты развития, пока, наконец, через много-много лет, много времени, точка эта обозначится, забьется жизнью, установится на своем месте, оденется плотью, обретет лицо, укрепится костями и начнет действовать.

Рюрик был призван новгородцами.

Это происшествие принадлежит одному Новгороду, и то ненадолго: после того как

преемник Рюриков оставил Новгород, оно оторвалось, если можно так выразиться, от последующей Истории; все дела пришли в первобытное положение, то есть новгородцы стали жить сами по себе и платить дань за морским варягам, как прежде, и ушедшим варягам-руси, которым посчастливилось утвердиться в Киеве.

Следовательно, такое совершенно отдельное происшествие нельзя назвать безусловно началом Русского Государства, еще менее, нежели современное утверждение Аскольда и Дира в Киеве. Это только прибытие, начало водворения норманнов между нашими славянскими племенами, временный военный постой в одном городе.

Почему же этим происшествием начинают Русскую Историю? Не имеет ли оно, по крайней мере, какой-нибудь доли в основании государства? Не соединяется ли чем-нибудь с последующими событиями? Нет ли какого перешейка, моста, между этим островом и твердой землей?

Главное, существенное в этом происшествии, относительно к происхождению Рус-

ского государства, есть не Новгород, а лицо Рюрика, как родоначальника династии. Началось преемство, стало за кем следовать, хотя еще и в пустом пространстве. Вот почему это происшествие бессмертно в Русской Истории! Воздадим честь и Новгороду, старшему сыну России (рожденному, впрочем, прежде матери), за призвание князя, роду которого предназначено было основать впоследствии величайшее государство в мире.

Младенец Рюриков, Игорь, с его дружиной, есть единственный плод норманнского призвания в Новгород, единственный ингредиент в составлении государства, тонкая нить, которой оно соединяется с последующими происшествиями. Все прочее прошло, не оставив следа. Если бы не было Игоря, то об этом северном новгородском эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в Русской Истории, или только мимоходом.

Таким неприметным атомом, относительно к формации, началось государство, зародышем, который именно едва можно поймать микроскопом исторических соображений.

Олег, удалой норманн, соскучился в Новгороде, или принужден был оставить его; пошел, с младенцем Игорем, куда глаза глядят. Случай, прихоть, нужда! Он пошел точно, куда глаза глядят, ибо поселиться в Киеве он сначала не мог думать: там жили его земляки, Аскольд и Дир, и жили уже 20 лет, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобы эти бранные, как он, витязи согласились уступить ему добровольно богатое место.

Олегу посчастливилось овладеть Киевом. Он умертвил владельцев киевских, а мирные жители приняли его без сопротивления. Поселение Олега в Киеве было так же мирно, как и Рюриково в Новгороде, чем и определялся характер их взаимных отношений к жителям.

Владея Киевом и его областью, Олег в благоприятных обстоятельствах удержал право Рюриковых даней и распространил их, обложив новые племена. За данью, однако же, надо было всегда ходить специально — оброк непостоянный, первая легкая форма подданства.

Киев, с выражением Олега: «Се буди мати градом Русским», и временная дань с некоторых племен, — вот состояние зародыша, форма государства, оставленного преемником Рюрика.

Ленивый Игорь потерял было дань, перестав ходить за ней, и племена, пользуясь благоприятным случаем, отлагались. К счастью, вдова Игоря, Ольга, имела характер мужской: она устроила все дела и, мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее в большую зависимость; она же установила некоторые дани на севере.

У Игоря был также один сын, как у Рюрика, Святослав, к счастью молодой руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели разделиться, которой необходимо было раскинуться, хоть слегка, из одного центра, а не многих: одно семя должно было пока развиваться, одно государство расти, а не многие равносильные возникнуть вдруг. Рано было начинаться удельным княжествам: если бы у первых князей было по многу детей, то они, поссорясь тотчас между собою (неизбежный случай), воспрепятствова-

ли бы развитию, не укрепившись, ослабли бы, и не успели бы захватить столько посторонних земель, кои могли отойти в состав других государств.

Святослав, храбрый, твердый, воинственный, возмужав, взял и, следовательно, стал брать дань с новых племен и смирил прежние, которые беспрестанно пытались отклавываться.

До сих пор было по одному князю, и у этого одного князя бывало во владении по одному городу, из которого уже он ходил, по своему усмотрению, брать дань с разных племен, ближних и дальних. Теперь являются три князя, три брата, сыновья Святослава.

Олег так княжил на Волыни, а Владимир в Новгороде, как Ярополк в Киеве.

Были ли разделены дани между братьями? Вероятно, сначала каждому предоставлялось ходить в свою сторону, как далеко сможет. Но у них не было и времени ходить за данью по племенам, ибо братья тотчас перессорились между собой, сначала Ярополк с Олегом, потом Владимир с Ярополком, и возникла мысль о едином владении: один хотел завла-

деть, чем владели трое. Все три области, Киев, Волынь и Новгород, составили одно владение. Ярополк один владел из Киева Волынью и Новгородом, через своих посадников.

Все три племени достались точно так же Владимиру.

Владимир, живя почти через сто лет после Рюрика, первый стал князем-государем в настоящем значении этого слова, то есть только владетелем. Ему уже не была нужна помощь чуждая, варяжская, и он спровадил от себя главную ватагу: так был он силен своими собственными домашними силами.

Он жил в своем владении, не думая о переезде, как еще его отец, так сказать, водворился, установился, а дух норманнский, дух движения, через сто двадцать лет, в четвертом колене, родившемся на Руси, стих и сам по себе.

У Владимира было двенадцать сыновей (само прежнее многоженство его имеет здесь свою историческую важность и значение), и он разослал их по племенам, уделив каждому часть своей дружины. Вот когда собственно племена начали входить в состав государства

или подготавливать будущее государство, образовываясь в гражданском отношении отдельно, порознь. Вместо двенадцати прежних племен, двенадцати даней, мы видим теперь двенадцать обособленных владений, княжеств, под владычеством отца, великого князя киевского.

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лет княжения, участие духовенства, которое у нас, как везде, приложило, разумеется, особое старание в смягчении нравов, и, следовательно, в мирной оседлой жизни.

Таким образом, политическое соединилось с религиозным, и первый христианский князь был одновременно и первым государем-владельцем, чуть ли и не правителем, потому что в его время мы видим следы положительного, письменного законодательства, вероятно, по примеру церкви, — сначала, разумеется, по норманнским обычаям для дружины, а потом и для народа, с влиянием греческих и славянских обычаев.

Каждый сын Владимира княжил так в своем городе, как отец в Киеве, центре, матери всех городов Русских, по выражению Олега.

Живя посередине племен, князья легче могли содержать их в полном подданстве, нежели прежде один князь из дальнего Киева, и приучать к повиновению. Все они были, однако же, слабее своего отца, которому платили урочную дань, не смея ему противиться.

Сыновья, как и отец, должны были считать города уже своею собственностью и даже средством для прокормления, содержания. Понятие о наследстве стало прикладываться к земле, приготовилось понятие о поземельной, хотя временной, собственности у князей, которые, разумеется, начали принимать участие и в правлении по примеру отца. Намечены будущие уделы по племенам.

Но все эти князья жили недолго. Одни умерли (при нем и после: Вышеслав, Изяслав, и проч.), другие погибли вследствие особых обстоятельств (при Святополке: Борис, Глеб, Святослав и потом сам он, Святополк), третьи (Судислав) не могли ничего сделать против Ярослава, который остался один и после нескольких междоусобных войн (со Святополком, Брячиславом, Мстиславом) и смерти братьев получил почти все их княжества.

Ярославу принадлежали Киев, Волынь, Подолия, Галиция, Литва, Балтийское поморье, Новгород, Двинская область, Поволжье, Северская страна.

Все эти страны принадлежали ему точно, ибо города их мы немедленно находим в уделах сыновей и внуков, как их вотчины, и наоборот — при этих последних они не могли быть завоеваны, потому что все действия их известны нам по летописям.

Границами Ярославовых владений были: Балтийское море, нынешняя Пруссия, Царство Польское, Карпаты, Новороссийские степи, Волга, отдаленное Заволочье.

Все племена и города находились в подданстве у одного князя (а потом одного рода), были одного происхождения, говорили на одном языке, хотя и разными наречиями, исповедовали одну веру, словом, это было государство, в некотором смысле, целое, хотя и сметанное на живую нитку.

Итак, двести лет рождалась Россия...

Состояние общества

Общество во вновь образовавшемся государстве составляли: князь, дружина, воины, смерды.

Первой заботой норманнских князей было здесь, как и в прочих странах Европы, утвердить власть за собой, для чего, на удобных местах, строили они (Рюрик, Олег, Владимир, Ярослав) новые города и занимали важнейшие из прежних, расселяя в тех и других своих людей.

Став твердой ногой на всех важнейших точках, они принялись межевать землю по своему обычаю для определения даней. Вережка, упоминаемая в летописях Нормандии, употреблялась здесь, без сомнения, точно так же, и следы ее остаются долго в названии участков, на которые разделена была земля, верви, в глаголе тянуть, которым до сих пор означает принадлежность в старинных грамотах.

Подчиненные племена обложены были данью от дыма или от рала, от плуга, по белке, по кунице, медом, скорою и другими есте-

ственными произведениями, а некоторые платили по шлягу, вероятно, по какой-нибудь иностранной серебряной монете, арабской, греческой, норманнской, приобретенной торговлей. Количество дани составляло цену и значение волости.

Князь держал землю, охранял безопасность, налагал дань, раздавал волости, ходил на войну, заключал договоры, творил суд и правду, пользуясь за то известными податями.

Сидеть, держать, ходить, водить, рядить — вот какими словами можно определить некоторым образом круг княжеских действий, по крайней мере, домашних: сидеть — владеть, сажать — давать власть, держать — управлять, ходить — собирать дань, водить — назначать, рядить — распоряжаться.

За данью князь ходил сам или посылал своих мужей по известным определенным путям. Вместе с собираньем дани князь занимался и судом. Такие объезды получили впоследствии название полюдьев, а путь стал однозначным с данью.

Дружина составляла драгоценное сокрови-

ще князя, ходила с ним на войну, призывалась на совет, пиновала вместе.

Находясь всегда при князе, обновляясь часто новыми пришельцами, вследствие убыли при непрерывных походах, особенно со Святославом, Владимиром и Ярославом, дружина не могла пустить глубоко корней в земле, она не получила поземельной собственности, которой, по причине малозначительности, не дорожила, довольствуясь участием в добыче и дани.

Это преимущество движимого имущества перед недвижимым дало особый характер древней Русской Истории, а по ней и времени последующему.

Дружина разделялась на старшую и младшую, бояр и отроков или детских (упоминаются еще между ними гриди и гости).

Звания эти были наследственными.

Некоторые из них получали волости и города в управление и себе на содержание, где заменяли князя, посылались также собирать дань.

Бояре имели своих отроков («отроци Свенелжи»).

Остальные норманны расселились по городам и составили главную часть их населения, военное сословие. Они содержались за счет тянувших к ним судом и данью волостей, созываемые, ходили на войну и также получали долю в добыче. Дела свои решали они в общих собраниях или вечах, в которых принимали участие, разумеется, и туземные обитатели.

Город разделялся на внутренний и внешний, внешний — острог, внутренний — детинец (после кремль), получивший имя, вероятно, от детских, его занимавших.

В городах были посадники, собственно правители, тысяцкие — начальники над воинами, тиуны — над сборами. Под ними были сотские и десятские. При суде встречаются имена ябедника и метельника с неопределенными занятиями. Отроки были их помощниками.

Туземное словенское население называлось на языке господствовавшего племени смердами. Оно жило по волостям и городам, владело землей, производило по местам торговлю, тянуло данью к судам и городам, а во

всех прочих делах управлялось само собой.

Поселяне шли, кажется, охотно по найму в закупы, преимущественно ролейные, обрабатывать землю и исправлять другие службы и распоряжения господина, за известное жалованье, надеясь жить спокойнее под его защитой и имея свободу переходить куда угодно.

Много искони было и холопов, добытых войной, на стороне и дома, вследствие вины и сопротивления, как древлян во время Ольги. Холопами или невольниками производилась даже значительная внешняя торговля.

Холопству подвергались и свободные, за известные провинности, за неплатеж долга, за женитьбу на рабе.

Торговлей занимались норманны и словене, все сословия без различия, и даже сами князья, по Днепру с Грецией, по Волге с Востоком, по Двине с Пермью, по Неве и Двине с Балтийским морем.

Серебро ценилось на вес: гривна (марка, литра) означала фунт. В гривне считалось 20 ногат, а в ногате две с половиной резани. Кун в гривне 25. Кунами назывались и вообще деньги, другое слово для денег — скот.

Язык слышался двоякий. Пришлое племя употребляло свой язык, северный, *Norrena*, следы которого мы встречаем в именах собственных: Рюрик, Трувор, Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Свенельд, Руалд, Торберн, Ивар, Грим, Колскет, Фроде, Адун и проч.; в именах Днепровских порогов ессупи (*ei-sofa*, не спи), ульворси (*holmfors*, островной порог), геландри (*giallandi*, звенящий), варуфорос (*barufors*, волнистый порог); в именах, относящихся к гражданскому устройству и управлению: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, ряд, скот, гривна, стяги.

В мужах княжих, отроках и детских, добрых людях, дружине, робичиче, слышится перевод.

Туземцы говорили своими словенскими наречиями (еще очень между собою близкими), в которых мало-помалу потерялся язык северных пришельцев.

Точно то же должно сказать и о вере. Норманское учение видно по договорам с греками, — в их клятвах, знаменующих веру в бессмертие души; по сказаниям Нестора, в их

жертвоприношениях и именах богов: Перуна и Волоса; по известиям арабским — в их обрядах.

Славянское учение должно быть восстановлено из языка, известных и уцелевших обычаев и обрядов, поверий и песен.

Стрибог и Дажбог, в числе кумиров, поставленных Владимиром, принадлежали, без сомнения, славянам.

Волхвам приписывалось знакомство с тайными силами природы и их употреблением.

Норманнские и славянские верования уступили святому учению Христову, первые семена которого принесены Аскольдом и Диром, почти одновременно с основанием государства в Новгороде; плоды его мы видим уже в дружине Игоревой, и, наконец, особенно в жизни Ольги и Владимира. Греческие священники, а за ними и болгарские, явились в Киев и завели живую связь с Византией, умственную и духовную.

Священное Писание, переведенное тогда же на близкое родственное славянское наречие, если не тождественное, понятное всему народу, разнесло повсеместно новые правила,

взгляды, мысли. С принятием христианской веры Владимиром произошел переворот в избранных душах.

Способность, с которой было принято и понято многими святое учение, указывает на готовность и значительную степень житейского развития племен. Основались многие монастыри мужские и женские, где новые люди устремились искать спасения. Другие пустились на Восток в странствие ко святым местам. В дальних областях и глухих местах, впрочем, долго держалось язычество. Из Ростова многие жители выселились на Волгу, не желая принять христианской веры, и некоторые обряды его уцелели до нашего времени.

Вместе с христианской верой начинается у нас письменность и грамотность: кроме Священного Писания русские христиане получили книги, нужные для богослужения, кормчие, некоторых отцов церкви, хронографы, которые послужили образцами местным грамотеям: из числа их, в конце этого периода, мы имеем киевского митрополита Илариона, новгородского епископа Луку Жидяту, печер-

ского игумена Феодосия, неизвестного киевского летописца, послужившего источником или основой для Нестора.

Народная норманнская поэзия жила в сагах, в которых воспевались удалые подвиги князей, удивительный поход Олегов «посуху, аки по морю», под Константинополь, гибель Игоря, месть Ольги убийцам ее мужа, путешествие в Грецию, чудеса храбрости Святослава, сватовство Владимира дядей Добрыней и совместные их походы. Песни о богатырях Владимировых поются до сих пор в Великой России.

«Начати же ся тѣй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым волком по земли, сизым орлом под облакы. Помняшеть бо речь первых времен усобице.

Тогда пущашеть десять соколов на стадо лебедей: которой дотечаше, та преди песнь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы Касожьскими... Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедей пущаше, но своя вещь персты

на живые струны воскладаше, они же сами князем славу рокотаху».

С христианством характер поэзии переменялся, но цветом ее покрылось еще сказание о принятии веры, житие Владимира, житие Бориса и Глеба, сказание об основании церквей.

Народная поэзия словенская жила в песнях обрядовых, праздничных, плясовых, семейных, в которых воспевается преимущественно свободная, беззаботная жизнь девицы, горькая доля замужества от притеснений свекра и свекрови, измена любовника, несчастная судьба вдовья. Русская песня ожидает разработки, которой дополнится История.

Законы явствуют из договоров русских князей с греками. Первое оглашенное собрание, принадлежащее Ярославу, известно под именем Русской Правды. Ими определяется кровная месть за убийство, денежная пеня или вира за раны и повреждения, а также и за кражу, указываются средства для возвращения собственности. Двенадцать избранных судей, впоследствии целовальников, пред-

ставляют нечто вроде суда присяжных.

В темных и сомнительных случаях производилось испытание железом, и дело решалось судебными поединками, которые назывались, по крайней мере вскоре, полем.

О частной, домашней жизни господствующего племени известно следующее.

Норманны любили пировать: «Руси есть веселие пити», сказал Владимир. На пирах пилось за здравие, как видно из ближайшего к этому времени известия о пире под 1063 г. На этих-то пирах и раздавались песни Боянов.

В походах образ жизни был другой, как видно из примера Святославова.

Охота и рыбная ловля были любимыми занятиями русских князей.

Из славянских обычаев, древнейшее известие есть о банях, которое приписывается Св. Апостолу Андрею: «Дивно видети Словенскую землю, идучи ми семо, говорит, по преданию, Св. Апостол Андрей: видех бани древны, и пережгутъ е рамяно, совлокуться и будут нази, и облекутья квасом уснияным, и возмут на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьют, егда влезуть, ли живи, и облекутья

водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себе, а мученье».

Сватовство норманнское видно из описания брака Владимирова. «И седе (Владимир) в Новегороде, и посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: „хочу пояти дъчерь твою себе жену“. Он же рече дъчери своей: „хочеши ли за Владимира?“ Она же рече: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочю“. И придоша отроци Владимирови, и поведаша ему всю речь Рогънедину. В сеже время хотяху Рогънедь вести за Ярополка».

Многоженство допускалось. Муж давал за жену выкуп, вено. Красота уважалась.

Дети отдавались на воспитание приближенным боярам, которые назывались кормильцами.

Молодые князья очень рано рассылались на княжение, как сыновья Владимира, и с самых молодых лет принимали участие в войнах: Святослав начал сражение, не имея еще силы пустить далеко копье.

Над покойниками насыпались курганы и

совершались тризны.

Князь жил в тереме каменном, при котором был обширный двор. У князей были загородные дворы: у Владимира в Киеве сельцо Берестовое, у Ярослава в Новгороде Ракома.

Туземные слова для означения жилищ: хоромы, клети, истобки или истбы. Сенями называлась, кажется, верхняя часть дома. Одрины — горница, где стоял одр, постель; стол — седалище, стул; стрехи — навесы на дворе.

В поле употреблялись шатры или вежи.

Одежда называлась портами. Корзно — род епанчи. Луда — плащ шерстяной. Платки, убрусы, сапоги, лапти, ковры, поясы. Для езды: воза, кола, сани, седла, узды.

В пищу употреблялось мясо скота и зверей, в нужде и конское, рыба, овощи, мед, сыта, кисель, хлеб. Мясо варилось и пеклось. Были повара. Кадь, лукно, ведро, латки, лжицы, ножи — вот слова, встречающиеся в памятниках о мере и весе. Питье — мед, вино, квас, олуй.

Свойства народные видны в действиях. Война была любимым занятием норманнов. Оружие их: мечи, щиты, копья, сабли, стрелы,

ножи, брони. Сражения выливались в рукопашные схватки. Войско выстраивалось, разделенное на крылья. Станы, или товары, укреплялись окопами, города осаждались, брались копьём. Употреблялись засады. Перед войском носились стяги или знамена.

На войне русские искали славы и корысти.

Гордость, жестокость, мстительность, к которой обязывались они и по закону, хитрость, сладострастие — их пороки. Добродетели открыло христианство, а в язычестве отличались они только доблестями, каковы храбрость, смелость, неустрашимость, терпение. Женщины не уступали мужчинам: примеры Ольги, Рогнеды, Ингигерды, достаточно свидетельствуют об этом.

Относительно телосложения отличались ростом и стройностью.

Письменные памятники норманнского периода: договор Олега 911 года; договор Игоря 944 года; договор Святослава 971 года — в летописи.

Эти договоры, сочиненные сначала, по всей вероятности, на греческом языке, были переведены болгарскими грамотеями, кото-

рые жили в Константинополе или Киеве, подобно двум переводчикам великой княгини Ольги, приехавшим в Константинополь с ее свитой, по свидетельству императора Константина.

Церковный устав Владимира. Церковный устав Ярослава. Самый же примечательный для нас во всех отношениях памятник есть Русская Правда великого князя Ярослава, в которой сохранилось преимущественно местное наречие. То же должно сказать и об Уставе о мостовых великого князя Ярослава. Льготные грамоты Ярослава пропали.

Памятники норманнского периода вещественные: основание Десятинной церкви, сооруженной Владимиром Святым, несколько букв из ее надписей. Храм Св. Софии в Киеве, основанный Ярославом, с современной мозаикой и живописью, 1031. Храм Св. Софии, основанный сыном его Владимиром в Новгороде в 1043 году. Основание церкви Св. Ирины. Развалины Золотых ворот Ярославовых 1037 года. Пещеры варяжские в Киеве. Пещеры Антониевы и Феодосиевы. Изображения Св. Ольги, Владимира, Бориса и Глеба на образах и

житиях в лицах. Гробница Ярослава. Монеты Владимира и Ярослава.

Основание Русской Истории заключается в древнейшей летописи монаха киево-печерского Нестора, жившего во второй половине XI века.

Великое княжество Киевское

По обозрении норманнского периода Русской Истории приступаем к изложению событий, составляющих содержание периода, по преимуществу удельного, от кончины Ярослава до покорения России монголами (1054–1240).

Изяслав, как старший из оставшихся сыновей Ярослава, сел, по его кончине, на стол киевский, имея отчиной Туров (1054).

Область Изяслава по левому берегу Днепра, увеличенная вскоре Волынским уделом меньшего брата Игоря, граничила к востоку с Переяславским и Черниговским княжествами, от которых отделялась рекой Днепром; к северу с Полоцким княжеством и Литвой; к западу, за Вислой и Дунайцем, с Польшей; к югу с Венгрией, по Карпатские горы, и потом

степями Подольскими и Новороссийскими, до реки Тясмени.

Изяславу принадлежал и Новгород, где он посадил посадником Остромира.

Братья остались в данных им отцом городах, к которым, у старших, если не прежде, то теперь, приданы были области: к Чернигову Муромская, к Переяславлю Ростовская.

Полоцк составлял особое владение в роде Рогнеды, у правнука ее Всеслава, сына Брячислава Изяславича.

Лет двадцать жили Ярославичи в согласии, по крайней мере, внешне, рядили ряды дома, обороняли Русскую землю, соединенными силами ходили на войну.

Собравшись с мужами своими, они отменили смертную казнь за убийство и положили денежную пеню. К правилам, внесенным при отце их в Русскую Правду, они присоединили еще несколько других, определяющих пени за различные преступления.

Меньшие Ярославичи жили недолго. Первым умер Вячеслав смоленский (1057), на чье место переведен Игорь из Владимира, который достался, кажется, великому князю Изяс-

лаву к Киеву, а потом умер и Игорь (1069), после которого Смоленск разделен на три части.

Малолетние дети Вячеслава и Игоря остались пока ни при чем и, может быть, с матерями увезены на время в Германию.

В это время с юго-востока явились новые враги — половцы, единоплеменные или родственные с печенегами и прочими древними и новыми выходцами из Азии. Они обитали прежде в степях Азиатских, близ Каспийского моря, а теперь подвинулись к северо-западу, оттеснили печенегов и торков и заняли равное пространство на север от Черного моря, преимущественно по Дону. Это дикое, хищное племя, осыпаемое поносительными прозвищами от наших летописцев, показалось еще в первый год по смерти Ярослава, но тогда ушло, заключив мир с Всеволодом (1055), а теперь, с 1062 года, начинаются их опустошительные набеги.

Половцев мог бы удерживать один удалой князь Ростислав, сын Владимира Ярославича, отнявший Тмуторакань у Святославова сына Глеба. Он разнес по югу ужас русского имени, но вскоре погиб (1067), отравленный греками.

Между тем, «рать почал» (1065) наследственный враг Ярославичей, внук знаменитой Рогнеды, Всеслав полоцкий. В 1067 г. он напал на Новгород, по примеру отца, сжег и ограбил его.

Ярославичи пошли на его волость, взяли Минск на щит, иссекли мужей, а жен полонили. Всеслав бежал. Братья зазимовали в Смоленске и летом призвали к себе Всеслава на сейм, обещая с клятвой не причинить ему никакого зла. Тот поверил клятве, был вероломно схвачен на Рши и отвезен в Киев, где и посажен в темницу с двумя сыновьями, — ненадолго.

Половцы появились снова (1068). Ярославичи вышли к ним навстречу, но были разбиты на Альте и вынуждены искать спасенья в поспешном бегстве.

Изяслав и Всеволод добрались до Киева, Святослав до Чернигова. Люди киевские сбежались вслед за ними и сотворили вече на торговище. Решено было еще раз попытаться счастья с половцами. Варяжские наемники послали к князю за оружием и конями. Изяслав отказал. «Это Коснячко виноват, воевода»,

кричали люди, взбежали на гору на двор к нему, но не нашли его дома. Там разделились они на две толпы: одна бросилась к городовому погребу, а другая на княжий двор. Изяслав сидел в сенях со своей дружиной и смотрел из оконца, что делается. Люди, стоя внизу, начали перебраниваться с князем. «Видишь, князь, сказал ему Тукий, брат Чудинов, люди мнутя; пошли стеречь Всеслава». А в это время подоспела и другая толпа, отворившая погреб. Волнение увеличилось. «Худо дело, твердили бояре Изяславу, посылай к Всеславу, вели подманить его к окну и приколоть». Но князь не послушался, и люди в самом деле бросились с криком к темнице Всеслава. Тогда Изяслав увидел беду и, испуганный, бежал. Люди пустились грабить княжее имущество, золото и серебро, куны и бель, а прочие, освободив Всеслава, поставили его среди княжего двора (1068, сент. 15).

Всеслав сел на киевском столе 15 сентября, в день Воздвижения святого Креста.

Половцы, между тем, опустошали все окрестности и подступали к Чернигову, но были отражены Святославом.

Изяслав бежал не туда, где в подобных обстоятельствах искали спасения его отец и дед, не на север, не к норманнам, он бежал на запад, в Польшу, к племяннику Болеславу II Смелому, — и польский король дал ему войско, с которым изгнанный князь киевский возвратился (1069) отыскивать себе стол своего отца. Всеслав вышел было к нему навстречу, но, увидев, что ему сладить не под силу, бежал ночью тайно от киевлян к себе в Полоцк.

Поутру проснувшись, киевляне увидели себя без князя, и поспешно возвратились в Киев, где сотворили вече. На вече они решили просить помощи у Святослава и Всеволода. Святослав обещал заступиться и утешил киевлян. Вместе с братом послал он сказать Изяславу: «Всеслав бежал, противника тебе нет, не води ляхов. Если ты хочешь иметь гнев, то знай, что нам жаль отчего стола: мы вступимся».

Изяслав послушался братьев и отпустил ляхов. С немногими воинами и Болеславом приближался он к Киеву, а сына Мстислава послал вперед (1069). Тот пришел и начал сви-

репствовать, иссек 70 человек чади, которые выпустили Всеслава из темницы, одних ослепил, других обобрал, без всякого испытания. Киевляне вышли с поклоном к подошедшим между тем Изяславу и Болеславу. Оставшиеся ляхи были распущены на покорм в Киеве, но их вскоре начали убивать хозяева, и король должен был спешить восвояси.

Изяслав немедленно отправился из Киева на Всеслава и выгнал его из Полоцка, где посадил сына Мстислава, и по внезапной смерти его, другого сына, Святополка (1069), которому, однако же, деятельный Всеслав не дал владеть спокойно своей вотчиной и, наконец, вынудил уступить совершенно (1071).

Изяслав твердо сел в Киеве, наказав всех своих врагов, но ненадолго.

В 1073 году Святослав черниговский поднялся на старшего брата, склонив на свою сторону младшего, Всеволода. Изяслав опять бежал в ляхи с многим богатством, на которое хотел нанять себе войско, но ляхи, обобрава изгнанника, указали ему путь от себя.

Он поехал дальше, к немецкому императору Генриху IV, и просил его заступничества,

обещаая, как говорит один немецкий летописец, признать себя данником Империи.

Генрих послал в Киев Бурхарда, трирского духовного сановника, брата Оды, жены покойного Вячеслава, и велел объявить князьям русским, чтобы они возвратили Изяславу похищенный ими стол, или, несмотря на отдаленность, немецкое войско заставит их смириться.

Святослав не испугался угрозы, хотя и принял послов радушно, показал им свои сокровища и одарил богатыми дарами, удивившими всю Германию. Обманувшись и здесь в своих надеждах, Изяслав обратился к папе, знаменитому Григорию VII, судье царей и народов западных, и послал к нему сына просить о защите, пожаловаться на обман короля польского и за покровительство признать власть папы над Русью, не только духовную, но и мирскую.

Что могло быть приятнее для честолюбивого римского первосвященника? Утвердившемуся на Западе, ему открывались теперь виды на Восток, и то государство, которое готовилось наследовать Византии, изъявляло

ему свою покорность.

Святослав умер от резания желвей (1076 г., дек. 27). Изяслав, уже находившийся в Польше с письмом Григория, успел собрать вспомогательное войско и пустился опять искать своего права.

Всеволод, занявший место умершего брата, вышел к нему навстречу и заключил с ним мир.

Два брата разделили между собою всю Русскую землю: Изяслав послал сына Святополка в Новгород, вместо умерщвленного в Заволочье Глеба Святославича, а Ярополка посадил подле себя в Вышгороде, владея сверх того Волынью, Червенскими городами и дреговичами. Всеволод кроме Переяславля получил Чернигов и Смоленск, куда посадил сына Владимира.

Племянники — Борис Вячеславич, Игоревичи, Святославичи, и внуки, три сына Ростислава, жили в праздности. Все они, уже взрослые, хотели себе волостей и не могли смотреть равнодушно на отчуждение своих вотчин, набирали боевых товарищей.

Два раза они брали Чернигов. В первый

раз Борис продержался только восемь дней (1077, мая 4), но во второй раз воины Всеволода были совершенно разбиты в большом сражении (1079, авг. 23), и он принужден спастись бегством в Киев. «Не тужи, брат, утешал его Изяслав. Разве ты не знаешь, что бывало со мною? Меня выгнали вы и ограбили, я скитался по чужим странам, — а за что? Я помогу тебе: если владеть нам в Русской земле, то обоим, а если нет, я положу за тебя свою голову».

Взяв на себя братнину беду, он велел собирать воинов от мала до велика, — и они пошли к Чернигову: Изяслав с сыном Ярополком, Всеволод с Владимиром. Молодых князей не было в городе. Граждане заперлись. Владимир проник в острог и сжег его, а люди перешли в детинец. Между тем, Олег и Борис шли на помощь к осажденным. Изяслав и Всеволод оборотились к ним навстречу. Олегу не хотелось биться: «Нельзя стать нам против четырех князей, говорил он Борису, пошлем лучше с мольбою к стрыям». Борис и слышать не хотел о мире. «Терпеть их не могу, отвечал он; если ты не хочешь, я пойду один». Против-

ники сошлись на Нежатиной ниве. Произошла злая сеча, и прежде всех был убит Борис, которому так хотелось сражаться.

После Бориса убит был и Изяслав, стоявший с пешими. Сеча продолжалась, и Всеволод победил, а Олег должен был бежать в Тмуторакань с малой дружиной (1079, окт 3).

Изяславу, по праву старшинства, наследовал брат его Всеволод (1078). Он принял власть Русскую всю, по замечанию летописи: действительно, ему принадлежали Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир Волынский, Туров, Суздаль, Ростов, Белозерск, почти все Ярославово владение.

Сына, Владимира Мономаха, он посадил в Чернигове.

Племяннику Ярополку, сыну Изяслава, предоставил Владимир вместе с Туровым. Другой племянник, Святополк, остался княжить в Новгороде.

Святославичи, совершенно отчужденные, особенно вследствие неудачного покушения, хотели еще раз испытать счастья и в следующем году (1079) явились под Воином, в Переяславской волости, с половцами, но Всеволод

смирил хищников, разумеется, ценою серебра, и они отошли прочь, а на обратном пути, поспорив за что-то, убили Романа (2 августа), а Олега заточили в Царьград.

Таким образом, и отдаленная Тмуторакань досталась Всеволоду, который послал туда посадником Ратибора.

Он освободился от своих первоначальных противников, но подросли и возмужали другие — сыновья Ростислава и Игоря, которые также не хотели оставаться без хлеба. Все они приступали к великому князю за волостями, кто за той, кто за другой, всегда недовольные, всегда готовые поднять оружие. Всеволоду на киевском столе княжить было гораздо неприятнее, и он с прискорбием вспоминал о своем спокойном переяславском княжении.

Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич явились под Тмутораканем (1081) и выгнали посадника Всеволода. На них вскоре напал Олег, возвратившийся из Греции, и заставил удалиться (1083). Давыд занял тогда Олешье (напротив Херсона), торговый греческий город, а двое Ростиславичей выбежали от Ярополка (1084), потом напали на него и выгна-

ли. Всеволод прислал к нему на помощь сына Владимира, который выгнал Ростиславичей и возвратил ему стол. Давыду Владимир дал Дорогобуж.

Ростиславичам Всеволод дал города Червенские, которые надолго остались в их роде, составляя княжество Галицкое.

Ярополк, послушав злых советников (1085), вздумал идти на дядю Всеволода, может быть, за то, что выделенные им для Ростиславичей города принадлежали первоначально к числу его волостей.

Правая рука Всеволода, сын Владимир, появился на Волыни, и Ярополк бежал в ляхи, оставив мать, жену, дружину в Луцке. Лучане предались Мономаху, и он пленил семейство Ярополка, отправил его в Киев, а стол владимирский предоставил Давыду.

Ярополк возвратился вскоре с ляшской помощью (1087), и Владимир рассудил за благо заключить с ним мир, отдав отнятое. Но он жил недолго и был убит на пути в Звенигород.

Внешние войны при Всеволоде были с половцами, которые, за год до его смерти (1092),

взяли Песочен на реке Супое, Прилуку и Переволочну близ устья Ворсклы.

Всеволод скончался в 1093 году, шестидесяти с лишком лет от роду. Он отличался добрым нравом, воздерживался смолоду от пьянства и блуда, был любим своим отцом, Ярославом, больше всех, знал пять языков: вероятно, норманнский, греческий, финский, славянский и половецкий.

После Всеволода не оставалось больше сыновей Ярослава, и стол киевский перешел к внукам, старшим из которых оказался Святополк Изяславич.

Владимир, сын Всеволода, рассудил: если я останусь в Киеве и сяду на столе отца моего, то должен буду воевать со Святополком, которому он принадлежит, потому что его отец сидел здесь прежде моего, и он послал за старшим двоюродным братом к Турову, а сам пошел в Чернигов, предоставив меньшему своему брату Ростиславу Переяславль.

Святополк приехал немедля, и был встречен киевлянами (1093, апреля 24).

Между тем, половцы шли на Русскую землю. Услышав о смерти Всеволода, они присла-

ли послов к Святополку будто бы договариваться о мире. Святополк задержал послов и посадил их в темницу. Половцы начали воевать и осадили Торцкий град. Святополк отпустил послов, но половцы теперь уже не захотели мира. Он начал собирать войско, то же сделали Владимир и Ростислав.

Все они собрались в Киеве у Св. Михаила, и началась между ними распря: Владимир хотел мира, Святополк хотел войны. Последнее мнение одержало верх, и состоялось сражение. Русское войско было обращено в бегство, Ростислав погиб. С малой дружиной переправился Владимир через Стугну, горько плача о своем брате и своих товарищах, и возвратился печальный в Чернигов. Святополк бежал в Триполь, затворился там и пробыл до вечера, а ночью ушел в Киев.

Половцы пошли к Киеву, принялись грабить между Киевом и Вышгородом. Святополк вышел было опять против них на Желяну, но был разбит совершенно и прибежал в Киев только сам-третий, накануне нового праздника Русской земли, Святых мучеников Бориса и Глеба. «И наутро, 24 июля, был плач

в городе, а не радость, говорит летописец, грех ради наших великих и за умножение беззаконий». Так и первая победа половцев над русскими князьями случилась на праздник Вознесения Господня.

Половцы, увидев, что одолели, пустились по земле, воююще. Летописец живыми красками описал это разорение, одно из самых гибельных: «Города все опустели, говорит он, села опустели, жители уведены в неволю, другие побиты, иные перемерли с голода и жажды, бегая от врагов; на полях, где паслись прежде стада волов, овец, коней, не встретишь никого, разве диких зверей, нивы поросли тернием, гумны сожжены. Несчастные пленники, нагие и босые, истекая кровью из ран, спрашивают друг у друга со слезами, откуда ты... я из такого-то города; я из такой-то веси. Все, вздыхая, возводят очи на небо; тела у них почернели, лица покрылись бледностью, язык испален».

Нельзя было думать о войне. Святополк решил иначе обезоружить поганых. Он просил у Тугоркана, половецкого князя, дочь себе в супружество (1094), разумеется, внося за нее

богатое вено. Но и это средство помогло мало. Другие половцы пришли к Чернигову, нанятые Олегом, который решился еще раз попытать счастья, пользуясь ослаблением своих соперников, Святополка и Владимира.

Мономах должен был уступить ему Чернигов, опустошенный вокруг половцами, и удалиться в Переяславль. Там он, уступая требованиям дружины, позволил умертвить обманом половецких послов, Итларя и Китана, приходивших к нему с миром. Поступив так, добра ждать было нечего, надо было действовать быстро, а не ожидать к себе мстителей.

Святополк и Владимир решили сами идти на половцев, чего прежде никогда не бывало и о чем не смели думать их отцы. Они велели и Олегу следовать за собой. Тот обещался и пошел, но возвратился. Мудрено ему было нести войну половцам, которые только что добыли ему отчий стол и несколько раз прежде подавали скорую помощь.

Святополк и Владимир благополучно достигли кочевий половецких, взяли вежи, полонили много скота, коней, верблюдов, челяди и привели в землю свою.

Образ действий Олега рассердил их и встревожил. В самом деле, такой друг половецкий среди земли должен был возбуждать опасения. Они послали сказать ему: «Ты не ходил с нами на поганых, которые погубили Русскую землю, ну вот у тебя Итларевич. Это враг Русской земли: убей его, либо выдай нам». Олег не послушался, и началась между ними ненависть.

Они без промедления пошли к Чернигову. Олег бежал и затворился в Стародубе. Братья погнались за ним, осадили город, и начались сечи. Тридцать три дня стояло войско около города, и вышел, наконец, Олег, прося мира. Братья дали ему мир на условии: «Ступай Смоленску к брату Давыду, и приходи вместе в Киев к столу отцов и дедов наших, — то есть старейший город в земле во всей; там достойно есть снятися, и порядок о всем положить». Олег обещал и поцеловал крест, от нужды, но не то было у него на уме.

Половцы, между тем, непрерывно набегали с разных сторон, в отмщение ли за поход Святополка и Владимира, или узнав об усобице.

Под Переяславлем появился сам Тугоркан, тесть Святополка, и осадил город, в котором затворились переяславцы. Святополк и Владимир выступили против него по своей стороне Днепра, под Зарубом переправились, не замеченные половцами, и подошли к самому Переяславлю. Граждане обрадовались, увидя своих, и вышли к ним навстречу. Они перешли Трубеж, за которым стояли половцы, и бросились на ненавистных врагов, хотя Владимир и советовал построить полк. Те, однако же, не устояли и побежали. Наши за ними, «секуще и полоняще». Множество половцев было убито, несколько князей, сын Тугоркана, и сам он. Поутру нашли его тело, и Святополк похоронил его на Берестове.

Но на другой же день, 20 числа, Боняк, что приходил недавно и сжег двор княжий на Берестове, внезапно появился под Киевом и чуть не въехал было в город. Половцы зажгли дома по болонью, монастыри Стефанечь и Германечь, а потом напали на Печерский, выбили ворота и бросились в церковь. Монахи после заутрени спали по кельям. Услышав крик, они побежали, кто за монастырь, кто на

полати. Половцы убивали встречных, брали, что могли, и, наконец, зажгли церковь. Тогда же сожгли они и двор красный, что поставил Всеволод на Выдубиче.

А Олег вместо того, чтобы по обещанию звать брата и идти с ним вместе на совет в Киев, пустился в другую сторону — в дальние Черниговские волости. Там Изяслав, сын Владимира, захватил его Муром.

Олег одолел его (Изяслав пал в битве), взял Ростов, Суздаль и всю страну, решил идти на Новгород, но был, в свою очередь, побежден подоспевшим оттуда Мстиславом, крестником своим, и должен был, при его посредстве, согласиться, наконец, на Киевский сейм.

В следующем году собрались все русские князья в Любече на берегу Днепра на совет, — Святополк, Владимир, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич; пришел и строптивый Олег с братом своим Давыдом. Все они сидели на одном ковре и думали: «За что мы губим Русскую землю, сами на себя котору деюще? А половцам то и любо, и рвут они землю нашу по частям. Имеем же отныне едино сердце, и будем блюсти ее сообща; пусть каждый дер-

жит свою вотчину: Святополк — Киев; Владимир — Переяславль; Давыд, Олег и Ярослав — Чернигов, Новгород. А кому раздал города Всеволод, у тех они и останутся: у Давыда — Владимир, у Ростиславичей — у Володаря Перемышль, у Василька Теробовль».

Бояре смутили Давыда, прежде даже, нежели расстались князья. Проводив Святополка из Любеча в Киев, он начал наговаривать ему на Ростиславичей: «Кто убил брата твоего Ярополка? Ростиславичи. У кого скрылся его убийца? У Ростиславичей. А ныне Василько мыслит на меня и на тебя, стоворившись с Владимиром; я узнал это точно: подумай о своей голове».

Святополк смутился умом, сомневаясь, правда это или ложь. Ему жаль было брата, да жаль было и себя. Они стали думать вместе: что же делать с Васильком? «Надо взять его, сказал Давыд. Пока он не будет в наших руках, ни тебе княжить в Киеве, ни мне во Владимире».

А между тем Василько, которому, равно как и Владимиру, и в голову не приходило никакого худа, переехал на Выдубичи — по-

клониться святому Михаилу. Он отужинал в монастыре и на ночь возвратился в дом свой на Рудице.

Утром 4 ноября, Святополк присылает звать его на именины. Святополк, по христианскому имени Михаил, именинником был 8 ноября. Василько отвечал, что не может дожидаться так долго, опасался дома рати от ляхов. Святополк вновь послал за Васильком: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то приходи хоть ныне поздороваться со мною, и посидим все вместе с Давыдом». Василько обещал и, сев на коня, поехал.

Он приехал с малой дружиной на княжий двор. Там люди Святополка бросились на Василька и сковали по рукам и по ногам. Спротивляться возможности не было; он был один. Потом его заперли и на ночь приставили к нему сторожей.

Наутро созвал Святополк бояр и киевлян и поведал им, что слышал от Давыда, будто Василько убил его брата, а на него стоваривался с Владимиром и хочет также убить и занять его города. Бояре и люди отвечали: «Голову свою, князь, надо тебе беречь; если Давыд го-

ворит правду, Василько должен принять казнь; если он говорит ложь, то даст ответ Богу и примет месть».

Между тем, слух разнесся по Киеву, что происходит на княжем дворе. Проведали игумены и пришли к князю молиться о Васильке. Святополк ссылался на Давыда; он уже сжалился, и ему хотелось отпустить Василька.

А Давыд, боясь теперь Василька еще больше, настаивал на ослепленье: «Если тыпустишь Василька, твердил он, то ни тебе не княжить, ни мне...» И слабый Святополк уступил: «Делай, что хочешь».

Той же ночью скованного Василька отвезли на колах в Звенигород, верстах в 20 от Киева, и посадили в темницу. Он еще не понимал, куда его везут и что с ним будет. Вдруг видит он, что торчин точит нож; только тогда догадался он, что хотят его ослепить. Подступил к нему торчин, именем Беренди, овчюх Святополка, с ножом в руке, и хотел ткнуть в глаз, — но не попал, а только порезал лицо, рубец видел после на Васильке сам летописец, — он ткнул еще и оторвал зеницу; ткнул

в другой раз и оторвал другую зеницу. Василько уже был без чувств. Его вынесли на ковре, положили на телегу замятво и повезли во Владимир.

А что делалось в Киеве?

Владимир Мономах, услышав об ослеплении Василька, ужаснулся. Он тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам звать их в Городец (против Киева, близ устья Десны).

Давыд и Олег огорчились не меньше Владимира и, собрав войско, пришли в Городец, где уже стоял в бору Владимир. Все князья вместе послали мужей своих сказать Святополку: «За что ослепил ты брата своего? Если б была какая вина за ним, ты должен был бы обличить его пред нами, — говори, чем он виноват?» Святополк отвечал: «Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и хотел убить меня, занять мои волости — Туров, Пинск, Берестье и Погорину; он договорился будто бы с Владимиром, чтобы сесть тому в Киеве, а ему во Владимире; неволя мне была беречь свою голову. Слепил же его Давыд, а не я, и увел к себе». Посланцы возразили на то: «Не оправдывайся тем, что

Давыд ослепил его; не в Давыдовом городе он взят и ослеплен, а взят и ослеплен в твоём городе».

Наутро князья собрались переправляться через Днепр, и Святополк уже хотел бежать из Киева, но киевляне не пустили его; им пришла мысль отправить посольство к Владимиру. Всеволожая, его мачеха, и митрополит Никола пришли к нему с такими словами: «Молимся, князь, тебе и братьям твоим; не погубите Русской земли. Если вы начнете рать между собою, поганые обрадуются и возьмут землю нашу, что отцы и деды ваши добыли трудом великим. Они искали чужих земель, а вы хотите потерять свою! Смилуйтесь».

Владимир почитал княгиню как мать, он много чтил и святительский сан. Выслушав их речь, он облился слезами и согласился на просьбу. Братья его послушались. Киев спасся. Обрадованные, княгиня с митрополитом, воротясь, поведали киевлянам, что рати не будет. Князья начали советоваться и сошлись на том, чтобы Святополк шел на Давыда, — взял его или выгнал, ибо это все его была ви-

на.

Василько, между тем, оставался во Владимире. «Я был там», говорит летописец Василий, современник Нестора, сохранивший нам все эти драгоценные подробности. «Это было перед великим постом. Однажды ночью присылает за мною князь Давыд. Я пошел к нему. Около него сидела дружина; он посадил меня и сказал:

„Василько говорил отрокам моим Улану и Колче: слышу, что Владимир и Святополк идут на Давыда. Если бы Давыд послал мужей своих к Владимиру, да я молвил бы, что знаю, так Владимир воротился бы домой. Поди же, пожалуй, Василию, к тезю своему Васильку, с этими отроками, и скажи ему: если он пошлет мужа своего к Владимиру, и тот воротится, то я дам ему город, который хочет — Всеволож, Шеполь или Перемиль“.

Я пошел к Васильку и передал ему речи Давыдовы. Василько отвечал: „Я не говорил того, сказал он, но, пожалуй, пошлю к Владимиру сказать, чтобы не проливал крови из-за меня. Странно мне только то, что Давыд дает мне свой город, когда у меня есть собствен-

ный Теробовль, моя область. Ступай к Давыду и скажи, чтобы он прислал мне Кулмея: его пошлю я к Владимиру“».

Давыду не хотелось отпустить Кулмея, и он опять послал меня к Васильку сказать, что Кулмея нет. В это свидание Василько объяснил с полной откровенностью свои прежние намерения.

Между тем, пасха прошла, а слуха о рати киевской не было, и Давыд хотел было занять Василькову волость, но был вынужден его братом удалиться без успеха. Святополк, соучастник его, пошел, наконец, на него, по обязательству с братьями, и, остановившись в Берестье,[2] ждал к себе ляхов.

Давыд искал помощи там же, у Владислава. Ляхи обещали ему, взяв с него пятьдесят гривен золота, и звали в Берестье, где ожидал их на сейм Святополк. «Мы помирим вас там», говорили они, и Давыд пошел с Владиславом.

Святополк стоял в городе, ляхи на Буге. Киевский князь приветствовал их и дал им дары великие против Давыда. Владислав сказал тогда Давыду: «Не слушает нас Святополк,

иди лучше домой, а мы поможем тебе, если придут русские князья на Владимир».

Святополк пошел к Пинску, послав за воинами; потом пришел к Дорогобужу, дождался там войско и приступил к Владимиру, где затворился Давыд, напрасно ожидая помощи от ляхов, которые обманули его во второй раз, взяв золото от обоих, от Давыда и Святополка. Семь недель стоял Святополк, и Давыд должен был уступить, просясь только выйти из города. Святополк согласился, и, поцеловав крест в великую субботу, вступил во Владимир, а Давыд ушел через Червен в ляхи.

Святополк исполнил, таким образом, обязанность, возложенную на него братьями за ослепление Василька, — изгнать Давыда в наказание за его извет. Он мог теперь возвратиться в Киев. Нет. Надеясь на множество своих воинов, он вздумал, как прежде Давыд, идти сам на Володаря и Василька; он забыл свою вину и опасность, забыл полученное прощенье, а помнил только, что их волость принадлежала некогда его отцу и брату, и, вопреки Любечскому условию, вопреки последней клятве пошел на них ратью.

Самого Мономаха, случившегося тогда в Ростове, Святополк хотел привлечь на свою сторону.

Володарь и Василько выступили навстречу Святополку, и сошлись на Рожнем поле. Битва началась; много пало с обеих сторон. У Ростиславичей шло лучше, и они одержали победу. Святополк бежал во Владимир.

Он послал сына Ярослава к уграм звать их против Володаря, а другого Мстислава, рожденного от наложницы, посадил во Владимире.

Не добыв Перемышля и Теробовля, Святополк вскоре снова потерял и Владимир, потому что Давыд не думал отказываться от своей отчины. Не найдя помощи у ляхов, он обратился в другую сторону — к половцам, помирился на дороге с Володарем, с которым у него был теперь один и тот же враг, князь киевский. Враги стали приятелями, а приятели врагами. Давыд оставил у него жену и поспешил за новыми союзниками.

Между тем, сын Святополка Ярослав пришел с королем Коломаном и двумя епископами и осадил Володаря в Перемышле.

Давыду на дороге встретились половцы с Боняком, и он возвратился на поприще действий.

Решено было справиться прежде с уграми.

На последнем к ним ночлеге Боняк встал в полночь, отъехал от полков и завыл по-волчьи; ему тотчас отозвался волк, и за одним волком начали выть многие. Половецкий князь возвратился к Давыду веселый, уверяя его, что завтра их победа. У них было четыреста воинов: у Давыда сто, да у половцев триста. Боняк разделил своих на три полка: Давыда поставил под стягом, на крыльях по пятидесяти, а Алтунопу пустил с пятьюдесятью чади на вороп. Угры стояли по Вягру уступами. Алтунопа подошел к первому уступу, выстрелил и отскочил. Угры пустились за ним и наткнулись на Боняка, а Алтунопа, обернувшись, ударил на них с тыла, — и сбил угров, как ворон сбивает галок. Они спасались бегством, одни утонули в Сане, другие в Вягре, многие, поскакав горою вдоль Сана, сталкивались друг друга. Два дня продолжалась погоня. Пал епископ и многие бояре. Ярослав бежал в ляхи, а Давыд занял Червен и, наконец, оса-

дил свой Владимир, внезапно отрезав владимирцев.

Начались схватки, одни нападали, другие отстреливались, как вдруг, на стенах, был сражен стрелою Мстислав, сын Святополка.

Смерть Мстислава таили три дня, на четвертый собралось вече, и люди сказали: «Князь наш убит: если мы сдадимся, то Святополк нас погубит. Пошлем лучше к нему за помощью, а не получим — будь что будет».

Святополк отрядил к ним Путятю, своего воеводу. Путятя по дороге зашел в Луцк к Святоше, который присоединился к нему, хотя только что обещал Давыдовым мужам уведомить их о движении Святополка. Давыдовы воины спали в полдень. Святоша и Путятя внезапно напали на них и начали сечь. Граждане вышли из города и присоединились к ним. Давыд опять бежал с племянником своим Мстиславом, а Святоша и Путятя взяли город, посадили Святополкова посадника Василия и отошли: Святоша в Луцк, Путятя в Киев.

Давыд не успокоился. Он опять бежал к половцам и пришел вновь с Боняком, выгнал Святошу из Луцка, а потом взял и Владимир,

откуда Святополковы посадники вынуждены были бежать.

Давыд обратился ко всем князьям, прося у них общего суда в своей обиде. Святополк, Владимир, Давыд, Олег собрались тогда в Увечичах, близ Киева, и позвали туда же на сейм Давыда.

Он приехал и сказал: «На что я вам, кому от меня обида?» Владимир отвечал: «Ты сам присылал к нам и говорил: хочу придти к вам и пожаловаться. Теперь ты пришел и сидишь на одном ковре; что же не жалуешься? Кто обидел тебя?» Давыд молчал. Братья сели на коней и стали отдельно. Святополк со своей дружиной, Давыд и Олег со своей. Они думали о Давыде Игоревиче, не допуская его к себе; он сидел особо. Договорившись, послали к Давыду мужей своих: Святополк Путятю, Владимир Орагоста и Ратибора, Давыд и Олег Торчина, сказать ему: «Вот что говорят тебе братья: не хотим давать тебе стола Владимирского, потому что ты бросил нож в нас, его же не было в Русской земле; но мы не берем тебя, не причиняем тебе никакого зла. Ступай, сядись в Бужском остроге, а Святополк даст тебе

Дубен и Черториск, Владимир двести гривен, Давыд и Олег столько же». К Володарю и Васильку они также послали послов: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость — Перемышль, а холопов наших и смердов выдайте. Если любо — сидите; не любо — мы будем кормить Василька здесь сами».

Володарь и Василько не послушались такого решения, уменьшавшего их волости, а Давыд, — ему нечего было делать, — сел в Бужске, к которому Святополк после добавил Дорогобуж.

Владимир же отдал Святополк своему сыну Ярославу. Племянники вознегодовали на это, и Ярослав Ярополкович пошел с дружиной на Берестье, но Святополк усмирил его. Пленного и скованного, его привели в Киев. Митрополит и игумены упросили Святополка, и племянник, у раки святых Бориса и Глеба, выпущен был на волю, бежал, пойман сыном великого князя уже близ Ляшской земли на Нуре, приведен в Киев, где вскоре в оковах и умер.

Лучшим следствием второго сейма было

то, что Мономах с этих пор совершенно сошелся со Святополком и до самой кончины его, в продолжение тринадцати лет, они действовали заодно.

Первый замысел его, однако же, чтобы Новгород был у Святополка, а Владимиру посадить сына своего во Владимире, не состоялся, вследствие сопротивления новгородцев. Вызвав сына, Мономах прислал было его с мужами своими и новгородскими в Киев к Святополку. «Се прислал Владимир сына своего, сказали мужи, да идет во Владимир, а се Новгородцы, поимше сына твоего, да идут Новгороду». А новгородцы отвечали напротив: «Мы присланы к тебе, и сказано нам вот что: не хотим Святополка, ни сына его; если у сына твоего две головы, так пошли его. А Мстислава дал нам Всеволод, мы воскормили его себе князем, ты же ушел от нас».

Святополк долго спорил с ними, они не соглашались и увели к себе Мстислава назад.

На следующий год (1103) Мономах, в исполнение любимой мысли своей, опять начал звать князей на половцев. Святополк передал мысль дружине. «Негоже идти весною, возра-

зили мужи, мы погубим смердов». Решено князьями сойтись и подумать с дружинами вместе. Собрались все на Долобске в одном шатре. Владимир обратился к Святополку: «Брат, ты старший, начни говорить, как нам промыслить о Русской земле». А Святополк отвечал: «Нет, начни ты». Владимир сказал: «Что мне говорить, когда твоя дружина и моя собираются спорить со мною, будто я хочу погубить смердов. Дивно мне, братья, что вы жалеете смердов и их коней, а о том не думаете, что выедет весною смерд пахать со своею лошадью, и наскочит половчин, ударит смерда стрелой и возьмет ту лошадь его, и потом жену его, и детей, и гумно зажжет, — что же вы об этом не подумаете? Или вам лошади жаль, а смерда не жаль?» Никто не мог опровергнуть слов Владимира. Вся дружина согласилась: «Воистину, это так»; и Святополк ответил: «Я готов». Они послали звать Давыда и Олега: «Пойдем на половцев, либо живы будем, либо умрем». Давыд согласился, а Олег отговорился нездоровьем. Присоединились к ним еще Давыд полоцкий, Мстислав Давыдович, Вячеслав, другой сын Ярополка.

Князья пошли в поход на конях и в ладьях. Ниже порогов они остановились в протоках, на Хортичем острове, отсюда перебрались в поле, и через четыре дня достигли Сутеня. Увидев сильное устремление на себя, поганные не выдержали и побежали. Победа была одержана совершенная. Русские взяли тогда в землях половецких множество скота, овец, верблюдов, челяди и возвратились домой со славой великой, повоевав еще по пути печенегов и торков.

В 1107 году явились Боняк, Шарукан старый и много других князей в Переяславском княжестве, которое чаще всего подвергалось нападениям, лежа на их пути. Святополк, Владимир, Олег и прочие быстро собрались против них, переправились через Сулу и ударили. Половцы, не ожидая, испугались, со страха не могли даже поставить стяга, бросились к коням и стали их хватать, а иные побежали пешие, оставя свои товары.

Половцы после этого поражения утихли, набегали очень редко и всегда были отражаемы. Мономах доставил, таким образом, мир Русской земле, и извне, и внутри (самое труд-

ное дело, какое только можно было сделать в эти тревожные времена), ибо междоусобия утихли, также благодаря его деятельному участию в делах и благоразумию.

В 1111 году, по вызову Владимира, собрались князья, дали друг другу клятву и на второй неделе поста выступили на половцев в землю их, Святополк, Владимир, Давыд с сыновьями, и прочие. На шестой неделе поста во вторник они пришли к Дону.

Здесь облачились они в брони, построили полки и приблизились к городу Шаруканову. Владимир приставил своих попов ехать перед полком, петь тропари и кондаки креста честного и канун Святой Богородицы. Они подступили к городу перед вечером, а поутру в воскресенье жители вышли к ним навстречу с поклоном, вынесли рыбы и вина. Князья русские здесь переночевали, на завтра, в среду, пошли к Сугрову и зажгли город, в четверг выступили с Дона и 24 марта сошлись с половцами.

Битва решилась в нашу пользу. Князья воздали хвалу Богу и праздновали здесь свою победу.

В воскресенье пошли они дальше, и в понедельник на Страстной неделе встретились с новыми полчищами половцев, которые «выступиша яко борове велиции и тмами тем оступали полки русские». Полки ударили одни на другие, и «сразившимся челома тресну аки гром». Началась лютая сеча, и люди падали с обеих сторон. Наконец, победа опять склонилась на сторону русских князей, и половцы были разбиты наголову при реке Салнице.

Князья русские вернулись с великой честью и добычей. Слава об их победе разнеслась по всем дальним странам — к грекам, ляхам и чехам, даже и до Рима дошла, говорит летопись. Разумеется, она по праву больше всех принадлежала Мономаху, о котором навсегда осталось предание, как о победителе половцев, избавителе Русской земли от поганых.

Этим знаменитым походом закончилось двадцатилетнее княжение Святополка. В следующем году он занемог и скончался за Вышгородом почти шестидесяти лет (1113 г., апреля 16).

Из детей после Мстислава, убитого в 1099 г. при осаде Владимира, остались Ярослав, княживший во Владимире с 1100 года, и малолетние: Брячислав (род. 1104) и Изяслав.

Киевляне, собравшись на другой день по смерти Святополка, 17 апреля 1113 года, положили на вече посадить на киевском столе Владимира, сына Всеволода, и послали в Переяславль звать его на стол отцов и дедов.

Владимир пришел в Киев. Митрополит Никифор, епископы и киевляне встретили его с честью великой, — и сел он на столе отца своего и деда.

Как проводил Мономах свое время, как велось его хозяйство и как делались его дела, всего яснее видно также из его Поучения, написанного, разумеется, по образцу его собственной жизни, согласно с общим обычаем:

«Да не застанет вас солнце на постеле, говорит Мономах, так жил отец мой и все добрые мужи совершенные. Отдавши хвалу Богу заутреннюю, и потом увидев солнце восходящее, прославите Бога с радостию и говорите: просвети очи мои, Христе Боже, яко дал мне еси свет Твой красный! и еще: Господи, при-

ложи ми лето к лету, да грехов моих покааясь, оправдаю живот. Потом седше думати с дружиною, или люди справливати, или на лов, на игру ехати, и лечь спати: спати от Бога присуждено полудне; от чина почивают и звери, и птицы, и человеки...

В доме своем не ленитесь, но все видите. Не надейтесь на тиуна, или отрока, чтоб приходящие не посмеялись ни вам, ни дому вашему, ни обеду вашему; на войну вышед, не надейтесь на воевод, не лагодите ни питью, ни одеянью, ни спанью: сторожей наряжайте сами, и все изрядивши, ложитесь спать подле воев; оружия вы не снимайте, — ленощами, врасплох, человек погибает внезапно; а вставайте рано. Лжи блюдитесь, и пьянства, и блуда, в том душа погибает и тело...»

Таков был Владимир Мономах.

Русская земля могла теперь обещать себе мир и тишину еще более, нежели прежде. Владимир, владея княжествами — великим Киевским, Переяславским, Смоленским, Суздальским и в некотором отношении Новгородским, был так силен, что никто не мог с ним спорить.

Он посадил в Переяславле сына Святослава, а после Ярополка, в Смоленске Вячеслава, в Суздале Юрия, старшего Мстислава призвал (1117) из Новгорода и посадил в Белгороде, вероятно, чтобы иметь его при себе и в случае своей смерти оставить ему Киев; в Новгороде сел внук его, сын Мстислава, Всеволод.

Внутреннее спокойствие, какого никогда не было на Руси, ни прежде, ни после, нарушилось, но ненадолго, притязаниями двух князей: Глеба минского (1116) и Ярослава, сына Святополка, владимирского (1117); они были тотчас усмирены и отдались Владимиру во всю волю.

Святополчич бежал, однако же, вскоре к уграм, — бояре отступились от него, — и Мономах отдал Владимир сыну Роману. На третий год беглец приходил было с ляхами к Червну при посаднике Фоме Ратиборовиче, но, не успев ничего, ушел, а на пятый год уже с большими силами — уграми, ляхами, чехами, к которым, вероятно, принуждены были присоединиться и Ростиславичи, — пришел под Владимир, где княжил сын Мономаха Андрей, занявший место умершего Романа. Мо-

номах тотчас начал собирать войско, чтобы вместе с сыном Мстиславом идти на помощь к Андрею, но судьба помогла ему сама. Ярослав, уверенный в успехе, подъехав близко к стенам, требовал сдачи и, грозя князю Андрею и гражданам, говорил: «Город мой; если вы не выйдете с поклоном, то увидите, что будет, завтра приступлю и возьму город». Он ездил еще под острогом, как вышли два ляха, замыслившие убить его, неизвестно по какой причине, и легли под взездом, а когда он возвращался назад и спустился по взезду, на пути к своим товарищам, ляхи выскочили навстречу и пронзили его. Едва унесли его еле дышащего, и в ночь он умер. Угры, ляхи и чехи ушли восвояси, Володарь с Васильком также. К Владимиру посланы послы с мольбой и дарами. Так избавился он без всякого со своей стороны усилия от могучего врага, и богатое княжество Владимиро-Волынское досталось его роду. Летописец приписывает неожиданный успех смирению Мономаха, в противоположность гордости Ярослава.

Новгородцы, имея у себя молодого внука Мономаха, решились было на самоуправство

и ограбили Даньслава и Ноздрчу, без сомнения, преданных Владимиру бояр, и действовавших вопреки новгородцам в его пользу. Владимир разгневался, как сказано в самой Новгородской летописи, велел Мстиславу привести всех бояр новгородских в Киев, завел их честному кресту, поточил виноватых и особенно сотского Ставра, а прочих отпустил домой. Случай необыкновенный в новгородской древней истории, доказывающий силу и могущество Мономаха.

Через год он даже послал туда своего посадника Бориса.

Таким образом, Мономах овладел почти всей Русской землей, по крайней мере, заставил себя слушаться везде. Киев, Переяславль, Смоленск, Суздаль, Ростов, Владимир, даже самый Новгород, принадлежали ему совершенно, Полоцк почти, и только черниговские князья, хотя и покорные, и галицкие, оставались самостоятельными.

Всех соседей Владимир держал в страхе. Сыновья, по указаниям его, ходили во все стороны и везде разносили страх русского имени, как то было в первые десятилетия нор-

маннского владычества.

Мономах, уже седой старец, приближался к закату дней своих, оставаясь старшим князем из всего Владимирова и Ярославова рода; старшие двоюродные его братья, от Владимира и Изяслава, скончались гораздо прежде, а Святославичи, Олег в 1115 и Давыд в 1125 году, кроме младшего Ярослава, который был годами, впрочем, моложе его. Даже из младших его двоюродных братьев никого при нем не оставалось в живых.

Всех своих сыновей он успел женить и всех дочерей выдать замуж при своей жизни, даже некоторых внуков и внучат, и посредством этих браков вошел в родство со многими европейскими государями.

Свои владения Мономах разделил между сыновьями следующим образом: старшему Мстиславу он отдал стол великого княжества Киевского, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туров, Георгию Суздаль, Андрею Владимир, Всеволоду, внуку, Новгород. Распоряжения его простирались даже на внуков.

Этот славный, уважаемый, любимый всеми, ужасный врагам князь русский скончал-

ся в 1125 году, на берегу Альты, близ построенной им церкви святых мучеников Бориса и Глеба, 73 лет от рождения, княжив в Киеве 13, в Переяславле около 20 лет.

Стол киевский был занят старшим сыном Мстиславом. Владение Мономаха хотя и разделилось между пятью его сыновьями, но они все находились в полном послушании у старшего, благодаря его доблестям.

Княжение его, впрочем, очень кратковременное, 1125–1132, было совершенным продолжением Мономахова, грозное как для внешних, так и для внутренних врагов. Половцы, пытавшиеся напасть на Переяславское княжество, были отражены братом великого князя Ярополком, но Мстислав тем не удовольствовался: он послал своих воевод на дикое кочевое племя, прогнать их как можно далее от русских пределов.

В 1127 году, то есть на второй год после своего вступления на великокняжеский стол, он снарядил общий поход против полоцких князей: брату Вячеславу он велел идти на кривичей из Турова, брату Андрею из Владимира, зятю Всеволоду из Городна, Вячеславу

Ярославичу из Клеческа. Сборное место их назначено под Изяславлем. Всеволод Ольгович должен был идти на Стрежев к Борису, Иван Войтишич с торками, сын Изяслав из Курска, сын Ростислав из Смоленска, к Дрютеску, сын Всеволод с новгородцами к Неклочу.

Все князья должны были выступить в один день, 11 августа. Полочане, стесненные со всех сторон, должны были покориться, по взятии Логожска и Изяславля, выгнали от себя князя Давыда Всеславича с сыновьями, и приняли от руки Мстислава Рогволода.

Через два года (1129) Мстислав опять разгневался на полоцких князей и послал за ними привести их в Киев. Здесь, посадив в три ладьи Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей, с женами их и детьми, двух Рогволодовичей, «поточи их Цареграду за непослушание их», а города кривские отдал в управление своим мужам.

На Святой неделе в пятницу, 15 апреля 1132 года, Мстислав скончался, предоставив княжение брату Ярополку и отдав ему на руки своих сыновей.

Семейство осталось после Мстислава многочисленное — сыновья: Всеволод, княживший в Новгороде (изгнанный оттуда и скончавшийся вскоре в Пскове), Изяслав и Ростислав, сидевшие на великокняжеском столе, один после другого, Святополк и Владимир, родившийся в год его смерти.

Мстислав получил пятую часть из Мономахова наследства, а теперь его пятая часть разделилась еще на четыре.

Потомство Мстислава знаменито в Русской Истории подвигами Ростиславичей и преимущественно родом старшего сына Изяслава, через внука Мстислава, и правнука Романа вольнского, давшего столько славных государей княжеству и королевству Галицкому.

С Ярополка (1132) собственно начинается смятение в Древней Руси. Число князей увеличилось. Три степени или поколения были уже на поприще действий, которые входили между собою в состязание.

Случилось, что способнейшие нашлись между младшими, а самый старший был слаб и мягок, не похож ни на отца Мономаха, ни на брата Мстислава. Он захотел прежде всего

исполнить слово, данное умершему великому князю, и пристроить его детей. С этой целью призвал он из Новгорода старшего племянника Всеволода, и предоставил ему Переяславль.

Братья перепугались, думая, что Ярополк хочет и Киев отдать ему после своей смерти, взялись за оружие, и не успел Всеволод сесть на своем столе, как на другой же день выгнал его оттуда дядя Юрий, и он вынужден был возвратиться к новгородцам, которые его, однако же, не захотели принять.

Ярополк выгнал Юрия, в свою очередь, через восемь дней, из Переяславля и призвал туда другого племянника, Изяслава из Полоцка. И этот просидел немного более своего старшего брата, вынужденный уступить княжение Вячеславу, вследствие нового договора братьев, которые, видно, успели охладить привязанность великого князя к племянникам (1133).

Полочане так же, как и новгородцы, не были довольны переменой, выгнали от себя оставленного Мстиславича и призвали одного из возвратившихся своих князей, Василька.

Изяслав получил Туров и Пинск в дополнение к оставшемуся у него из прежней волости Минску. Но недолго владел и Туровом. Вячеслав прогнал его оттуда (1134), оставив Переяславль, отданный великим князем младшему брату Юрию в обмен на Суздаль, Ростов и прочую область.

Тогда, улучив благоприятную пору, поднялись Ольговичи, лишившиеся Курска. Соединившись с Давыдовичами, они начали войну против великого князя, под предводительством своего брата Всеволода, который, видя слабость и распри, без дальнейшего повода, рад был случаю в мутной воде наловить себе рыбы.

Мстиславичи, оставшиеся вследствие всех этих переворотов ни с чем, решились присоединиться к ним, против своего несчастливо-го благодетеля.

Изяслав, которого брат Всеволод хотел было с новгородцами посадить в Суздале, узнав о происшедшем на юге, прибыл, после неудачного похода до Дубны, в Чернигов (1134).

Начались походы из Киева в Чернигов и из

Чернигова в Переяславль и Киев. Села на обеих сторонах горели, и жители убегали спастись в лесах.

Великий князь, с намерением расстроить составившийся против него союз, дает, наконец, Изяславу Владимир, из которого Андрей перешел в Переяславль. Юрий должен был идти назад в Залесскую сторону. Но Ольговичи продолжали искать своего. «Что наш отец, твердили они, держал при вашем отце, то хотим и мы держать при вас. Если нет, то не пеняйте на то, что будет; вы виноваты, на вас наша кровь». Следующий год весь прошел в военных действиях. Ольговичи напали на Переяславль. Великий князь поспешил к брату на помощь (1135). В верховьях Супоя противники сошлись. Половцы побежали. Киевская дружина за ними, а князья остались одни. Василько Маричич, внук Мономаха, пал, и многие за ним с обеих сторон. Братья — Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей, увидев полки свои расстроенными, отъехали восвояси, а бояре их, возвратясь из погони на помощь с тысяцким, попали Ольговичам в руки.

Всеволод устремился на Киевскую область

и все не мог ничего сделать. Увидя, что Ярополк начал собирать войско против него, он отошел к Чернигову. Начали переговоры о мире, но никак не могли договориться. Зимой Ольговичи опять явились с половцами на киевской стороне Днепра, воевали от Триполя около Красна и Василева до Белгорода по Желани, и далее, до древлян.

Воины Ярополка собрались во множестве со всех земель; он мог надеяться на успех, но не захотел проливать крови, уступил, «сотворися мний», и отдал Ольговичам то, чего они хотели, вопреки мнению братьев и дружины, которые, во что бы то ни стало, хотели решить распрю оружием. Свои укоряли и хулили его за это смирение, но зато он прекратил тем брань лютую (1136).

Ольговичи недолго оставались в покое. Всеволод искал, видно, больше того, что получил. Он хотел всего, и чем сильнее становился, тем был все жаднее.

Он опять привел половцев и ворвался с ними в Переяславское княжество, взял Прилук и другие города, собрал Посульское. Ярополк, как ни желал мира, понял, что добром

ничего ни сделаешь, и решил покончить с ним разом. Созвался со всеми братьями и племянниками, вытребовал к себе суздальцев и ростовцев, смольнян и полочан, туровцев. От Васильковича и Володаревича пришли галичане, и от короля венгерского поспела помощь, призваны берендеи. С такой силой явился великий князь под Черниговом. Всеволоду пришлось плохо, надеяться было не на что, он оробел и решил бежать, но черниговцы не пустили его и заставили смириться перед Ярополком; «и тот простил его, милостивый нравом, подобно отцу».

Вскоре по заключении мира Ярополк скончался. Следующий за ним брат его Вячеслав немедленно прибыл в Киев (24 февраля) и занял его место.

Но неугомонный Всеволод и не думал оставить его там в покое. Он вздумал захватить себе великое княжество и выгнать Вячеслава из Киева, как прежде выгнал тот дядю Ярослава из Чернигова. Собрал малую дружину, сколько случилось под рукой, он с братьями явился тотчас под Вышгородом и занял его. На другой день подступил он к Киеву, стал в

Копыреве конце и начал зажигать дворы под городом (4 марта), послал сказать Вячеславу без всяких околичностей, чтобы тот шел вон. Вячеслав не мог противиться.

Всеволод Ольгович (1139) стал великим князем, не имея на то ни малейшего права, как сын отца, не сидевшего никогда в Киеве, как младший даже в своем роде, сравнительно с Давыдовичами.

Занять киевский стол удалось легко, но удержать его оказалось гораздо труднее. Сыновья Мономаха, Вячеслав, Юрий и Андрей, естественно, негодовали на Всеволода, который лишил их отцовского наследия; племянники их, Мстиславичи, теряя законную и верную надежду заступить некогда их место, не могли чувствовать к нему расположения. На собственных братьев, родных и двоюродных, не мог он вполне полагаться, потому что у них были свои особенные причины к неудовольствию. Черниговом Всеволод владел не по праву, выгнав родного дядю Ярослава; собираясь на Киев, он обещал дать под собою Чернигов брату Игорю. Тот и явился за исполнением обещания, но Всеволод отдал Черни-

гов Давыдовичам, которым следовал он по праву и которые его давно дожидались. Таким решением он перессорил братьев между собою. Родные отошли от него, раздраженные, готовиться к наступательным действиям.

Всеволод не боялся этих опасностей. Он хотел один держать всю землю Русскую и, предупреждая законные притязания Владимировичей, равно как и Мстиславичей, лишить их средств вредить себе, отнять у них остальные волости: Туров у Вячеслава, Переяславль у Андрея, Владимир у Изяслава, Смоленск у Ростислава.

Замыслы обширные, для исполнения которых ему необходима была помощь, и он начал искать ее.

Первые помощники были половцы, издавна ему знакомые, готовые за серебро и золото воевать, с кем угодно.

На ляхов мог он надеяться по родственным связям.

Давыдовичи должны были служить ему в благодарность за уступленный им Чернигов.

Галицким князьям обещал участие в добы-

че на Волыни.

Новгородцы были на его стороне после ссор с Юрием и просили его брата или сына.

Наконец, братьев он привлекал видами на вознаграждение из будущих приобретений.

Всеволод распорядился вот как: сам с сыном Святославом пошел на Переяславль; галицкие князья должны были ударить на Владимир, Ольговичи на Туров, новгородцы на Суздаль.

Меры задуманы хитро, но привести их в действие оказалось по времени неудобным; они не удались, и Всеволод должен был ограничить свои желанья.

Он стоял на Днепре и послал к Переяславлю брата Святослава. Андреева дружина встретила его, разбила и преследовала, но князь не пустил ее гнаться дальше границы.

Великий князь нашел себя вынужденным отказаться хоть на время от своего намерения и оставить Переяславль за Андреем. Он потребовал только, чтобы Андрей всегда держал его сторону. Они заключили мир, и Андрей целовал крест. В эту же ночь загорелся Переяславль; воины Всеволода не тронулись

с места. На другой день, поутру, Всеволод прислал сказать Андрею: «Видишь, я креста не целовал еще тебе, а у вас случился пожар. Это мне Бог давал, — вы сами зажгли. Я мог сделать с вами все, что мне угодно, если бы хотел вам лиха. Смотри же, исправляй, в чем целовал крест. Исправишь, — то добро, а не исправишь — рассудит Бог».

Всеволод поцеловал крест и оставил Андрея в покое. Он не достиг своей цели, но, по крайней мере, приобрел союзника.

Отряд галицкий успел еще менее: воины, шедшие на Изяслава Мстиславича к Владимиру, дойдя до Горыни, всполошились от неизвестной причины и вернулись восвояси, не сделав ничего.

Ляхи опустошили только Владимирскую волость, Давыдовичи Туровскую.

Вячеслав и Изяслав решили просить мира у Всеволода и послали к нему послов договариваться. Всеволод не хотел было их слушать, но после, подумав, что нельзя ему быть без них, дал им их прошение и поцеловал крест.

Таким образом, хотя он не успел взять себе власть, как хотел, но, по крайней мере, удерж-

жал за собою Киев и примирил себе Владимировичей и Мстиславичей.

Новгородцы, принявшие к себе Святослава Ольговича, не поладили с ним, и он прислал сказать брату: «Тягота в людях сих, не хочу оставаться с ними; присылай сюда, кого хочешь».

Всеволод послал Ивана Войтишича и велел ему привести к себе лучших людей, думая дать новгородцам сына. Новгородцы пуще взволновались и начали избивать приятелей Святослава. Всеволод, услышав о новгородском смятении, не пустил ни сына, ни мужей новгородских, к нему приведенных. Новгородцы прислали епископа с послами просить сына, «а брата не хотим». Всеволод, наконец, согласился, но когда тот отправился, они передумали и отказали наотрез: «Не хотим ни сына, ни брата твоего, ни племени вашего, но хотим племени Владимира: дай нам шурина, Изяслава Мстиславича». Всеволод рассердился; ему жаль было отдать Новгород Великий племени Владимира; он вернул сына и послов, а Мстиславичей позвал к себе и дал им Берестий: «Новагорода не берите, пусть поси-

дят сами о своей силе. Где найдут они князя!» Новгородцев держал он все лето и зиму, и с епископом.

Они соскучились сидеть без князя, да и жито не шло к ним ниоткуда. Они послали к Юрию во второй раз за его сыном Ростиславом. Всеволод рассердился, занял Городец Острьский и некоторые другие города. Изяслав Мстиславич обратился к сестре и уговорил ее выпросить у мужа Новгород брату их Святополку. Всеволод, наконец, согласился, и задержанные им мужи новгородские устроили это дело так, что новгородцы в третий раз отпустили от себя Ростислава и приняли Святополка. Мстиславичи были, таким образом, удовлетворены, имея Владимир и Новгород.

Скончался Андрей Владимирович, и жадный Всеволод не мог упустить случая расширить свою власть. Он послал сказать Вячеславу в Туров: «Ты сидишь в Киевской волости, а она принадлежит мне. Ступай в Переяславль, отчину свою». Туров он отдал своему сыну Святославу.

С чужими Всеволод кое-как управился, но свои озлоблялись на него больше и больше:

до сих пор они не получили от него почти ничего; только Святослав, по возвращении из Новгорода, после продолжительного спора, получил Белгород для разлучения с Игорем. «Дает волости сыну, говорили они, а братью не наделяет ничем».

Они домогались себе вятичей и заключили договор с Давыдовичами, ходив на них перед тем к Чернигову ратью.

Всеволоду неприятен был такой союз. Всех братьев пригласил он к себе в Киев для любовного соглашения. Они пришли. Святослав, Владимир, Изяслав стали в Ольжичах, а Игорь у Городца. Начались споры. Святослав поехал к Игорю и спросил его: «Ну, что дает тебе брат старейший?» «Дает нам всем по городу, отвечал Игорь, Берестий и Дрогичин, Черторыск и Кляческ, а отчины своей не дает Вятичей».

Все братья поцеловали крест между собой, первыми Святослав с Игорем, а потом на другой день оба с Давыдовичами, чтобы действовать заодно против Всеволода: кто отступит крестного целования, тому крест пусть мстит.

Всеволод позвал всех братьев к себе на

обед; они не пошли и велели ему сказать: «Ты сидишь в Киеве, и мы Киевской волости не хотим, а просим у тебя Черниговской и Новгородской».

Но Черниговской и Новгородской волости Всеволод никак не хотел уступить им, а стоял на том, чтобы они взяли предложенные четыре города.

Братья, рассорясь со Всеволодом, пошли ратью на Вячеслава к Переяславлю, который добыть себе хотелось Игорю. Начались сражения. Всеволод прислал Лазаря саковского к Вячеславу на помощь. Поспешил к нему и Изяслав из Владимира, бился несколько раз с ними и вынудил отойти прочь. В это время шел Ростислав к зятю из Смоленска с полком своим и, услышав о битвах Ольговичей под Переяславлем, повоевал волость их около Гомия. Изяслав двинулся и опустошил села около Десны и около Чернигова. Игорь опять явился с братьями под Переяславлем, бился три дня и, не успев ничего, возвратился во свояси. Вражда разгоралась сильнее и сильнее.

Всеволод прибег к новому средству: вы-

звал из глубины киевских пещер брата Николу-Святошу, который давно уже променял броню на вретнице и спасался в своей келье, исправляя строго все монашеские послушания. Ему поручил Всеволод быть посредником и передать братьям: «Братья, возьмите у меня с любовью, что я вам даю: Городец, Рогачев, Берестий, Дрогичин, Клеческ, и перестаньте воевать с Мстиславичами».

Они послушались святого отшельника, и на зов Всеволода приехали все вместе в Киев.

Но лукавому Всеволоду больше всего не хотелось, чтобы братья договорились между собой: прежде всего ему надо было разделить их. Он послал сказать Давыдовичам: «Отступитесь от моих братьев, я вас наделю». И они отступились, изменив крестному целованию. Всеволод обрадовался разлучению и дал Давыдовичам Берестий, Дрогичин, Вщиж и Ормину. А потом послал за братьями и дал им: Игорю Городец, Юрьев и Рогачев, а Святославу Клеческ и Черторыск. Братья, оставшись одни, вынуждены были согласиться и разошлись неудовлетворенные. Неудовольствие усилилось вскоре вот от чего: Вячеслав, сне-

сясь с Всеволодом, опять отдал Переяславль племяннику Изяславу и отошел в свой Туров, а Владимир получил сын Всеволода Святослав.

Ольговичи озлобились. Дружба брата с Мстиславичами, особенно с Изяславом, который приобрел, кажется, полное его доверие, тревожила их до крайности: они видели в нем соперника, который ни за что не уступит им Киева. Они приставали беспрестанно к брату, чтобы он пошел против Мстиславичей, но он не послушался.

Около этого времени появляется на сцене новое действующее лицо, Владимирко галицкий, который объявил войну Всеволоду, желая распространить свои владения на Волыни.

Всеволод поднялся со всеми силами: Ольговичи, Давыдовичи, Мстиславичи, Всеволодовичи, Владислав, лядский князь, и прочие, пошли под его предводительством на Владимирка, и принуждали его поклониться Всеволоду, но тот и слушать не хотел, надеясь на пришедших к нему в помощь угров. Они не оказали ему, однако же, никакой пользы.

Полки его были обойдены, и галичане испугались. «Мы здесь стоим, а там полонят наших жен и детей». Владимирко, видя беду неминуемую, обратился к Игорю: «Если ты примиришь меня со своим братом, то по Всеволодовом животе я помогу тебе про Киев». И так склонил он лестью на свою сторону Игоря, который, на беду себе, только и думал, что о Киве.

Игорь начал просить брата и даже выговаривать ему с сердцем, когда тот показал нерасположение: «Ты обрек мне Киев, а приятелей не даешь мне наживать, стало быть, ты не хочешь мне добра».

И послушался Всеволод, дал Володимирку мир, впрочем, за большую цену. Владимирко приехал, поклонился ему и вручил за труд 1400 гривен серебра. Всеволод поздоровался с ним и, принимая серебро, сказал: «Ну вот, отсчитал ты, смотри же, больше не греши». Примирив его, возвратил ему Микулин и Ущицу. Так закончился первый галицкий поход. «Владимирко много говорил сперва, замечает летописец, а после много заплатил». Серебро Всеволод не оставил у себя, но одарил

всех братьев, кто был с ним в походе.

Возвратившись из похода, Всеволод занемог и, беспрестанно побуждаемый братом, созвал, наконец, братьев в Киев (1145) и объявил: «Владимир посадил по себе в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав посадил брата своего Ярополка, а я молвлю: если Бог возьмет меня, то я даю Киев по себе брату моему Игорю». Изяславу Мстиславичу было это очень не по душе, но спорить было нельзя, и он вынужден был целовать крест. Все братья сели у Всеволода в сенях, и он сказал: «Игорю, целуй крест, чтобы иметь тебе братью в любовь, а вы, Владимир, Святослав, Изяслав, целуйте крест Игорю — быть довольными, что он даст вам по воле, а не по принуждению». И все поцеловали крест. Когда присяга кончилась, Всеволод продолжал: «Подбивает меня Владислав, лядский князь, на своих братьев». Игорь убедил его побережь себя и остаться дома, а их отпустить. Тот согласился, и они пошли, кроме Изяслава Мстиславича, отговорившегося болезнью, — проникли во внутренность Лядской земли.

Братья Владислава смирились и уступили

ему четыре города, а русским князьям Визну.

Владимирко замышлял что-то на великого князя за покровительство племяннику, Ивану Берладнику, который, после неудачной попытки в Галиче, нашел у него убежище. Всеволод, которому стало получше, решил предупредить его замыслы, собрался со всеми князьями и пошел на него войной. Дорога испортилась, и воины едва достигли Звенигорода, сожгли острог в первый день, и жители на вече решили было сдаться, но воевода Иван Халдеевич велел схватить трех мужей, подавших совет сдаться, разрубил их пополам и выбросил тела из города, пригрозив тем же и прочим. Звенигородцы начали биться без лести. Всеволоду очень хотелось взять город: три дня приступали его воины, бились от ранней зари и до вечерней, зажигали несколько раз — ничто не помогало, и он вынужден был снять осаду.

Всеволод, возвратившись, в Киев, почувствовал себя очень дурно, послал за братьями и призвал киевлян к себе на остров под Вышгородом. «Я очень болен, сказал он им, вот брат мой Игорь, отдайтесь ему». Киевляне от-

вечали: «Рады, отдаемся». 1 августа 1146 г. скончался Всеволод и был погребен у святых мучеников.

Игорь созвал киевлян на Ярославов двор и получил от них новую присягу. Дав присягу, они собрались еще у Туровой божницы и прислали звать Игоря. Игорь поехал с братом Святославом и, остановившись в некотором отдалении с дружиной, отправил к ним брата на вече. Киевляне начали жаловаться на тиунов Всеволода, на киевского — Ратшу и вышгородского — Тудора: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород, а ныне, княже Святославе, целуй нам крест с братом, что вы не отдадите нас в обиду». Святослав отвечал: «Целую вам крест и с братом, что вам не будет никакого насилья, а вот и тиун на вашу волю». Святослав слез с коня и поцеловал крест на вече, и киевляне, слезши с коней, поцеловали крест: «Брат твой князь и ты — целуем крест, оже не льстить ни под Игорем, ни под Святославом». Взяв с собою лучших мужей, Святослав возвратился к Игорю и сказал: «Брат, на том целовал я крест им, чтоб тебе их любить и иметь в правду». Игорь слез с коня

и целовал крест на всей их воле, по слову братнему, и отъехал обедать, а они бросились грабить Ратшин двор и мечников. Игорь послал к ним брата Святослава с дружиной, и тот едва усмирил мятеж.

Тогда же послал Игорь и к Изяславу Мстиславичу, сказать ему: «Се брата нашего Бог понял — стоишь ли ты в крестном целовании?» Он ответа на эту речь не дал и посла не отпустил.

Не понравился, однако же, киевлянам Игорь. Они послали в Переяславль сказать Изяславу: «Иди, князь, к нам, хотим тебя». Изяслав того и ждал; собрав тотчас войско, он взял благословение у епископа Евфимия, в соборе Святого Михаила, и пошел на Киев, переправившись через Днепр у Заруба. «Я Киева ищу не себе, говорил он, отец мой, Вячеслав — брат старший, ему ищу я Киева!» На той стороне Днепра явились к нему черные клобуки и все Поросье: «Ты нам князь, а Ольговичей не хотим, ступай скорее, мы с тобою». Изяслав двигался вперед. В Дерновое пришли белгородцы и василевцы с теми же речами: «Иди, иди, не хотим Ольговичей». На-

конец, показались и киевляне, повторяя то же: «Иди, иди, ты наш князь, не хотим быть за Ольговичами; где увидим твой стяг, туда готовы и мы».

Изяслав был в полном удовольствии. Сознавая в поле всех своих приверженцев, христиан и поганых, он сказал: «Братья! Всеволода имел я в правду братом старейшим; он был старше меня, брат и зять, ровно отец, а этим (то есть Игорю и Святославу) не уступлю. Что Бог даст — либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отца своего и деда». Изяслав шел, не останавливаясь.

Игорь увидел, что Киев сохранить ему будет труднее, нежели приобрести. Надо было подготовиться к борьбе с открывшимся врагом. Надеяться он мог только на родного брата Святослава, а двоюродные, Давыдовичи, находились с ним издавна в неприязненных отношениях. Он послал к ним, однако же, спросить, может ли полагаться на их верность. Они потребовали много волостей. От крайней нужды, Игорь дал им все, чего они просили, лишь бы только пришли к нему с помощью.

Кроме внешней помощи нужно было застраховаться и дома, приобрести благорасположение знатнейших бояр: Игорь призвал к себе Улеба тысяцкого, Ивана Войтишича, Лазаря саковского и старался заверить их, что у него им будет так же хорошо, как и у брата.

Бояре обещали, но они-то первые и изменили ему; они-то, приняв честь великую и от Всеволода, и от Игоря, совместно с киевлянами предали нового князя, вынуждая его выступить навстречу Изяславу Мстиславичу, а того торопили к себе, говоря: «Скорее, Давыдовичи идут с помощью. Лишь только ты покажешься, мы бросим стяг и побежим с полком в Киев».

Изяслав приблизился, наконец, к Киеву и стал перед валом, где есть Надово озеро у Шелвова борка. Игорь с братом и племянником готовился к битве. Улеб и Иван, приехав в свои полки, бросили стяги и повернули к Жидовским воротам. Киевляне прислали к Изяславу взять к себе его тысяцкого со стягом; берендеи переправились через Лыбедь и захватили Игоревы товары около Золотых ворот. Несчастный Игорь увидел измену, но ре-

шил испытать счастья и пошел со своими на Изяслава, который стоял за озером. Во время битвы Игорь отстал от других, забрав один далеко в сторону. Конь его увяз, и никто не знал, что с ним случилось. Брат его Святослав бежал к устью Десны, за Днепр; племянник Святослав Всеволодович прибежал в монастырь Св. Ирины, где и был захвачен.

Изяслав со славой и честью великой вступил в Киев и сел на столе отца своего и деда.

Святослава Всеволодовича Изяслав оставил при себе и дал ему пять городов: Бужск, Межибожье, Котельницу и проч.

Игорь найден был уже через три дня в болотах и приведен к Изяславу, который, заковав, велел отослать его в Переяславль и посадить в темницу в монастыре Св. Иоанна.

О дяде Вячеславе, который искал будто Киева, Изяслав забыл, но тот помнил свое старшинство и если не надеялся оспорить Киева, то хотел возвратить себе, по крайней мере, города, отнятые у него Всеволодом, и, осмелев, занял даже Владимир, куда посадил племянника малолетнего, Андреевича. Изяслав не думал, однако же, допустить такое само-

управство: он послал сына Мстислава и племянника Святослава отнять у него даже Туров и посадить там брата Ярослава, что и было исполнено.

Давыдовичи, враждебные Ольговичам, предложили ему свой союз, с тем, чтобы он помог им покорить себе Северское княжество.

Изяслав приходил к ним на сейм и дал им сына Мстислава с переяславцами и берендеями: «Идите на Святослава, если не выйдет перед вами, станьте около и дожидайтесь меня. Я приду вам на смену и осажу его, а вы возвратитесь домой отдыхать».

Такая беда собиралась над Святославом, но и он не сидел сложа руки: если не нам, то доставайся же Киев кому-нибудь, лишь бы не Изяславу, — и он рассчитал верно, кто будет помогать ему с ревностью: это младший сын Мономаха, Юрий, который давно уже желал оставить свою лесную сторону, занял Переяславль внезапным набегом, выменял его у брата Ярополка на Ростов и Суздаль, но все ненадолго, и, наконец, вынужден был опять возвратиться восвояси. Юрий, разумеется, никак не мог теперь смотреть равнодушно на водво-

рение племянника в Киеве. Он обрадовался союзнику и прислал к нему сына Ивана на помощь, которому тот отдал Курск с Посемьем.

Давыдовичи отправились в поход и опустошали все по пути. Они подступили к Новгороду, потом к Путивлю, преследуя Святослава, который был принужден, наконец, удалиться с семейством своим и братним в лесную сторону. Изяслав Давыдович пустился за ним один в погоню и был им разбит 16 января 1147 года.

Князья вскоре узнали о неудаче. Изяслав Мстиславич, который, между тем, подоспел к ним, как и обещал, распалился еще более на Святослава. Собрав дружины свои, он поспешил с братьями на Святослава к Карачеву. Целый день, вплоть до ночи, шел он вперед, воюя и все разоряя. По дороге собиралась к нему разбитая дружина. К полудню пристал и пораженный Изяслав Давыдович.

Святослав, не надеясь выдержать второго соединенного нападения, бежал ночью за лес к вятичам.

Киевский князь остановился. «Я дал вам

волости, сказал он Давыдовичам, все, чего вы хотели: вот Новгород, вот и все Святославово имение. Что окажется здесь его, челяди и товара, то разделим на части, а Игоревое все мое». Так и было исполнено. Изяслав оставил их и возвратился в Киев.

Все противники разошлись, поход закончился; Изяслав утвердился в Киеве, Давыдовичи овладели Северной землей. Но война только начиналось: Юрий хотел ее, чтобы получить себе Киев, Святослав хотел ее, чтобы выручить брата, и Давыдовичи хотели ее, чтобы утвердить за собой захваченные вместе приобретения: Новгород, Северскую землю, Изяслав — чтобы порешить с неугомным врагом.

В следующем году (1147) начаты враждебные действия вдаль, на другой стороне, в Новгородской, Смоленской и Суздальской волости, где в первый раз встречается имя Москвы.

У союзников собралось много силы, и они угрожали Чернигову. Давыдовичи испугались и решили оставить Изяслава и перейти на их сторону.

Святослав Всеволодович, державший у великого князя пять городов, выпросился у него в Чернигов: «Там мне жизнь вся, отче, отпусти меня в Чернигов, я буду просить волости у дядей». Изяслав отпустил его, велел готовиться к походу.

Давыдовичи, замыслив злое дело, вновь прислали звать Изяслава: «Земле нашей грозит беда, а ты все медлишь».

Тогда Изяслав созвал бояр и всю дружину свою, киевлян и объявил им, что, договорившись с братьями, с Давыдовичами и Всеволодовичем, он хочет идти на Юрия к Суздалю, зачем тот принял врага его Святослава, — а брат его Ростислав присоединится по дороге к нему со смольнянами и новгородцами.

Киевляне отвечали: «Князь, не поднимайся с Ростиславом на стрья[3] своего, а лучше с ним договорись; Ольговичам же не верь и в путь с ними не ходи».

Изяслав возразил: «Они целовали мне крест, и я думал думу с ними вместе; отложить сего пути я не хочу, а вы поспевайте».

Киевляне отказались: «Князь, не гневайся на нас, мы на Владимирово племя руки под-

нять не можем; на Ольговичей — пожалуй, пойдём хоть с детьми».

«Ну, так пусть идет только кто хочет», заключил Изяслав; собрался, и, оставив брата Владимира в Киеве, выступил на Альту, потом к Нежатину и стал полками у Руссотины, послав боярина своего Улеба к Давыдовичам.

Улеб проведал в Чернигове, что они уже целовали крест Святославу Ольговичу, и прискакал назад к своему князю уведомить об измене. Черниговские приятели прислали также остеречь его, чтобы он не шел дальше, ибо думают его убить или полонить вместо Игоря.

Каково было удивление Изяслава! Не медля, он отступил назад и, как будто еще не веря слухам, послал сказать братьям: «Мы замыслили великое дело: поклянемся же еще, по обычаю наших отцов и дедов, пройти его в правду, не имети меж собою ни извета, ни тяжи, а с противными биться».

Давыдовичи отказались: «Для чего целовать крест без дела? Мы целовали его тебе: разве мы провинились?»

«Греха нет по любви поцеловать крест, и

это еще душе на спасение, возразил посол, во исполнение наказа Изяславова. Вы стоите, братья, в крестном целовании, так я сообщаю вам вот что: до меня дошли слухи, что вы передались к Ольговичу и хотите меня убить вместо Игоря. Так ли это, братья, или не так?»

Давыдовичи не могли вымолвить ни слова. Они только взглянули друг на друга и долго молчали. Наконец, Владимир сказал послу: «Отойди пока прочь, посиди там, мы тебя позовем».

Долго они думали и советовались, видя свое разоблачение, и, наконец, призвали посла: «Брат! Точно — мы целовали крест Святославу Ольговичу. Жаль нам стало брата нашего Игоря. Суди сам, любо ли было бы тебе, если бы мы держали твоего брата. Пусти Игоря — он уже чернец и схимник, — и мы ездим подле тебя».

Посол привез Изяславу удостоверение, что Давыдовичи отступили от него. Тогда он отослал им крестные грамоты со следующими словами: «Вы целовали мне крест до моей смерти, и я изыскал вам волость, дал Новгород и Путивль, прогнал с вами вместе Свято-

слава, взял жизнь его и разделил с вами, а вы теперь переступаете крест, ведете меня лестью и хотите убить. Вот же ваши крестные грамоты! Что ни будет, то будет! Бог со мною и сила животворящего креста!»

Деятельный Изяслав тотчас изменил все свои распоряжения и решился управиться прежде всего с новыми врагами: брату Ростиславу, уведомив о происшедшем, не велел он идти на Юрия, как положено было сначала, а спешить скорее к нему; Юрия же должны были удерживать новгородцы и смольняне, о чем сообщить в Рязань.

В Киев послал тогда же он известие к брату Владимиру, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю и велел им созвать киевлян на двор к святой Софии: пусть, де, посол мой скажет им мою речь о лести черниговских князей.

Сошлись все киевляне от мала до велика на двор к святой Софии и сели. Открылось вече. Князь Владимир сказал митрополиту: «Вот, брат Изяслав прислал двух мужей киевлян, чтобы они поведали братье своей, что над ним готовилось». Добрыня и Радило вы-

ступили и сказали: «Брат твой целует тебя, князь, кланяется митрополиту, целует Лазаря и киевлян всех!» Киевляне сказали: «Говорите, с чем вас князь прислал». Послы начали от имени князя: «Я объявлял вам, что хотел идти на дядю Юрия с братом Ростиславом и Давыдовичами и приглашал вас с собою, а вы мне отвечали, что не можете поднять руки на Владимирово племя, на Юрия, на Ольговичей же вызывались хоть с детьми. Теперь же, вот что я вам говорю: Владимир Давыдович и Изяслав, брат его, и Святослав Всеволодович, племянник мой, которому сделал я столько добра и который целовал крест мне, — ныне поцеловали против меня, к Святославу Ольговичу, и сослались с Юрием, а мне изменили, замыслили либо убить меня, либо захватить в Игоря место, но Бог меня заступил, и крест, который они мне целовали. Так собирайтесь же теперь ко мне, братья-киевляне, пойдём на Ольговичей к Чернигову, чего вы хотели, что мне обещали; поднимайтесь все от мала и до велика; кто имеет коня — на коне; у кого нет коня — в ладье. Ольговичи не меня одного хотели убить, а искоренить вас всех».

Киевляне в один голос воскликнули: «Рады, идем за тобою и с детьми, как ты хочешь. Слава Богу, что он избавил тебя и нашу братью от такой лести!»

Вдруг одному человеку вспало на ум сказать: «Хорошо, пойдём за князем, но надо подумать о себе: вспомним, братцы, что случилось при Изяславе Ярославиче — злые люди выпустили полоцкого Всеслава из темницы и поставили себе князем; нашему городу приключилось тогда много зла. И у нас есть враг — это Игорь; да сидит он не в темнице, а в святой Федоре. Убьём его, — да и пойдём к Чернигову, к нашему князю, кончать с ними со всеми».

Народ взволновался при этих словах. «Полноте, перестаньте, воскликнул молодой Владимир, брат Изяслав того не приказывал». «Знаем мы, слышалось в ответ, что он не приказывал, да мы сами хотим убить Игоря».

«Игоря блюдут сторожа. Его нечего бояться. Лучше пойдём прямо к князю».

«Нет, кричали киевляне, не слушая Владимира, добром не кончить с этим племенем, ни нам, ни вам».

Напрасно запрещали им, напрасно уговаривали их митрополит, тысяцкий Лазарь и Владимиров тысяцкий Рагуил, чтобы они не трогали Игоря.

Они ничего не слушали, кричали, буйствовали и бросились к монастырю. Владимир вскочил на коня и погнал вперед, чтобы спрятать Игоря; на мосту столпилось множество людей, так что нельзя было проехать, и он повернул коня направо, мимо Глебова двора, но объезд был велик, Владимир не успел: когда он подъехал к монастырю, киевляне уже тащили из ворот несчастного Игоря.

Услышав о народном волнении на вече, он ушел в церковь и упал со слезами перед образом (которому теперь еще поклоняются с благоговением богомольцы), молясь об отпущении грехов и о сподоблении мученического венца. Началась обедня. Как звери, ворвались в церковь рассвирепевшие люди, бросились на Игоря, стащили с него мантию и поволокли вон. Напрасно стонал Игорь: «За что вы, злодеи, хотите убить меня как разбойника?». «Бейте его, бейте», раздавался крик в буйной толпе, другие рвали с него одежды. «Берите,

берите все что хотите, разденьте хоть донага: нагим родился из чрева матери моей, нагим и умру». В этот-то миг встретил его Владимир в воротах монастырских. «Ох, брат, куда меня ведут они», воскликнул несчастный Игорь, увидев молодого князя. Владимир соскочил с коня, пал на него и прикрыл его своим плащом. «Братья мои! умолял он киевлян, не сотворите сего зла, не убивайте Игоря», и повел его, поднявшегося, под руки, к воротам матери своей, вдовы великого Мстислава, жившей близ Федоровского монастыря. Неистовая толпа за ними, осыпая ударами Игоря. Доставка и Владимиру. Один боярин, увидев своего князя в опасности, соскочил с коня и поспешил к нему на помощь. Владимир успел оттащить Игоря на двор к матери и запереть ворота, там пустил его на Кожуховы сени, а толпа принялась бить Михалю, сорвала с него крест на золотой цепи. Михаль убежал; другие вернулись к воротам, выломали их, ворвались на двор. Они увидели Игоря на сенях, разбили сени под ним, стащили вниз и принялись бить у лестницы, «конец всход». «Владыко! прими в мире твою душу мою!» стонал

несчастный. Неистовые, потащили за ноги, привязав к ним веревки, тело еще дышащее, со Мстиславова двора, через Бабин торжок, на княжий двор, и там уже прикончили его 19 сентября, в пятницу. У святой Богородицы увидели они повозку, положили на нее и повезли на подол, где и бросили на торговище. Проходившие благоверные люди прикасались к поруганному телу, покрывались его одеждами, мазались его кровью, брали лоскуты от разодранных одежд на спасение себе и на исцеление. Владимиру дали знать, что тело брата его валяется на торговище. Он послал тысяцкого. Лазарь осмотрел тело и, увидев, что оно мертво, сказал окружающим: «Ну, вы убили Игоря, похороним же, по крайней мере, тело его». «Не мы убили его, кричали киевляне, а Давыдовичи, Ольгович, Всеволодович; они замыслили зло на нашего князя, они хотели погубить его лестью, но Бог за ним и святая София».

Изяслав стоял тогда в верховье Супоя. Получив скорбное известие от брата, он заплакал и сказал: «Если бы я знал, что это случится, я отправил бы Игоря куда-нибудь дальше,

и тогда сбережена была бы жизнь его. Вот, прибавил он, обратясь к дружине, теперь мне не уйти от порока великого: скажут, Изяслав велел убить Игоря, но Бог тому свидетель, что я знать о том не знал и ведать не ведал».

Пришла весть и к Давыдовичам; те переслали ее к брату убиенного, а он с горькими слезами поведал о ней своей дружине.

Святослав, с прибывшим к нему Глебом Юрьевичем, вместо умершего внезапно Ивана Юрьевича, был в то время уже далеко на пути к цели. Они подошли к Курску. Сын Изяслава Мстислав должен был оставить город, жители которого объявили ему, как киевляне его отцу, что не могут поднять руки на Мономахова внука, хотя против Ольговичей готовы биться за него и с детьми. Почти все княжество Курское было занято, кроме некоторых городов, отбившихся.

Между тем, уже начали страдать и Давыдовичи: Ростислав сжег Любеч, опустошил окрестности, много зла сотворил везде; Изяслав вышел к нему навстречу. Братья советовались с дружиной и черными клобуками, как бы им пересечь путь противникам от Су-

лы, где они стояли.

Те проведали об их намерении, двинулись к Чернигову и успели миновать Всеволож, где братья надеялись их настигнуть.

В сердцах взяли они Всеволож на щит и с ним еще два города, туда вошедшие. Уневеж, Бохмач, Белавежа и другие города, услышав о взятии Всеволожа, побежали к Чернигову. Изяслав и Ростислав послали за ними в погоню и взяли три города, а прочие ушли. Братья велели сжечь стены. Глебльцы не успели бежать, но выдержали осаду, бившись с утра и до вечера.

Из-под Глебля Изяслав и Ростислав возвратились в Киев, откладывая поход, пока реки станут.

В Киеве на совете Изяслав решил: «Брат, тебе Бог дал верхнюю землю, ты иди против Юрия со смольнянами и новгородцами, призови к себе своих ратников и держи там Юрия, а я здесь буду управляться с Ольговичами и Давыдовичами».

Ростислав отошел к Смоленску.

Между тем, Глеб Юрьевич из Курска отнял городок Остерский у Изяслава, и Изяслав при-

гласил его к себе в Киев. Он обещал прийти, но не пришел и, поверив наветам Жирослава, вздумал было овладеть Переяславлем, но Мстислав Изяславич успел ему поставить преграду.

Изяслав пошел на него к Городку. Напрасно прождав себе помощи, он вынужден был поклониться Изяславу и выехал из Городка.

В следующем году (1148) Изяслав с угорской помощью, с берендеями, с полком Владимировым и Вячеславовым двинулся к Чернигову и опустошил все села. Оттуда пошел к Любечу, «идеже их вся жизнь», и повоевал также ту сторону. Давыдовичи с союзниками, выйдя за ними, не могли помешать им нисколько и должны были остановиться перед рекою у Любеча. Лучники с обеих сторон бились. Пошел дождь. Изяслав сказал мужам своим и уграм: «Из-за реки нельзя нам биться, а за нами Днепр „располивает“: пойдем за Днепр». На другой день они благополучно переправились на свою сторону.

Брата Ростислава Изяслав известил так: «Брате, являю ти, на Олговичи к Чернигову ходил, и на Олгове стоял, и много им зла учи-

нил, землю их повоевал, и оттуду идохом к Любчю... и разъиде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою биться полком, и на ту ночь бысть дождь велик, и бе на Днепре лед лих, и того дня поидохом на ону сторону. И тако Бог, и Святая Богородица, и сила животоворящего креста, приводе ны в здоровьи в Киев, и тебе, брат, прашаю, в здоровьи ли еси, и што ти тамо Бог помогает».

Давыдовичи вместе с Ольговичами, стесненные со всех сторон и не получавшие помощи от Юрия, вынуждены были, договорившись между собой, просить мира у Изяслава: «Так было при отцах и дедах наших, — мир стоит до рати, а рать до мира. Не упрекай нас, что мы вставали на рать: жаль нам было брата нашего Игоря. Мы хотели только, чтобы ты пустил его. А теперь брат наш убит, к Богу пошел, — нам всем там быть, — а то Богу править. А мы доколе будем Русскую землю губить, а быхом ся уладили!»

Изяслав отвечал: «Братья! чего же лучше, — христиан блюсти. Вы совещаались на сейме, дайте и мне погадать с братом Ростиславом».

И он послал мужей к Ростиславу сказать: «Братья Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, просят у меня мира. А я пока гадаю с тобою, как нам обоим будет угодно. Скажи мне, хочешь ли ты мира? Дадим мир, благо они просят его, хоть и причинили нам много зла. Хочешь ли войны — я отдаю на волю твою».

«Кланяюсь тебе, отвечал Ростислав, ты меня старше. Как ты решишь, так и будет, я готов на все; если же ты на меня месть возлагаешь, то я, брат, сказал бы вот что: Русских земель ради, христиан ради, мир для меня лучше! Они вставали на рать, а что успели! Помиришь, брат, лишь бы они отложили вражду за Игоря и не делали того, что думали делать; если же продолжать им вражду за Игоря, то лучше оставаться с ними в рати, и пусть рассудит нас Бог».

Изяслав, услышав такой ответ, послал к Чернигову белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия с мужами, которые должны были сказать князьям его слова: «Вы целовали мне крест не искать брата Игоря, и переступили то, и разобидели меня; ны-

не я все то забываю Русской земли ради и христиан ради. Если вы каетесь о том, что учинить хотели, и мира у меня просите, то целуйте мне крест».

И князья целовали крест в святом Спасе вражду за Игоря отложить, блюсти Русскую землю и стоять всем за каждого.

Положение Изяслава становилось лучше. Пришел к нему еще и помощник с вражеской стороны: старший сын Юрия. Ростислав, поспорившись с отцом и поклонясь Изяславу, сказал ему: «Отец меня обидел и не дал мне волости в Суздальской земле; я пришел к тебе — ты старше всех в Владимировых внуках; я хочу потрудиться за Русскую землю и ездить подле тебя. Бог и ты!»

Изяслав отвечал: «Всех нас старше отец твой, но не умеет жить с нами в ладу, а мне дан Бог иметь вас всех братьев моих, и весь род мой, в правду, как и душу свою. Отец не дает тебе волости, а я тебе даю», — и дал ему Бужск, Межибожье, Котельницу и еще два города.

Изяслав был очень доволен, приобретя себе столько союзников, и решил смирить по-

следнего оставшегося врага — Юрия.

Он взял с собой Ростислава на сейм в Городец, где объявил Давыдовичам, что хочет идти на Юрия за его обиды к Новгороду. «Стрый мой Юрий обижает из Ростова мой Новгород: отнимает дани и пакостит по дорогам. Я хочу идти на него и решить дело либо миром, либо мечом. Вы целовали мне крест — пойдете же вместе. А отчего не пришли сюда Святослав и сестричич мой?»

Давыдовичи отвечали: «Сестричич твой и Святослав не приехали, а мы крест целовали на том быть с тобою, где будет твоя обида».

Решено было подняться к Ростову, лишь станет лед: Давыдовичам и Ольговичам (хотя они не приезжали на сейм) через вятичей, а киевскому князю через Смоленск: соединиться же всем на Волге.

Князья отобедали у Изяслава, пребывая в любви и веселии, и разъехались.

Отправляясь в поход, великий князь Изяслав распорядился так: в Киеве оставил брата Владимира, в Переяславле сына Мстислава, а Ростиславу сказал: «Иди в Бужск, постереги оттуда Русскую землю, пока я схожу на твоего

отца и возьму с ним мир или улажусь иначе». Полкам Изяслав велел следовать за собой, а сам уехал вперед к брату Ростиславу в Смоленск.

В Смоленске братья свиделись и провели время в великой любви и веселье со своими дружинами: не было счета их взаимным подаркам.

К Юрию отправили они мужа с речами, но не получили от него никакого посольства, ни ответа. Из Смоленска Изяслав съездил в Новгород, с малой дружиной, намереваясь пригласить с собою новгородцев, и приказал Ростиславу дожидаться его на устье Медведицы, где назначено сняться всем вместе.

Новгородцы обрадовались радостью великой, услышав, что идет к ним сам великий князь Изяслав, и послали к нему навстречу, иные за три дня пути до Новгорода, другие за день, «всеми силами». И шел Изяслав в город с великой честью. В воскресенье встретил его сын Ярослав с боярами новгородскими, и все поехали вместе к обедне у святой Софии. После обедни киевский князь и сын его, новгородский князь, послали подвойских и бирю-

чей кликать по улицам и звать всех людей к князю на обед, от мала и до велика; граждане сошлись, обедали вместе в полном удовольствии и веселье и разошлись по домам.

На другой день поутру велел Изяслав звонить вече на Ярославовом дворе; новгородцы и псковичи сошлись на вече. Изяслав сказал: «Вы, братья, и сын мой, присылали ко мне жаловаться, что вас обижают стрый мой Юрий; я оставил Русскую землю из-за вас и из-за ваших обид; и вот я здесь; гадайте же, братья, как на него идти: либо мир возьмем с ним, либо ратью кончим». «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав, рады с тобою идти, за свои обиды», закричало в один голос все вече. «Все идем, восклицали новгородцы, всякая душа, — хоть дьячок, будь у него гуменцо прострижено, но не поставлен, иди и тот, а поставлен, пусть молится Богу».

Итак, пошли с Изяславом все новгородцы, псковичи и корела. На устье Медведицы он остановился ждать Ростислава. Через четыре дня пришел первый брат с полками смоленскими и русскими, а черниговские князья не сдержали своего слова: они остановились в

своих вятичах, выжидая, что будет с Изяславом и Юрием. Изяслав сказал брату Ростиславу: «Хоть они не идут, как обещали, но лишь бы Бог с нами был!» Братья отправились вниз по Волге, подступили к Коснятину, а вести от Юрия все еще не было: ни посла своего к ним не отправил, ни их посла не отпустил. Они начали жечь его города и села и воевать всю землю по обеим берегам Волги, потом двинулись на Угличе поле, а оттуда на устье Мологи, и пустили русь воевать с молодым Ярославом.

Между тем, наступило тепло около Вербной недели, и вода по Волге и Мологе поднялась лошадям по брюхо. Новгородцы и русь возвратились от Ярославля, сотворив много зла земле той и приведя с собой много полонна. Изяслав с братом, видя, что реки выходят из берегов, решили прекратить опустошения. Итак, Ростислав пошел в Смоленск, Изяслав в Новгород, а дружина русская «они с Ростиславом идоша, а друзии кому куда годно».

Изяслав, возвратившись в Киев, услышал много наговоров на Ростислава от Юрьевичей: «Он замышлял много зла, подговаривал

на тебя людей, берендеев и киевлян: только б помог Бог отцу его, и ему въехать бы в Киев, дом твой взять, и брата твоего захватить, и жену твою; пусти его к отцу: это твой враг, и ты держишь его на свою голову».

Изяслав велел ему прийти к себе; он стоял тогда на Выдобиче, против святого Михаила, на острове. Изяслав выслал для него насад свой, в котором тот с дружиной, что с ним было, и переправился. Для него был приготовлен особый шатер. Изяслав велел ему идти в шатер и послал к нему мужей своих сказать: «Ты, брат, пришел ко мне от отца, когда отец тебя приобидел и волости тебе не дал; я принял тебя в правду, как достойного брата своего, и волость тебе дал, какой отец тебе не давал, и приказал тебе стеречь Русскую землю, пока я управлюсь, как Бог даст, с отцом твоим. Ты же удумал, слышу я теперь, если бы Бог помог отцу твоему на меня, въехать в Киев, брата моего схватить, и сына, и жену, и дом мой взять».

Ростислав отвечал: «Брат и отец! ни в уме, ни в сердце моем того не бывало; кто на меня молвит, я готов с ним на очную ставку, князь

ли, муж ли который, из христиан или поганных, — ты старше меня, суди меня с ним».

«Нет, возразил Изяслав, этого не проси, сделать я не могу: ты хочешь заморозить меня с христианами ли то, или с погаными. Злая тебе не творю, ступай к отцу».

И посажен он был в ладью с четырьмя только отроками, и отправлен вверх по Днепру; дружина его взята под стражу, имение отнято.

Ростислав пришел к отцу в Суздаль и ударил перед ним челом. Юрий сжалился над сыном своим в его горе и сказал: «Неужели нет мне и детям моим никакой части в Русской земле?» «Иди, возбуждал его озлобленный княжич, вся Русская земля и черные клобуки хотят тебя за свое бесчестье».

И Юрий решился: собрав силу свою, дождавшись половцев, пустился он в поход, выступил в июле месяце на вятичей.

Владимир Давыдович дал знать киевскому великому князю: «Юрий, стрый твой, идет на тебя и уже вошел в наши вятичи. Мы целовали крест быть всем с тобою заодно; присоединяйся».

Изяслав, получив известие, заторопился, а Давыдовича возблагодарил: «Брат! помогай тебе Бог за твою верность! Се муж мой, ты приставь к нему своего и пошлем вместе к Святославу Ольговичу».

Владимир отвечал послу киевскому: «Мы с братом стоим в крестном целовании и не дай Бог нарушить его; но хорошо, если бы управил и брат Святослав».

Посланные мужи, приехав к Святославу, сказали ему: «Так говорит тебе Изяслав — вот, брат, идет на меня стрый Юрий; помоги же мне, как помогают братья Владимир и Изяслав».

И мужи от Давыдовичей подтвердили: «Братья твои Владимир и Изяслав говорят тебе — мы крест целовали быть всем заодно, мы собираемся, собирайся и ты!»

Святослав смолчал и не дал никакого ответа; только сказал им: «Ступайте в товары[4] ваши, я вас позову». Он держал их там неделю, поставив сторожей, дабы никто не имел с ними сношения, а между тем послал к Юрию спросить: «В самом ли деле ты идешь на Изяслава, скажи мне правду, — не погуби волости

моей, ни введи меня в тяготу».

«Как не идти мне в самом деле, отвечал Юрий, племянник мой Изяслав приходил на меня, волость мою повоевал и пожар, да и сына моего выгнал из Русской земли, он возложил на меня срам; или сниму с себя срам, земли своей ища, и честь свою найду, или сложу свою голову».

Святослав, выведенный из сомнения таким ответом, призвал послов и дал ответ: «Вороти мне имение брата моего, и я с тобою буду».

Изяслав, не медля, прислал вновь посла к Святославу сказать: «Брат, ты ведь целовал мне крест отложить вражду за Игоря. Что же теперь ты поминаешь ее, когда Юрий идет на меня ратью. Теперь надо управить честному кресту. Вижу я, что ты не хочешь быть со мною, ты уже переступил крестное целование, не ходя вместе на Волгу, — а что было со мною! Так и теперь, лишь бы Бог не оставил меня и крестная сила!»

Юрий пошел вперед и остановился у Ярышева. Тут примкнул к нему Святослав Ольгович, которого не покидала жажда мести и

ненависть к Изяславу: «Брат, сказал он Юрию, всем нам враг Изяслав. Он убил нашего брата».

Соединившись, Святослав Ольгович и Юрий послали послов к Давыдовичам, желая отвести их от союза с Изяславом Мстиславичем: «Братья, пойдем же на Изяслава!» Те отвечали: «Не можем; ты целовал нам крест, а помощи не подал; Изяслав приходил, землю нашу повоевал, и города наши по Задесню пожег, — мы были доведены до крайности и поцеловали ему крест. Итак, мы не смеем играть душою и остаемся с ним». Тотчас дали они знать Изяславу о походе Юрия вместе со Святославом Ольговичем.

Юрий подошел к старой Белой Веже и стоял там месяц, ожидая половцев, а оттуда пошел на Супой, где подоспел к нему Всеволодович (в угоду дяде Святославу, вопреки своему желанию) и половцы в большом числе. Тогда двинулся он к Переяславлю, торопясь взять его прежде, нежели Изяслав придет в помощь.

Грозно было ополчение Юрия. Изяслав сказал: «Если бы дядя пришел только со своими

сыновьями, я уступил бы ему волость любую, но он привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, — так я хочу с ним биться».

Киевляне не соглашались ему содействовать: «Миришь, князь, говорили они, мы не идем». Изяслав упросил их идти, чтобы ему выгоднее было, по крайней мере, помириться от силы — и они пошли.

У Витичева соединились братья: Изяслав, Ростислав и Изяслав Давыдович, уговорясь заранее, лишь минует Юрий Чернигов. Они решили перейти Днепр и перед Альтой услышали, что лучники Юрия уже переправились через Стряков, а половцы приближаются к городу. Братья поспешили на помощь к осажденным. Их разделял Трубеж. Лучники перестреливались. На ночь прислал сказать Юрий Изяславу: «Ты, брат, приходил на меня, повоевал мои земли и снял с меня старейшинство; ныне, брат и сын, не станем более проливать крови христианской, христиан деля в Русской земле: отдай мне Переяславль, и я посажу в нем сына, а ты седи царствуя в Киеве; не хочешь — пусть будет воля Божия!»

Изяслав не согласился и даже посла не от-

пустил. Поутру отслушал он обедню у святого Михаила. Евфимий епископ, со слезами провожая его, просил: «Князь, примиришь со стрыем своим, много спасения примешь от Бога и избавишь землю свою от великой беды!» «Нет, не могу; я добыл головою Киев и Переяславль», отвечал Изяслав, надеясь на множество своих воинов, и выступил на Юрия. Вечером, с братьями Ростиславом и Владимиром, сыновьями Мстиславом и Ярославом созвал он бояр своих и всю дружину свою и начал думать, идти ли к Юрию на ту сторону за Трубеж. Одни мужи говорили: «Князь, не езд, ты видишь, он пришел отнять земли, и, ничего не добившись, уже поворотил, и на ночь, верно, отойдет прочь». А другие советовали ему: «Поезжай, князь, Бог привел его к тебе, не упускай его из рук».

Изяслав выслушал всех и послушал последних, переправился через Трубеж и, не всходя на гору, стал на луге. Около полудня выбежал перебежчик из Юрьева полка, суздальцы погнались за ним, а Изяславовы дозоры переполошились и закричали: «Рать!». Изяслав двинулся с полками.

Юрий, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, построив полки свои, вышли против и остановились за валом. Так стояли полки до вечера и смотрели друг на друга. К ночи Юрий вернул свои полки назад к товарам. Изяслав хотел их преследовать, а братья отговаривали: «Не езд, пусти их, они твои наверное»; другие говорили даже, что они уже бегут. Любы были такие речи Изяславу; нетерпеливо хотел он преследовать, а они, верно, того и ожидая, развернулись, Юрий посередине, сыновья его по правую руку, а Ольгович и Всеволодович по левую. Началась злая сеча, и кончилась не так, как ожидал Изяслав: первыми побежали поршане, потом Изяслав Давыдович, потом киевляне, а переяславцы, у которых и прежде был договор с сыном Юрия, оставшимся в Городце, изменили среди дела: «Юрий нам князь свой, его искать бы нам и издалеча», воскликнули они и перешли на его сторону. Полки Изяслава и Ростислава замешались. Сам Изяслав сошелся полком своим со Святославом Ольговичем и с половиною полка Юрьева, пробрался сквозь и, оглянувшись назад, увидел за ними, что все

его полки рассыпаны, ему нечего было делать, как бежать; он переправился через Днепр только сам-третий у Канева. Юрий, одержав полную победу, вступил в Переяславль, поклонился святому Михаилу и оставался там три дня; на четвертый день пошел он к Киеву и остановился на лугу против монастыря.

Изяслав уже был там. Посоветовавшись с братом Ростиславом, он открылся киевлянам: «Се стрый идет на нас. Можете ли вы биться за нас?». Они отвечали: «Господине наши князи! не погубите нас до конца. Отцы, братья и сыновья наши на полку, одни избиены, а другие изойманы, и оружие снято; идите лучше в свои волости, чтобы не взяли нас на полон. Вы ведаете, что нам с Юрием не ужиться; после — лишь только увидим ваши стяги, станем подле вас».

Возражать было нечего. Тяжело было Изяславу отказаться от добычи, которую думал он крепко держать в руках, а должен был уступить необходимости. Взяв жену, детей, митрополита Клима, поехал он печальный в свой старый Владимир, Ростислав отошел к Смо-

ленску.

Юрий с великой радостью вошел в Киев и занял стол отца своего. Тотчас рассажал сыновей своих по главным городам киевским: старейшего Ростислава посадил он в Переяславле, Андрея в Вышгороде, Бориса в Белграде, Глеба в Каневе, а Васильку отдал Суздаль. Верный союзник его, закоренелый враг Изяслава, Святослав Ольгович, сказал: «Держиши отчину мою» и, в награду за труды, вытребовал Курск с Посемьем и взял еще Сновскую тысячу от Киевской волости, Слуцк, Клецк и всех дреговичей. Владимир Давыдович черниговский, придя, поклонился Юрию. Владимир галицкий вступил с ним в союз.

Но Изяслав не думал уступить так легко и скоро Киевское княжество, которым владел три года. Он начал искать себе помощи в чужих землях. Послал просить ее в угры к зятю своему королю Гейзе, в ляхи к свату Болеславу, с его братьями Мстиславом и Генрихом, и к чешскому князю Владиславу, также свату, — чтобы сели они на коней и шли полками своими к Киеву, а если самим будет нельзя, чтобы отпустили полки с «меньшей бра-

тъею» или воеводами.

Король венгерский отказался по причине войны с императором; «если же буду порожен, то приду сам или пущу полки». Ляшские князья сказали: «Мы с тобой соседи; оставим дома одного, а двое придем к тебе». Чешский князь отвечал, что готов привести помощь.

Изяслав опять послал к ним послов и в угры, и в ляхи, и в чехи, с дарами и честью великой: «Награди вас Бог, братья, за то, что хотите помогать мне. Садитесь же на коней о Рождество».

И на Рождество сели они все на коней. Король венгерский прислал 1000 всадников с такими речами: «Вот тебе полки мои, а сам я хочу подступить под горы галицкого князя, чтобы не мог он двинуться против тебя; ты справляйся с кем у тебя обида; если полков моих не хватит, я пущу тогда другие, сильнейшие, либо сам сяду на коня».

Приехал и князь польский Болеслав с братом Генрихом, а Мстислава они оставили стеречь землю от пруссов.

Изяславу хотелось склонить на свою сторону старшего дядю Вячеслава, княжившего в

Пересопнице: «Будь мне в отца место, садись в Киеве, а с Юрием я не могу жить! Если же ты не хочешь принять меня в любовь и не идешь сидеть в Киеве, я пожгу твою волость».

Вячеслав передал его речи к Юрию в Киев вместе с вестями: «Угры уже идут, ляшские князья сели также на коней, Изяслав подходит: либо дай ему, чего он хочет, либо иди с полками ко мне, защитит мою волость, которую он грозитя жечь, если я не приму его стороны. Я жду тебя — мы рассудим здесь вместе, что нам Бог даст, добро или зло. Если же не придешь, то на меня не жалуйся».

Юрий выступил со всей своей силой и нанятыми дикими половцами.

Между тем, союзники собрались у Изяслава. Он дал им обед с великой честью, одарил многими дарами, — и после долгого веселья разошлись все по товарам, а на другой день выступили в поход. В Луцке Болеслав, король польский, опоясал мечом многих сынов боярских.

А в Пересопницу к Вячеславу уже собрались все сыновья Юрия. Пришла помощь галицкая, сам Владимир приступал к Шумску.

Наконец, Юрий пришел в Пересопницу. Ляхи и угры испугались. Изяслав со своими союзниками двинулся от Луцка к Чемерину на Олыке, как вдруг получают Болеслав и Генрих весть от брата их Мстислава о нападении пруссов на их землю. Болеслав и Генрих передали весть Изяславу, что было ему весьма неприятно, они долго думали и послали послов к Юрию и Вячеславу: «Вы нам в отца место, а ныне пошли на нас с сыном и братом своим Изяславом. Мы все по Бозе христиане, одна братия себе, и должны быть вместе за одно. Нам хочется, чтобы вы договорились между собою. Пусть сидит в Киеве тот, кому следует — вы это знаете. А Изяславу принадлежат Владимир, Луцк и прочие города. Но Юрий должен вернуть Новгороду все его дани».

Вячеслав и Юрий отвечали: «Спаси Бог вас, зятя нашего короля, и брата нашего Болеслава, и сына нашего Генриха за то, что желаете добра между нами; но если вы хотите, чтобы мы помирились, так не стойте на нашей земле, не губите нашей жизни, ни наших сел, а ступайте домой, Изяслав же во Владимир. То-

гда мы с братом и сыном нашим договоримся».

Изяслав и Болеслав, Генрих и угры, разъехались.

Русские князья стали пересылаться между собой послами. Изяслав требовал всех даней новгородских Новгороду по старине, а Юрий не соглашался.

Этого мало. Когда угры и ляхи ушли от Изяслава, Юрий вздумал выгнать Изяслава даже из его волости и двинулся с сыновьями и половцами к Луцку.

Сыновья, Андрей и Ростислав, шли стороною вперед. Когда они стояли под Муровицей, Андрей впереди, за ним Ростислав, ночью вдруг всполошился стан, неизвестно по какой причине. Половцы бросились бежать с воеводой своим Жирославом. Ростислав, испуганный, послал звать брата, торопя его скорее назад. Тот не тронулся с места. Собственная дружина приступила к нему: «Что ты ждешь князя, отъезжай прочь, или хочешь добыть себе срам?» Твердый Андрей не послушался никого, стерпел весь переполох и дождался света.

Поутру увидя, что половцев никого нет и что ему одному делать нечего, он отошел спокойно к брату, куда съехались и все половецкие князья. Решено было вернуться к Дубну и ждать помощи от отца. Между тем, Юрий заходил к Луцку с другой стороны. Младшие князья, узнав о его прибытии, двинулись туда двумя дорогами. Приблизившись к городу, они увидели стяги отца своего и дружину городскую, выходящую напасть на его лагерь.

Андрей вздумал тотчас ударить на лучан, братьям это было невдомек, даже стяг его не был поднят, потому что он не любил величаться в бою. Стремительно бросился он, сопровождаемый своей дружиной, на неприятельскую пехоту и сломал копье на первом противнике. Пехота, не выдержав его натиска, побежала назад к городу. Андрей в запальчивости погнался за ними, уже один, без дружины, потерявшей его в схватке из виду. Только из меньших детских двое увидели издали своего князя, попадающего в беду, и поскакали к нему на помощь, но он уже был окружен врагами, двумя копьями поражен был его конь, третье ударило в лук седель-

ный; немчин напирал на него с рогатиной, а из города камни, как дождь, сыпались на него; тогда только он опомнился. «Вот хочет мне быть смерть Ярославича», помыслил он в сердце своем, обратился с молитвою к мученику Феодору (память которого в тот день праздновалась), выхватил меч и отразил удар. Все это происходило в мгновение ока, — один из детских его уже убит, а он как-то ловко успел поворотить коня, и тот, весь истекая кровью, вынес его из толпы врагов. Доскакав до стана, верный конь пал мертвый от ран на землю. Отец Юрий, дядя Вячеслав и вся братья обрадовались без памяти, увидя Андрея живого, чудом спасшегося от неминуемой смерти; «мужи отни дали ему похвалу великую, зане мужески сотвори паче бывших всех ту». Князь Андрей велел похоронить коня своего над рекою Стырем «жалая его удали».

Шесть недель стояли князья под Луцком, и Владимир Мстиславич начал изнемогать в городе. Изяслав пришел к нему на помощь, биться с Юрием. Но в то же время приблизился к Юрию и союзник его, Владимир галицкий, и стал между Владимиром и Луцком. Он

разъединил противников и старался примирить их между собою.

Изяславу становилось трудно, и он смирился. «Введи меня в любовь к дяде моему, а твоему свату Юрию, послал он сказать Владимиру, я виноват перед Богом и перед ним».

Владимирко согласился, но Ростислав, обиженный, вправду или нет, Изяславом, отговаривал отца от мира. Другой противник его был Ярославич, Юрий. А второй сын Юрия, Андрей, оказал милосердие: «Не слушай Ярославича, говорил он, примири к себе сыновца, не губи отчины, отче господине. Помяни слово писаное: „Се коль добро еже жити братья вкупе“».

Мудрый князь галицкий говорил старшим князьям: «Бог поставил нас властителями в месть злодеям и в добродетель благочестивым. Не прощая виновных, можем ли мы сами молиться: „Остави нам прегрешения наши, якоже и мы оставляем их“. Племянник ваш Изяслав, почти сын ваш, не оправдывается перед вами, но кланяется и милости просит. Я не простой ходатай между вами, — а от Бога: Ангелов Бог не посылает, а Пророков и

Апостолов нету».

Вячеслав, от рождения добрый, повернулся к миру и любви; здесь действовало и опасение, чтобы Изяслав, по отбытии Юрия, не стал тревожить его волостей. Он начал уговаривать всех младших братьев помириться, чтобы Русская земля поднялась и воспряла в братской любви князей.

Юрий склонился, — и все князья заключили между собою мир: Изяслав уступил Юрию Киев, а Юрий обязался возратить все дани новгородцам, также все пограбленное по Переславскому полку; челядь, стада и прочее должно было вручить хозяевам, что кто узнает. Договорившись так, князья поцеловали крест и разъехались, а весной заключили и мир в Пересопнице, где был общий сейм.

Юрий хотел было предоставить Киев старшему брату Вячеславу, но бояре отговорили его: «Брату твоему не удержать Киева, и не достанется он ни тебе, ни ему». Юрий дал брату Вышгород.

Изяслав, согласно договору, прислал мужей и тиунов своих за стадами и товарами. Мужики его одни явились сами, а другие посла-

ли своих тиунов. Все они приехали в Киев к Юрию и начали искать свое. Но Юрий заспорил, и мужи должны были вернуться ни с чем.

Изяслав роптал: «Мы целовали, братья, крест на том, чтобы взять, кто узнает что свое. Итак, блюди целование, и дай тебе Бог здоровья, а не хочешь — мы посмотрим, что будет; в обиде я оставаться не могу».

И он пошел на Юрия, оставшегося без союзников, надеясь внезапною дополнить силу. Сначала он напал на сына его Глеба перед Пересопницей, так что тот едва спасся в город, а дружина его, кони, лагерь, остались в добычу Изяславу. Он уже выслал из города сказать Изяславу: «Как Юрий мне отец, так и ты отец; с отцом моим ты разбирайся как хочешь, а меня пусти к нему и целуй на том крест, чтобы не трогать меня. Тогда я приеду к тебе сам и поклонюсь». Изяслав отвечал: «Вы все мне братья, и до вас нет мне никакого дела, но обижает меня отец ваш, и с нами жить не умеет».

Глеб приехал и поклонился ему. Изяслав позвал его на обед, проехал вместе до Дорого-

бужа и потом велел сыну Мстиславу проводить за Корчеськ, сказав: «Ступай к отцу, а это волость моя по Горыню». Сам он отправился к черным клобукам, которые приняли его с великой радостью и выставили все свои полки, между тем как Юрий сидел беззаботно в Киеве, думая, что тот дома, в своем княжестве.

Поздно увидел он свою ошибку, защищаться не посмел и опрометью побежал за Днепр с сыновьями, а оттуда в город Остерский. Брат его Вячеслав из Белгорода поспешил в Киев и сел на Ярославле дворе.

Изяслав приближался к Киеву, и киевляне все толпились к нему навстречу: «Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сел. Но мы не хотим его, говорили ему люди, ты наш князь, поезжай к святой Софии и садись на столе отца своего и деда».

Изяслав послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сесть в Киеве, а ты не хотел; теперь приехал, когда увидел, что брата твоего нет. Ступай в свой Вышгород».

«Если ты хочешь убить меня, сын, то убей, а сам я отсюда не выеду», отвечал Вячеслав.

Изяслав въехал на Ярославов двор со все-

ми своими полками, за ним множество киевлян. Вячеслав сидел на сеннице. Многие говорили Изяславу: «Князь, возьми его и захвати его дружину», а другие говорили: «Подсечем под ним сени». Изяслав отвечал: «Оборони меня Боже! я не убийца братьев моих. Дядя мой мне как отец. Я сам пойду к нему», и, взяв с собою мало дружины, пошел он на сени к Вячеславу и поклонился ему. Вячеслав встал перед ним, они поцеловались и сели оба по месту. Изяслав сказал Вячеславу: «Отец, нельзя мне ссориться с тобою! Видишь ли народа силу, людей полк? Они замышляют на тебя лихо; поезжай в свой Вышгород, и оттуда я буду с тобою договариваться».

Вячеслав сошел с сеней и поехал в свой Вышгород, а Изяслав сел в Киеве.

На этот раз Киев достался ему легко, но непрочно. С двух сторон ему угрожали опасности: с одной Юрий с Ольговичами, которых звал к себе на помощь, а с другой Владимирко галицкий, верный союзник своего свата, лишали его покоя, несмотря на уверения Гейзы.

Не имея сил овладеть Переяславлем, где крепко сидел Ростислав, он увидел, что ему

не удержат и Киева. Тогда он решился поладить с Вячеславом и поехал, наконец, к нему сам с боярами.

«Ты мне отец, возьми волость, которую тебе угодно; остальное отдай мне. С Юрием я не могу управляться, а тебе рад служить. Вот тебе Киев». Вячеслав отвечал ему с гневом: «А зачем ты не отдавал мне его намеренно и заставил со стыдом выехать с Ярославова двора? Теперь, когда одна рать идет на тебя из Галича, а другая из Чернигова, так ты отдаешь мне Киев!»

Изяслав объяснил дяде все обстоятельства и уверил его в своей покорности и преданности.

Вячеславу любя была эта речь. Он согласился; они поцеловали крест перед гробом святых мучеников на том, чтобы Изяславу иметь отцом Вячеслава, а Вячеславу иметь сыном Изяслава. На том и мужи их целовали крест, чтобы хотеть добра обоим князьям, честь их стеречь и не ссорить между собою.

Изяслав поклонился святым мученикам, потом отцу своему Вячеславу и сказал: «Дай же мне теперь полк свой; я пойду один про-

тив Владимира. Тебе не нужно трудиться, и ты иди в Киев, если тебе то угодно».

Вячеслав отдал ему всю свою дружину, Изяслав, ударя в трубы, созвал киевлян и объявил им об их решении, а сам пошел к Звенигороду против Владимира, сказав: «Этот ближе, с ним и надо справиться прежде».

На дороге присоединились к нему черные клобуки, заперев жен и детей в городах Поросских.

Полки противников встретились на Ольшанице. Начались перепалки. У Изяслава было мало людей, потому что Вячеславова дружина к нему еще не подошла. Владимир наступил сильно; поганые, видя преимущество Владимира, оробели; черные клобуки начали уговаривать Изяслава: «Князь, сила противная велика, а у тебя мало дружины. Отойди прочь, не погуби нас, и сам не погибни. Ты наш князь! Коли силен будешь, мы с тобою, а теперь не твое время». «Нет, братья, отвечал Изяслав, лучше умрем здесь, чем примем на себя такой срам». Но и киевляне начали вести те же речи: «Иди прочь», — и, не дожидаясь его решения, побежали сами, а за ними и чер-

ные клубуки отправились к своим вежам. Нечего оставалось делать Изяславу. С грустью сказал он: «Неужели надеяться мне только на гостей, угров и ляхов, а на дружину мою напал страх», — и сам поворотил коня. Владимирко не гнался за ним, опасаясь засады, и потому весь полк его уцелел.

Изяслав приехал в Киев, к Вячеславу, на Ярославов двор. Они начали обедать, как вдруг слышат, что с Черниговской стороны Киева показывается Юрий с сыновьями, Давыдовичами и Ольговичами. Многие киевляне поплыли в насадах к Юрию, и в дружине Изяслава началось смятение.

Князья увидели свое положение. «Поезжай пока, отче, в свой Вышгород, я поеду во Владимир, а после что Бог даст», сказал Изяслав дяде, велев дружине своей собираться; и ночью отправился он опять из Киева, потеряв его так же скоро, как и приобрел.

На другой день приблизился Владимирко галицкий к Ольговой могиле. Юрий выехал к нему с Давыдовичами и Ольговичами; там поздоровались они, не слезая с коней, у Сетомля на болонье. Они вздумали было по-

слать в погоню за Изяславом Бориса Юрьевича, но уже было поздно. Владимир съездил поклониться в Вышгород к святым мученикам, потом приехал к святой Софии; от святой Софии ездил к святой Богородице десятинной, а оттуда к святой Богородице в Печерский монастырь.

Киевляне опасались, однако же, галицкого князя и увели Юрия в Киев. Сейм происходил в Печерском монастыре; союзники разошлись в великой любви.

Владимир занял по дороге города Волынские и хотел было овладеть Луцком, куда бежал Мстислав Изяславич из Дорогобужа; он посадил в Пересопнице сына Юрия Мстислава и повернул в Галич.

Пересопницу, осенью, вместе с Туровом и Пинском, Юрий отдал самому даровитому сыну своему, Андрею, который, между тем, унял половцев, опоздавших с помощью и начавших буйствовать в окрестностях Переяславля.

Изяслав, уступив необходимости, не думал отказываться от прежних притязаний: он посадил сына Мстислава в Дорогобуже, а сам с братом, из Владимира, немедля начал свои

действия. Послал соглядатаев в Пересопницу к Андрею, «розирая наряд его» и положение крепости, под видом переговоров, с целью взять ее, как удалось ему прежде с Глебом. Но теперь было не так: город укреплен, и дружина в сборе. Тогда он переменял образ действий и обратился опять с просьбой к Андрею: «Мне нет отчины ни в уграх, ни в ляхах, а только в Русской земле: проси мне волости у отца по Горину». Андрей просил, но без успеха. Изяслав так выражал свою обиду: «Дядя не дает мне волости, не хочет меня в Русской земле. Владимирко по его веленью отнял мои города и собирается теперь на Владимир».

Он решил управиться прежде всего с князем галицким, который был главной причиной его невзгод, и пристал к королю венгерскому Гейзе с настоятельными требованиями и упреками, через брата своего Владимира: «Ты уверял меня, что Владимир не смеет головой шевельнуть, и я выгнал Юрия, а Владимир пришел, свечался с Ольговичами и выгнал меня: садись же на коня и уйми его». Король отвечал: «Хорошо, сажусь на коня, по-

спешай и ты; Владимир узнает, кого задел».

У Владимира были приятели в уграх, которые дали ему знать, что король поднялся. Он стоял тогда у Бельза; оставив возы, сам он погнал к Перемышлю. Король взял Санок и многие села около Перемышля. Владимир обратился к архиепископу венгерскому, епископам и мужам, с многим золотом, прося их отговорить короля от продолжения похода, в чем те и преуспели: король сослался на замерзание рек. Было, действительно, время уже о Димитриеве дне.

Угры, опустошив страну, возвратились назад, Владимир Мстиславич с ними. Король выдал за него дочь Банову, одарил многими дарами и отпустил с великой честью во Владимир, а муж ее, отдохнув с дружиной, пошел после. Король наказывал с ним поклониться Изяславу, отцу его и брату, и объяснить, что царь греческий встает на него ратью и потому нынешней зимой и весной нельзя ему садиться на коня для него. «Но, впрочем, отче, заключил король, твой щит и мой едины. Если мне самому нельзя, я пришлю тебе помощь, десять ли тысяч, или больше, а летом я

в твоей воле, и мы отомстим нашу обиду».

Изяслав был очень рад и благодарил брата за труды, для него перенесенные, выговаривал только за то, что жену свою Бановну он заставил долго себя дожидаться; «но здесь паки моей сносе, а твоей жене, удолжилось».

Между тем, мужи Вячеславовы, берендеи и киевляне, звали его в Русскую землю. Неутомимый, он откликнулся тотчас на приглашение и, дав недолго отдохнуть Владимиру, с Бановной отправил его опять к королю: «Брат, ты был в уграх у зятя, короля; ты ведаешь всю мысль и думу их, потрудись же для моей чести и для своей». Владимир отвечал: «Труд мне не в труд для твоей чести, и для чести брата нашего Ростислава, — еду». Изяслав поручал ему сказать королю так: «Если царь встает на тебя ратью, то как тебе с ним Бог даст, а помощь мне пусти свою, как обещал. Мне нужно на Юрия, на Ольговичей, на галицкого князя. За то твоя обида не твоя, а моя, и моя обида твоя».

Король исполнил его желание и прислал свои полки. Изяслав начал поход свой осадой Пересопницы. Неутомонный Владимирко, не

смиранный походом короля, от которого он откупился, успел, однако же, прийти, чтобы поставить Изяславу преграду на пути.

Дружина начала отговаривать Изяслава: «Ты пойдешь на Юрия, а Владимир за тобою, трудно тебе бороться с ним, князь, и нам также, видишь сам». «Вы, братья, вышли за мною из Русской земли, отвечал им Изяслав, лишились своих сел и жизней, я хочу возвратить вам все, и сам не могу оставить своей отчины, или возвращу ее, или сложу свою голову. Встретится ли со мною Владимир, сражусь с Владимиром; встретится ли Юрий, сражусь с Юрием».

Оставив брата Святополка блюсти Владимира, он пошел со всеми силами, с сыном Мстиславом, Борисом городенским, с уграми, к Дорогобужу. Дорогобужцы встретили его с крестом и поклонились ему. Он приветствовал их, сказав: «Вы люди отца моего и деда. Бог вам на помощь». Те изъявили опасение, чтобы угры не причинили вреда городу. Изяслав успокоил их: «Я вожу угров не на своих людей, а на врагов, не бойтесь ничего», — и отпустил в город. От Дорогобужа он двинулся

к Корческу. Корчане поклонились ему также с радостью. Он, минуя город, остановился на Случе. Тут пришла к нему весть, что Владимирко соединился с Андреем Юрьевичем и идет на него, переправляясь через Горину. Изяслав переправился через Случь, потом через Ушу, под Ушеском. Тут настигли его лучники Владимира и начали стрелять через реку, Изяслав отступил за другую речку у города, и начали воевать то с этой стороны, то с той. От одного перехваченного галичанина Изяслав узнал, что сам Владимир стоит недалеко за лесом, ожидая своих воинов, без которых побоялся вступать в лес. Изяслав решил напасть на него врасплох.

Дружина возражала: «Нельзя идти тебе на него — река еще зла, и стоит он, заслонившись лесом. Лучше пойдем вперед к Киеву, и если Владимир нас настигнет, то сразимся, как ты сам сказал, у Зареческа; а если Юрий встретит нас прежде, то дадим место ему. Дойти бы только до Тетерева, там прибавится к нам дружина, а дойдем, Бог даст, до Белграда, там еще больше».

Изяслав послушал и переправился через

Ушу, переправился вскоре и Владимир. Лагерь их были расположены на близком расстоянии. Изяславовы сторожа видели галицкие огни, а галицкие сторожа видели Изяславовы огни. Изяслав решил отойти за ночь к Мичску, велел разложить всем большие огни, чтобы обмануть противников. У Мичска встретила его дружина, развернутая по Тетереву, и поклонилась; мичане также. Изяслав перешел Тетерев, и тут только слез с коня, чтобы отдохнуть. Отобедав и дав вздохнуть коням, пошли они к Воздвижени. Там простояли до вечера. Перед вечером Изяслав опять сел на коня, созвал к себе князей и угров и спросил их совета, стоять ли или идти дальше: «Владимир ли настигнет нас здесь, подойдет ли Юрий, нам будет трудно. Не лучше ли, своего труда не жалея, ночью, продолжать путь на Белгород! Если мы успеем, то Юрий побежит от нас, и мы вступим в сильный полк киевский. Люди будут биться за нас, я уверен. Если же нельзя будет проехать к Белгороду, то мы повернем к черным клобукам, а с ними нечего будет бояться ни Владимира, ни Юрия».

Угры отвечали: «Мы гости, ты знаешь сво-

их людей; если ты вполне надеешься на киевлян, то поедем ныне же ночью, кони под нами; лучше, если прибудет дружины».

Изяслав отпустил вперед брата Владимира к Белгороду. «Будут белгородцы обороняться, так наказал он ему, ты дай нам знать и бейся с утра и до обеда; а мы повернем к черным клобукам, на Абрамов мост, и с черными клобуками подойдем к Киеву. Если же ты изъедешь Белгород, то мы присоединимся к тебе».

Владимир подошел к Белгороду, Борис пил там на сеннице с дружиной и попами белгородскими. Мытник устерег и разобрал мост, а то все они были бы взяты в плен. Борис бежал. Белгородцы же высыпали к мосту и объявили об его бегстве. Мост быстро восстановили, и Владимир, войдя в город, послал сказать брату, что ни у Бориса, ни у Юрия не было вестей об их походе.

Изяслав, собрав полки, поспешил в Белгород, оставил там брата, на случай нападения Владимира галицкого, и двинулся к Киеву с уграми.

А там уже Юрия не было. Убежавший Бо-

рис застал его на Красном дворе, и он в одной ладье переправился через Днепр в Городок.

Изяслав занял в третий раз Киев, встреченный радостно гражданами; поклонился Святой Софии и приготовил большой обед для угров и киевлян на Ярославовом дворе. Угры скакали на конях своих. Киевляне удивлялись их удалству и искусству.

Владимир галицкий стоял у Мичска, как вдруг получает известие от Луцка, что Юрий уже в Городце, а Изяслав в Киеве. Он рассердился и отказался от дальнейшей помощи, сказав Андрею и Владимиру Андреевичу: «Один я биться с Изяславом не могу. Чудно мне, как ведет свое княженъе сват, — рать на него идет из Владимира, а он о том и не ведает; сыновья его сидят — один в Пересопнице, другой в Белгороде, — и устеречь не могут. Изяслав хотел вчера биться со мною, идя на Юрия и оборачиваясь на меня, а ныне уже вся Русская земля у него под рукою. Что же я буду делать? Правьте, как хотите сами». Владимирко удалился в Галич, собирая серебро со всех городов по пути и грозя в противном случае брать их на щит. Мичане не могли пред-

ставить ему, чего он требовал; женщины должны были вынимать серьги из ушей, снимать гривны с шеи. Серебро было собрано и отдано князю.

Изяслав опять послал за Вячеславом: «Отче, кланяюсь тебе, Бог взял у меня отца, и ты будь мне отцом; я согрешил перед тобою — в первый раз, когда победил Игоря у Киева, во второй раз, когда победил Юрия у Тумаща, и не положил на тебя чести; я каюсь перед тобою. Если ты отдашь мне, то и Бог отдаст мне. Вот тебе Киев, садись на стол отца своего и дяди».

«Спасибо тебе, сын мой, сказал Вячеслав, что ты на меня честь возложил; уважил бы ты меня так прежде, уважил бы тем самого Господа Бога. Если я тебе отец, то ты мне сын; у тебя нет отца, а у меня нет сына, — будь же ты мне сыном и братом». И они поцеловали крест на том, чтобы быть им заодно и в добре, и в зле.

Вячеслав вступил в Киев и сел на стол отца своего и деда. Поутру он призвал к себе Изяслава и сказал ему: «Сын! Спасибо тебе за честь, что возложил на меня как на своего от-

ца, а я скажу тебе вот что: я стар, и всех дел не могу переделать; останемся мы оба в Киеве, и если случится какое лихо с христианами или погаными, мы пойдем оба, я со своей дружиной, а ты со своей; пойдешь ты один, иди вместе и моим полком, и своим». Изяслав с великой радостью и с великой честью поклонился отцу своему: «Буди так, пока мы живы».

Вячеслав позвал к себе на обед сына своего Изяслава, всех киевлян и угров и мужей королевских. Оба они одарили своих помощников и гостей всякими дарами, паволоками, одеждами, сосудами, конями и воздали им великую честь.

На третий день призвал Изяслав угров и отправил их домой к королю с великой благодарностью: «Помоги тебе Бог за твою нам помощь! Ты помог так, как брат родной брату, или сын отцу. Мы пришлем к тебе еще сына Мстислава с нашими речами».

И Изяслав с Вячеславом отправил его через некоторое время, повторяя: «За помощь твою нам нечем тебе откупить, разве головою своей. Если будет где тебе обида, дай Бог нам быть там самим с полками, или с братьею

своею, или с сынами своими. Желаем тебе совершить твое дело добро. Звать тебя не зовем, потому что царь с тобою в ссоре, но пришли нам помощь, либо такую же, либо покрепче, с нашим сыном, а твоим братом Мстиславом; поскольку Юрий силен, Давыдовичи и Ольговичи с ним заодно, дикие половцы ему помогают за его золото. Если мы будем свободны, то придем к тебе на помощь; если ты будешь от царя поражен, то приходи ты сам, а мужи твои и брат твой Мстислав расскажут тебе, как нам Бог помог, и как взялася по нас вся Русская земля. Помощь ожидаем к весне».

За Ростиславом, который и прежде уговаривал своего брата отдать дяде старейшинство, князя послали мужей. Вячеслав говорил: «Бог скупил нас по месту с твоим братом, а моим сыном Изяславом; он добыл Русской земли и положил на мне честь, посадил в Киве. А тебе я вот что скажу: как сын мне брат твой Изяслав, так и ты. Приходи же к нам, и рассудим вместе, что Бог явит». Изяслав говорил: «Ты, брат, много вынуждал меня положить честь на стрые нашем. Я исполнил ныне твое желание. Собирайся же в Смоленске и

в Новгороде, где находится сын мой и твой Ярослав, и приходи на совет».

И Юрий не оставался в праздности. Он не унывал и не думал уступать без спора любезного Киева, готовясь к новой войне, созывая своих союзников — Давыдовичей и Ольговичей, Владимирка галицкого.

Собрались они и пошли на Киев, присоединив соседних половцев, в Городке отпраздновали Юрьев день и стали в Родуни. Изяслав не давал им переправляться через Днепр. Воины его выезжали из Киева в насадах, а Юрьевы из своего лагеря, и бились они долго и крепко на Днепре, вплоть до устья Десны. Изяслав дивно устроил свои ладьи: он накрыл их досками так, что гребцов было не видеть, только весла; вверху стояли бойцы в бронях и стреляли, да два кормчих, один на носу, другой на корме, ходили куда хотели, не оборачивая ладей.

Юрий с братьями решились спуститься по Днепру к Витичевскому броду, но не смели пустить ладей своих мимо Киева. Они спустили их в озеро Долобское, а оттуда перетащили берегом в Золотчу, из Золотчи в Днепр. По-

ловцы же шли по лугу. И Изяслав, со всеми князьями, дружиной, киевлянами и черными клобуками пошел к Витичеву сухим путем, а ладьи его отплыли по Днепру. Подойдя, стали они у Витичева, против Мирославского села, и опять началось сражение. Изяслав не давал им переправиться на свою сторону Днепра, а Юрий на свою.

Юрий предложил, наконец, своим товарищам: «Здесь нам не перейти; надо перехватить брод Зарубский». Все согласились. Младшие князья в ладьях поплыли около песка, по своей стороне, а Юрий и Святослав поехали подле них берегом. Юрьевич и Всеволодович прибыли к Зарубскому броду. У брода стоял на страже Изяславов боярин Шварн, потому-то брод и не был тверд: не было тут князя, а боярина не все слушают, замечает летописец. Половцы увидели, что стражи мало, вошли в Днепр в бронях, на конях, со щитами и с копьями, как бы на бой, и покрылся Днепр множеством воинов, а русь переправлялась в ладьях. Шварн бежал. Молодые князья послали сказать Юрию и прочим, чтобы они спешили, пока Изяслава нет. Изяслав и в самом

деле хотел двинуться вперед и напасть на них, равно как Ростислав и Вячеслав; но дружина, киевляне и в особенности черные клобуки отговаривали: «Князь, нельзя тебе ехать к ним: они все на конях, пойдут перед тобою ко Роси, ты за ними, а как же ты оставишь пеших? Нет, это не годится. Лучше поезжай ты в Киев, а нас отпусти; приставь к нам, пожалуй, брата Владимира. Мы, забрав все свое, придем к тебе в Киев. Не бойся — мы хотим головы свои сложить за твоего отца Вячеслава и за брата Ростислава, а Юрия мы не хотим».

Князья послушались и возвратились, переночевали в Триполе, а поутру стали около Киева, не вступая в город. Изяслав Мстиславич перед Золотыми воротами у Язины, Изяслав Давыдович между Золотыми воротами и Жидовскими, против Бориславова двора, Ростислав с сыном Романом перед Жидовскими воротами. Борис городенский у Лядских ворот. Киевляне же со всеми своими силами, конные и пешие, стали между князьями и по краям, около всего города, многое множество. Пришли и черные клобуки, берендеи, торки, ковуи, печенег и начали было буйствовать

по окрестностям. Владимиру Мстиславичу поручено унять их и расставить. Берендеи стали между дебрями от Олеговой могилы до Щековицы, а ковуи и прочие от Золотых ворот до Лядских, а оттуда до Киева и до Берестового, до Угорских ворот и до Днепра. Князья решили не наступать на противников, а дожидаться их. «Лишь бы отбиться от них, сказал Изяслав, а то они не крылаты, не перелетят через Днепр; если перелетят, то сядут же, и мы увидим, что Бог даст».

Вячеслав сказал тогда Изяславу и Ростиславу: «Юрий мне брат, но он моложе меня; я хотел бы послать к нему послов и напомнить свое старшинство, и суд Божий, призирающий на правду». Изяслав и Ростислав охотно согласились. Вячеслав, в их присутствии, отправил своего мужа: «Ступай к брату Юрию, целуй от меня брата и напомни ему: я убеждал тебя и Изяслава, обоих вас, не проливать крови христианской и не губить Русской земли... Ты мне говорил: младшему я не могу поклониться, ну а я тебя старше, да и не малым, а многим: у меня уже борода росла, а ты только что родился; хочешь ли ты поехать на мое

старшинство, поезжай, Бог тебе судья».

Юрий отвечал: «Кланяюсь тебе, брат; ты говоришь правду, и я признаю твое старшинство, ты мне как отец; пусть же отъезжает Изяслав во Владимир, а Ростислав в Смоленск, и мы договоримся с тобой, в чем надо».

Вячеслав возразил: «У тебя семь сыновей, и я не гоню их от тебя прочь, а у меня два сына, Изяслав и Ростислав, да другие младшие. Для ради Русской земли и для ради христиан я говорю тебе вот что: ступай в свой Переяславль и в свой Курск, а вон у тебя еще Ростов великий; Ольговичей отпусти домой, и мы договоримся, не проливая христианской крови. Если же, сказал старик, озираясь на святую Богородицу, что над Золотыми воротами, ты хочешь по своему замыслу поступить, как поехал, то пусть судит нас Пречистая с Сыном».

Юрий, однако же, не послушал. Наутро подступил он под Киев и стал по той стороне Лыбеди: полки начали биться через реку Лыбедь. Андрей был таков же, что и под Луцком: без ведома дружины переправился он через Лыбедь с половцами (а Владимира Андреевича не пустил кормилец его, потому что был

еще молод), погнал ратных до полков их и был на дороге оставлен товарищами. К счастью, случился тут один половчин, он схватил Андреева коня под уздцы и отвел назад, ругая свою братью.

Воины продолжали биться. Воины Юрьевы были приперты к Лыбеди, иные, не попав на брод, утонули, другие соскочили с коней и были перебиты. Тут погиб и половчин, Боняков сын, что хвалился войти в Золотые ворота, как отец его; ни один человек не переехал больше на эту сторону.

Юрий решил отступить, тем более, что ему пришла весть о галицкой помощи. Изяслав и Ростислав хотели за ним пуститься в погоню. Вячеслав отвечал: «Дети, се начало Божией помощи! Они пришли сюда и не успели ничего, добыли только срама, а вы, дети, не торопитесь; либо до вечера, либо до утра, посмотрим, что будет».

Юрий пришел в Белгород. «Вы мои люди, отворяйте мне город». Белгородцы отвечали: «А Киев тебе отворил ли? Наши князья: Изяслав, Ростислав и Вячеслав».

Юрий пошел через бор к Верневу, оттуда

за вал, и стал у Бзяницы, ожидая помощи от Владимира, к которому уже послал вперед сыновца[5] Владимира Андреевича.

Изяслав не хотел допустить их до этого соединения, и, поклонившись во вторник святой Богородице десятинной и святой Софии, выступил из города. Все киевляне устремились за ним: «Идите все, кто может в руки взять хотя бы кол, а если кто не пойдет, выдай его нам, мы сами побьем». И так пошли все, с радостью, за своих князей, конные и пешие, многое множество, не оставив никого дома. На ночь остановились они у Звенигорода. В среду поутру выступили рано и остановились обедать перед Василевым.

Туда приехал к Изяславу посол от угор, от сына его Мстислава: «Радуйся, зять твой король отправил к тебе помощь, какой никогда не бывало; я пришел с нею; уведошь нас, как скоро мы тебе надобны». «Вы всегда нам надобны, отвечал обрадованный Изяслав, торопитесь скорее, мы идем на суд Божий».

Они пошли мимо Василева через Стугну к валу и остановились полками на ночь перед валом, а на другой день сторожа нагнали

Юрьевы полки на Перепетовом поле. В четверг Вячеслав, Изяслав и Ростислав прошли валом на чистое поле, двинулись биться с Юрием.

Начались переговоры и посольства с обеих сторон; Ольговичи и половцы не давали мириться, скорые на кровопролитие. Юрий удалился за Рут. На рассвете в пятницу Изяслав опять начал напирать, а Юрий отошел, ожидая Владимирка.

Полки сошлись, и была сеча крепка. Изяслав на одной стороне, а Андрей на другой, творили чудеса храбрости.

Долго длилась сеча, сеча злая, но, наконец, помог Бог Вячеславу и Ростиславу. Половцы пустили по стреле и побежали, потом Ольговичи, наконец, и сам Юрий с детьми.

Когда полки сошлись, конные и пешие, Изяслав лежал раненый. Он поднялся; пеший воин хотел было ударить его, сочтя врагом. Изяслав вымолвил: «Я князь». «Тебя-то нам и надо», воскликнул воин и начал сечь его мечом по шлему, на котором сияло изображение Св. мученика Пантелеймона. Он пробил шлем до лба. «Я Изяслав, князь ваш», сказал

раненый и снял с себя шлем: тогда его узнали, разнеслась тотчас молва, все воины начали сбегаться, подняли его на руки с великой радостью, как царя и князя своего. Но Изяслав сильно ослабел от ран, весь истекая кровью.

Его известили, что убит Владимир Давыдович черниговский, и что брат его Изяслав горько плачет по нем. Изяслав жалел о нем, как бы о своем родном брате и, наконец, сказал Изяславу Давыдовичу: «Ну, нам его уже не воскресить, врагов своих мы победили, Чернигов — твой. Ступай туда, взяв тело брата своего, а я дам тебе помощь. Ныне вечером же быть всем в Вышгороде».

Так и было исполнено. Изяслав сел на столе брата своего Владимира в Чернигове, Юрий перешел через Днепр у Триполя и удалился в Переяславль. А Ольгович и Всеволодович перебежали у Заруба и укрылись в Городце. Из Городца Святослав не мог ехать в Чернигов, — он был тяжело болен, — и послал сына Святослава Всеволодовича; но тот скоро вернулся назад сказать, что Чернигов уже занят Изяславом Давыдовичем, и советовал ему ехать лучше в Новгород Северский.

Владимир галицкий не успел привести помощь Юрию; в Бужске узнал он, что дело уже кончено, и, повернув, поспешил в Галич.

Вячеслав, Изяслав и Ростислав пошли к Киеву. Их встретили все святители с крестами, митрополит Климент, игумены и попы. Они поклонились святой Софии и повеселились, но недолго. Ростислав должен был спешить в свой Смоленск, а Изяслав решил добить Юрия и избавиться навсегда от своего неутомимого противника, с помощью угорской.

Мстислав, точно, уже шел с нею. В Сапогыне веселился он с уграми: Владимир Андреевич прислал ему много вина из Дорогобужа, как вдруг этот князь извещает, что Владимир галицкий идет на него. Мстислав передает весть уграм. Угры, пьяные, хвалились: «Пусть идет на нас; мы будем с ним биться». Мстислав расставил в ту ночь дозоры, а сам лег спать с уграми. Сторожа прибежали к нему в полночь, извещая: идет Владимир. Мстислав с дружиной вскочили на коней, а угры, пьяные, лежали, как мертвые. Против света Владимир напал на них и всех перебил, только немногие попали в плен. Мстислав бежал в

Луцк со своей дружиной.

Неприятная весть пришла в Киев к Изяславу, что сын его побежден, а угры избиты.

И решился он один идти на Юрия к Переяславлю, с Вячеславом и берендеями. Два дня бились они под городом и сожгли посад. Не было Юрию ниоткуда помощи: дружина его была разбита или взята в полон; он был вынужден, скрепя сердце, согласиться и поцеловал крест с детьми своими.

Настал праздник Св. Бориса и Глеба. Вячеслав и Изяслав прислали Юрию послов: «Иди в Суздаль». Юрий хотел побывать в Городце и оттуда обещал идти в Суздаль. Вячеслав и Изяслав настаивали на одном: «Иди в Суздаль; если же ты хочешь побывать в Городце, хорошо — побудь месяц; а если не пойдешь, то мы придем и станем около Городца, как стояли здесь. Целуй крест, чтобы не искать тебе Киева ни под Вячеславом, ни под Изяславом», и на всем на том должен был целовать крест Юрий. Вячеслав и Изяслав прибавили: «До Святослава Ольговича тебе дела нет», и Юрий не включил его в договор.

Юрий оставил в Переяславле сына Глеба, а

сам пошел в Городок. Андрей же выпросился у него идти еще прежде в Суздаль: «Делать нам здесь нечего, затепло отойдем», и отец отпустил его в домой.

Святослав Ольгович, услышав, что Юрий договорился с Вячеславом и Изяславом и выведен из Переяславля, решил договориться также со своим родом. Одному бороться ему не приходилось. Он послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мир стоит до рати, а рать до мира. Мы все братья. Отчины между нами две, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда: ты, брат, Давыдович, а я Ольгович. Возьми же себе все Давыдово, а что Ольгово, то оставь нам, и мы между собою поделимся». Изяслав поступил по-христиански, принял братьев в любовь и возвратил им их отчину.

А Юрий не думал выезжать из Городка. Он тянул время, все еще надеясь по-прежнему на перемену своих обстоятельств, но не с таким противником имел он дело. Тот, не давая ему отдыха и собрав всех князей, Давыдовичей и Ольговичей, пошел к Городку. Много дней бились они под Городком. Тяжко было Юрию, но, доведенный до крайности, он вынужден

был, наконец, уступить. «Ну, я уже иду в Суздаль», сказал он своим противникам и ушел, оставив в Городке сына Глеба, потому что Изяслав тогда взял себе Переяславль и посадил там сына Мстислава.

Юрий по дороге останавливался у Святослава Ольговича, который принял его с честью великой.

Изяслав и Вячеслав сели в Киеве, Вячеслав на Великом дворе, а Изяслав под Угорским. Но Изяслав не успокоился. Победив Юрия, отправив его в отдаленный Суздаль, спалив, наконец, Городок, он хотел теперь унять Владимира галицкого, который столько мешал ему во всех его предприятиях и ставил часто в самое трудное и опасное положение (1152).

Он убедил Гейзу начать войну с Галичем, в отмщение за поражение угров с Мстиславом у Луцка. Он взял с собой Вячеславов полк, лучших киевлян, черных клобуков, всю русскую дружину и отправился на Галич. Угры шли ему навстречу. Они соединились и решили дать сражение близ Перемышля. У короля было 73 полка, кроме Изяславова, кроме поводных коней и товарных. Изяслав сказал

дружине своей: «Братья и дружина! Бог не полагал никогда бесчестья на Русской земле и на русских сынах; во всех местах мы честь свою брали; ныне, братья, нам надо постараться, чтобы и в этих землях, перед чужими людьми, честь свою взять». И с этими словами со всеми своими полками он пустился вброд. Король переправился по другому броду. Все напали на Владимира, потопили многих, многих избили, пленили, а Владимир едва успел убежать один с семейством в Перемышль. Города Перемышля потому не взяли, что воины бросились грабить двор княжий, вне города, над рекою Саном, где было собрано много всякого богатства.

Владимирко смирился, и усиленными просьбами, раскаянием в своей вине, подкупам угорских бояр и всеми средствами успел, наконец, склонить короля к миру, несмотря на возражения Изяслава и его сына. Он обещал возвратить русские города и содействовать киевскому князю во всех его начинаниях. Король пригрозил ему новой войной в случае неисполнения принятых обязанностей, и успокоил своего зятя.

Посланные мужи привели к кресту Владимира, который лежал, как будто изнемогая от ран, а ран у него не было.

Некоторое время король и Изяслав провели вместе, в великой любви и великом веселье, и потом разъехались. Король в угры, Изяслав в Русскую землю. Придя во Владимир, Изяслав послал посадников в города, на которых целовал крест Владимир: в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, — и Владимирко их не отдал. Вот он был каков! Изяслав послал сказать королю: «Нам уже не возвращаться, ни тебе, ни мне; я только говорю тебе, что Владимир отступил от крестного целования; не забывай же своего слова, что ты сказал».

Изяслав благополучно вернулся в Киев к отцу своему Вячеславу и послал сказать брату Ростиславу смоленскому, как он виделся с королем в здоровье, и как Бог помог им победить Владимира галицкого, и как вернулся благополучно в Русскую землю. Услышав это, Ростислав обрадовался и похвалил Бога. Изяслав теперь успокоился, но не успокоился его противник Юрий. Ему не сиделось на дале-

ком Севере. Сердце влекло его к югу, в Русскую землю, и лишь только узнал, что Городец его сожжен Изяславом, еще перед последним походом в Галич, то он решил опять идти испытать счастья. Он привлек на свою сторону рязанских князей и обратился к старым друзьям, половцам.

А Изяслав, услышав о его приготовлениях, послал сказать Ростиславу: «У тебя Новгород сильный и Смоленск. Если Юрий пойдет на тебя, я приду к тебе на помощь, а если не тронет твою волость, то иди ты поскорее ко мне».

Юрий шел прямо к Киеву. Вся Половецкая земля, что между Волгой и Днепром, к нему присоединилась. Он занял вятичей и остановился в Глухове. Двинулся и Владимирко из Галича.

Подал помощь и Святослав Ольгович, опасаясь, чтобы в противном случае на него самого не напал рассерженный Юрий с готовыми полками. Юрий твердил: «Они сожгли мой Городец, и божницу сожгли, я отожду им сполна».

Половцев набиралось к нему беспрестанно все больше и больше. Они пошли на Черни-

гов, куда уже успел прийти Ростислав на помощь Изяславу Давыдовичу. Князья велели всем людям бежать из острога в детинец. Половцы, заняв острог, зажгли весь посад и выходили ежедневно биться с черниговцами.

Двенадцать дней стояла рать под Чернигом. Вячеслав и Изяслав решили идти на помощь городу. Половцы, испугавшись, начали уходить прочь. Тогда вынуждены были отступить и князья. Изяслав думал преследовать их, но этого нельзя было сделать, потому что они шли не останавливаясь, и время было к заморозкам. Решили все разъехаться по домам и ждать, когда встанут реки. Половцы ушли на Путивль, разоряя все по дороге, а Юрий на Новгород Северский и оттуда в Рыльск.

Святослав Ольгович старался удержать его, выговаривая, что он волость его разорил и жита около города потравил, а теперь хочет оставить его на жертву Изяславу, который «придет на меня из-за тебя, и прок волости моей погубит».

Юрий обещал ему было подмогу, но оставил только Василька с 50 человек дружины и

отправился в Суздаль, вновь разорив вятичей по дороге.

Изяслав был недоволен этими успехами; лишь только встал лед, он пошел с Вячеславом на Святослава Ольговича к Новгороду. На Альте он сказал своему дяде: «Ты уже стар, и трудиться тебе не должно; поезжай в Киев, а мне отдай только полк свой».

Он отрядил сына Мстислава на половцев, а сам подошел к городу взять острог. Начались стычки, и Святослав Ольгович принужден был просить мира. Изяслав не хотел мириться, но увидя, что приближается весна, согласился. Поцеловали крест и разъехались (1153).

На обратном пути в Чернигове Изяслав получил известие, что сын его Мстислав победил половцев на Угле и Самаре, прогнал их, захватил их добро, отбил множество христианских душ и возвращается с множеством пленных, стадами и конями.

Так все обратилось в пользу Изяслава, и он уже находил награду своим тяжелым трудам. Не опасаясь Юрия, в мире с Черниговом, укротив Ольговичей, загнав половцев, теперь он

имел только одного врага, Владимирка галицкого, но был почти уверен, что с ним справится, имея в залоге против него королевское слово.

Изяслав послал к Владимирку своего мужа, Петра Бориславича, с крестными грамотами, того, который был в Перемышле и водил его к кресту. «Ты целовал крест возвратить мне все в Русской земле, и того не сделал. Но я не помню зла. Возврати теперь. Не хочешь — ты отступил от крестного целования, и вот твои крестные грамоты, а нам с королем что Бог даст». Владимирко и не думал сдержать своего слова. Он отпустил русского мужа с насмешками, как вдруг скоропостижно умер. Преемник его, Ярослав, вернул Петра Бориславича и поручил ему уверить Изяслава в своей преданности (1153).

Несмотря на обещания, Ярослав галицкий не думал, впрочем, отдавать городов своему названому отцу. Тогда Изяслав собрал все полки, свой, Вячеслава, Изяслава черниговского. Мстислав пришел с переяславским полком, и все черные клобуки. Потом пришли из Дорогобужа брат Владимир, Святополк из

Владимира, Владимир Андреевич из Берестья. Ярослав выступил навстречу со своими полками. Изяслав пустил только часть своих воинов биться за Серет, а сам пошел к Теробовлю. Ярослав последовал за ним, хотя и не успел помешать его переправе через Снов. Полки стали друг против друга. Галицкие мужи отослали своего князя и остались биться одни. Полки сошлись, и была сеча злая, бились противники от полудня до вечера. И вследствие смятения, не видели они, кто победил. Изяслав обратил в бегство галичан, а братья его от них бежали: Святополк владимирский, Владимир Мстиславич и Мстислав Изяславич. Изяслав, преследуя, пленил галицких мужей, а галичане Изяславовых. Изяслав остался на месте сражения, а галичане убежали в свой город Теробовль. Он поставил на поле брани стяги галицкие, под которые шли галичане и были пленяемы Изяславом. Пленников у него набралось больше, чем оставалось своей дружины, и он, убоявшись нападения на другой день из Галича, велел перебить пленников. Жестокость, которой он, в сердцах на галичан, посрамил себя в конце своей жизни. Луч-

ших мужей взял он с собой в Киев. Был плач велик по всей земле Галицкой.

Изяслав, оплакав брата Святополка, вместо которого послал княжить сына Ярослава во Владимир, внезапно разболелся и вскоре преставился.

Это был князь деятельный, неутомимый, радушный, который не знал отдыха на своем веку и под конец своей жизни дорогой ценой, и то на короткое время, купил себе Киев.

Сын Изяслава, Мстислав, спрятав тело его, уехал в свой Переяславль, а Изяслав Давыдович черниговский, узнав о смерти Изяслава, внезапно приехал к Киеву. Вячеслава оповестили, когда он уже подошел к Днепру, к перевозу. Вячеслав послал спросить его: «Зачем ты приехал, и кто тебя позвал? Ступай в свой Чернигов».

Изяслав отвечал: «Я приехал оплакать брата своего, ибо не был на его погребении. Позволь мне поклониться его гробу». Вячеслав, посоветовавшись с Мстиславом и мужами своими, не пустил его в Киев, потому что Ростислав еще не приходил из Смоленска, и Изяслав воротился, разумеется с досадою, в

Чернигов, вступил в переговоры со Святославом Ольговичем и послал за Юрием в Суздаль.

А Вячеслав позвал в Киев Святослава Всеволодовича: «Ты Ростиславу сын любимый, побудь здесь в Киеве, пока он приедет из Смоленска, и тогда все вместе будем держать совет». Святослав Всеволодович, без ведома Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича, исполнил желание Вячеслава.

Ростислав, наконец, прибыл, и все киевляне вышли к нему навстречу с радостью великой. Рады были и черные клобуки. Ростислав, вместе со Святославом Всеволодовичем, поехал и поклонился отцу своему Вячеславу.

А Юрий уже с половцами. Он осадил Переяславль, но был отражен Мстиславом с помощью, присланной из Киева, и пошел к Чернигову, куда поспешил против него и Ростислав со всеми киевлянами и торками. Лишь только киевский князь перешел Днепр, как получил известие, что Вячеслав, с вечера здоровый, лег спать и скончался. Ростислав вернулся, оставив полки, оплакал своего деда и проводил до гроба с честью великой, у святой Со-

фии, где лежит Ярослав, прадед его, и Владимир, отец его. На Ярославовом дворе Ростислав созвал всех мужей Вячеславовых, тиунов и ключников, велел разложить перед собой все имение своего отца, золото, серебро, платье, и начал раздавать по монастырям и церквям, затворам и нищим; себе не взял ничего, кроме креста на благословение, а остаток назначил на исправление по нему церковных треб, под надзором мачехи, супруги Мстислава. Распорядившись, он хотел было ехать к Чернигову к полкам своим, но мужи его отсоветовали, говоря: «Бог поял стрья твоего Вячеслава, а ты не утвердился еще с людьми в Киеве; поезжай лучше в Киев и утвердись с людьми. Тогда, если Юрий придет к тебе, захочешь ты мириться, будешь мириться, ибо ты утвердился уже с людьми, захочешь ли ты биться, ты будешь биться».

Ростислав не послушался, пошел к Чернигову и требовал у Изяслава Давыдовича крестного целования на том, чтобы сидеть ему в отчине своей в Чернигове, а Киева не искать. Изяслав отвечал: «Я до сих пор не делал ничего против вас, и вам не за что было

приходить на меня. Так пусть же нас рассудит Бог!»

К нему уже пришли половцы с Глебом Юрьевичем. Ростислав, увидя против себя такое ополчение, без достаточных сил, начал просить мира и передавал Изяславу под собой Киев, а под Мстиславом Переяславль.

Мстислав, услышав об этом предложении, рассудил: «Так не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева», и повернул коня с дружиной своей от дяди. Половцы объехали полк киевский и начали биться. У Ростислава на первом поскоке пал конь. Святослав, сын его, это увидел, соскочил со своего коня и начал биться с окружавшими его. Собралось несколько дружинников и подвели ему другого коня. Рать его была разбита, он бежал в Смоленск, Мстислав в Луцк, а Святослава Всеволодовича захватили половцы. Изяслав Давыдович выкупил его с женой, равно как и многих из русской дружины, не отдавая вообще никого половцам, из тех, кому удалось убежать в город.

Одержав такую победу, он послал сказать киевлянам, что хочет ехать к ним. У них не

оставалось никакого князя, и они звали его, чтобы не взяли их половцы. Изяслав договорился было со Святославом Ольговичем, чтобы ему сидеть в Киеве, а тому в Чернигове, но они вскоре слышали, что Юрий идет, и увидели, что им нельзя удержаться против сильного суздальского князя. Сам Ростислав, выйдя с полками своими ему навстречу из Смоленска, просил мира: «Отче, кланяюсь тебе; ты прежде был добр до меня, как и я до тебя; будь мне вместо отца».

Юрий отвечал: «Я рад, сын, с Изяславом я не мог ладить, а ты мне брат и сын».

Вслед за Ростиславом встретил Юрия Святослав Ольгович, а потом и Всеволодович ударил ему челом, говоря: «Избезумился я!» По ходатайству Святослава Ольговича Юрий дал ему мир, и все они вместе пошли к Чернигову. С дороги Святослав Ольгович послал к брату своему Изяславу в Киев, говоря ему: «Выезжай, брат, из Киева; идет Юрий, и мы звали его оба». Но Изяславу не хотелось лишиться Киева, и он не слушал брата.

Наконец, Юрий подошел к Чернигову со своим войском. Святослав снова послал угова-

ривать Изяслава: «Иди из Киева, Юрий уже близко, я отдам тебе Чернигов, для ради христианских душ», ибо прежде Изяслав с введома Святослава сел в Киеве. Но все-таки он медлил: так полюбился ему Киев, говорит летопись. Наконец, Юрий миновал Чернигов и стал приближаться к Киеву.

«Отдай мне Киев, послал он уже сам сказать ему, мне отчина Киев, а не тебе». Нечего было делать: должен был решиться Изяслав. «Вот тебе Киев, отвечал он, скрепя сердце, не сам я приехал сюда, а посадили меня киевляне. Не сотвори мне пакости». Юрий согласился на мир, и Изяслав вышел из Киева.

Наконец, Юрий сел на стол отцов своих и дедов (1154). Исполнилось его горячее желание, и противников не осталось. Самый сильный умер, старший еще прежде его, — остальные все ему поклонились. Никто не имел права больше его. Юрий вздохнул свободно, достигнув цели своих горячих желаний. Он раздал сыновьям города киевские: Андрея посадил в Вышгороде, Бориса в Турове, Глеба в Переяславле, а Васильку дал Поросье.

Мстислав с братьями княжил в земле Во-

лынской. Давыдович в Чернигове, Ольговичи в Новгороде Северском.

Казалось — все дела уладились, и биться было не за что. Нет, много оставалось еще князьям причин, если не внешних, то внутренних, начать, отдохнувши, новые распри между собой.

Изяслав Давыдович отведал Киева, и ему хотелось, как старшему из потомков Ярослава, достать себе первый стол.

Мстислав Изяславич, отец которого с такими усилиями приобрел себе Киев, который сидел сам так долго в Переяславле, не мог довольствоваться теперь бедным уделом на Волыни, между тем как пришлые из Залесской стороны сыновья Юрьевы сели по городам земли Русской.

Ярославу галицкому жаль было отказаться от волынских приобретений.

Наконец, сам Юрий, раздраженный против покойного Изяслава, хотел отнять у детей его и остальные их города, точно как прежде Изяслав отнял у него не только Переяславль, но и Городец Остерский. И он послал младших князей выгнать Мстислава из Пересоп-

ницы. Мстислав удалился в Луцк. Юрий велел зятю своему Ярославу галицкому напасть на него в Луцке. Мстислав удалился к ляхам.

Однако же положение Юрия было затруднительно ввиду новых опасностей, тем более что Изяслав Давыдович порывался начать с ним войну. Юрий позвал к себе на помощь Ростислава: «Сыну, мне не с кем удерживать Русскую землю, а поеди семо».

Ростислав встретил с великой честью великую княгиню, Юрьеву, на пути, сам проводил ее до Киева, а из Суздаля к мужу и явился к Юрию со всем своим полком. Дядя принял покорного племянника с любовью, и тот приступил к нему с просьбой о своих племянниках, сыновьях любезного ему брата и друга Изяслава. Юрий склонился на его просьбу, и Ярослав Изяславич, равно как и Владимир Мстиславич, пришли к Юрию с полками своими, на зов Ростислава, и поклонились. Мстислав только не посмел к нему ехать, опасаясь пленения. Юрий, впрочем, принял и его в любовь и поцеловал крест ему, вместе с братьями.

Вследствие такого лада, вместе с галицкой

помощью, подошедшей к Юрию, стал стоворчивее и Изяслав Давыдович. На сейме в Лутаве Юрий дал ему Корческ, а верному своему союзнику и помощнику, Святославу Ольговичу, Мозырь, — чем и удовлетворились, хоть на время, притязания.

Половцы, на сейме, просили за братьев своих, плененных берендеями, но те отказали, говоря: «Мы умираем за Русскую землю с сыном твоим и слагаем головы за твою честь». Юрий не стал настаивать и удовлетворил половцев дарами.

Таким образом, Юрий уладился со всеми врагами, внутренними и внешними, устроил и семейные дела: женил сына Глеба на дочери черниговского князя Изяслава Давыдовича, а другому сыну Мстиславу велел взять за себя в Новгороде дочь посадника Петра Михалковича. Но старший сын его, доблестный Андрей, посаженный им подле себя в Вышгороде, причинил ему сильное огорчение, оставив этот удел.

Андрею надоели нескончаемые, бесплодные войны за Киев; он посчитал, что его отцу, уже семидесятилетнему, недолго оставалось

жить на свете, а после этой близкой смерти Киев ему достаться никак не мог при таком множестве соискателей, из которых иные имели и права гораздо больше, чем он. Борьба с ними со всеми, вместе или поодиночке, притом без права, не предвещала верного успеха.

Как бы то ни было, Андрей, вскоре по возвращении в Вышгороде, решил оставить этот удел и в 1155 году, без отцовской воли и даже ведома, тайно, ночью, с женой, детьми и двором, отправился на свою любезную Залесскую сторону, взяв с собой из Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впоследствии получила такое важное значение в Русской Истории и ныне составляет первую Московскую святыню, под именем Владимирской.

Предположения Андреевы оправдывались беспрестанно: через год начались новые смуты в Русской земле.

Юрий хотел воспользоваться междоусобицей Мстиславичей, чтобы низложить противного ему Мстислава Изяславича (1157). Ему хотелось достать Владимир для племянника

Владимира. Еще отцу его Андрею, своему младшему брату, Юрий обещал перед кончиной удержать волость его за сыном. Давыдович и Ольгович вызывались идти с ним, но зять Ярослав Владимирович отговорил брать их с собой, чтобы не предоставить им участия в успехе. Союзники осадили Владимир, но безуспешно.

Юрий должен был отступить и, дойдя до Дорогобужа, сказал своему племяннику: «Сыну, я целовал крест с твоим отцом, а моим братом Андреем на том, чтобы тот из нас, кто останется в живых, был отцом для обоих детей и удержал их власть; после я целовал крест тебе, чтобы иметь тебя сыном, искать тебе Владимира. Мне не удалось теперь исполнить это обещание, но вот тебе волость». И он дал Владимиру Дорогобуж, Пересопницу и все Погоринские города.

Тогда же хотел он выдать любезному зятю своему Ярославу Берладника, приведенного из Суздаля в оковах. Этот сонаследник Галицкого княжества, изгнанный еще Владимиром из своего удела, служил Юрию. Ярослав уже прислал за ним дружину, но митрополит

и игумены убедили Юрия не делать того: «Не грех ли тебе, продержавши его в такой нужде, после крестного целования, отдавать теперь на убийство!»

Юрий послушался и отправил Берладника назад в Суздаль, но Изяслав Давыдович перехватил его на пути и увез в Чернигов.

Черниговский князь замышлял вновь рать на Юрия, стоворился с Мстиславом Изяславичем и примирил самого Ростислава, который послал к нему своего старшего сына Романа. Только Святослав Ольгович не согласился идти без причины на великого князя киевского. Изяслав собрался напасть на Киев, как вдруг получил известие о кончине Юрия, который пировал у осменика Петрила и в ту же ночь занемог, а через пять дней умер, 13 мая, в среду (1138), и наутро в четверг положен в монастыре Святого Спаса. Киевляне послали звать Изяслава Давыдовича: «Иди князь, Юрий умер».

Изяслав Давыдович вступил в Киев (1158) в троицкое воскресенье, 19 мая, предоставив Чернигов племяннику Святославу Владимировичу, со всем полком своим, но принужден

был отменить это распоряжение.

Великий князь киевский, вероятно, желая угодить своим союзникам Мстиславичам и задобрить их, пошел вместе с ними искать Владимиру Мстиславичу Туров, доставшийся, наконец, представителю старшего Изяслава рода, Юрию, сыну того несчастного Ярослава, который, незадолго перед своим старшинством, обладая великой силой, погиб изменой при осаде Владимира.

Впрочем, он не успел в своем намерении, простояв десять недель около города; конский падеж заставил снять осаду. Возникла новая война за Берладника. Ярослав галицкий не считал себя твердым на своем столе, пока жив был этот законный наследник и притязатель на целую половину Галицкого удела, находившийся под покровительством великого князя киевского. Он подговорил всех князей русских и даже лядских, самого венгерского короля, чтобы они были помощниками ему против Ивана, и все они обещали, отправили каждый особых послов в Киев, требовать у Изяслава выдачи. Изяслав переспорил всех, дал отказ начисто и вскоре на-

чал собираться идти войной на Галич, предупредив нападение Ярослава с союзниками. Он послал просить помощи у Святослава Ольговича черниговского и предлагал ему за нее Мозырь и Чечерск.

Тот отвечал: «Я гневался на тебя, брат, что ты не исправил мне Чернигова и волости, но лиха тебе не желал; если враги грозят тебе войной, то избави меня Боже теперь ссориться с тобой. Ты брат мне, — дай нам Бог пожить с тобою в добре».

Вслед за Святославом и прочие Ольговичи целовали крест между собою на вечную любовь.

Они послали послов к противникам объявить им о своем союзе, и те вынуждены были отложить свое намерение идти войной на Киев.

Но Изяслав, ободрившись таким оборотом обстоятельств, задумал сам начать ее, себе на беду; он объявил, что ищет Галича Ивану Берладнику, к чему побуждали его, впрочем, сами галичане. Они обещали покинуть Ярослава и передаться ему, лишь покажутся киевские стяги.

Святослав Ольгович долго отговаривал Изяслава: «Кому, брат, ищешь волости — брату или сыну; лучше бы тебе не затевать спора; дело другое, если бы шли на тебя — тогда и я с племянниками готов бы был вступить-ся».

Изяслав не слушал и шел.

Еще на дороге Святослав послал к нему Георгия Ивановича, Шакушаня брата, который нагнал его в Василеве и сказал решительно: «Не велит тебе брат начинать рати, воротись».

Изяслав с гневом отвечал послу: «Буди ему ведомо, что не ворочусь я ни под каким видом, — я уже пошел; да скажи ему еще вот что: если он сам не идет и племянников не отпускает, то чтобы берегся: не поползти бы ему из Чернигова к Новгороду, если я, Бог даст, слажу с Галичем. Пусть он тогда не пеняет на меня».

Изяслав, дойдя Мунарева, остановился в ожидании племянника, которого он послал за дикими половцами.

Здесь он услышал, что Мстислав, Владимир и Ярослав с галичанами идут к нему на-

встречу на Киев.

У Василева присоединились к нему половцы, и он подступил к Белгороду, уже занятому Мстиславом с братьями, объявившими, что ищут Киева Ростиславу смоленскому.

Изяслав, показав осажденным полки свои, велел им оставить город, но те в продолжение 12 дней не двигались с места, а между тем обнаружилась измена в полках Изяслава: берендеи, делая вид, что ездят к городу биться, начали переговариваться с его противниками. Поймав в зажитье мужа Мстислава, Козму Сновидича, они послали в город этого отрока, написав свое письмо: «У нас, князь, для тебя и добро, и зло: если ты хочешь любить нас, как любил твой отец, и дашь нам по хорошему городу, то мы отступимся от Изяслава».

Мстислав обрадовался предложению: в ту же ночь отправил к ним, с присланным отроком, своего мужа Олбыря Шерешовича, обещать им все, чего они желают.

В полночь все торки и берендеи с криком бросились к городу. Изяслав догадался об их измене, поскакал к их товарищам, а те уже

пылали, зажженные перед сдачей. Он должен был искать спасения в бегстве, с племянниками — Святославом Владимировичем и Владимиром Мстиславичем, и пустился на Вышгород к Гомию, куда прибежала к нему и жена его: она ушла из Киева в Переяславль к зятю Глебу, оттуда на Глебль, Хоробор, Ропеск; в Ропеске принял ее с честью Ярослав Всеволодович и проводил в Гомий к Изяславу.

Изяслав пошел на вятичей, взял на щит город Святославлев и оттуда занял всю сторону, мстя Святославу Ольговичу за то, что ни сам он не ходил к нему на помощь, ни сына не пускал.

А тот, в свою очередь, захватил имущество бояр Изяслава, пленил их жен и не отпускал без выкупа. Много товара Изяславовой дружины захватил и Мстислав, золота и серебра, челяди, коней и скота, что все препроводил во Владимир.

Союзники Мстислава, Владимир и Ярослав, вступили в Киев 2 декабря и послали за Ростиславом, «вабяче и Киеву», так как и прежде целовали ему крест: «яко тебе его ищем».

Ростислав отвечал им с Иваном Ручешником и Якуном, смоленским и новгородским мужем: «Если вы в правду зовете меня с любовью, то я иду в Киев на свою волю, чтобы вам иметь меня отцом себе в правду и слушаться. Вот что я вам объявляю: не хочу видеть Клима на митрополии — он не взял благословения у патриарха и святой Софии».

А Мстислав крепко стоял за Клима и твердил, что не хочет Константина, который проклинал его отца.

С тяжкими речами поехал Иванко в Смоленск к своему князю, приславшему старшего сына Романа договариваться. Долго спорили они между собою и, наконец, положили, отстранив обоих, привести третьего митрополита из Царьграда.

На светлый праздник, 12 апреля (1160), вступил Ростислав в Киев и встречен был людьми с великой честью, которые радовались вдвойне: Воскресению Господню и князю сидению.

1 октября назначен был съезд со Святославом Ольговичем в Моровийске. Князья свиделись с великой любовью, обедали вместе и

пировали.

Изяслав Давыдович, потеряв и Чернигов, и Киев, почти лишенный убежища, не мог быть спокойным. С призванными половцами он явился под Черниговом, но вследствие помощи, присланной туда великим князем Ростиславом, должен был отойти без успеха. Долго скитался по окрестным местам, пытался напасть изъездом на разные города, воевал села, наконец, ушел к племяннику своему во Вщиж, оттуда искал покровительства Андрея и просил его дочери в супружество Святославу Владимировичу. Русские князья, пришедшие осаждать его, услышав, что Изяслав Андреевич идет на помощь, дали мир.

На следующий год (1161) Изяславу удалось составить большой союз против великого князя Ростислава: он подговорил Всеволодовичей, потом пристал к нему Олег, сын Святослава Ольговича, и вот по какому случаю: великий князь Ростислав, сблизившись со Святославом, упросил его отпустить в Киев «детя Олега», чтобы он познакомился с лучшими киевлянами, торками и берендеями. Святослав отпустил сына, не питая никакого подо-

зрения. Олег, придя к Ольжичам, послал просить великого князя, где ему стать. Тот указал место около Олеговой могилы, а сам стоял у Шелвова сельца под бором. Два дня обедал гость у великого князя. На третий, когда он выехал на поездство, остановил его один Ростиславов муж: «Князь, у меня есть до тебя орудие велико (важное дело). Обещаешь ли мне не открывать никому, что я скажу тебе?» Олег обещал. «Князь, будь осторожен, тебя хотят захватить, верно так». Олег поверил и стал проситься у Ростислава в Чернигов к отцу, под предлогом болезни матери. Ростиславу не хотелось отпустить его так скоро, он не соглашался, не имея лиха в сердце, но, наконец, отпустил. Олег, возвратясь, скрыл от отца извет, но втайне сердился и начал проситься в Курск.

Здесь нашли его Изяславовы послы, приступили к нему с любовными речами и убедили к союзу, к которому должен был пристать поневоле и отец его Святослав Ольгович.

Половцев к Изяславу пришло множество. Все союзники выступили в поход, один Свято-

слав оставался в Чернигове. Изяслав подошел сначала к Переяславлю, на Глеба, зятя своего, веля ему идти на Ростислава, но Глеб отказался, и, простояв две недели под Переяславлем, враги отошли прочь без успеха. Между тем, Ростислав собрался с силою и вступил против них вперед. Половцы бежали, а за ними и Изяслав.

Но, спустя некоторое время (1162), он явился с другой стороны. С новыми ватагами половцев он перешел Днепр за Вышгородом и стал на болонье в лозах, против Дорогожича. Наутро, 8 февраля, в среду, выстроив полки с братьями, Изяслав приступил к подолу. Место от горы до Днепра было загорожено кольями. Ростислав стоял там с Андреевичем. Началась сеча. С обеих сторон падали многие. Страшно было смотреть издали, как будто второе пришествие наступало. Изяслав начал одолевать. Половцы, прорываясь через колья, проникали в город и зажигали дворы. Берендеи побежали к Угорскому, а другие к Золотым воротам. Дружина Ростислава начала советовать: «Князь, бороться нет силы, братья не успели прийти к тебе, ни берендеи, ни торки, а у вра-

гов сила велика. Ступай лучше в Белгород и там дождись братьев со всеми своими полками».

Ростислав послушал дружину и отошел к Белгороду с полками своими и с княгинею, где в тот же день подоспел к нему Ярослав, сыновец его, с братом Ярополком, а Андреевича отправил он к торкам и берендеям.

Изяслав вступил в Киев в третий раз, 12 февраля, и, отпустив всех плененных киевлян, пошел под Белгород.

Святослав присылал из Чернигова уговорить Изяслава, чтобы он просил мира, а «если не дадут тебе мира, иди за Днепр; будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». Изяслав не принял совета и отвечал: «Братья мои, отойдя, воротятся в свои волости, а мне не к половцам идти; в Вырине могу я голодом мерети; так лучше здесь я хочу погибнуть».

Все союзники начали подходить к Белгороду: Мстислав из Владимира, Рюрик из Торческа, берендеи, ковуи, торки, печенеги. Дикие половцы устерегли приближение и, пригнавши к Изяславу, поведали ему рать велику.

Изяслав оробел и увидел себя вынужден-

ным искать спасения в бегстве. Князя за ним. Торки нагнали его возы, и началась сеча, многих взяли руками, Шварна, обоих Милятичей, Степана и Якуна, Нажира Переяславича. Изяслав был достигнут за озерами, при въезде в бор. Войбор Негечевич ударил его саблей, другой ударил копьем. Он упал с коня, его принесли к Ростиславу. Ростислав начал говорить: «Мало тебе было, брат, волости Черниговской, ты выгнал меня из Киева, мало тебе было и Киева, ты хотел выгнать меня даже из Белгорода». Изяслав ничего не отвечал, лежащий, и только попросил воды. Ему подали вина, Мстислав отправил его, еле живого, в монастырь к святому Симеону, в Копыреве конце, где он и скончался 6 марта. Тело его отвезено в Чернигов. Святослав положил его в отцовской церкви, у Св. мучеников, 13 марта, в понедельник.

Ольговичи поцеловали крест Ростиславу, но победители вскоре не поладили между собою: главный деятель, Мстислав, поссорился с дядей, многие речи встали между ними, и он, раздраженный, оставил Киев. Сын Ростислава Давыд, без отцовского приказа, в Торческе за-

хватил посадника Мстиславова Вышка.

Мстислав ходил на дядю Владимира Андреевича, веля ему отступиться от Ростислава, но тот не согласился.

Ольговичи, поцеловав крест Ростиславу, напали, однако, также на его брата Владимира, вместе с полоцкими князьями, и заставили его уступить им Случеск. Он удалился к Ростиславу, который дал ему Триполь с четырьмя городами.

В следующем году (1163) великий князь помирился с племянником и вернул ему все города, Торческ и Белгород, а за Триполь дал Канев.

Остальное время княжения Ростислава прошло довольно спокойно, и с туровским князем был заключен мир.

В Новгороде княжил сын Ростислава, Святослав, с согласия суздальского великого князя Андрея, с которым великий князь киевский был в союзе.

Сильно поразила Ростислава смерть ровесника его, вначале противника, а потом верного союзника, Святослава Ольговича, 3 февраля (1164), в Чернигове, так что он намеревал-

ся тогда же оставить княжение: «Хотел бых свободитися от маловременного и суетного света сего, и мимотекущего, многомятежного житья сего». Печерский игумен Поликарп, особенно им почитаемый, отговаривал его. «Вам Бог тако велел быти, правду деяти на сем свете, в правду суд судити, и в крестном целовании стояти». Ростислав отвечал: «Отче! Княжение и мир не может без греха быти, а уже есмь был немало на свете сем, а хотел был поревновати». «Если так тебе угодно, сказал игумен, да исполнится воля Божия». «Прежду еще мало времени, заключил великий князь, суть ми орудьца».

В Чернигове начались распри по кончине Святослава Ольговича, и великий князь Ростислав вступился за своего зятя (Олег был женат на его дочери), который и получил, наконец, четыре города.

Половцы, до того спокойные после участия в войнах Юрьевых и победы над ними Мстислава Изяславича, услышав о раздоре князей между собой, подошли к порогам и начали грабить гречников, т. е. купцов, торговавших в Греции. Великий князь послал Владислава

Ляха с ратью защитить гречников.

В следующем году (1168) он призвал всех союзных князей в Киев для той же цели. Пришел Мстислав из Владимира, Ярослав, брат его, из Луцка, Ярополк из Бужска, Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич, Глеб Юрьевич, Рюрик, Давыд, Мстислав, сыновья великого князя, Глеб городенский, Иван Юрьевич (туровский?), галицкая помощь. Все собранное войско стояло долгое время у Канева, пока не взошли гречники и залозники.

Ростиславу хотелось помирить новгородцев с сыном его Святославом, с которым они начали ссориться. Для того предпринял он путешествие в Новгород. По дороге, в Чечерске, встретил зять его Олег Святославич, со своей женой. Они угостили тестя обедом и почтили великими дарами. На другой день Ростислав пригласил их к себе на обед и предложил им еще больше даров: перед Смоленском за триста верст начали встречать его лучшие мужи, потом внуки, а, наконец, и сын Роман с епископом Мануилом. Перед въездом чуть не весь город вышел к нему навстречу. Так обрадовались смольняне старому своему князю,

княжившему у них около сорока лет. Множество даров принесено ему было на поклон.

Из Смоленска Ростислав пошел в Торопец, но, чувствуя себя весьма нехорошо, велел сыну выехать к нему навстречу на Луки. На Луках повидался он с сыном и новгородцами, которые принесли ему великие дары и целовали ему крест иметь сына его князем и другого князя не искать до его смерти. Оттуда возвратился он в Смоленск.

Сестра, видя его изнемогающего, убеждала остаться в Смоленске. «Нет, отвечал Ростислав, я не могу лечь здесь. Везите меня в Киев. Если умру в дороге, положите меня с отцовским благословением у святого Феодора. Если же Бог освободит от болезни, я постригусь в Печерском монастыре».

По пути из Смоленска, в Зарубе, селе Рогнеды, болезнь усилилась, Ростислав почувствовал себя очень дурно. Скончался он 14 марта 1169 г.

Сыновья Ростислава, вместе с братьями его Владимирями, родным и двоюродным, решили призвать на великокняжеский стол Мстислава, но до его прибытия поцеловав между

собою крест, разделили между собою волости, — всякий взял себе что хотел: Владимир Мстиславич взял Торческ со всем Поросьем, Владимир Андреевич Берестий. Владимир предоставлялся Ярославу Изяславичу. Несколько уделов отдано Ростиславичам. Киевские владения уменьшались, таким образом, более и более.

Присланный Мстиславом вперед Василько Ярополчич с тиуном проведал о тайном договоре и дал знать о нем во Владимир. Мстислав уведомил своих союзников: Ярослава галицкого, ляхов, Всеволодовичей, «являя твердь братьи» (объявляя о твердом своем намерении), и звал их на помощь.

Ярослав немедленно прислал к нему пять полков. В Микулин пришли берендеи, торки, печенегы, все черные клобуки. Мстислав двинулся.

Владимир Мстиславич вышел, между тем, из Триполя, с женой и матерью, и занял Вышгород.

Мстислав Васильевским путем вскоре достиг Киева и взял ряд с братьями, с дружиной и киевлянами.

На другой день он обратился к Вышгороду и пустил берендеев на вороп.[6]

Начались схватки. Много падало с обеих сторон. Послы ходили между князьями с речами о мире, и, удалившись о волость, наконец, они поцеловали крест: Владимир, Давыд, Рюрик, Мстислав. Мстислав, 13 мая 1167 г., в понедельник, вступил в Киев. Владимир должен был вернуться в Триполь, а Вышгород отдан Давыду.

Но дядя, издавна враждебный Мстиславу, еще держал зло на уме. Муж Давыдов, Василь Настасич, проведал это и сказал своему князю, а тот Мстиславу.

Владимир, поняв, что известны Мстиславу замыслы его, приехал оправдываться и остановился в Печерском монастыре. Туда прибыл и Мстислав, велел ему сидеть в экономовой келье, а сам сел в игуменовую и послал спросить его: «Брат, зачем ты приехал, я не посылал за тобой». Владимир, с дьячком Имормыжем, отвечал: «Брат, я слышал, что на меня наговаривают злые люди». Мстислав сказал: «Я слышал про то от брата Давыда». Послали в Вышгород, за Давыдом, который

прислал Василя, приставив к нему Радила тысяцкого и Василя Волковича.

Мстислав приехал через три дня в Печерский монастырь, и Владимир прислал мужей своих Рагуила и Михалю, которые начали препираться с Василем, а за Василя вышел Давыд Боринич.

Дело было ясно. «Брат, сказал Мстислав, ты целовал мне крест, и губы еще не обсохли. Отцы наши говорили: Бог тому судья, кто преступит крестное целование; целуй опять, если не хочешь лиха и на меня ничего не думал».

Владимир сказал: «Рад, целую, — то все на меня лжа». Мстислав отпустил его в Котельницу, но он не смирился и продолжал свои замыслы, сносился с берендеями и, получив от них обещание, открыл мысли свои Рагуилу Добрыничу, Михалю и Завиду. Те отвечали: «Ты, князь, задумал о себе. Мы ничего не знали и не едем за тобой». Владимир, взглянув на своих детских, сказал: «Ну, так они будут моими боярами», — и отправился на соединение с берендеями ниже Ростовца. Те увидели его одного: «Что же ты говорил нам,

будто все братья с тобой, и Андреевич Владимир, и Ярослав, и Давыд! А ты едешь один и без мужей. Ты обманул нас! Так лучше нам в свою голову, чем в чужую», — и начали пускать в него стрелы. «Не дай Бог поганому поверить, воскликнул горестный Владимир, пропал я душой и телом». Он побежал. Детских его перебили берендеи около него. Он пустился к Дорогобужу, куда прежде убежала жена его. Владимир Андреевич занял мост через Горину и не пустил его к себе. Он должен был искать спасения уже не на Руси и повернул к радимичам к Суздалю; Андрей выслал к нему навстречу сказать: «Иди в Рязань к отчичу своему к Глебу, я тебя наделю». Владимир пошел туда, оставя жену с детьми у Всеволожей в Глухове. Мстислав выслал мать его, вдову деда Мстислава: «Ступай в Городок, а оттуда куда тебе угодно; не могу жить с тобою в одном месте, потому что сын твой ловит головы моей, переступая крест».

Вложил Бог в сердце Мстиславу Изяславичу (1168) мысль благую о Русской земле, которую любил он всем сердцем, и созвал он всех братьев своих, начал думать с ними и сказал:

«Братья, пожалейте о Русской земле и о своей отчине-дедине, которую на всякое лето несут поганые в вежи свои, с нами роту взимающе и всегда переступающе. Вот они уже отнимают у нас и Греческий путь, и Соляный, и Залозный; хорошо бы нам, братья, поискать отцов и дедов своих пути и своей чести, воззряче на Божию помощь». И была эта речь угодна всей братии и мужам их. Они отвечали: «Буди так. Дай Бог нам за христиан и за Русскую землю сложить свои головы, и к мученикам причтенным быти».

Мстислав послал к Ольговичам в Чернигов и велел им быть с собою. Тогда Ольговичи были в союзе с Мстиславом. И собрались все братья в Киеве: Рюрик из Вручого и Давыд из Вышгорода; Всеволодовичи Святослав и Ярослав, Олег Святославич, брат его Всеволод, Ярослав из Луцка, Ярополк, Мстислав Всеволодович, Глеб из Переяславля, брат его Михаил и многие другие. Воззрев на Божию помощь и силу честного креста, вышли они из Киева 2 марта, в субботу, на средокрестной неделе.

Ярополк, брат Мстислава, был очень болен, но не хотел отстать от своих братьев. В

Тумаще начала одолевать его болезнь, а Мстислав был уже за Каневым. К нему послана весть о болезни брата. Мстислав велел игумену Поликарпу и попу Данилу ехать к брату, и если он умрет, похоронить его у святого Федора. Он скончался в четверг, 7 марта.

Князья шли девять дней. Половцы, услышав, что идут на них все князья русские, побросали своих жен и детей и побежали. Князья пустились за ними в погоню, оставив у своих возов Ярослава Всеволодовича, настигли их у Черного леса и, прижав к лесу, одних перебили, других взяли в плен. Освобожденные христиане отпущены были на волю.

Похвалив Бога, с радостью великой, вернулись князья домой на самое Воскресение Христово. Братья, однако, втайне сетовали на Мстислава.

Вскоре опять князья все собрались в Киеве. Мстислав сказал: «Братья, мы сделали много зла половцам, вежи их поимали, детей полонили и увели стада; они будут пакостить нашим гречникам и залозникам. Поедем навстречу гречникам». Князья пошли в поход и стали у Канева.

Все было согласно и мирно, но злые люди посеяли раздор. Петр и Нестер Борисовичи начали вести злые речи Давыду на Мстислава. Они сердились на него за то, что Мстислав отпустил их от себя, по вине их холопов, которые украли коней в Мстиславовом стаде.

Давыд поверил и передал навет брату Рюрику: «Приятели поведали мне, что Мстислав хочет нас взять». Рюрик возразил: «За что же? Ведь он недавно целовал нам крест». Наветники говорили: «Мстислав будет звать вас на обед, тут и будет ваше ятье, и слова наши оправдаются». Мстислав не имел о том никакого понятия, питая к братьям совершенную любовь. Он действительно послал звать их к себе на обед, а те отвечали: «Поцелуй прежде нам крест, чтоб не замыслить на нас лиха, так мы придем к тебе». Мстислав удивился и объявил о требовании дружине своей. Дружина отвечала: «Без дела, князь, велят тебе братья целовать крест. Мы знаем твою любовь к ним. Верно, злые люди, завидуя братской любви, придумали лихо; злой человек хуже беса: бес того не замыслит, что замыслит злой человек. Скажи братьям, что ты крест целу-

ешь, а они чтоб выдали тебе, кто вас сваживает».

И послал Мстислав послов Давыду с той речью. Давыд отвечал: «Кто же мне будет говорить и предостерегать меня, если я выдам». Мстислав поцеловал к ним крест, и они поцеловали, но сердце их не было с ним.

Владимир Андреевич начал требовать волости. Мстислав, поняв, что просит он волости изветом, отвечал: «Давно ли ты крест целовал и волость взял у меня».

Тот разгневался и пошел к Дорогобужу.

Новгородцы, между тем, прогнав от себя Святослава Ростиславича и поссорясь с Андреем, прислали к Мстиславу просить у него сына Романа. Ростиславичи рассердились еще более на Мстислава и начали сноситься между собой и с великим князем суздальским Андреем, который не любил его всегда, а теперь еще более, за отправку новгородцам сына против его воли. Все князья поклялись крестом между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андрея: к полкам ростовским, суздальским, владимирским, со старшим сыном его Мсти-

славом, присоединились Роман из Смоленска, Глеб из Переяславля, Олег Святославич и брат его Игорь черниговские, Владимир из Дорогобужа, Рюрик из Вручего, Давыд из Вышгорода, брат его Мстислав, брат Андрея Всеволод Георгиевич, племянник Мстислав Ростиславич, всего 11 князей. Главным воеводой послан был Борис Жирославич. Сам Андрей не пошел, уверенный, что дело обойдется успешно и без него.

Все полки соединились в Вышгороде и на второй неделе поста осадили Киев. Мстислав затворился и бился крепко из города. Помощников у него не было никого, кроме торков и берендеев, и те льстили под ним. Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабела: «Что, князь, стоишь? говорила она ему, нам их не перемочи». Мстислав не мог противиться долее: с четвертого приступа город был взят, и сын Изяслава должен был оставить Киев. Бастеева чадь погналась к Василеву, стреляя в плечи ему, и захватила многих из его дружины: Дмитра Хороброго, Олекса дворского, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тиуна его, и мно-

гих других. За Уновью Мстислав соединился с братом Ярославом, и оба поспешили во Владимир, а жена его и дети достались в плен победителям.

Киев был взят в марте 1169 г., на второй неделе поста. Сборная рать бросилась грабить по горе и подолью. «И бысть в Киеве, говорит тамошний летописец, стенание и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные. Сия же вся содеявшаяся грех ради наших».

Мстислав (Андреевич), разумеется, по мысли и воле своего отца, посадил в Киеве дядю Глеба Юрьевича; никто не смел противиться, хотя и был еще в живых старший двоюродный брат. Сын Андрея вернулся во Владимир с честью и славой великой.

Глебу досталось на долю мало покоя в Киеве. Сначала потревожили его половцы. Едва Глеб справился с половцами, как у него появился новый враг, Мстислав, столь же деятельный, как и его отец. Он хотел управиться с Глебом, как Изяслав управился с его отцом Юрием. По удалении из Киева, он воевал на Волыни и, получив помощь из Галича, двинулся с союзными войсками на Киев.

Между тем, Владимир Андреевич скончался в Дорогобуже.

Великий князь, не надеясь справиться с Мстиславом, оставил Киев и ушел в Переяславль.

Мстислав соединился с торками и берендеями в Триполе, и потом занял оставленный Киев, взял ряды с пришедшими вместе с ними братьями и киевлянами.

Из Киева пошел Мстислав в Вышгород. У Давыда было много дружины своей и братьев. Он занял острог заранее и отразил нападение, Глеб прислал к нему в помощь Григорья тысяцкого с полком, пришел Кончак с родом своим, дикие половцы, а Мстислава оставила вспомогательная дружина галицкая, может быть, подкупленная, представя ложную грамоту, будто бы написанную от князя Ярослава, чтобы им не стоять под Вышгородом более пяти дней. Мстислав объяснил братьям о своем положении; он находился тогда перед Золотыми воротами, и все решили идти во свояси, чтобы, отдохнув, прийти вновь, тем более, что сам Глеб спешил через Днепр, на помощь к Давыду, а на черных клобуков на-

деяться было нельзя. Мстислав отступил в понедельник на второй неделе по Пасхе. Давыд послал за ними в погоню Владислава Ляха, который догнал их у Болохова и долго провожал стрелами.

Глеб отпустил половцев в степи. Они остановились за Василевым у седельников, дожидаясь свою дружину, а Василько Ярополчич, союзник Мстислава, напал на них из Михайлова, впрочем, был разбит ими, соединившимися с седельниками. Глеб, в свою очередь, сжег его город и раскопал гроблю.

Мстислав, среди сборов на Глеба, умер, 19 августа 1170 г. Вскоре за ним последовал и Глеб, 20 января 1171 г.

Ростиславичи, княжившие вокруг, во Вручем, в Вышгороде, в Торческе, призвали по праву Владимира Мстиславича из Дорогобужа, «вабяче и» в Киев на стол. Он, нарушив клятву к союзникам своим, к Ярополку и Мстиславичам, отдал Дорогобуж сыну Мстиславу и, пришед в Киев тайно, сел на столе 18 февраля, на масленице.

Андрею, великому князю суздальскому, не любо было, что Киев, взятый им и отданный

брату, теперь, после смерти Глеба, предоставлен без его воли Владимиру; он велел, без всяких околичностей, новозваному великому князю идти из Киева назад в Дорогобуж.

Владимир Мстиславич не успел исполнить приказания и скончался 30 мая 1171 г.

В начале июля в Киев прибыл Роман Ростиславич из Смоленска, по приказу Андрея. Половцы воевали по Руси и набежали на Переяславль, но были отражены Игорем Святославичем северским, который отпраздновал праздник Бориса и Глеба в Вышгороде с Ростиславичами, представил им сайгат и был одарен ими.

Спокойствие внезапно нарушилось подозрением Андрея: ему сказали, что брат его Глеб умер в Киеве не своей, а насильственной смертью, изведенный такими-то киевскими боярами, и он потребовал их от Ростиславичей: «Выдайте мне Григория Хотовича, Степана и Олексу Святославца, — это враги всем нам».

Ростиславичи не хотели их выдать, и отпустили Григория от себя.

Рассерженный Андрей прислал сказать Ро-

ману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею — иди же из Киева, а Давыд из Вышгорода. Ступайте в Смоленск и там делитесь между собою. Киев я отдаю брату Михалку».

Так был силен Андрей, что одного своего слова он считал достаточным, дабы выслать многих князей из их княжеств и произвести совершенно новое между ними размещение.

И этого слова было в самом деле достаточно: Роман, услышав его, собрался и беспрекословно выехал из Киева, а Рюрик, Давыд и Мстислав, огорченные, решили попытаться, не успеют ли сменить гнев Андрея на милость. Они послали сказать Андрею: «Брат! Правда, мы нарекли тебя отцом своим, целовали крест тебе, и стоим в крестном целовании, хотим добра тебе, а ты брата нашего Романа вывел из Киева, и нам кажешь путь из Русской земли, без всякой со стороны нашей вины. Но Бог и сила крестная над всеми». Андрей не дал им никакого ответа.

Между тем, Михалко, которому он назначил Киев, не пожелал переезжать туда, а послал меньшого брата Всеволода с племянником Ярополком.

Ростиславичи, видя, что им на Андрея надеяться нечего, сговорившись, внезапно напали ночью на Киев, захватили Всеволода и его племянника, всех бояр, и отдали Киев брату Рюрику, договорившись с Михалком.

Ольговичи черниговские, не терпевшие Ростиславичей, рады были этому случаю и послали своих мужей к Андрею, подговаривая его на ослушников: «Кто тебе враг, говорили они, тот и нам враг; мы готовы с тобою».

Андрей уже и сам «разжегся гневом» и послал Михна мечника с новым приказом в Киев: «Поезжай к Ростиславичам и скажи Рюрику: пусть он идет в Смоленск к брату в свою отчину; Давыду скажи: всё от него, я не велю ему быть в Русской земле!»

Мстислав (Ростиславич) привыкший с юности не бояться никого, кроме Бога, как говорит летописец, выслушав этот грозный приказ, велел перед собой остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь к своему князю, сказал он, и донеси ему: мы считали его до сих пор отцом себе по любви; но если он прислал тебя с такими речами ко мне,

не как к князю, а как к подручнику и простому человеку, то я не хочу знать его. Что замыслил он, пусть и делает, а Бог за всем!»

Обруганный, обещанный посол явился во Владимир. Когда Андрей увидел его в таком положении, остриженного, без бороды, «образ лица его потускнел, говорит летописец, и взострился на рать, и бысть готов».

Все воины собрались на его зов: ростовцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, рязанцы. Сами новгородцы пришли с юным сыном его Георгием. Рать поручил Андрей опять испытанному воеводе Борису Жирславичу и велел ему Рюрика и Давыда выгнать из своей отчины, «а Мстислава взявши, не троньте и приведите ко мне».

Летописец, передавая эти слова, сам, кажется, вострепетал, и так при них рассуждает: «Андрей князь, толик умник сы во всех делах, добль сы, и погуби смысл свой невоздержанием, распалевся гневом, такова убо слова похвальна испусти!»

Когда ополчение проходило мимо Смоленска, князь Роман выслал сына со своими полками, вынужденный идти просить родных

братьев, от страха перед Андреем.

Потом, по дороге, получив приказ, присоединились князья полоцкий, пинский, туровский, городенский; потом Ольговичи с полками черниговским и новгород-северским; наконец, братья Андреевы, Михалко и Всеволод, перед тем выпущенный из плена, племянники Ярополк и Мстислав Ростиславичи, Владимир Глебович переяславский.

Все князья и войско остановились у князя черниговского, Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совещания, и потом пошли на Киев.

Киев уже был пуст: Ростиславичи оставили его и разъехались по своим городам: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давыд уехал в Галич, просить помощи у родственного им Ярослава.

Князья, заняв оставленный Киев, поспешили к Вышгороду, где засел главный противник Андреев Мстислав, которого им было велено представить живого суздальскому великому князю.

Святослав Всеволодович черниговский, старший между всеми князьями, которых

числом было двадцать, отрядил вперед Всеволода Юрьевича и Игоря с младшими князьями. Мстислав не унывал. Увидя подходившую рать, выстроил полки свои и вышел к ней навстречу. Крепко бились враги и разошлись к ночи; впрочем, убитых, к удивлению, оказалось немного, а больше раненых. Таков был бой первого дня у Мстислава с Всеволодом, Игорем и другими младшими князьями. А на завтра пришли все силы, окружили город и начали ежедневно ходить на приступ; из города также выбегали биться часто. Мстислав держался. Много было в его дружине раненых и убитых добрых мужей, но он не думал сдаваться. Девять недель продолжалась осада.

На десятой неделе приходит на Ростиславичей Ярослав Изяславич луцкий со всей Волынской землей, но с тем требует себе старейшинства перед Ольговичами, которым Андрей предоставлял Киев. Ольговичи не уступают ему Киева, и своенравный Ярослав вступает в переговоры с Ростиславичами, договаривается о Киеве и переходит на их сторону. Кажется, и Святослава Всеволодовича черниговского, наконец, он тайно привлек к себе,

обещая наделить впоследствии.

Между осаждающими разнесся слух, что галичане идут на помощь к Ростиславичам и что черные клобуки готовы перейти на их сторону.

Как бы то ни было, по справедливой или мнимой причине, полки черниговские дрогнули и, не дождавшись рассвета, бросились через Днепр в великом смятении, так что и удержать их никому было невозможно, и множество потонуло в реке. За ними последовала и рать суздальская, которой одной нечего оставалось делать. Мстислав, увидев такое внезапное бегство, «никому не гонящу», выехал из города с дружиной, ударил на стан и взял множество колодников.

Много пота утер он, и много мужества показал он со своей дружиной, за то и наградил его Бог победой, паче всякого чаяния (1173).

Рать Андрея со стыдом возвратилась во Владимир.

Ярослав Изяславич луцкий занял Киев, но ненадолго. Святослав черниговский начал просить у него наделенья по договору: «Помни первый уговор — ты говорил, если ся-

дешь в Киеве, то наделишь меня, а если я сяду, то наделю тебя. Теперь ты сел, право ли, криво ли, надели же меня». Ярослав отвечал: «С чего тебе владеть в нашей отчине? До этой стороны тебе дела нет». Святослав возразил: «Я не угрин, не лях, мы внуки одного деда, сколько тебе до него, столько и мне; если не стоишь в первом ряду — твоя воля».

А сам, договорившись с братьями, внезапно напал на Киев. Ярослав, один, не смел затвориться и бежал, оставив даже жену и сына. Святослав захватил их и всю дружину, имения Ярославова без числа и увез все в Чернигов.

Ярослав, услышав, что Киев остался без князя, ограбленный Ольговичами, вернулся и, приписывая нападение Святослава подвоху киевлян, обложил их податью, чтобы выкупить жену и сына; обложил всех игуменов и попов, чернецов и черниц, латину и гостей, все затворы и всех киевлян.

Святослав, впрочем, помирился с ним, а Ростиславичи, не извлекшие от блистательной борьбы с Андреем никакой пользы для себя, которая досталась другим, решили при-

бегнуть к покровительству Андрея, смирились перед ним и просили отдать Киев Роману. Тот обещал им подумать, но был убит заговорщиками из личной мести. Ростиславичи должны были надеяться на себя. Они позвали брата Романа смоленского к себе на помощь.

Ярослав, сказав: «Вы привели брата Романа и хотите отдать ему Киев», уехал в Луцк и не согласился возвратиться, несмотря на их вызов.

Роман сел на стол в Киеве в 1174 г.

Половцы напали на Русскую землю и взяли шесть городов берендеев. Роман послал на них братьев, которые рассорились между собою и были разбиты.

Святослав Всеволодович хотел воспользоваться их неблагоприятными обстоятельствами. Обвинив в чем-то Давыда, он потребовал наказания, говоря: «Ряд наш так есть — оже ся князь извинит, то в волость, а муж в голову, Давыд же виноват». Роман не исполнил его требования, и Святослав переправился через Днепр, опять занял Киев, но, испугавшись прибытия Мстислава с полком, отошел к себе домой.

Впрочем, Ростиславичи, не надеясь удержать за собой Киев, решили добровольно уступить его черниговскому князю, выговорив себе, разумеется, новые уступки.

Роман удалился в Смоленск, а Святослав занял Киев, который принадлежал некогда и его отцу (1176).

Стол владимирский после многих смут достался тогда меньшим Юрьевичам, Михалку, и потом брату его Всеволоду, которым Святослав имел случай оказать важные услуги.

Еще один из Ростиславичей оставил Русскую землю, и самый храбрый между ними, Мстислав, прославившийся защитой Киева от Андреевой рати. Он был вызван новгородцами.

Несколько лет прошло спокойно, кроме незначительных набегов половецких.

Святослав послал сына Глеба с дружиной в помощь к зятю, Роману Глебовичу рязанскому. Великий князь Всеволод захватил его в плен (1179), и Святослав разжегся гневом, тем более, что Всеволод был ему многим обязан. Он хотел идти к Владимиру, но боялся оставить Русскую землю во власти Ростислави-

чей, «яко мьстился бых Всеволоду; но нелзе Ростиславичи, а теми во всем пакостят в Русской земле; а в Владимире племени, кто ми ближний, тот и добр».

Давыд в ладьях ходил «ловы дея» по Днепру, Святослав по Черниговской стороне. И вздумал он с женой и милостником своим Кочкарем захватить Давыда: «Давыда возьму, а Романа выгоню, и останусь один в Русской земле с братьею, и тогда отомщу Всеволоду за обиду мою».

С этой мыслью переехал он через Днепр и ударил на товары Давыда, который спасся в ладье с княгиней. Черниговцы по берегу за ними, начали стрелять, но не достали.

Святослав захватил дружину его и товары и переехал в Киев под Вышгородом, а на другой день опять пустился по Днепру, но не нашел его ни на котором пути. Давыд спасся в Белгород к брату.

Тогда Святослав переправился за Днепр, сказав: «Я объявился Ростиславичам и не могу больше оставаться в Киеве».

В Чернигове он созвал всех сыновей и младших братьев, дружину, на совет, куда ид-

ти, к Смоленску или к Киеву. Игорь отвечал: «Отче, лучше, если бы была тишина, но если так не приходится, то лишь бы ты был здоров». Решено было идти на великого князя суздальского.

Рюрик, услышав об удалении Святослава из Киева, занял город и послал за братьями Ростиславичами, равно как и за галицкой помощью, а Давыда отправил к старшему брату в Смоленск.

Святослав (1180), собравшись с братьями в Чернигове, сказал: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь (Святославич), старше Всеволода, и ныне я вам в отца место остался; и велю тебе, Игорь, здесь быть с моим братом Ярославом, блюсти Чернигов, и я с Всеволодом пойду к Суздалю — выручать сына Глеба; там как уже рассудит нас Бог!» И половцев разделил он надвое: одних взял с собой к Суздалю, других оставил у братьев.

На пути пристал к нему сын Владимир с полками новгородскими.

Всеволод, великий князь суздальский, встретил их на берегах реки Влены.

Противники стояли две недели, друг про-

тив друга, бившись через реку. Всеволод послал рязанских князей; они ударили на товары Святослава и смяли их, иных побили, других взяли; но Всеволод Святославич (черниговский) подоспел на помощь, и рязанские князья должны были бежать назад со значительными потерями.

Святослав, в нетерпении, послал к Всеволоду послом попа сказать: «Брат и сын! Много сделал я тебе добра и не чаял получить от тебя такую благодарность; но если ты уже замыслил так на меня и на сына моего, то не далече тебе искать меня — отступи немного от речки, — и дай мне путь, чтоб я мог подойти к тебе ближе, и пусть рассудит нас Бог. А если ты не хочешь дать мне пути, то я тебе дам: переезжай на эту сторону, и рассудит нас Бог здесь».

Всеволод выслушал послов Святослава и отослал их во Владимир, а Святославу не отвечал.

Святослав не мог оставаться дольше, боясь тепла: ушел и сжег по дороге Дмитров. Всеволод не велел за ним гнаться, но взял многие его товары.

Выйдя из земли Суздальской, Святослав пошел с сыном в Новгород.

А в его отсутствие братья вздумали сходить на Смоленск, соединясь с полоцкими князьями, и осадили Друцк. Прослышав о его возвращении, они отошли к нему навстречу, и Давыд, подоспевший из Смоленска, не успел дать им сражение. Узнав о приближении Святослава, он бежал из Друцка; Святослав сжег острог и отошел к Рогачеву, оттуда Днепром спустился к Киеву. Игорь с половцами ожидал его против Вышгорода.

Рюрик, держав совет с мужами своими, опять уступил Святославу старейшинство и Киев, а себе взял всю Русскую землю (1180).

Примирился Святослав и с Всеволодом владимирским, посылал ему помощь на болгар и женил сына Мстислава на его свояченице, ясыне; а другой сын женился тогда на дочери Рюрика.

Союз великого князя Святослава Всеволодовича с Рюриком Ростиславичем принес большую пользу как им, так их волостям и всей земле Русской. Со следующего года начнутся их общие походы на половцев.

В это же время Игорь Святославич предпринял особый поход.

В 1185 год знаменитый Кончак явился отомстить за поражения половцев: он хвалился пленить русские города и пожечь их огнем. «Бяше бо обрел мужа таковаго бесурменина, иже стреляше живым огнем. Бяху же у них луци тузи самострелнии, едва 50 муж можаше напярци». Думая обмануть, он говорил Ярославу Всеволодовичу, что просит мира; Святослав и Рюрик предостерегли Ярослава и пошли Кончаку навстречу. Встретившиеся им гости из половцев сообщили известие, что Кончак на Хороле. Младшие князья, однако же, не нашли его там. Другие взошли по соседству на холм и увидели его шатры по лугу. Нападение было удачно, сам басурман с живым огнем захвачен в плен и приведен к Святославу 1 марта; много было побито и взято поганых. За Кончаком послан в погоню Кунтувдей с 6 тысячами человек, но не мог догнать его, потому что за Хоролом оказалась талая вода.

Игорь северский не успел принять участия в этом блистательном походе, пошел после

один, со своими братьями, но был совершенно разбит половцами и взят в плен.

Великий князь Святослав Всеволодович ходил, между тем, в Карачев, для сбора рати с верхних земель на задуманный им летом поход. На обратном пути в Новгороде Северском он услышал о походе Игоревом, а как приплыл в ладьях в Чернигов, Беловодь Просович прибежал к нему с печальной вестью. Святослав заплакал: «Досадно было мне на Игоря, а теперь еще больше мне его жаль! Не воздержавши юности, они отворили ворота на Русскую землю. О, братья моя, дети мои и мужи земли Русской! Если б Бог помог нам притомить поганых».

Святослав прислал сына и Владимира успокаивать людей в Посемье и вместе послал к Давыду в Смоленск звать его на охрану Русской земли.

Пришедшая помощь стала в Триполе, Ярослав в Чернигове собирал войско.

Половцы, победив Игоря, возгордились и решили идти всей землей на Русь. Произошел спор. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где избиты братья наши, где пал ве-

ликий наш князь Боняк». Кза говорил: «Пойдем на Семь, откуда вышло русское войско, оставя только жен и детей, полон для нас готов собран, мы возьмем город без опасы».

Не сумев договориться, они разделились надвое. Кончак осадил Переяславль. Князь Владимир Глебович оборонялся храбро, был впереди всех, получил много ран и слал беспрестанно к Святославу за помощью, также к Рюрику и Давыду: «Се половцы у мене, а помозите ми». Присланные смольняне на вече отвечали: «Мы пришли оборонять Киев, а на стороне воевать мы не можем, и так уже изнемогли». Они ушли, а Святослав с Рюриком двинулись к Переяславлю. Тогда половцы отошли от Переяславля и приступили к Ромну, сожгли его, а людей избили или пленили; русские князья туда опоздали.

Иные половцы пришли по другой стороне, сожгли острог у Путивля и, повоевав, возвратились восвояси.

Через год (1187) Святослав и Рюрик опять собрались на половцев. Услышав, что они остановились на Татинце, на Днепровском броде, князья пустились на них изъездом, без

обозов. Владимир Глебович, приехавший к ним из Переяславля, выпросился у Святослава и Рюрика ездить впереди с черными клобуками. Святославу было обидно отдать ему преимущество перед своими сыновьями, но он должен был согласиться с мнением прочих князей, которые уважали мужество и храбрость молодого Владимира. Половцы бежали, однако же, за Днепр, и князя отказались от преследования, потому что Днепр разлился. На обратном пути Владимир Глебович занемог и скончался 18 апреля, оплаканный переяславцами.

Летом половцы приходили воевать по Руси и в Черниговской области.

Зимою Святослав и Рюрик с братьями опять собрались в поход. Они шли по Днепру, потому что везде был глубокий снег. На Снепороде они захватили сторожей и узнали от них, что стада пасутся у Голубого леса. Ярослав отговаривался, как и прежде, идти дальше Днепра: «Земля моя далека, а дружина моя изнемогла». Рюрик уговаривал Святослава: «Брат и сват, нам того и просить было у Бога. Мы знаем теперь наверное, что половцы ле-

жат за полдень. Кто раздумывает идти, что нам до того за дело? Мы двое не смотрели ни на кого, но что нам Бог давал, то е сведали». Святославу понравилась эта речь: «Я готов, брат, всегда, но лучше бы идти всем вместе. Пошли к Ярославу и понудь его». Рюрик послал сказать ему: «Тебе не годится измясти нами! Кланяюся тебе, брат, ты поди для меня до полудни, а я для тебя поеду десять дней».

Ярослав отвечал, не хотя ехать: «Не могу ехать один, а полк мой пеш. Вы должны были дома предупредить меня, до которых мест думали идти».

Начались споры. Сколько ни старался уговорить Рюрик князей идти, но не мог, потому что Святослав, хоть и желал идти, но не желал оставить брата Ярослава одного, — и все вернулись по домам.

Некоторое время прошло в мире и тишине. Но мысль о половцах не оставляла князей и среди их веселья: они послали полки с воеводой Романом Нездиловичем, которые захватили стада за Днепром, потому что половцы были в отлучке за Дунаем.

Согласие князей Святослава и Рюрика на-

рушилось из-за Галича, где умер князь Ярослав, и начались мятежи.

Король венгерский, занявший Галич, увидел, вследствие происков Романа волынского, что не может удержать его, и прислал к Святославу просить у него сына (1189). Тот, думая, что король отдает ему Галич, отправил Глеба тайно от Рюрика. Рюрик, проведав, послал вслед за ним мужей своих, а Святослава начал упрекать: «Зачем послал сына к королю без моего ведома; ты изменил своему слову (соступился ряду)». Святослав спорил: «Брат и сват, я послал сына не на тебя поводить короля, а на свое орудие. Если ты хочешь идти войной на Галич, я готов с тобой».

Князья пошли: Святослав с сыновьями, а Рюрик с братом. По дороге начали они спорить о волости Галицкой и никак не могли договориться: Святослав отдавал Галич Рюрику, а себе выговаривал всю Русскую землю, около Киева, Рюрик же не хотел вовсе лишиться Русской земли, но хотел поделиться Галичем. Так и вернулись, не сделав ничего.

Галич опять достался Владимиру, сыну Ярослава, которого принял под свое покрови-

тельство император из уважения к его родству с суздальским великим князем Всеволодом.

1194. Святослав, заспоря о границах с рязанскими князьями, с которыми до сих пор был в дружбе, хотел было идти войной на них и спрашивал согласия у великого князя суздальского Всеволода; но тот, считая Рязань своей подчиненной волостью, не позволил. Он должен был вернуться от Карачева назад и дорогою занемог. По Десне приехав в Киев, он в Вышгороде молился святым мученикам, облобызал Св. раку и хотел поклониться гробу отца. Поп пошел за ключом от церкви, и он отъехал, не дождавшись. Жаль ему стало, что не поклонился гробу отца, и в субботу поехал опять к Св. мученикам, но уже не смог вернуться в Киев. В понедельник услышал, что сваты идут за внучкой, Глебовной, сватать за царевича, послал к ним навстречу мужей киевских. Силы истощались, язык коснел, и, очнувшись, он спросил: «Когда будут Маккавей?» Княгиня отвечала: «В понедельник». «Не дождусь я», сказал Святослав. Отец его, знаменитый Всеволод Ольгович, скончался

на память святых Маккавеев. Больной едва выговаривал: «Верую во единого Бога, Отца Вседержителя», велел постричь себя в монахи и послать за сватом Рюриком. Он скончался и был положен в святом Кириле, отцовом монастыре.

Рюрик Ростиславич приехал и сел на великокняжеский стол, к великому удовольствию киевлян, любивших его «зане всех принимаше с любовью, и крестьяны, и поганые, и не отгоняше ни когоже».

1195. Он послал за братом Давыдом в Смоленск: «Мы остались старшие в Русской земле, приезжай ко мне в Киев, мы решим все, что относится до Русской земли, до братьи и до Владимира племени, а сами в здравье увидимся».

Давыд приехал из Смоленска в ладьях, в среду на Русальной неделе. Рюрик позвал его на обед. Был большой пир, и дары многие, и любовь. Из Киева племянник Ростислав Рюрикович позвал его на обед к себе в Белгород. И там было веселье великое, и любовь, и дары. Потом Давыд позвал к себе брата Рюрика с детьми на обед, угостил и отпустил с дарами

многими. Потом Давыд позвал все монастыри на обед, был весел и раздал им многую милостыню, оделил нищих; потом позвал черных клобуков. Пировали у него все черные клобуки, и он одарил их многими дарами и отпустил.

По окончании праздников Рюрик и Давыд закончили переговоры о Русской земле, распределили все волости и расстались совершенно довольные друг другом, но вдали, там, на севере, был один недовольный, это Всеволод, великий князь суздальский.

Он прислал сказать: «Вы нарекли меня старшим в своем Владимире племени, ныне ты сел в Киеве, а мне чести не учинил в Русской земле и раздал все младшей своей братии. Если же мне нет в ней части, то Киев и Русская земля пред тобою: кому ты часть в ней дал, с теми ее и стереги; я посмотрю, как ты удержишь ее с ними, а мне не надо».

Всеволод оскорбился, что Рюрик отдал лучшую волость зятю своему Роману — города: Торческ, Триполь, Корсунь, Богуславль, Канев, которые он хотел иметь сам.

Рюрик посоветовался с мужами, как ему

удовлетворить свата без обиды Роману, которому целовал крест не отдавать бывшие под ним волости никому. Он предложил Всеволоду другую волость, но Всеволод отказался от нее. Между ними возник спор, и они уже начали собираться на войну между собою. Рюрик призвал митрополита Никифора и рассказал ему о своем положении. Митрополит сказал: «Князь! Мы приставлены от Бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития. Если кровь должна пролиться от того, что ты отдал волость младшему в ущерб или предосуждение старшему и целовал ему крест, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя, а ты послушай меня: возьми волость у зятя и отдай старшему, а Романа награди иной».

Рюрик послал к Роману сказать, что Всеволод негодует из-за него. Роман отвечал: «Отче! Для чего же ссориться тебе со сватом из-за меня, а не жить в любви? Отдай ему волости, а мне дай другую за нее, или кунами, чего она стоит».

Рюрик посоветовался с мужами и послал сказать Всеволоду: «Ты жаловался, брат, на

меня за волость — ну вот тебе волость, что ты просил». И отдал ему: Торческ, Корсунь, Богуславль, Триполь, Канев; они утвердились крестом честным жить в любви.

Всеволод отдал Торческ зятю Ростиславу Рюриковичу, а в прочие города прислал посадников.

Роман рассердился теперь в свою очередь; он подумал, что Рюрик сговорился прежде с Всеволодом отнять у него волость для сына и прислал ему с упреком. Рюрик отвечал: «Я дал тебе волость эту прежде всех, а Всеволод обиделся; я передал тебе все его речи, и ты отступился от своей волости по воле. Тогда я отдал ее Всеволоду; без него нам быть нельзя; мы положили на нем старейшинство во всем Владимири племени; и ты мне сын свой, а вот тебе иная волость, той равная».

Роман не брал той волости, затаив обиду на своего тестя и не хотя жить с ним в любви; советовался с мужами своими и начал сговариваться с Ярославом Всеволодовичем черниговским, подбивая его на Киев.

Рюрик уведомил Всеволода об этих замыслах: «Думай и гадай о Русской земле, о чести

своей и нашей».

А к Роману послал мужей своих обличить его.

Роман испугался и поехал в ляхи к Казимиричам за помощью. Казимиричи были в раздоре с дядей своим Мечиславом и просили Романа вступить за них, «а потом мы все пойдем мстить твоей обиды». Роман вышел биться с Мечиславом. Мечиславу не хотелось биться с Романом: напротив, он прислал к нему мужей убеждать, чтобы он помирил его с племянниками. Но Роман не послушался ни его, ни мужей своих, дал полк Мечиславу, и неудачно. Ляхи потоптали русь, и Роман должен был бежать в город к Казимиричам, откуда дружина отнесла его раненого во Владимир.

Тогда он послал к тестю поклониться и молиться, возлагая на себя всю вину свою; послал просить и митрополита Никифора, прося его ходатайства, дабы тесть принял его и гнев забыл.

Рюрик смилостивился: «Если он покается в вине своей, то я приму его и дам надел; если он устоит, то я и сыном его буду иметь так,

как имел прежде, и добра хотел». Он послал мужей привести его к кресту и дал ему Полоной и пол-Торческа Русского.

Покончив с Романом, Рюрик хотел покончить и с Ольговичами, которые показали свои виды на Киев. Сославшись со сватом Всеволодом и братом Давыдом, он послал мужей к Ольговичам: «Целуйте нам крест со всей своей братьей, чтобы вам не искать нашей отчины, ни Киева, ни Смоленска, под нами и под нашими детьми, и под всем нашим Владимиром племенем, как разделил нас дед наш Ярослав, а Киев вам не надобен».

Ольговичи, посоветовавшись между собой, отвечали, огорченные: «Если ты требуешь, чтобы мы блюли Киев под тобой и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; но если ты велишь нам отказаться от него вовсе, то мы не угры, не ляхи, но единого деда внуки: при вашем животе не ищем Киева, а после вас кому его Бог даст».

И были между ними многие речи, и не договорились они между собой. Всеволод хотел собрать все племя Владимира и собирался идти на Ольговичей той же зимой.

Ольговичи испугались и послали к Всеволоду мужей своих и игумена Дионисия, «клянучеся и емлючеся ему во всю волю его». Он поверил и слез с коня. А других послов послали они к Рюрику: «Брате, нам не было с тобой лиха николи; если мы и не укончали ряду этой зимой с тобой, Всеволодом и Давыдом, то ты к нам близко; целуй нам крест не воевать с нами, пока мы уладимся или не уладимся с Всеволодом и Давыдом».

Рюрик согласился, желая свести Ольговичей с Всеволодом и Давыдом.

Он распустил дружину свою, братьев, детей и половцев, и поехал в Овруч. А Ольговичи, между тем, нарушив клятву, пошли на Давыда к Витебску и воевали Смоленскую область. Мстислав Романович был взят в плен. Ярослав собрался взять даже Смоленск изъездом.

Рюрик послал к нему навстречу с крестной грамотой: «Ты хотел убить моего брата и соступился ряда и крестного целования. Вот тебе крестная грамота. Ступай к Смоленску, а я приду под Чернигов: как рассудит нас Бог и крест честный».

Ярослав, услышав это, остановился, не поехал к Смоленску, но вернулся в Чернигов и послал послов к Рюрику, подтверждая крестное целование и обвиняя Давыда за помощь своему зятю.

Рюрик отвечал: «Я уступил тебе Витебск и послал посла к брату Давыду, уведомить его о том, а ты не дождался и отпустил своих племянников к Витебску; они, идучи, повоевали Смоленскую область. Вот почему Давыд выслал на тебя свои полки».

Они спорили и не договорились. Рюрик (1196), посоветовавшись с мужами, послал послов к свату Всеволоду суздальскому с речами: «Романко изменил нам, мы договорились сесть на коня о Рождестве Христове и сняться всем у Чернигова. Я соединился с братьею, с дружиной своей и с дикими половцами и, доспев, ждал от тебя вести; от тебя вести не было, ты на коня в ту зиму не сажился, поверив Ольговичам, аже им стать на всей воле нашей. Услышав, что ты на коня не садишься, я распустил братью свою и диких половцев, поцеловал крест с Ярославом черниговским на том, чтобы не воевать, доколе либо уладимся,

либо не уладимся все вместе; а ныне, брате, моему сыну и твоему Мстиславу тако ся поткло, что вязит у Ольговичей, и потому не стряпая садись на коня; снимемся где-нибудь и отомстим за свою обиду, за свой сором, выручим племянника и найдем правду».

От Всеволода не было вестей все лето, и, наконец, он сказал: «Начинай, я готов за тобой». Рюрик привел братьев и диких половцев и начал воевать с Ольговичами.

Ярослав прислал послов: «За что, брате, почал ты область мою воевать, а поганым руки полнить? А мне с тобою ничто не розошло: Киева под тобою я не ищу. А Давыд если и наслал Мстислава на моих племянников, то Бог их рассудил, и я Мстислава отдам тебе без выкупа, по любви. Поцелуй же со мною крест и введи меня с Давыдом в любовь; а до Всеволода нет дела тебе с братом Давыдом: если захочет уладиться с нами, то уладится».

Рюрик намеревался послать послов к Всеволоду, желая на самом деле всех примирить, а Ярослав ему не верил, думая, что замышляет против него. Он занял все пути и не пускал послов через свою волость.

Рюрик отправил в Галич племянника своего Мстислава к Владимиру сказать: «Зять мой переступил ряд и воевал волость мою, — так повоюйте с вашей стороны волость его. Я было и сам хотел идти под Владимир, но не могу, получив весть, что сват Всеволод по обещанию сел на коня помогать мне на Ольговичей и стать у Чернигова. Он уже соединился с братом Давыдом и вместе жжет их волость. Они взяли и пожгли вятские города; мне надо их дождаться».

И Владимир галицкий, в исполнение Рюрикова наказа, повоевал и пожог волость Романову около Перемиля, а Ростислав Рюрикович с другой стороны повоевал и пожог волость его около Каменца. Они захватили много челяди и скота и, отомстив, возвратились домой.

Ярославу Всеволодовичу горько было узнать, что Всеволод и Давыд соединились и жгут волость его; он собрал братьев, затворил города свои с сыновьями и племянниками и приготовился к обороне: стал под лесами, устроив засеки от Всеволода и Давыда, велел по рекам сломать мосты, призвал диких по-

ловцев и послал сказать угрожающим: «Брате и свату! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если ты любишь с нами ряд правый и хочешь быть с нами в любви, то мы любви не бегаем, и на всей воле твоей стать готовы, а если ты умыслил что на нас, то тоже не побежим, и пусть рассудит нас Бог и святой Спас».

Всеволод начал рассуждать с Давыдом и рязанскими князьями, желая помириться с Ольговичами. Давыду же не нравился мир; он побуждал идти под Чернигов.

Всеволод, однако, не послушался Давыда ни рязанских князей и начал договариваться с Ольговичами, предлагая им условия про волю свою и про детей своих: выдать Мстислава Романовича, выгнать Ярополка из земли своей и отступить от Романа Мстиславича вольнского; не искать Киева под Рюриком и Смоленска под Давыдом.

Ярослав черниговский согласен был на все и только не хотел предать Романа, потому что тот ему помог. Всеволод решился, водил к кресту Ярослава и всех Ольговичей; Ярослав послал мужей своих и водил к кресту Всеволода, Давыда и рязанских князей.

Всеволод, помирившись, послал сказать Рюрику. Тот разгорячился и упрекал его, что не исполнил своего обещания: «Сват, ты целовал мне крест на том, кто мне враг, тот и тебе враг, и просил у меня части в Русской земле. Я дал тебе волость лучшую не от обилья, а отняв у братьи своей и у зятя Романа, тебе деля; он врагом мне стал ныне ни про кого, как про тебя. Ты обещал мне сесть на коня и помочь мне — и перевел все лето и зиму; ныне сел, и какую же подал мне помощь? Свой ряд взял, а про кого была мне рать, про кого я и на коня всадил тебя, про зятя моего, того отдал рядить, и с волостью, мною данною, Ярославу? А мне с Ольговичами которая обида была? Они Киева подо мною не искали! Тебе было не добро с ними, и я про тебя с ними стал не добр, и воевался с ними, и волость свою зажег. Ты не исправил ничего, как умолился со мною, и на чем крест целовал!»

Так пожаловавшись на него, Рюрик отнял у него города, что дал прежде в Русской земле, и раздал братьям своим.

Такому нельзя было остаться без наказания: не Всеволоду перенести это; затаив гнев

в сердце, он решил выждать удобного случая.

Несколько лет прошло для Рюрика в покое.

В 1202 году поднялся он на зятя своего Романа волынского, причинившего ему столько зла, вместе с Ольговичами, которые пришли к нему на помощь в Киев; но Роман, овладевший Галичем по смерти Владимира, вступив в союз с великим князем суздальским Всеволодом, предупредил нападение. Собрав полки галицкие и владимирские, он появился в Русской земле. Черные клобуки пристали к Роману. Он немедля двинулся к Киеву. Киевляне отворили ему ворота

Рюрик был внезапно свержен.

Так Роман, издавна враждебный тестю, начал свое отмщение; так для несчастного Рюрика, в конце многотрудной его жизни, начались неожиданные бедствия.

Рюрик не мог снести своего унижения: опомнившись от удара, он нанял половцев, привлек к себе Ольговичей, появился внезапно перед Киевом и, раздраженный, взял город на щит 1 января 1204 года. Половцы ничему не дали пощады «и сотворися великое зло в

Русстей земли, какого не было от крещения над Киевом». Множество народа уведено в плен, чернецов и священников, киевлян с детьми; множество пало под ударами врагов. Город сожжен. «И все то стало с Киевом за грехи наши», говорит летописец.

Рюрик не остался, однако же, в Киеве, не имея верной надежды удержать его за собой, и удалился опять во Вручий, удовлетворив только жажду мести...

Роману хотелось развести его с Ольговичами и половцами. Он пришел к Рюрику во Вручий и заставил его целовать крест себе и великому князю Всеволоду с сыновьями, и сказал ему: «Ну, ты целовал крест великому князю, пошли же мужа своего к нему, я пошлю также, и мы будем просить его, чтобы он опять отдал Киев тебе».

Всеволод, действительно, согласился отдать Киев Рюрику.

В следующем году (1203) Роман посылал к великому князю суздальскому, молясь об Ольговичах, чтобы принял их в мир.

На зиму все русские князья примирились между собой, ходили на половцев, разорили

стоянки и возвратились с великой добычей.

На обратном пути в Триполе прошел сбор о волостях, кому что следует за его труды для Русской земли, и дьявол произвел смятение великое: князья перессорились, Роман захватил Рюрика и, послав в Киев, велел постричь его в монахи вместе с его женой, дочерью, своей женой, которую отпустил еще прежде от себя, и сыновей, Ростислава и Владимира, увел с собой в плен.

Всеволоду прискорбно было происшедшее в Русской земле: он послал мужей в Галич к Роману, который послушался великого князя, и отпустил его любимого зятя — Ростислав сел на стол киевский, разоряемый все более и более.

Недолго торжествовал и Роман. Вскоре он был убит изменой в войне польской (1205), им предпринятой.

Рюрик, услышав о смерти своего лютого врага, скинул с себя монашеское платье и сел князем в Киеве, он хотел расстричь и жену свою, но та, на старости лет, не согласилась и приняла схиму.

Ольговичи, приходившие в Киев, вслед-

ствие смерти Романа, договорились с Рюриком, чтобы идти вместе на Галич и получить себе вознаграждение из богатого наследства. Они поцеловали крест Рюрику, Рюрик поцеловал крест им (1206).

Поход не имел никакого успеха. Галичане отбились от пришедшего ополчения, и осаждавшие возвратились с великим срамом.

Рюрик отдал Белгород Ольговичам, которые прислали сюда своего брата Глеба. Таким образом, Киев ослаблялся более и более, и самые ближние города доставались иным князьям, даже из других родов.

Ростислав Рюрикович выгнал Ярослава Владимировича из Вышгорода и сел в нем.

Между Ольговичами появился теперь князь способный и предприимчивый — Всеволод, сын Святослава, по прозванию Чермный. Он составил союз, чтобы идти на Галич, куда уже столько раз в последнее время ходили на добычу русские князья. В союзе принимал участие и Рюрик, но князья, опять не имев успеха, должны были воротиться восвояси.

С дороги галичане, по своей воле, призва-

ли к себе на стол Игоревичей, племянников последнего князя Ярослава.

Всеволод нашел себе вознаграждение сам. На обратном пути, надеясь на множество своих воинов, он остановился в Киеве, сел на стол без всяких околичностей и разослал посадников по городам русским, а Рюрику велел ехать во Вручий, которому под конец опять доставалась, таким образом, старая слава стольного города.

Рюрик, видя свою неудачу, ушел во Вручий, сын его Ростислав в Вышгород, а Мстислав Романович сел в Белгороде.

Всеволод Чермный не удовольствовался Киевом, он послал сказать Ярославу Всеволодовичу, присланному великим князем суздальским на место умершего бездетного Владимира Глебовича: «Иди из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галича под моею братьею не ищи (его звали в Галич). Если не пойдешь добром, то я принужу тебя ратью».

Ярославу не было помощи ниоткуда, и он повиновался, прося только дать ему путь. Всеволод поцеловал ему крест и дал путь, а Переяславль отдал своему сыну.

Рюрик не смирился во Вручем. Он сговорился с Мстиславом Романовичем, с сыновьями и племянниками и выгнал Всеволода из Киева, а сына его из Переяславля, который отдал своему сыну Владимиру.

Так мало осталось силы у русских князей в стольных городах, что они беспрестанно, при малейшем перевесе, могли изгонять друг друга из своих владений.

Всеволод со своими родными осадил Киев и стоял перед ним три недели, но не смог взять и отошел прочь (1206).

На следующий год (1207) Ольговичи опять явились искать Киева, приведя с собою и Святополчицей из Турова и Пинска. Они переправились через Днепр к Триполю, осадили город и взяли у Ярослава Владимировича, подручника Рюрика. Там пришла к ним и галицкая помощь от Владимира Игоревича. Все они подошли к Киеву. Рюрик ушел во Вручий.

Ольговичи осадили Белгород, где заперся Мстислав Романович. Мстислав не в силах был бороться с такими многочисленными врагами и начал просить мира. Всеволод целовал ему крест и дал путь в Смоленск, его от-

чину. Оттуда пошел он к Торческу, где затворился Мстислав Мстиславич. Принудил и его к покорности. Овладев всеми русскими городами, Всеволод занял Киев, разорив страну.

Всеволод суздальский решился, наконец, пойти на него войной: «Русская земля, сказал он, разве им одним отчина, а нам не отчина, — пойду к Чернигову. Пусть рассудит нас Бог».

Всеволод отправился в поход и хотя задержан был на пути отношениями с рязанскими князьями, но Рюрик, едва прослышав о его походе, один изгоном напал на Киев и вытеснил Чермного в четвертый раз (1207).

Теперь просидел он в Киеве несколько дольше, и даже Галич достал сыну своему Ростиславу, но ненадолго, потому что галичане вскоре выгнали его (1210) и опять посадили Романа Игоревича.

Ольговичи посылали посольство к великому князю Всеволоду с митрополитом Матвеем, прося мира и покоряясь ему во всем. Великий князь, видя их покорность, не помянул злобы их и целовал им крест. Всеволод и Рюрик вступили между собой в переговоры, и

Рюрик уступил Киев Всеволоду, а сам сел в Чернигове.

Так, по древнему выражению, «взмялась земля Русская», что Мономахович, много раз и подолгу княживший в Киеве, попал в Чернигов, а черниговский князь по договору получил себе во владение стол великокняжеский.

На другой год (1212) скончался великий князь суздальский Всеволод, и на севере начались междоусобия.

Всеволод Чермный, не ожидая себе оттуда помех, вновь выгнал Ростиславичей из Русской земли: он ставил им в вину, что, с их будто бы участием, родные ему Игоревичи повешены в Галиче, — и положен укор на всем роде.

Ростиславичи обратились с просьбой к представителю своего рода, храброму Мстиславу Мстиславичу новгородскому, который поспешил к ним на помощь с преданными ему новгородцами.

Мстислав Романович из Смоленска, с братьями, Владимир Рюрикович, Константин и Мстислав Давыдовичи, Ингварь Ярославич из

Луцка, который сидел некогда в Киеве недолго, по милости Романовой, собрались все к Вышгороду на его призыв и пустились изгоном к Киеву.

Всеволод бежал за Днепр с братьями. Они за ним к Чернигову — Чермный вдруг умер, и союзники осадили брата его Глеба. Три недели продолжалась осада. Пригород сожжен, множество сел вокруг разорено. Наконец, князья договорились между собою и разошлись.

На киевском столе остался Ингварь Ярославич, Мстислав Романович в Вышгороде, а Мстислав Мстиславич отошел назад в Новгород. Потом решено было отдать Киев Мстиславу Романовичу. Ингварь удалился в Луцк.

О судьбе Рюрика Ростиславича за это время нет ничего в летописях, а есть только известие, что он скончался в Чернигове в 1213 году, сын же его Ростислав в 1218.

Главным поприщем действий на юге стал Галич, и главным действующим лицом Мстислав Мстиславич новгородский, призванный туда сначала ляхами, а потом удержанный самими галичанами и Романовичами.

Киевский князь помогал ему в его беспрерывных войнах с противниками, которые одни перед другими старались там усилиться.

Между тем, пользуясь замешательствами, половцы часто являлись под Киевом, а Литва воевала волость Черниговскую. Угры взяли было верх, и Мстислав Мстиславич принужден был искать убежища в своем старом Торческе. Он, наконец, одолел своих противников с помощью киевского и прочих русских князей, соединил весь Галич под свою державу, но показалась черная туча на старую Русь с другой стороны...

Киевское великое княжество, некогда сильное, через сто лет после Ярослава, подверженное влиянию северного Владимира, ослабело, наконец, совершенно, вследствие увеличения числа князей и стеснения границ и снизошло на степень ничтожного удела. Под конец оно уже ничего не значило, пренебреженное даже и суздальскими князьями, которые, впрочем, в свою очередь, ослабели и должны были отказаться от своего влияния на Киев.

Галицкое княжество

Области, составляющие Галицкое княжество, самое западное из всех русских княжеств, смежные с Польшей и Венгрией, по склонам Карпатских гор, были покорены первоначально Владимиром Святым (981) и присоединены к его киевскому великокняжескому столу.

По его кончине овладел было ими на некоторое время Болеслав, король польский, но после него они снова были возвращены великим князем Ярославом при помощи брата его Мстислава тмутораканского (1031).

По разделу Ярослава Червенские города принадлежали к Владимирскому на Волыни княжеству, которое было предоставлено его младшему сыну Игорю (1054), вскоре переведенному в Смоленск и там умершему (1060).

Игореву волость принял во владение его старший брат, великий князь киевский Изяслав, а после него она досталась Всеволоду.

Всеволод (1078) отдал Владимир старшему сыну убитого за него брата, своему племяннику, Ярополку Изяславичу. Червенские же го-

рода внучатым племянникам, Ростиславичам, которые оставались после отца, погибшего в Тмуторакани (1066), без владения, жили в доме Ярополка и ходили на промысл в Тмуторакань (1081) и на Владимир (1084), — Рюрику, Володарю и Васильку.

Такой раздел не мог быть приятен владимирскому князю Ярополку Изяславичу, который восстал было и на великого князя Всеволода, но был смирен его сыном Мономахом.

Ростиславичей подозревают даже в предательском убийстве Ярополка на пути в Звенигород (1087), после распри и примирения его с великим князем киевским, на том основании, что убийца, Нерадец, нашел убежище у перемышльского князя Рюрика, за что великий князь Всеволод ходил на него войной.

На Любечском съезде (1097) за Ростиславичами утверждена была их волость, данная великим князем Всеволодом: за Володарем Перемышль, за Васильком Теремовль.

Новый владимирский князь Давыд Игоревич убоился их властолюбия. Ему представилось, что он не удержит за собой Владимир, полученный по решению Любечского съезда,

и подговорил против Ростиславичей великого князя Святополка, а может быть, он под этим предлогом хотел присоединить к Владимирскому княжеству Червенские города. Как бы то ни было, в гостях у Святополка в Киеве Василько был ослеплен, увезен и посажен под стражу во Владимире (1097).

Прочие русские князья, во главе с Мономахом, возмущенные этим злодеянием, решили наказать виновного. На великого князя киевского Святополка было возложено это поручение.

Давыд испугался и вошел в сношение с заточенным им Васильком через одно духовное лицо, Василия, прося его преклонить братьев к миру и обещая дать ему город, но Василько отвечал, что у него есть волость — Теробовль, а к Владимиру может послать боярина своего Кулмея. В беседе с Василием несчастный галицкий князь так объяснял свои прежние намерения: «Василько оставил меня у себя, рассказывает этот летописец, выслал вон слугу, сел со мною и начал говорить: „Слышу — Давыд хочет выдать меня ляхам, он не сыт моею кровью, он хочет ее еще! Да, я сотворил ляхам

много зла, хотел сотворить еще больше, мстя за Русскую землю! Пускай отдает ляхам — я не боюсь смерти. Признаюсь пред тобою откровенно: Бог наказал меня за мое возвышение. Как пришла мне весть, что идут ко мне берендеи, торки, печенеги, я подумал: скажу брату Володарю и Давыду — дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте, ешьте и веселитесь. Я пойду зимой на Лядскую землю, летом возьму Лядскую землю и отомщу за Русь. Потом хотел я перевести дунайских болгар и поселить на своей стороне. Потом хотел я проситься у Святополка и Владимира на половцев: либо добуду себе славы, либо сложу свою голову за Русскую землю. Другого помышления не было в сердце моем, ни на Святополка, ни на Давыда; не хотел я зла братьи моей никакого; Бог низложил меня и смирил за мою гордость «».

Между тем, наступала Пасха. Не слышать было ни о какой войне. Давыд обрадовался. Не видя мстителей, он уже думал, что туча прошла мимо, решил воспользоваться своим злым делом и захватить Василькову волость.

Но Володарь, брат Василька, встретил его у

Бужска. Давыд не осмелился принять бой и заперся в Бужске. Володарь осадил его. «И нача Володарь молвити: почто зло створив и не каяшися его? Да уже помянися, колико еси зла створил?» Давыд перекладывал вину на великого князя Святополка. «И рече Володарь: Бог свидетель тому, а ныне пусти брат мой, и створю с тобою мир». Давыд с радостью послал за Васильком и, приведя его, отдал Володарю. Мир был заключен, и они разошлись.

Братья, однако же, не считали себя удовлетворенными. В следующем году (1098), мстя Давыду, они взяли его город Всеволож и сожгли. Бежавшие жители были перебиты. Потом осадили Давыда во Владимире и вытребовали у него мужей, которых считали своими врагами-наветниками. Несчастные были расстреляны. Совершив это, Ростиславичи ушли.

Между тем, пришел великий князь Святополк, взявшийся наказать виновного. Выгнав Давыда из Владимира (1099) и обеспечив себя со стороны ляхов, он решил отнять у Ростиславичей их княжество, как принадлежавшее его отцу и брату. Володарь вышел к нему на-

встречу. Они встретились на поле Рожнем. Василько, подняв над собой крест, сказал: «Ты целовал этот крест, и взял еси зрак очью моею, а теперь хочешь взять и душу мою — пусть же станет между вами этот крест». Началось сражение. Много народу пало с обеих сторон. Некоторые благоверные люди видели крест в небе над Васильковыми воинами. Святополк вынужден был бежать во Владимир. Братья сказали: «Довлеет нам на меже своей стати» — и не пошли далее.

На Уветичском съезде (1100) князей решено было оставить у Ростиславичей один Перемышль, Василька же обязывались князья кормить у себя, «а холопи наша выдайта и смерды». Но Ростиславичи не согласились и смогли удержать за собой свои волости.

Братья умерли почти в одно время (1124), оставив по два сына: Володарь — Владимирка и Ростислава; Василько — Григория и Ивана. Между ними началась была тотчас ссора, но вскоре все Галицкое княжество собралось под рукой Владимирка.

Владимирко прокняжил в бесспорном владении почти тридцать лет (1124–1152), и

успел значительно усилить, возвеличить свое княжество, в котором стольным городом при нем стал Галич.

В междоусобиях киевских, после смерти великого князя Всеволода Ольговича, Владимирко принял деятельное участие, держа сторону Юрия Владимировича Долгорукого, от которого надеялся так или иначе получить Волынские города в вознаграждение. Он и породнился с ним, женив своего сына на его дочери. Ходив несколько раз со своими полками до Киева, он несколько раз решал судьбу войны, подвергавшейся беспрестанно случайностям.

В 1149 году, когда Юрий выгнал Изяслава Мстиславича из Киева и хотел отнять у него Владимир, Владимирко пришел на помощь к великому князю, стоявшему в Пересопнице у брата Вячеслава. Владимирко с главными своими силами остановился у Шумска, на пути из Кременца к Острогу. Польские и угорские помощники Изяслава должны были, по своим обстоятельствам, идти восвояси, и он остался один против Юрия с его союзниками. Изяслав смирился и явился с просьбой к Вла-

димирку о ходатайстве перед дядей. Владимирко, «ладя е», сказал: «Бог поставил нас волостелями в месть злодеям и в добродетель благочестивым. Как можем мы молиться Богу: Отче наш, остави нам прегрешения наша, яко же мы оставляем. Изяслав вам племянник, как бы сын ваш, не творится пред вами прав, но кланяется и милости у вас просит. Я не прост есмь ходатай между вами. Ангела же Бог к вам не пошлет, а пророка или апостола в наши дни нетуть». Вячеслав туровский пристал к совету галицкого князя, и оба вместе успели убедить Юрия. Мир был заключен в Пересопнице. Юрий не исполнил, впрочем, условий, и Изяслав, посредством быстрых и искусных действий, овладел Киевом.

Владимирко бежал к Юрию за помощью через Болохово, мимо Мунарева, к Володареву. Изяслав, договорившись, между тем, с дядей Вячеславом, вышел навстречу к Звенигороду, но тот уже шел через Перепетово. Через Стутну и Ольшаницу, вверху, они сошлись, и Владимирко, благодаря своей силе, вынудил его войско разбежаться, и едва собственный полк Изяслава уцелел. Тем и доставил галиц-

кий князь Киев опять Юрию, с которым встречался в Печерском монастыре. Киевляне, однако же, не доверяли ему и увели Юрия в город. Владимирко поклонился гробам святых мучеников в Вышгороде, святой Софии, Десятинной Богородице в Киеве, помолился в Печерском монастыре... «Князья сотворили любовь между собою велику». На Киев Владимирко шел через Подолие к реке Стугне, а из Киева к Горыне и потом к Луцку.

На обратном пути он посадил сына Юрия Мстислава в Пересопнице, занял города, предоставленные ему, вероятно, по договору, и хотел было взять сам Луцк, но граждане отбились.

Изяслав просил помощи у короля венгерского, жалуясь, что Владимирко выгнал его из Киева и грозитя прийти во Владимир. Король отвечал: «Владимир узнает, кого затронул», — собрал свои полки и пошел войной на Галич, а приятели из угров дали о том знать галицкому князю. Вероятно, этот отряд вступил в окрестностях города Дукля, на Решов, мимо Краковской границы. Владимирко стоял тогда у Бельза и, услышав, что король

вошел уже в гору, покинул свой лагерь и поспешил с дружиной к Перемышлю. Король, пройдя гору, взял Санок и опустошил многие села около Перемышля. Владимирко увидел, что ему нет возможности отбиться от такой силы, обратился к архиепископу и двум епископам, бывшим при короле, и к мужам его, с золотом и многими дарами, чтобы те уговорили короля возвратиться домой. Они, действительно, успели убедить короля, который, под предлогом наступления морозов, ибо время было о Дмитриев день, оставил галицкие владения.

Избавившись от беды, Владимирко остался при прежнем расположении, то есть с дружбой к свату своему Юрию и враждой к Изяславу. Весной 1131 года король прислал по обещанию помощь к Изяславу, которая вступила, вероятно, в Галицкие пределы по прежнему пути, к Решову, лесами, на Томашов, Крилов и Владимир. Владимирко, со своей стороны, поспешил со своими полками к Юрию на помощь и настиг Изяслава сначала в Пересопнице, потом на Уше. Изяслав, стоя на другом берегу, разложил великие огни и,

тем обманув Владимирка, отступил к Мичску. Из Мичска поспешил вперед, захватил врасплох Белгород и появился перед Киевом, откуда Юрий, ничего не ожидая, должен был бежать в Городок, на другую сторону Днепра. Владимирко с Андреем, сыном Юрия, стоя на Уше, ничего о том не знали, — так все это быстро случилось. Они послали проведать, что происходит впереди, сторожей, которые принесли им весть, что Юрий уже в Городце, а Изяслав занял Киев.

Владмирко рассердился и обратился с горькими упреками к Андрею и бывшему с ним двоюродному его брату, Владимиру Андреевичу: «Удивительно княжение свата моего: рать идет на него из Владимира; ты, сын его, сидишь в Пересопнице, другой сын в Белгороде, как же ея не устеречи. Если так вы княжите с отцом своим, так правьте сами, а мне на Изяслава одному идти нельзя. Изяслав вчера хотел со мною биться, на вашего отца идя и ко мне оборачиваясь, — и вот уже он в Русской земле, что же мне делать. Прощайте, идите к отцу», — и, поворотив коней, отошел назад в Галич.

На обратном пути он взял серебро по всем городам. Мичск пригрозил даже взять на щит, если бы граждане не принесли столько, сколько он требовал. Мичане, не сумев набрать столько, повынимали серебро из ушей и с шеи и принесли ему в слитках.

Юрий, однако же, не унывал и собирался с силами. Дела его пошли хорошо, и он послал звать, для лучшего успеха, Владимирка. Владимирко двинулся и по пути узнал, что Мстислав Изяславич, идущий к отцу на помощь с уграми, остановился у Сапогыня, куда Владимир Андреевич прислал много питья из Дорогобужа, и Мстислав пировал и пил с уграми, и, получив весть от дяди, передал он ее уграм: «Идет Владимирко». «Ну что же, отвечали угры пьяные, пусть придет, мы подеремся с ним». Мстислав, на ночь расставив сторожей, лег спать с уграми. В полночь прибежали сторожа с криком: «Владимирко идет». Мстислав с дружиной, сев на коней, начал будить угров, а те лежали мертво пьяные. Владимирко ударил на них и перебил множество. Мстислав с дружиной бежал в Луцк.

А Изяслав, между тем, совершенно разбил

Юрия за Рутом и вынудил удалиться в свою Залесскую сторону. Владимирку нечего было делать, и он вернулся в Галич.

Изяслав, упоенный успехом, звал короля на Владимирка (1152): «се Владимир Галицкий дружину мою и твою избил; гадай, брат, как нам на себя покор не положити, и отмстить за себе и за дружину».

Король отвечал: «Отче, кланяюсь тебе. Прислал ты мне сказать про обиду галицкого князя: я собираюсь, собирайся и ты. Нам оставить такого дела нельзя, а как Бог даст».

Изяслав послал сына Мстислава вести короля на Галич. Король дал знать: «Я сажусь на коня с сыном твоим Мстиславом, садись и ты».

Плохо приходилось Владимирку.

Изяслав собрался со всеми полками своими и за Дукельской изменностью пошел той дорогой королевской, по которой король приходил с Ярославом Святополчицем на Андрея Мономаховича под Владимир.

За Саном нагнал его посол, сказать, что король его дожидается уже пятый день. Он двинулся к Ярославлю, переправившись через

Сан между Лежайском и Крешевым. От короля пришел к нему муж с тысячью воинов. Изяслав поспешил вперед и соединился с зятем, к великой радости обоих. Здесь в шатре начали они думать, как ударить наутро. Полков у короля было семьдесят три, кроме Изяславовых, кроме коней обозных и товарных. Рано король велел ударить в бубны и, выстроив полки свои, сказал Изяславу: «Поезжай со своими полками близ моего полка и останавливайся, где я остановлюсь: добро нам о всем гадати вместе». Изяслав отвечал: «Так буди». Они расположились станом на левом берегу Сана, ниже Перемышля. День был воскресный, а в воскресенье король имел обыкновение ничего не предпринимать. Владимирко со своими полками стоял на правом берегу. Поутру король начал ставить полки свои на бродах. Галичане напротив, «и не могоша стягнути противу Королеви». Изяслав стал выше короля на другом броде. Другие угорские полки еще выше. Все они переправились вброд, ворвались в полки Владимирковы и смяли их. Владимирко, отступив за твердыню, не выдержал, подался. Нападение, стре-

мительное со всех сторон, усиливалось. Он вынужден был бежать и попал было к уграм и черным клобукам, и едва спасся в Перемышль с Избыгневом Ивачевичем. Битва происходила в треугольнике между реками Саном, Вягром и той возвышенностью, на которой стоит Перемышль. Он был бы тогда взят, потому что в городе никого не оставалось, но все воины угорские бросились на загородный двор княжий, на лугу, над рекою Саном, где было много всякого добра.

Изяслав и король стали лагерем перед городом, над рекой Вягром. Владимирко, не видя никакой надежды на успех, начал слать к королю, прося мира, а на ночь отрядил послов к архиепископу и воеводам: «Молитесь обо мне королю, я ранен крепко, каюсь перед королем, что стал против него и сердце повердил ему, но Бог грехи отдает, пусть и он простит мне вину и не выдаст меня Изяславу. Я очень болен, и если умру, поручу сына своего королю. Напомните ему, как я служил отцу его до сыти своим кошем и своими полками, когда тот был слеп, как я бился за него с ляхами. Пусть он все это вспомнит и меня про-

стит». С этими словами Владимирко прислал архиепископу и мужам многие дары золотом и серебром, сосудами и портами. Поутру король, встретившись с Изяславом, поведал ему речи Владимирковы: «Он кланяется и молится, говорит, что ранен и болен при смерти: что ты отмолвишь ему?» Изяслав и слышать не хотел о мире: «Сыну, говорил он, если Владимирко и умрет, то это ему Божья казнь за то, что сступил нам крестного целования. Что он исправил тебе из обещанного и первое, и второе? Да еще и сором положил на обоих нас: нечего ему верить. Дал его нам Бог в руки, так мы должны его взять и волость его отнять». Мстислав, сын Изяслава, которому досталось от Владимирка под Сапогынем, донимал короля еще пуще отца и перечислял все обиды Владимирковы. Но противная сторона, архиепископы и мужи, получившие богатые дары, превозмогли. Король решил: «Не могу его убить, он молится и кланяется, и в винах своих раскаивается; ежели отступит того, на чем теперь крест целует, то как Бог даст: либо мне быть в Угорской земле, либо ему в Галицкой».

Владимирко прислал послов к Изяславу: «Брат, виноват, прости меня и присоедини свою просьбу к королю — простить меня, а мне дай Бог с тобою быти».

Изяслав оставался непреклонен, но вынужден был согласиться с королем, и начались переговоры. Король сказал Владимирку: «На том должен ты целовать крест, чтобы возвратить Изяславу все Русские города, служить ему вполне и не отлучаться ни в добре, ни в лихе». Владимирко обещал все.

В шатре у короля собрались все — Изяслав с братом Владимиром и сыном Мстиславом. Решено было послать мужей к Владимирку с крестом. Изяслав не хотел водить его к кресту. Тогда Гейза сказал: «Право ти, отче, молвлю — сей есть крест, на нем же Христос Бог наш восхотел пригвоздитися. Предок наш Стефан достал его по милости Господней. Если он поцелует крест, и в тот час жив останется, — заверяю тебя: либо я голову свою сложу, либо достану тебе Галицкую землю, а ныне убить его не могу». Мстислав сказал тогда королю и отцу: «Вы поступаете по христианской вере честному кресту, отдавая свой

гнев, но я вам пред тем же честным крестом объявляю вот что: как вы его ведете ко кресту, так он от крестного целования отступит. А ты, король, своего слова не забудь, что сказал: если он отступит, то тебе у Галича стоять». Король отвечал: «Так и будет. До сих пор отец мой Изяслав звал меня к себе на помощь, а если Владимирко изменит, то я позову отца моего Изяслава к себе на помощь». Мужики королевские отправились приводить галицкого князя ко кресту. Изяслав присоединил к ним своего мужа Петра Борисовича.

Посланые должны были сказать Владимиру: «Бог дал нам тебя и волость твою за твою вину, но ты просишь нас, и мы отдаем тебе гнев, и волости у тебя не отнимаем. Ты должен только возвратить, что захватил, и Изяслава не отлучаться, а быть с ним во всех местах».

Посланые мужики привели ко кресту Владимира, который лежал как будто изнемогая от ран, а ран у него не было.

Некоторое время король и Изяслав провели вместе в великой любви и великом веселье и потом разъехались: король в угры, Изяс-

лав в Русскую землю.

Придя во Владимир, Изяслав послал посадников в города, на которых целовал крест Владимирко: в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, — и Владимирко их не отдал. Вот он был каков! Изяслав известил короля: «Нам уже не ворочаться, ни тебе, ни мне; я только являю тебе, что Владимирко отступил крестного целования; не забывай же своего слова, что ты сказал».

Владимирко этим не удовольствовался и, услышав, что Юрий опять грозит великому князю киевскому, сам отправился против него, но должен был возвратиться в Галич, узнав, что Изяслав спешит его встретить.

Великий князь киевский справился с Юрием окончательно и прогнал его домой за леса.

Тогда послал он своего мужа Петра Борисовича к Владимирку с крестными грамотами, напомнить о крестном целовании и требовать возвращения Волынских городов, а в противном случае грозить войной. Владимирко отвечал: «Скажи брату, что он напал на меня врасплох и навел на меня короля, так я либо голову сложу, либо сам отомщу». «Но поду-

май, князь, возразил Петр, что ты целовал крест, и что ты хочешь теперь изменить своей клятве». А Владимирко: «Этот ли крестик малый?» «Мал крест, князь, сказал Петр, но сила его на небе и на земле велика. Ты помнишь ли, что говорил король, как Бог своей волей на том кресте руке свои простерл, и привел и Бог по своей милости к святому Стефану; ты помнишь ли, что говорил король: не будешь жив, если изменишь этому кресту». «Ну, сказал Владимирко, ты поговорил довольно, а теперь ступай вон и возвращайся к своему князю». Петр положил перед ним крестные грамоты и вышел вон; ему не дали ни повоза, ни корма. Он должен был ехать на своих конях. Когда он съехал с княжего двора, Владимирко шел к вечерне к Святому Спасу и с переходов увидел отъезжающего посла: «Поехал муж Русской, сказал он, насмехаясь, отъимав у нас все волости», — и вошел на палаты.

По окончании вечерни Владимирко вышел из церкви, и лишь только ступил он на ту ступень, с которой наругался над Петром, как вскрикнул: «Оле те некто мя удари за пле-

че», — не мог двинуться с того места и готов был упасть. Его схватили под руки и понесли в горницу. Одни говорили, что подступила дна (ломота в костях), другие объясняли иначе, и много было толкований. К вечеру князь Владимир разнемогся сильно и на ночь представился (1153).

Изяславов муж Петр выехал из Галича и остановился ночевать в селе Болшове. Подходило время к курам, как прискакал к нему детский из Галича и сказал: «Не езд дальше, но пожди, пока за тобой пришлют». Петру было это очень неприятно: ему не хотелось ехать назад в город и принимать там новые оскорбления, и он очень тужил, а детский не сказал ему ничего о княжеской смерти.

Перед обедом прискакал к нему еще детский и позвал в город: «Князь тебя зовет». Петр вернулся в город, въехал на княжий двор и увидел слуг княжьих, идущих к нему навстречу с сеней в черной одежде. Петр удивился, не понимая, что это значит, вошел в сени и увидел князя Ярослава, сидящего на отцовом месте в черной мятле и клобуке. Так и все мужи его. Перед Петром поставили сто-

лец. Ярослав взглянул на Петра и расплакался. Петр все еще не знал ничего и спрашивал, что это такое. Ему отвечали, что нынешней ночью Бог князя взял. «Да я вчера поехал, он был здоров». «Он почувствовал удар в плечо, и с той поры начал изнемогать». «Воля Божия, сказал Петр, всем нам быть там». Ярослав объявил Петру: «Мы позвали тебя вот для чего: Бог волей своей сотворил, как ему было угодно. Поезжай же ты к отцу моему Изяславу, поклонись ему от меня и скажи ему: что у тебя с отцом моим было, то знали вы и Бог. Теперь я сижу на его столе и занял его место. Полк его и дружина его у меня, одно только копьё поставлено у гроба его, и то принадлежит мне. Кланяюсь отцу моему Изяславу и прошу тебя: будь мне отцом и прими меня, как сына своего Мстислава. Пусть Мстислав ездит подле твоего стремени с одной стороны, а я буду ездить подле твоего стремени с другой стороны со всеми своими полками».

С этими словами он отпустил Петра Бориславича.

Несмотря на обещания, молодой князь галицкий, по полученным примерам, не думал

отдавать городов названому отцу. Изяслав не мог перенести такого оскорбления, призвал подчиненных ему князей и пошел на него войной. Ярослав выступил навстречу. Пока воины бились через Серет, он сам пошел к Тербовлю. Ярослав последовал за ним, хотя и не успел помешать его переправе через Гниснов. Полки стали одни против других. Галицкие мужи отослали своего князя в город. «Ты молод, князь, сказали они ему, притом у нас один. Если случится с тобою недоброе, что тогда нам будет делать! Поезжай лучше прочь и смотри на нас издали, как будем мы биться. Отец твой нас любил и кормил, и мы хотим за честь твою и за честь твоего отца сложить свои головы. Если нас побьют, мы прибежим к тебе и затворимся вместе в городе».

Полки сошлись, и была сеча злая, бились противники от полудня до вечера. Произошло смятение, и неизвестно было, кто победил. Изяслав обратил в бегство галичан, спасавшихся в город, а братья его от них побежали: Святополк Владимирович, Владимир Мстиславич и Мстислав Изяславич. При преследовании Изяслав пленил галицких мужей,

а галичане Изяславовых. Возвратившись, он поставил на поле стяги галицкие, под которые собралось много галичан, попав в плен к Изяславу. Их набралось больше, чем оставалось у него своей дружины, и он побоялся нападения на другой день из Галича.

Он велел перебить пленников, кроме лучших мужей, уведенных в Киев, в ожидании выкупа. Жестокость, которой он, в сердцах на галичан, посрамил себя в конце своей жизни. «Бысть плачь велик по всей земле Галицкой», свидетельствует летописец.

Он недолго прожил после этой резни (ум. 1153), и молодой Ярослав избавился от опасного врага.

Киевский стол достался, наконец, Юрию Владимировичу Долгорукому, тестю Ярослава. Галицкий князь удержал, вероятно, Волынские города, и помогал Юрию в его походах на Мстислава Изяславича к Луцку (1155), на Владимир (1157), на Изяслава Давыдовича черниговского, на половцев. В благодарность за свои услуги он просил выдать ему двоюродного его брата, Ивана Берладника, который находился в Суздале, и прислал за ним

князя Святополка и Коснятина Серославича с многочисленной дружиной. В оковах приведен был несчастный князь, но митрополит и игумены отвели великого князя от такого бесовского дела: «Грех тебе, целовавши крест, держать его в такой нужде, а ты еще хочешь и выдать его на убийство». Юрий послушался и отправил его, скованного, назад в Суздаль. По дороге перехватил его Изяслав Давыдович черниговский и увел к себе в Чернигов.

Юрий просидел на киевском столе недолго. Он умер в 1158 году, и великим князем стал Изяслав Давыдович черниговский, покровитель Берладника.

Ярослав не считал себя твердым на своем столе, пока жив был этот законный наследник и притязатель на целую половину Галицкого удела, находившийся под покровительством великого князя киевского. Он подговорил всех князей русских и даже лядских, самого венгерского короля, чтобы они были помощниками ему против Ивана, и все обещали, отправили каждый особых послов в Киев, требовать у Изяслава выдачи. Изяслав дал приказ начисто, и вскоре послы отъехали без

успеха, но Берладник испугался, бежал из Киева на Дунай, где, может быть, с ведома Изяслава, притеснял рыболовов галицких, захватывал суда и грабил, приняв к себе многих половцев и жителей Берлада. Все вместе пошли они на пределы Галицкие. Иван пошел к Кучелмину, жители которого приняли его с радостью, потом осадили Ущицу, из которой, несмотря на засаду Ярослава, перебежало к Ивану много смердов через частокол. Половцы хотели взять город приступом, но Иван не допустил, и буйные кочевники в сердцах оставили его. Великий князь прислал за Иваном и отозвал его в Киев. Услышав о намерении Ярослава идти на него войной со своими союзниками, волынскими князьями, он составил оборонительный союз, но нападение не состоялось: те, проведав о согласии братьев, отказались от своего намерения.

В следующем году (1159) сам великий князь вздумал идти на Галич, ища волости Ивану Ростиславичу, которого звали галичане, «веляче ему всести на коне: только ты явишь свои стяги, и мы отступим от Ярослава».

Ярослав стоворился с волынскими князьями, имея свои намерения относительно великого князя Изяслава Давыдовича, и дал им свои полки, чтобы идти к нему навстречу. Союзники заняли Белгород, из которого, выходя, бились с Изяславом и, наконец, вследствие измены торков и берендеев, выудили его бежать; таким образом, он лишился Киева и, отказавшись прежде от Чернигова, остался теперь ни с чем.

Берладник бежал, и, вместе с ним, защищал его супругу, осажденную в Выре, и, наконец, очутился оттуда в Селуне, где вскоре умер (1161), вероятно, отравленный подосланными убийцами.

Ярослав остался без соперников владеть спокойно своим богатым княжеством.

С великим князем Ростиславом Ярослав оставался в союзе, и в 1167 г. посылал к нему помощь для возведения гречников.

После смерти Ростислава и изгнания Мстислава Изяславича, Ярослав присылал ему пять полков, помогая добыть Киев (1170). Воевода Коснятин Серославич, однако же, оставил его, представив ложную грамоту, повеле-

вавшую ему оставаться только пять дней при Мстиславе, и этим решил судьбу осады Вышегородской.

Ярослав был силен и славен. Княжество его наслаждалось спокойствием, но в семействе у него возникли прискорбные и опасные раздоры. Сын Владимир вел распутную жизнь. Ярослав выгнал его от себя в 1183 году.

Владимир пришел к Роману во Владимир. Роман, не желая портить отношений с отцом его, не дал ему и переночевать у себя; он пошел к Ингварю в Дорогобуж, и тот не принял его, по той же причине; он отправился к Святополку в Туров, к Давыду в Смоленск, Давыд препроводил его к дяде Всеволоду во Владимир. Никто не давал ему убежища; наконец, у Игоря Святославича северского, женатого на сестре его, он был принят с честью в Путивле и через два года примирился с отцом.

Впрочем, отец все-таки не хотел оставлять ему Галича. Умирая (1187) в тяжелой болезни, созвал он к себе мужей своих, Галицкую землю всю, духовенство, нищих и богатых, сильных и худых: «Отцы и братья, сказал он им, обливаясь слезами, я умираю, согрешил я вам

тяжко, сколько никто не согрешал. Простите и отдайте». 1 октября он скончался.

После смерти Ярослава Галицкая земля, усиленная, подобно Суздальской, вследствие своего единения, оставаясь во владении одного рода, при Володаре и Васильке, Владимирке и Ярославе, в продолжение почти ста лет, подверглась одинаковой участи с прочими княжествами. Начались междоусобия, смуты боярские, а потом иноземное и единоплеменное вмешательство.

Мужи галицкие, сговорившись с Владимиром, тотчас преступили крестное целование и выгнали Олега из Галича. Он бежал к Рюрику во Вручий (дальнейшая участь его неизвестна), и Владимир сел на столе. Но не умел на нем удержаться: он не любил думы с мужами, а проводил время в пьянстве и блуде; взял у попа жену и поставил себе женой, от которой прижил двух сыновей. Да и кроме нее, где понравится жена чья или дочь, Владимир насилывал всех.

Соседний князь, Роман волынский, выдавший дочь за его старшего сына, услышав, что мужи галицкие недовольны своим князем,

вошел с ними в сговор и всячески старался подговорить их, чтобы они выгнали развратного Владимира, а его приняли к себе на стол. Мужичи галицкие последовали совету, собрали полки и восстали на своего князя, но не смогли захватить его, потому что не все были в сговоре, а многие держали еще его сторону. Они послали сказать ему: «Князь, мы восстали не на тебя, мы не хотим только кланяться попадье и убьем её, а ты выбирай, кого хочешь; мы возьмем за тебя». Они пригрозили так, зная наперед, что Владимир не отпустит попадьи, и хотели только иметь предлог, чтобы его прогнать. Владимир испугался, захватил золото и серебро, взял свою любезную с двумя сыновьями и уехал в угры к королю, с частью своей дружины. Галичане отняли у него невестку Романовну и послали за Романом. Роман отдал свой Владимир навсегда брату Всеволоду и сел в Галиче (1188).

Король, между тем, принял изгнанника и со всеми полками пошел искать ему стола. Роман, не ожидавший такого оборота обстоятельств, увидел, что ему сопротивляться не под силу, и с дружиной бежал в свою отчину.

Туда не пустил его брат, и он, отправив жену с галичанками к тестю в Овруч на Пинск, обратился к ляхам. Не найдя там успеха, пошел к Рюрику в Овруч с теми мужами, которые приводили его на княжение.

Король Бела, заняв Галич, не отдал его Владимиру, как обещал, а посадил сына Андрея. Несчастливого же увел с собой назад и заточил в башне с женой.

Роман, между тем, получив помощь от Рюрика, с сыном его Ростиславом и воеводой Славном Борисовичем пошел на Галич. Передний отряд его хотел занять Пресненск. Жители затворились. Подоспевшие угры и галичане напали на отряд и разбили его. Роман, отпустив шурина, опять поехал к Казимиру, дяде по матери, искать помощи против брата, который не пускал его во Владимир. Но Казимир, тесть Всеволода, не мог дать ее, а дал другой дядя Мешко (Мечислав) Великопольский, и также без успеха. Только уже вследствие угрозы Рюриковой получил Роман свой Владимир, а брат отошел на старое место в Бельз.

Бела не надеялся удержать за собой Галич

и предложил великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу, с которым имел прежде какие-то сношения, прислать к нему сына. Святослав обрадовался возможности получить Галич и послал туда Глеба. Рюрику, его ревнивому союзнику, это было неприятно, и он, упрекая, помешал предприятию. Князья помирились и решили идти вместе на Галич. Митрополит ободрил их, сказав: «Се иноплеменники заняли вашу отчину, и лепо было б вам потрудиться».

Они пошли, но не могли между собою согласиться в дележе: Святослав предлагал Рюрику Галич, а себе выговаривал всю Русскую землю около Киева, а Рюрик не хотел лишиться Русской земли и предлагал поделиться Галичем. Союзники должны были вернуться, и угры остались владеть Галичем (1189).

Там возникла третья сторона после русской и угорской: члены ее позвали Берладникова сына, скитальца, подобно отцу, жившего у Давыда в Смоленске. Испросившись у Давыда, он поспешил на родину, взял два города на Украине и оттуда пошел к Галичу, следуя совету галицких мужей. Но другие, чьи сыно-

вья и братья были у короля, крепко держались за королевича. Король прислал к нему сильную помощь, прослышав о замыслах русских князей. Королевич снова привел к присяге всех галичан, подозревая их в сговоре с Ростиславом Берладничем. «Правые целовали крест не ведающе, а виноватые блюдучеся угров». Ростислав шел в полной уверенности, с малой дружиной, полагаясь на обещания галичан отступить от королевича при первой встрече. Этого не случилось. Спутники его, увидев лесть братьев своих, ушли. Дружина ему сказала: «Князь, ты видишь измену. Ступай прочь». Несчастный отвечал: «Братья! Вы знаете, на чем они крест мне целовали. Если они хотят теперь ловить головы моей, Бог им судья! Не хочу я блудить по чужой земле. Лучше сложить мне голову здесь, на своей отчине». Он бросился на противников. Угры и галичане окружили его, сбросили с коня и, сильно раненого, еле живого, унесли в Галич. Многие из галичан усовестились и хотели, отняв его у угров, приять на княжение. Угры, убоясь, приложили яд к ранам, и несчастный вскоре умер.

Между тем, Владимир успел бежать от короля. Двое из сторожей помогли Владимиру пробраться в Немецкую землю к императору (Фридриху Барбароссе). Император, узнав, что он племянник сильного суздальского князя, принял его с великой честью и любовью и, приставив своего мужа, послал в ляхи к Казимиру, чтобы тот добыл ему Галич. Владимир обещал платить ему дань по две тысячи гривен серебра в год. Казимир послал его со своим мужем Миклаем к галичанам. Галичане, выведенные из терпенья буйством угров, выгнали королевича Андрея (после двухлетнего господства) и приняли Владимира на Спасов день, 6 августа 1190 года.

Владимир, сев, наконец, на столе отца и деда, кажется, несколько образумился и исправился. Десять лет прожил Владимир с тех пор, княжа в Галиче спокойно. Страна, после всех своих тревог и волнений, успокоилась и отдохнула.

Владимир умер около 1200 года, и опять начались смятения, продолжавшиеся лет двадцать.

И достался все-таки Галич, хотя и под ста-

рость, Роману, который искал его уже почти двадцать лет, приступал к нему много раз и некоторое время владел. Елена, племянница его, княжившая в Кракове, дала ему помощь вместе с сыном своим Лестком. Роман быстрым движением занял Галич.

На него выступил тесть, великий князь киевский Рюрик Ростиславич, который также давно зарился на Галич и питал злобу на Романа за его неблагодарность, за оскорбление дочери, которую он еще прежде (1197) бросил и хотел постричь. Может быть, подговаривали его сами галичане, выведенные из терпения жестокостями Романа.

Но между тем как Рюрик искал себе союзников и привел Ольговичей, чтобы идти вместе на Галич, Роман, упредив их, явился внезапно в Русской земле с полками галицкими и владимирскими. Черные клобуки, недовольные Рюриком, собравшись, вышли к нему навстречу. Из всех городов русских люди валили к нему толпами. Он подступил к Киеву. Киевляне отворили ему ворота Подольные, в Копыреве конце. Он послал к Рюрику и Ольговичам на гору сказать им, чтобы

Рюрик шел во Вручий, а Ольговичи в Чернигов.

Те должны были согласиться, видя перед собой великую силу (1202).

На киевский стол Роман посадил Ингвара Ярославича, с согласия великого князя суздальского Всеволода, который, видно, еще прежде сошелся с ним, раздраженный против Рюрика.

Той же зимой (1203) Роман ходил, по просьбе императора Алексия Комнина, защитить империю от половцев, опустошавших Фракию. Роман взял вежи половецкие, освободил христианских пленников и захватил много добычи, к великой радости Русской земли и Греческой.

Но Рюрик не мог сидеть равнодушно во Вручем. Он нанял половцев и взял Киев, подвергшийся совершенному опустошению (1204). Не надеясь удержать великокняжеского стола, ушел он, однако же, к себе во Вручий. Туда явился Роман и старался отвести его от Ольговичей и от половцев, обещая исходатайствовать ему Киев. Рюрик поцеловал крест ему, великому князю Всеволоду и его

детям (1204).

На следующий год ходатайствовал Роман перед великим князем Всеволодом и об Ольговичах.

Ничем нельзя объяснить этих действий Романа, кроме намерений его ударить всеми русскими силами на половцев, куда он за год проложил себе дорогу.

Поход этот был совершен на зиму (1204): Роман галицкий, Рюрик киевский, Ярослав переяславский и другие князья приняли участие. Ольговичи отряжены были на литву, беспокоившую русские пределы своими набегами. Зима была лютая, и половцы были жестоко наказаны, потерпев великий урон. Русские князья возвратились с огромной добычей, гоня перед собой их многочисленные стада.

В Триполе был общий совет о волостях, по мере того, кто сколько пострадал за Русскую землю. Рюрик заспорил, и Роман вспылал. Будучи сильнее на ту пору всех прочих князей, стремительный, он не знал меры своему гневу — велел постричь Рюрика, его жену и дочь в монашество, а сыновей Ростислава и Влади-

мира увел с собой в Галич.

В это время прибыл к галицкому князю посол Иннокентия III, папы римского. Он старался доказать Роману превосходство латинской веры, но, опровергаемый Романом, искусным в богословских прениях, сказал ему, наконец, что папа может наделить его городами и сделать великим королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостью отвечал: «Такой ли у папы? Пока он у меня при бедре, мне не нужно другого, и кровью беру я города, по примеру дедов, что размножили землю Русскую».

Вернувшись из половцев, Роман пошел в Польшу помогать своему двоюродному брату Лешку против дяди Мечислава Старого и взял два города. Мечислав умер. Сын его Владислав Тонконогий был избран вместо него и примирился с Лестком, который обратился с просьбой о том же к Роману. Роман потребовал вознаграждения за убытки, а в залог Люблинскую область.

Отъехав с малой дружиной от своего полка, под Завихвостом, на берегу Вислы, неосто-

рожный витязь был настигнут ляхами и убит. Малочисленная дружина его пала около него (1205).

Роман оставил двух сыновей от второй жены, которую летопись называет ятровью Андрею, королю венгерскому, и Лестку Белому, королю польскому, Даниила, четырех лет, и Василька, двух лет. Галичане присягнули им.

Рюрик, услышав о смерти своего врага, скинул тотчас монашескую одежду, нанял половцев и поднялся на Галич вместе с подговоренными Ольговичами.

Вдова Романовая, вероятно, угорская княжна, услышав о грозе, обратилась с просьбой о заступничестве к родственнику своему, Андрею, королю венгерскому, который продолжал еще называться и галицким. Свидание было в Санюке.

Андрей принял Даниила как «милаго» своего сына и в охранение осиротелого семейства дал свою значительную засаду, Мокия великого, слепоокого, Корочуна, Воплта и сына его Витомира, Благию и иных угров, при которых галичане, не любившие Романа, следовательно, и детей его, не могли причинить

им никакого вреда, точно так как и Рюрик, по крайней мере, на первых порах.

Бояре галицкие и владимирские встретили его в Микулине на реке Серете, сразились и вынуждены были отступить. Но в Галиче Рюрик нашел встречу сильнее и должен был удалиться в Русь без успеха.

В следующем году (1206) собрались Ольговичи на сейм в Чернигове и решили опять идти на Галич с половцами. Они соединились в Киеве с Рюриком и его детьми, который пригласил берендеев.

С другой стороны, Владимиру угрожали ляхи. Галичане опять просили помощи у короля, а вдова, не дождавшись его, решила искать спасения с детьми во Владимире. Король, перейдя горы, загородил дорогу ляхам и смирил их. Они отошли прочь. Русские князья, также услышав о движении короля, остановились и не смели идти далее. Они стояли несколько дней без действия. Король, сговорившись с галичанами, послал в Переяславль звать Ярослава, сына Всеволода, сильнейшего князя на Руси. Он ждал две недели. Между тем, ни русские князья не подступали к Гали-

чу, ни король. Наконец, они все устали и разошлись: король за горы, князя домой в Русь. По удалении короля, галичане испугались, чтобы они не пришли назад. Боярин Володислав с братом, кормиличичи (сыновья кормильца) изгнанные покойным Романом и теперь вернувшиеся в Галич, указали на Игоревичей, — хваля их достоинства, — племянников последнему галицкому князю Владимиру, сыновей его родной сестры, бывшей за Игорем Святославичем северским.

Тотчас послано было за Владимиром, бывшим с союзным, отступавшим войском, только еще в двух днях пути. Укрывшись от братьев, он прискакал в Галич и был посажен на стол, а брат Роман в Звенигороде. Ярослав Всеволодович также приехал, но уже поздно: три дня как Владимир был в Галиче, и Ярослав должен был вернуться в Переяславль.

Владимир, по совету некоторых бояр, желая искоренить Романово племя, вслед за княгиней послал попа к владимирцам сказать: «Не останется город ваш на земле, если не выдадите Романовую: возьмите на княжение брата моего Святослава».

Владимирцы хотели убить попа. Некоторые бояре, задумавшие измену, спасли его, говоря: «Не подобает убить посла». Княгиня, проведав о злом умысле предать их, посоветовалась с дядькой Мирославом и ночью бежала в ляхи. Даниила взял дядька на руки, а Василька поп Юрий с кормилицей; вышли они, пролезши через отверстие в городской стене («дырею граднею»). Несчастные не знали, куда приклонить голову; отец их был убит в ляхах, а Лестко мира еще не заключил.

Однако Лестко не помянул вражды, но с великой честью принял ятровь свою с детьми.

Оставив Василька у себя, он послал Даниила с послом своим Вячеславом Лысым к королю Андрею: «Я не помянул свады Романовой: а тебе он был друг, и ты клялся, оставшись в животе, иметь любовь к его племени. Теперь дети его в изгнанье. Пойдем вместе возвратить им отечество».

А гонитель сирот, Владимир Игоревич, прислал дары Андрею и Лестку, и благодетели успокоились, медля со своей помощью. Даниил остался в Венгрии, Василько с матерью

в Польше.

Игоревичи так укрепились, что могли посылать помощь старшему из Ольговичей, Всеволоду Чермному, в войнах его с Рюриком Ростиславичем. Но согласие их продолжалось недолго, они перессорились между собой. Роман бежал в угры, привел оттуда полки и стал биться с братом, победил его и занял Галич, а Владимир удалился в свой Путивль (1208).

Таким образом, один благодетель не только пропустил случай помочь детям Романа, но еще помог их врагу овладеть их достоянием, может быть, обещавшему подданство.

Точно так поступил и другой: как Андрей помог Роману, так Лестко, вместе с братом Кондратом, помог Александру Всеволодовичу овладеть Владимиром. Владимирцы предались ему, как внуку Романа, а ляхи, пришедшие с ними, пустились грабить, приступили к собору, намереваясь изломать двери. Александр пожаловался Лестку. Лестко с братом изрубили несколько ляхов и спасли остаток города и церковь Св. Богородицы. Владимирцы раскаялись в своем легковерии: без Алек-

сандра ляхи не перешли бы и Буга.

Александр сел во Владимире, а Святослав Игоревич уведен в плен к ляхам. Лестко женился на дочери Ингваря, князя луцкого, который, как старший в роде Мстислава великого, занял место Александра, впрочем, ненадолго: он, не любимый боярами, уступив опять Владимир Александру, вернулся в Луцк.

Берестьяне прислали к Лестку просить у него Романовой с детьми к себе. Лестко отпустил. Город встретил Василька, «как бы великого Романа жива видяще» (Даниил все еще оставался в Венгрии). После мать, жалуюсь перед Лестком на Александра: «Яко сий всю землю вашу вотчину держить, а сын мой во едином Берестьи», выпросила ему еще Бельз, за который были уступлены Украинные города, на левом берегу Буга: Угровеск, Верещин, Столпье и Комов.

Дикие литовцы и ятвяги, смиренные Романом, пользуясь расстройством земли, вторглись в ее пределы и разорили окрестности Турийска, переправились на левую сторону Буга, опустошили селения около Комова,

подступили даже под стены Червена, имея главный обоз в Уханях. Владимирцы отбили их и прогнали, но с большим для себя уроном.

Король Андрей, видя непрерывный мятеж в Галиче или недовольный Романом, призываемый некоторыми боярами, прислал туда войско под начальством воеводы Бенедикта. Бенедикт захватил Романа, моющегося в бане, и препроводил в ляхи, а сам остался управлять. Бенедикт неистовствовал в Галиче, «томитель бе боярам и гражданам, и блудтворя, и оскверняху жены же и черницы и попадьи, вправду бе антихрист за скверная дела его. Бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, отечество имея в граде Киеве, притчею рече слово о сем томителе Бенедисте, яко в последния времена тремя имены наречется антихрист. Бегаше бо Тимофей от лица его». Несчастные галичане не знали, к кому обратиться: они призвали Мстислава пересопницкого, но он не мог ничего сделать против Бенедикта. Илья Щепанович, смеясь, возвел его на Галичину могилу около города и сказал: «Ну вот, князь, ты посидел на Галичине могиле, так и в Галиче покняжил!»

Между тем, Роман бежал из угров на родину. Галичане прислали послов к изгнанному ими Владимиру звать его с братом к себе: «Виноваты перед вами, избавьте нас от мучителя Бенедикта».

Братья пришли с войском, и Бенедикт не в силах был им противиться: он бежал в угры. Владимир сел в Галиче, а сыну своему Изяславу дал Теробовль. Роман сел в Звенигороде, Святослав в Перемышле (1211). Другой сын Владимира, Всеволод, был послан в угры с дарами и просьбой выдать им Даниила.

Бояре продолжали мутить воду. Игоревичи тогда решились на страшное дело — перебить их всех и, воспользовавшись каким-то случаем, исполнили свое зверское намерение: пятьсот человек галицких бояр погибло, а прочие разбежались: Володислав кормилнич, Юрий Витанович, Илия Щепанович, Судислав, Филипп и еще несколько.

Они увидели Даниила в Угорской земле и выпросили его у короля, чтобы избавиться от Игоревичей. Король дал им многочисленное войско. Они собрались все и выступили в поход. Первый город, осажденный ими, был Пе-

ремьшль. Владислав сказал: «Братья! Чего вы дожидаетесь. Не Игоревичи ли избili отцов ваших и братьев ваших. За них ли хотите вы положить души свои. Они, пришед, завладели вашими отечествами, разграбили ваши имения, дочерей ваших выдали за рабов». Жители послушались, сдались и выдали Святослава. От Перемышля полки направились к Звенигороду.

На помощь к Даниилу пришли соседние русские князья: Мстислав Немый из Пересопницы, Александр с братом из Владимира, сын Ингваря из Луцка, войско из Дорогобужа, Шумска, от Василька из Бельза Вячеслав Толстый, Мирослав, Демьян, Воротислав, от Лестка из ляхов Судислав Бернатович. Звенигородцы бились, но не могли устоять против такого союзного ополчения, так что и половцы, приведенные Изяславом и Володимеричем, не принесли им большой пользы. Когда угры отошли за реку Лютую, половцы навалились, и один из воевод угорских, Марцел, отбежал от своей хоругви, к великому стыду, но русские князья ее выручили. Роман оставил город, намереваясь искать помощи на Руси, но

в Шумске на мосту взят был Зерньком и Чухомою и выдан Даниилу и уграм. Они послали тогда сказать звенигородцам: «Сдавайтесь, князь ваш взят». Звенигородцы сдались. Оттуда все пошли к Галичу. Владимир бежал с сыном своим Изяславом и был преследован до реки Незды. Галич был занят. И княгиня приехала Романовая повидать сына своего Даниила. Ребенок не узнал ее.

Бояре владимирские и галицкие, Вячеслав владимирский и Владислав галицкий, воеводы галицкие посадили князя Даниила на столе отца его великого князя Романа, в церкви Св. Богородицы. Взятых в плен князей: Романа, Святослава, Ростислава, галичане, пылая мщением, решили повесить, а угры хотели вести к королю, но, получив великие дары, согласились. Несчастные сыновья Игоря Святославича северского получили достойное наказание за свое злодейство: они были повешены (в сентябре).

Спокойствие не восстановилось. Бояре вздумали вскоре выгнать мать Даниилову, чтобы управлять самим. Даниил не хотел расстаться с матерью и плакал. Александр, тиун

шумавинский, взял коня ее за повод, Даниил ударил его мечом и ранил коня. Мать взяла у него меч из рук и упростила остаться у неверных галичан по совету Владислава, а сама уехала в Бельз.

Король рассердился и пришел в Галич (1212). Он призвал ятровь свою из Бельза, с боярами владимирскими пришли на совет другие князья, Ингварь луцкий и иные. «Владислав княжится, а ятровь мою выгнал», так пожаловался король на совете. Владислав был захвачен и, окованный железом, отведен в угры. Судислав откупился золотом. Яволод и Ярополк, братья его, приводившие Мстислава, бежали к нему в Пересопницу и звали его опять в Галич.

Мстислав пришел с ними к Бужску. Тамошние бояре, Глеб Попович, Иванко Станиславич и брат его Сбыслав, возвестили в Галиче новое нашествие.

Княгиня Романовая, с сыном Даниилом, опять должна была искать спасения в уграх. Вячеслав Толстый провожал ее, а Василько с Мирославом удалились в Бельз. Но и тот должны они были потерять. Лестко, убежден-

ный тестем своим Александром, подступил к Бельзу и взял для него город. Василько должен был идти в Каменец, сопровождаемый только некоторыми боярами. Вот все, что оставалось у Романовичей из их пространной отчины.

Король опять собрался на Галич, но лишь только перешел он горы, как получил известие о домашнем смятении. Супруга его была умерщвлена, брат, архиепископ, разделил ту же участь. Многие вожди погибли. Магнаты, озлобленные на короля, за разрушение их многих замков, служивших притоном для разбойничьих шаек, хотели свергнуть его с престола. Он должен был вернуться из галицкого похода.

Боярин Володислав, получивший свободу во время этих замешательств, собрал войско и подступил к Галичу на Мстислава. Мстислав бежал, и Володислав сел на княжеском столе.

Даниил с матерью, обманувшись еще раз в своих надеждах, отпросился у короля в ляхи, принят был Лестком с честью и оттуда удалился к матери и брату Васильку в Каменец,

где был принят с великой радостью.

Собралось новое ополчение против Володислава: Мстислав из Пересопницы, Александр из Владимира, Всеволод из Бельза со своими полками, Даниил из Каменца, все великие бояре Даниилова отца собрались у него. Ярополк и Яволод затворились в Галиче, а Володислав вышел с уграми и чехами на реку Боброку. Лестко выслал на него ляхов, Даниил Мирослава и Демьяна, Мстислав Глеба Еремеевича и Юрия Прокопьяча. Они сразились. Сеча была великая. Ляхи и русь одолели. Даниил, едва сидевший в седле, принимал участие в битве. Володислав бежал, потеряв много воинов. Но Галич все-таки не был взят. Ляхи, повоевав около Теремовля, Моклекова и Збыража, взяв Быковен, отошли домой с большой добычей. Лестко вытребовал у Александра Тихомль и Перемиль в пользу Романовичей. Там водворились они с матерью и смотрели оттуда на Владимир, призывая время, когда б им была возвращена их отчина: «се ли ово ли, Владимир будет наю».

Таким образом, Галицкое княжество переходило из рук в руки. Ни малолетние Романо-

вичи с деятельной своей матерью не могли удержать его, ни другие русские князья, приходившие по зову бояр, которые, со своей стороны, увеличивали замешательство.

Ляхи и угры, помогавшие Романовой, решились, наконец, овладеть богатым княжеством в свою пользу. Лестко, по совету боярина своего Пакослава, предложил королю через послов свою дочь в замужество за сына его Коломана, и пусть сядет он княжить в Галиче, а боярину «не есть лепо княжити там».

Андрею понравился совет. Он встретился с Лестком в Спише. Галич был взят, и Володислав пленен. Пятилетний Коломан женат на трехлетней дочери Лестка Соломии, прибывшей в сопровождении краковского епископа Кадлубка. Папа Иннокений III, которому поданы виды на присоединение Галича к Римской церкви, поручил стригонскому архиепископу помазать и венчать его на Галицкое королевство. Таким образом, Коломан получил Галич, Лестку уступлен Перемышль, а Пакослав награжден Любачевым. Володислав отправлен в заточение, где вскоре и умер, «нашед зло, княжения деля, племени своему и

детям своим», которых не хотел принимать к себе на службу ни один князь.

Пакослав, главный виновник этой сделки, доброжелатель Романовой, подал еще совет Лестку, чтобы тот вытребовал у Александра Владимир для Даниила и Василька: «если не отдашь, то приду на тебя с Романовичами». Александр уступил (1211).

Казалось, все уладилось и оставалось в покое лет пять, как вдруг король, неизвестно, по какой причине, отнял Перемышль у Лестка и Любачев у Пакослава. Лестко вознегодовал и предложил Галич Мстиславу новгородскому, слава которого гремела тогда на всем севере, который недавно решил дела киевские в пользу своих родичей против Всеволода Чермного. «Ты мне брат, писал он Мстиславу в Новгород, в злобе на Андрея, иди и сядь в Галич».

Проведя почти всю свою жизнь на юге, знакомый со всеми тамошними делами, Мстислав уже давно, видно, зарился на эту богатую и обильную волость и хотел положить свой топор на весы решения, для чего, вероятно, и приезжал в Русь из Новгорода еще в

1206 году, вскоре по смерти Романа.

Решась теперь при благоприятных обстоятельствах приступить к исполнению давнего замысла, он принял приглашение Лестка и простился с новгородцами. Добравшись до Киева, он и начал собирать войско. Сборы продолжались недолго. Кто был не рад стать под стяги Мстислава, любимые победой! Снарядившись, он пошел, наконец, в поход, — и один страх от его имени обратил врагов в бегство. Воронье, что терзало бедный Галич, разлетелось, почуяв сокола. Свирепый Бенедикт Лысый, наместник Андрея, бежал в угры с Судиславом, опекуном малолетнего королевича, Галич стал пуст, и Мстислав без всякого затруднения сел на стол галицкий. Легкий успех, но труды были еще впереди!

Угры не могли легко отказаться от своей завидной добычи. Мстислав на всякий случай должен был готовиться к встрече. Он выдал свою дочь Анну за Даниила, получившего, между тем, после многих бед и превратностей, отчину свою, княжество Владимирское, надеясь иметь в нем верного сотрудника и помощника против иноплеменников. Но не с

одними уграми предстояла борьба.

Непостоянный Лестко взял вскоре их сторону, хотя против них только что призвал Мстислава, и вот по какому случаю.

Во время смут он овладел некоторыми городами владимирскими. Даниил, возмужав и утвердись на отцовском столе, потребовал их назад. Лестку не хотелось расстаться с ними. Даниил пожаловался Мстиславу. Тот отвечал: «За первую любовь, я не могу восстать на него; ищи других помощников».

Молодой князь владимирский решил управиться один и занял всю свою Украйну, разбил и ляхов, высланных Лестком воевать по Бугу. Тогда Лестко озлобился и, полагая, что зять действует заодно с тестем, тотчас вступил в переговоры с Андреем: «Я отказываюсь от части своей в Галиче, говорил он, и отдаю все зятю (т. е. Андрееву сыну, женатому на его дочери), выгоним только русских».

Андрей не мог ничего желать лучше. Он собрал войско и подступил к Перемышлю. Ярун тысяцкий должен был бежать. Войска, присланные Мстиславом к Городку, отложившемся с людьми Судислава, были разбиты

подоспевшими уграми и ляхами. В схватке убит дьяк Мстислава Василий, по прозванию Молза; с Михалка Скулы враги сняли три золотых цепи, потом отсекли голову и принесли к Коломану. Мстислав стоял на Зубрье с князьями киевскими и черниговскими. Туда прибежали к нему разбитые бояре и известили его о силе вражеской. Он увидел, что не может спорить теперь и отошел дальше назад, убедив Даниила и Александра бельзского подержаться в Галиче. Даниил затворился, а Александр не успел. Коломан и ляхи подступили к городу, бились долго на Кровавом Броду, но оставили его, устремились на Мстислава и вынудили выйти из земли. Он успел, однако же, дать знать зятю, чтобы тот выходил из засады, и Даниил, показав великую храбрость и ловкость, прошел почти через неприятельские полки, достиг Днестра, оттуда приплыл к Мстиславу, который «великую хвалу сотворил» своему мужественному зятю, дал ему многие дары и даже борзого своего сивого коня. Он не думал, разумеется, уступать и, не имея у себя почти никаких воинов, решил найти их вовне. «Пойди, княже, в свой Влади-

мир, сказал он, а я пойду в половцы, и мы отмстим свой сором».

Угры торжествовали. К Коломану на помощь пришел в Галич воевода Филя Прегордый, как отзывается о нем Волынская летопись: «Он надеялся объять всю землю, потребить море, и говорил обыкновенно: острый мечу, борзый коню — многая Руси». Еще была у него пословица: одним камнем можно много горшков перебить.

Наконец, пронесся слух, что идет Мстислав с половцами; Лестко поспешил на Даниила. Фильний не сомневался в победе: оставив молодого Коломана в Галиче с женой, он укрепил город и, к великому соблазну православных, употребил церковь Пресвятой Богородицы под стену, а сам пошел на встречу с уграми, ляхами и галичанами. Мстислав ожидал его, вместе с верным своим другом и первым сподвижником под Липицами, князем Владимиром Рюриковичем смоленским. Половцы были поставлены в засаде, чтобы ударить, когда разгорится бой. Полки приближались. Нетерпеливый Мстислав выехал вперед на высокий холм, чтобы обозреть вернее их ко-

личество и силу...

Владимир, заметив из своего полка его одного на виду перед врагами, испугался, чтобы не случилось чего с ним, — а от него зависело все, — прискакал к бесстрашному и убеждал вернуться назад к своим. Мстислав быстро спустился и тотчас велел начать сражение, обещая своим воинам победу силой честного креста. Полки сошлись. А на Владимировом крыле дело загорелось еще прежде. Ляхи сильно напирали. Наши будто обробели, побежали, князя с ними. Ляхи пустились в погоню. Часть венгров присоединилась к преследователям, считая победу решенной. Все они удалились на большое расстояние от побоища, а Мстислав все еще стоял. Увидя против себя малочисленный остаток, он ударил с половцами в тыл венграм и киевлянам и привел их в совершенное замешательство. Тогда и Владимир Рюрикович, условившись, вероятно, заранее, обернулся против них с прочими беглецами — и враги были смяты совершенно. Фильний был взят в плен. Без воеводы дух у воинов упал. Бежать было некуда и сражаться нельзя. Половцам и русским оставал-

ся только труд убивать их. Между тем, первые ляхи возвращались с песнями на побоище, не предчувствуя поражения венгров и галичан. Половцы окружили их со всех сторон с одним князем, и началась новая резня. Они бежали: на другой стороне развевалось белое знамя; несчастные ляхи устремились туда, думая, что это их товарищи держатся, а знамя было распущено русскими, которые принимали их на мечи, по приказанию Мстислава, не велевшего давать никому пощады. Победа одержана совершенная. Нельзя было счесть убитых, трупы лежали грудями, кровь везде лилась потоками. Вопли раненых и умирающих слышны были в Галиче. А половцы принялись грабить — коней, одежд, оружия, множество поляков и венгров угнали они в неволю. Тогда и галичане, услышав о победе, начали убивать тайно остававшихся у них венгров, как овец. Русские превозносили Мстислава до небес, и за такую совершенную победу, что одержал он, и за приказ не давать пощады уграм и ляхам. «Красное ты наше солнышко, ясный ты наш сокол; сам Бог насыляет тебя смирать гордых и строптивых, чтоб не смели

хвалиться пред тобою победою», — восклицали они в восторге, и слава Мстислава между русскими воинами совершенно утвердилась: нет ему равного воителя!

Он подступил к Галичу.

Остававшиеся там с Коломаном угры и ляхи решили с отчаяния защищаться до последней капли крови. Смерть ждала их перед городом та же, что и в городе. Готовясь к осаде, они выгнали всех жителей с женами и детьми, опасаясь голода, равно как и измены с их стороны. Пленный Фильний, вероятно, по приказу Мстислава, советовал им не противиться победителю, которому сам Бог предал во власть всю галицкую землю, — но они не послушались. Потом послал к ним Мстислав своего тысяцкого Димитрия с предложением сдаться, и также без успеха. Наконец, сам подъехал к крепости, и в третий раз они отказались. «Ну так готовьтесь на убой, а не к сражению», пригрозил раздраженный князь. Полки его окружили крепость со всех сторон.

О помощи не было слышно ниоткуда, — и осажденные отворили ворота.

Торжество Мстислава было полное, разде-

лить которое приехал вскоре храбрый Даниил, которому Лестко мешал до сих пор соединиться с ним и принять участие в войне. Русские епископы венчали Мстислава, как утверждают некоторые из новых летописцев, златым венцом Коломановым, доставшимся ему в руки, и он принял на себя имя царя галицкого.

Андрей, услышав о происшедшем, прислал к Мстиславу вельможу своего Яроша требовать, чтобы тот освободил его сына и всех пленников, не то поднимет на него все царство свое и придет войной. «Победа не в твоих руках, а в Божиих, отвечал Мстислав спокойно, приходи, и я тебя встречу, надеясь на помощь небесную».

Второе посольство привезло речи более умеренные. Король венгерский увидел, что Мстислава утратить ничем нельзя и что лучше прибегнуть к другим средствам. Супруга Андрея отправила к нему от себя особых мужей молить о сыне. Мстислав долго не соглашался, опасаясь, чтобы галицкие бояре, его не любившие, не приняли опять стороны Коломановой и не затеяли новой войны. По-

сольства не прерывались. Предложения следовали одни за другими. Начались переговоры. Наконец, решено было, особенно вследствие советов Судислава, что Мстислав освобождает Коломана и пленных угров, а он отказывается от Галицкого княжества, которое через три года предоставляется в приданое дочери Мстислава, Марии, вступающей в супружество со вторым Андреевым сыном Андреем; теперь угры получают только Перемышль.

Лестко озлобился на Андрея за этот договор, которым дочь его лишалась Галича, и старался посредством папы разрушить его, но напрасно, и поневоле помирился он с русскими князьями.

Мстислав имел еще случай показать доброе сердце, умиловив Даниила, который хотел было наказать войной двоюродного князя бельзского за его союз с врагами: тесть сказал зятю: «Пожалуй брата Александра», — и он, разорив только окрестности Бельза, воротился во Владимир.

Таким образом, дела, кажется, совершенно устроились: Мстислав до времени владел бес-

спорно Галичем, зять его Даниил Волынью. Враги смирились, соседи утихли, и никто не смел потревожить доблестных князей, одного в возрасте цветущей юности, другого в летах мужественной старости, окруженных верными, испытанными дружинами, но издали неслись новые, еще более грозные, тучи.

Новгород

Новгород, избранием Рюрика дав государей Русскому государству, остался, после его смерти, почти совершенно обособленным.

Олег, преемник его, уходя отсюда вместе с младенцем Игорем (882) на юг, в Киев, оставил здесь, вероятно, мужа, посадника, как оставлял по дороге в Смоленске и Любече.

Через сто лет (970) новгородцы, не удовольствуясь, видно, посадниками, захотели опять иметь у себя князя и пришли просить его у Святослава. «А не то, сказали они ему, мы найдем себе князя в другом месте». «Да кто к вам пойдет», возразил Святослав, и, действительно, старшие сыновья, Ярополк и Олег, отказались. Тогда новгородцы, по совету Добрыни, попросили себе Владимира, рож-

денного от сестры его, ключницы Ольгиной, Малуши.

Когда Владимир, после смерти отца Святослава, услышав об убийстве брата Олега, бежал к варягам, то Ярополк прислал в Новгород своих посадников (972).

Вернувшись с вспомогательными северными воинами, Владимир прогнал их с помощью новгородцев и нанятых варягов, овладел Киевом и отмстил старшему брату смертью за смерть среднего брата Олега (980). Став великим князем, он сохранял свою власть над Новгородом, полностью зависевшим от него.

Описывая введение христианской веры, летопись говорит, что Владимир дал Новгороду архиепископа: пришел в Новгород архиепископ Иоаким (которому приписывается особое сказание), разрушил капища, изрубил Перуна и велел бросить в Волхов. Его поволокли веревками, били палками по дороге к реке; никому не велено было принимать его. Отправился из Пидьбы рано утром местный житель продавать горшки в город и, увидев плывущего по реке идола, оттолкнул его шестом. «Ты, Перунице, пил и ел до сыти, а ны-

не плови уже проче. И плы с света в окромышное». Ходила еще в народе молва, что Перун, плывя под мостом, бросил новгородцам палицу и как будто завещал им междоусобные распри.

Владимир посадил здесь старшего сына Вышеслава, а потом Ярослава (988), который сидел прежде в Ростове; Ростов, следовательно, новгородский город, находился уже в его распоряжении.

Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа, Ингигерде (1019), и дал по условию родственнику ее Рагнвальду Ладогу (Альдейгаборг) с даяниями.

Он княжил тридцать с лишним лет в Новгороде и под конец отказался платить определенную с новгородцев дань своему отцу. Владимир на старости велел было уже «терebить путь» и «мостить мост», чтобы идти на сына в Новгород, но его внезапная кончина отвратила законопреступную войну (1018).

Ярослав часто приезжал в Новгород, получал отсюда помощь и сам помогал, например, преследуя ограбившего Новгород в 1021 году Брючислава полоцкого.

В 1030 году он основал Юрьев (Дерпт) для собиранья дани с ближайших берегов Варяжского моря.

В 1032 году он посадил здесь своего старшего сына Владимира, а епископом поставил Луку Жидяту, от которого сохранилось поучение. Владимир ходил отсюда на емь (в южной Финляндии) в 1042 году, а Улеб на Железные ворота.

В благодарность за оказанные услуги Ярослав (скончавшийся в 1054 году) дал, вероятно, новгородцам, вместе с правом избирать себе князей, разные льготы, что касается до самоуправления и самосуда, на которые до позднейшего времени они ссылались.

Оставаясь с древними обширными владениями и распространяя беспрестанно свои пределы, не допуская у себя никакого дележа, не позволяя князьям иметь даже частную собственность, Новгородское избирательное княжество не подверглось общей участи — мельчать и слабеть, подобно прочим. Бояре, оставаясь на месте, стали вскоре землевладельцами и приняли большее участие в управлении общественными делами.

Дань с обширных владений и выгодная торговля, которую вели новгородцы с Данией, Готландом и вообще всеми берегами Балтийского моря, с севером и западом, доставляя нужные товары, особенно драгоценные меха, служила источником богатства, копившегося год от года, более и более в дому Святой Софии. Купцы и люди житые составили значительное сословие.

Знакомство с немецкими соседями доставляло Новгороду различные житейские сведения, подобно как Киев заимствовался ими от греков из Царьграда.

Вместе с князьями деятельное участие в управлении приняли, с одной стороны, архиепископы, а с другой посадники. Веча решали дела.

Все должности были выборные.

Во время кончины Ярослава (1054) Изяслав, старший после Владимира сын его, находился в Новгороде и был, вероятно, наречен князем, свидетельство о чем заключается в послесловии к знаменитому Остромирову Евангелию: «написах же Евангелие се рабу Божию наречену суцу в крещении Иосиф, а

мирьски Остромир, близоку суцу Изяславу князю. Изяславу же Князю тогда предръжащу обе власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира. Сам же Изяслав Князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве, а брата своего стол поручи правите близоку своему Остромиру Новегороде».

Остромир ходил отсюда на соседнюю, к западу, чудь (1055) и был убит на сражении, в котором пало много новгородцев.

В 1064 году ушел из Новгорода на юг молодой, удалой сын умершего здесь Владимира, Ростислав, с сыном посадника Остромира, Вышатой, Пореем и другими новгородскими молодцами, покорил там Тмуторакань, разнес страх и ужас русского имени по всем окрестным странам, в Крыму и на Кавказе, и умер через два года, отравленный греками, оставив трех сыновей, столько же впоследствии славных Ростиславичей.

В 1066 году Новгород подвергся нападению полоцкого князя. Молодой Всеслав, по следам отца Брючислава, напал на Новгород, занял его до Неревского конца, ограбил Святую Софию, снял даже колокола, паникадила. «О ве-

лика быше беда в час той», восклицает новгородский летописец.

Ярославичи наказали его и захватили в плен.

В 1069 г. по возвращении из Киева, Всеслав опять приходил на Новгород. Князем тогда был Глеб Святославич, княживший прежде в Тмуторакани и присланный отцом Святославом, который занял было великокняжеский стол. Новгородцы поставили полк у Зверинца на Кзени и отбились.

Этот Глеб был убит в Заволочье, в одном из новгородских походов против финских племен. Место его занял Святополк, — сын павшего, между тем, в бою с Олегом Святославичем великого князя Изяслава, старшего племянника севшего на княжение Всеволода.

В 1087 г. он перешел оттуда на княжение в свой Туров, и великий князь Всеволод дал новгородцам внука Мстислава, имевшего пятнадцать лет от роду.

В 1093 г. великий князь Святополк и Владимир Мономах, распорядившись всеми волостями на Руси, посадили в Новгороде Давыда Святославича, переведя его из Смоленска, а

Мстислав был послан в Ростов; но через два года, после того как Давыд поехал было за чем-то в свой прежний Смоленск, новгородцы не пустили его к себе, а призвали опять Мстислава из Ростова.

Мстислав, узнав в Новгороде (1096), что отчина его, Ростов и Суздаль, занята Олегом Святославичем, а брат Изяслав убит в сражении с ним, послал к нему посла сказать: «Иди из Суздали Мурому, а в чужой волости не сиди; я помирю тебя с отцом». Олег не только не послушал его, но думал даже отнять у него и Новгород. Мстислав отправился на него в поход с новгородцами, отрядив прежде вперед Добрыню Рагуиловича. Тот задерживал данников, присланных от Олега с братом его Ярославом. Мстислав шел быстро, и Олег, не надеясь бороться с ним, изъявил свое согласие помириться в ответ на второе предложение Мстислава. Мстислав, обнадеженный, распустил дружину по селам, как вдруг среди обеда, в Федорову субботу, получает известие, что Олег уже идет на него и стоит на Клязьме. Он начал собирать дружину, новгородцев, белозерцев и ростовцев, и приготовился встре-

тить врага под Суздалем. Олег приблизился. Четыре дня стояли они друг против друга. В пятницу произошло сражение на реке Колокше, на котором Мстислав одержал совершенную победу.

В 1102 году Святополк и Владимир договорились, чтобы «Новугороду быти Святополчу» и Святополку посадить там своего сына, а Владимиру получить за то для своего сына Владимир. Призван был Мстислав с новгородцами. На общем совещании в избе мужи Владимировы сказали им: «Вот вам сын Святополков — берите его в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». Новгородцы отвечали Святополку, как некогда отцы их сыну Ольгину, Святославу: «Мы присланы к тебе, князь, вот с чем, — нам велено передать — не хотим ни Святополка, ни сына его. Если у сына твоего две головы, так пошли его; Мстислава дал нам Всеволод, и мы воскормили его себе князем».

Сколько ни спорил великий князь Святополк с ними, они настояли на своем и увели к себе Мстислава назад.

В 1117 году, 17 марта, великий князь Вла-

димир призвал Мстислава к себе в Киев и посадил его в Белгороде, а в Новгороде оставлен князем старший сын Мстислава, внук Владимира, Всеволод-Гавриил.

После кончины Мстислава, в 1132 году, Всеволод был призван в Русь дядей Ярополком, который хотел дать ему Переяславль согласно воле его отца и по смерти своей прочил, может быть, как говорили, сам Киев. Новгородцы оскорбились, потому что Всеволод целовал им крест на том, чтобы не расставаться с ними и умереть у них. Он, было, вернулся, потому что ему на юге не посчастливилось; пришли псковичи и ладожане, и они все сообща решили выгнать князя, но, одумавшись, вернули его с Устьяев. Посадничество в городе было дано Рагуилу, а в Пскове Мирославу. Спокойствие восстановилось, но ненадолго.

В следующем 1133 году прислан был в Новгород от великого князя киевского Ярополка к братьям Изяслав Мстиславич, которому была выдана дань печерская, «и тако хрест целоваше».

В 1134 году Всеволод ходил с новгородцами

на чужь и взял город Юрьев, зимою, 9 февраля, на память Св. Никифора.

Тогда же обновлен был обрушившийся мост через Волхов.

В этом году опять приходил в Новгород Изяслав Мстиславич, которому брат Всеволод хотел доставить Суздаль. Новгородцы пошли со своим князем, но вернулись с Дубны (впадающей в Волгу ниже Корчевы) и по дороге отняли посадничество у Петрила и дали Иванку Павловичу.

Зимой пришел в Новгород митрополит Михаил, вместе с послом новгородским, игуменом Исайею. Новгородцы опять собирались на Суздаль. Может быть, были и другие столкновения, подобные последующим, которые надо было решить войной. Митрополит отсоветовал им, но они не послушались, а его задержали. Вышли они 31 декабря. На Жданой горе (во Владимирской губ.) погиб храбрый посадник Иванко Павлович и Петрило Микульчич и много мужей, но суздальцев больше. Впрочем, поход этот не имел никаких последствий, и «сотворше мир», новгородцы возвратилось и митрополита отпустили.

В 1133 году новгородский посадник Мирослав, переведенный незадолго перед тем из Пскова, ходил мирить киевлян с черниговцами. Враги старались склонить новгородцев, каждый на свою сторону. Посредничество не имело успеха. На зиму пошел еще архиепископ Нифонт с лучшими мужами и был свидетелем заключения мира.

«Сильно взмялась вся земля Русская», говорит летопись, но и в Новгороде утихнувшие было беспокойства начали развиваться сильнее и сильнее. Новгородцы беспрестанно меняли посадников и, наконец, принялись за князей, как будто наверстывая свободу, стесненную Мономахом и Мстиславом.

В 1136 году, призвав псковичей и ладожан, на шумном вече положили они вновь изгнать князя Всеволода и вот что ставили ему в вину: 1) Не блюдет смердов. 2) Оставлял Новгород и хотел сесть в Переяславле. 3) Бежал со сражения («ехал с полку») прежде всех. 4) Изменяет свои намерения: сначала договорился с Всеволодом черниговским, а потом велел отступить от него.

28 мая они посадили Всеволода под стражу

с женой, детьми и тещей на епископском дворе, велев стеречь его день и ночь, по 30 человек с оружием, пока придет князь. Держали они его таким образом два месяца и отпустили 13 июля. Всеволод удалился в Киев к дяде, великому князю Ярополку, который дал ему Вышгород.

Унимать новгородцев было некому, потому что все южные и восточные князья (киевские, черниговские, суздальские) заняты были своими распрями, и новгородцы возвратили себе в полной мере самоуправление, стесненное Мономахом и Мстиславом.

Избранный ими Святослав северский, брат черниговского князя Всеволода Ольговича, пришел «19 июля, прежде 14 каланд августа, в воскресенье, на собор Св. Евфимия, в 3 часу дня, а луне небесной в 19 день». Но с его избранием мир не водворился, а потрясен был еще более: в Новгороде оставалось много приверженцев изгнанного князя.

«В том же году, наставшу индикту 15» (следовательно, в сентябре), убит Георгий Жиротич и сброшен с моста, вероятно, за преданность Всеволоду. Тогда же «милостники»

Всеволода стреляли в князя Святослава. Епископ Нифонт, всеми чтимый, держал Всеволоду сторону. Он отказался венчать князя Святослава и запретил своим попам и чернцам венчать его, говоря: «Недостоит ее пояти (вероятно, по какому-нибудь родству). Святослав оженился в Новгороде и венчаясь своими попами у Св. Николы».

В 1137 году Константин посадник со многими мужами бежал из Новгорода к Всеволоду в Вышгород. Плесковичи прислали с ним Жирыту с дружиной. Все приятели звали его в Новгород, говоря: «Пойди, княже, хотят тебе опять». Всеволод согласился.

Когда стало известно в Новгороде, что Всеволод пришел в Псков с братом Святополком, поднялся великий мятеж. Некоторые граждане побежали к нему в Псков. Их дома были преданы разграблению — Константинов, Нежатин и многих других. Отыскивали всех приятелей Всеволодовых между боярами и, собрав с них полторы тысячи гривен серебра, дали купцам на войну. Святослав Ольгович собрал всю землю Новгородскую, привел своего брата Глеба с курянами, с половцами и по-

шел на Плесков выгнать Всеволода. Плесковичи решительно объявили, что князя не выдадут, засеки все осеки и приготовились к обороне.

Тогда новгородцы со своим князем одумались и с Дубровны вернулись назад: «Не станем проливать кровь с братьею, пусть управит нас Бог своим промыслом».

Впрочем, Всеволод-Гавриил в тот же год (1137) умер и погребен в Троицком соборе (впоследствии он был причтен к лику святых).

Плесковичи клялись брату его, Святополку, и не было у новгородцев мира ни с ними, ни с суздальцами, ни со смольнянами, ни с полочанами, ни с киевлянами.

В следующем году (1138), 17 апреля, в неделю третью по Пасхе, неутомонные новгородцы выгнали и Святослава, сидевшего у них два года без трех месяцев, и послали за князем к Юрию Владимировичу суздальскому, просить у него сына Ростислава.

Вдруг разнесся слух, что идет Святополк с плесковичами. Весь город всполошился и бросился к Сильнищу, но там никого не было.

Святославлюю, однако же, задержали они с лучшими мужами и засадили в монастыре Св. Варвары, «ждуце оправы Ярополку со Всеволодом».

Самого же Святослава задержали на пути смольняне и посадили в Смядыне монастыре.

10 мая пришел Ростислав, — и новгородцы помирились с плесковичами.

В 1139 году Юрий суздальский, пришедший в Смоленск, позвал новгородцев на великого князя Всеволода. Новгородцы не послушались, и тогда Ростислав бежал к отцу в Смоленск, просидев в Новгороде год и четыре месяца.

Юрий рассердился на них и взял Новый Торг. Это был первый случай, в котором новгородцы увидели, чего они должны ожидать и бояться со стороны суздальских князей.

Новгородцы опять послали за Святославом Ольговичем. Брат его, великий князь Всеволод, хотел утвердить власть над Новым городом, подобно Мономаху и Мстиславу, и уговорил брата согласиться. Новгородцы ходили ему присягать. Долго волновался город, и Святослав пришел 23 декабря.

В 1140 году отправлены были в Киев к Всеволоду Константин Микулич, Полюд Константинович, Демьян и несколько других мужей, шестеро заключены в оковы, вероятно, по жалобе Святослава, — и вскоре новгородцы на вечех начали вставать на него «про его злобу». Он, увидев общее неудовольствие, послал сказать брату, великому князю Всеволоду: «Тягота, брат, в этих людях, я не хочу у них оставаться, пришли сюда кого хочешь». Всеволод прислал Ивана Войтишича, предлагая им сына и требуя в посольство мужей лучших, которые и были отправлены. Новгородцы продолжали волноваться и удерживали Святослава впредь до прибытия нового князя. Кум Святослава, тысяцкий, дал знать ему, что быть худу и что хотят его захватить. Святослав бежал с женой и дружиной на Полоцк к Смоленску. Якуна поймали на Плисе и привели вместе с братом Прокопьем. Раздели их донага, как мать родила, били мало не до смерти и сбросили с моста, но Бог спас Якуна: он приплыл к берегу, и его оставили в живых, а взяли тысячу гривен да с брата сто и заточили их в чудь, приковав руки к шее.

Юрий привел их после к себе, и жен их из Новгорода, и содержал в великой чести.

Святославу Ольговичу принадлежит устав о церковной дани, которым определяется епископу вместо десятин от вир и продаж сто гривен из клети княжеской, кроме уездных оброков и пошлины с купеческих судов.

Всеволод, хотевший дать им сына, остановился и удержал новгородских мужей, к нему присланных послами. Новгородцы отправили к нему епископа с новыми послами и сказали: «Дай нам сына, а Святослава, брата твоего, не хотим». И он отпустил, наконец, к ним сына Святослава. Не успел Святослав доехать до Чернигова, как новгородцы передумали и прислали сказать великому князю: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотим племени Владимира». Всеволод, рассердившись, велел тогда вернуть епископа с мужами и задержал их в Киеве. Новгородцы стали просить его шурина, Мстиславича. Всеволод, не желая отдавать Новгород Владимирову племени, призвал своих шурьев и дал Берестий, говоря: «За Новым городом не гонитесь, пусть посидят о своей силе, где-то они

найдут себе князя!» Послов же продержал у себя с епископом зиму и лето.

Таким образом, новгородцы опять сидели без князя девять месяцев, и товары не шли к ним ниоткуда. В нетерпении они послали, наконец, в Суздаль, звать к себе Судилу, Нежата, Страшка, которые бежали туда из-за Святослава, и Якуна. Они дали посадничество Судилу и велели сказать Юрию: «Поди к нам сам, либо сынапусти: Святополка (Мстиславича) Всеволод к нам не пускает, а Ольговича мы не хотим».

Юрий прислал Ростислава, который и прежде был у них. Ростислав прибыл к ним 26 ноября.

Между тем, послы новгородские — епископ и купцы, сидели в Киеве задержанные. Они твердили, что новгородцы не хотят иного князя, кроме Святополка. Всеволод согласился, наконец, убежденный женой, Мстиславлеей, и дал им шурина из своей руки.

Новгородцы, прослышав, что едет к ним Святополк, засадили Ростислава на епископском дворе, где и просидел он четыре месяца. Святополк пришел 19 апреля, а Ростислав от-

пущен к отцу, который вознегодовал сильно на новгородцев за такой их норов.

С этих пор усиливаются и умножаются непрерывные столкновения и распри новгородцев с Юрием суздальским, которые продолжались и при его преемниках. Суздаль и после Владимир, откуда получал Новгород хлеб, тяготел над Новым городом более и более и приводил его к себе в зависимость. Между посадниками и боярами возникла партия сторонников суздальских. Только в краткие промежутки, и то в ближайшее время, новгородцы по-прежнему обращались иногда к Киеву и избирали тамошних князей, как защитников от притеснений. Несколько лет, впрочем, прошло спокойно, пока на киевском столе сидел великий князь Всеволод Ольгович, покровитель новгородского князя, и пока Юрий суздальский не думал еще или не смел искать Киева.

Великий князь киевский, Всеволод Ольгович, вернувшись из похода, умер (1146), и все дела на юге изменились. Великокняжеский стол достался Изяславу Мстиславичу, брату новгородского Святополка. Юрий суздаль-

ский вступил в союз против него со Святославом Ольговичем северским; началась продолжительная война, среди которой доставалось всем союзным и враждебным властям.

В 1147 году пришел Юрий воевать Новгородскую волость, взял Новый Торг и всю Мсту. В ответ ему ходил Святополк со всей областью Новгородской на Юрия. Новгородцы вернулись с Нового Торга из-за распутицы.

В 1148 году Святополк был изгнан «злобы его ради». Изяслав прислал сына Ярослава, а брату дал Владимир; вскоре и сам великий князь пришел, приглашенный новгородцами.

Новгородцы вышли к нему навстречу за три дня пути от города. В воскресенье встретил его сын Ярослав с боярами новгородскими, и поехали вместе к обедне к Святой Софии. Посланы были подвойские и бирючи кликать по улицам и звать к князю всех на обед, от мала до велика. «И тако обедавшие, веселишася радостью великою, и с честью разъидошася в свои дома». Поутру послал Изяслав на Ярослав двор звонить вече. Новгородцы и плесковичи собрались на вече. Изяслав сказал: «Братцы, сын мой и вы прислали мне

жаловаться, что вас обижают стрый мой Юрий. Вот я и пришел к вам, оставя Русскую землю для вас и для ваших обид. Гадайте же, братцы, что нам делать, как ийти, чтобы покончить с ним либо миром, либо ратью». Новгородцы в один голос воскликнули: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав. Рады ийти с тобою за наши обиды». Еще собрались новгородцы и решили всем ийти на войну, всякой душе: хоть кто и дьяк будет, и гуменцо у кого пострижено, но не поставлен, пусть и тот идет, а поставлен — пусть Богу молится.

Новгородцы, плесковичи, корела пошли всеми силами на Юрия к Ростову. Подойдя к устью Медведицы, Изяслав остановился в ожидании брата Ростислава, который через четыре дня пришел с полками русскими и смоленскими. Ольговичи же не приходили к ним на помощь, по уговору, выжидая в вятичах, чем кончится дело. Братья спустились вниз по Волге. От Юрия не было никакой вести. Он не отпускал их посла, отправленного к нему еще, ни слал к ним своего, — и они начали опустошения по обоим берегам реки до

Углича поля и до устья Мологи, взяли и сожгли шесть городов. Остановившись, они отравили новгородцев и русь воевать дальше, и те с огнем и мечом дошли почти вплоть до Ярославля. Они захватили много добычи и привели семь тысяч человек. На вербной неделе наступило тепло, и братья решили вернуться, видя, что реки вскрываются.

Юрий не оставался в долгу. Лето ходили новгородские данники в малом числе; услышав это, Юрий выслал на них Берладника. Они сразились между собою, и с обеих сторон было много убито.

Но главный удар был устремлен на юг, где великий князь Изяслав дорого поплатился за свое посещение Поволожья с новгородцами и другими воинами. Летом, соединившись со своими союзниками, Юрий подступил к Киеву, заставил Изяслава отказаться от него и бежать во Владимир.

А потом не оставил его в покое и там, и только в уважение ходатайства старшего брата Вячеслава примирился с ним. Изяслав, при заключении условий, всеми силами старался выговорить у Юрия захваченные им новго-

родские дани, на что Юрий, наконец, и согласился.

В 1184 году, 28 марта, новгородцы изгнали Ярослава Изяславича и призвали Ростислава Мстиславича из Смоленска, который, однако же, вскоре после смерти брата великого князя Изяслава, ушел в Киев, оставив им сына Давыда. Рассердившиеся новгородцы, что тот не дал им мир, а еще пуще все расстроил, выгнали сына и послали епископа Нифонта с лучшими мужами к Юрию, просить у него опять сына Мстислава, который пришел 30 января 1155 года.

Ростислав смоленский не мог простить новгородцам своего бесчестия. Он имел, видно, много сторонников в городе. Люди поднялись (1157) на Мстислава Юрьевича и хотели выгнать его из Новгорода, но торговый люд вступился за князя и стал за него «в оружии». Братья уже были готовы сойтись, но, к счастью, мост был разобран. Сторожа стерегли по обоим краям. Пришли сыновья Ростислава, Святослав и Давыд, а за ними на третий день и сам Ростислав. Мстислав бежал, и все утихло. Ростислав, посадив сына Святослава

на стол в Новгороде (1158), а Давыда на Новом Торгу, оставил Новгород с княгиней.

Между тем, дела на юге приняли совершенно другой оборот. Юрий, враг новгородцев, умер на киевском столе в 1158 году, 13 мая. Место его через некоторое время занял Ростислав смоленский, а в Суздале и Владимире мужественный сын Андрей, который вскоре стал для новгородцев гораздо тяжелее Юрия.

Андрей из отношений и действий своего отца Юрия понял, какое влияние он может получить на Новгород, имея в своих руках не только значительной частью его торговлю, но даже и пропитание, и, управившись с домашними делами, решительно объявил новгородцам: «Ведомо вам буди — хочу искать Новагорода добром и лихом; целуйте же крест мне, чтобы иметь меня князем себе, а мне добра вам хотети».

«И оттоле, говорит летописец, начашася новгородци мясти и вечи часто начаша творити». Почуяло их сердце, что приближается к ним от близкого Владимира туча, какой не видывали они еще от далекой Киевской Руси,

и что придется им когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей, сказав это слово, сделал первый шаг к Новгороду, проложив дорогу, по которой пошли неукоснительно его преемники, князья владимирские, а еще успешнее московские, и с которой Ивану Третьему осталось совершить только один шаг, уже последний, до Св. Софии.

Новгородцы не поладили со своим князем (1160), и через некоторое время на вече решили сказать ему: «Не можем держать двух князей, выведи брата Давыда с Нового торга». Святослав не хотел их сердить, и, выведя Давыда, отослал его к Роману в Смоленск. Новгородцы не удовлетворились. Через малое время они опять созвали вече на самого Святослава. Князь пребывал в Городище у Святого Благовещения, как прибыл к нему вестник сказать: «Князь, в городе деется великое зло, хотят тебя взять». Святослав отвечал: «Чем же я прогневил их? Вчера еще целовали они крест мне и отцу моему, иметь меня князем себе до живота моего». Нахлынуло множество народа. Они заперли князя в истопке, княгиню отослали в монастырь, дружину перевяза-

ли, а двор разграбили. Потом отправили князя в Ладогу.

Когда известие о том дошло до Киева, великий князь Ростислав в гневе велел перехватывать всех новгородцев, бывших по торговле в Киеве, и посадить их в Пересеченский погреб. Там ночью задохнулось четырнадцать человек. Ростислав, огорченный, велел на другой день выпустить их и развести по городам.

Чтобы привлечь на свою сторону Андрея, новгородцы прислали к нему просить его сына на княжение. Андрей предлагал им брата, от которого они отказывались, ибо он княжил у них прежде и почему-то не угодил им. Тогда Андрей прислал им племянника Мстислава Ростиславича, разумеется, на выгодных для себя условиях.

Вскоре, однако же, Андрей договорился о Новгороде с великим князем киевским Ростиславом, утвердившимся окончательно в Киеве, и вывел племянника, вместо которого посажен был опять Святослав Ростиславич.

Андрей за уступку выговорил себе Двинскую область.

Святослав княжил у них долго (1161–1167),

не в пример других князей, вероятно, потому, что они боялись выступить против воли великого князя владимирского Андрея и великого князя киевского Ростислава, которые действовали сообща и с которыми бороться было невозможно.

К тому же случился у них голод, нередкое их несчастье: «Все лето стояло вёдром, и пригорело жито, а на осень всю ярь убил мороз, зимою же стоял теплынь и часто шел дождь; кадка малая стоила семь кун. О, велика скорбь бяше в людях и нужда».

Наконец, новгородцы повздорили со Святославом (1166). Отец его, великий князь Ростислав, собрался к ним, чтобы уладить дело, но не мог добраться до Новгорода по причине болезни и велел сыну выехать с новгородцами на Луки. Новгородцы привезли многие дары и клялись ему не искать себе другого князя, кроме его сына, и разлучиться с ним только смертью.

Но прошло немного времени, и прежние неудовольствия возобновились еще с большей силой. Новгородцы вышли из терпения, и Святослав также. Он уехал от них на Луки и

прислал сказать им: «Не хочу княжить у вас». Они собрались на вече и поклялись между собой не хотеть Святослава. Пошли прогнать его с Лук и послали к киевскому великому князю Мстиславу Изяславичу, занявшему стол после смерти Святославова отца Ростислава, просить у него сына Романа. Слава о доблестях Мстислава внушила им надежду найти в киевском великом князе заступника себе против притязаний Андрея, тем более, что сам он также был не расположен к великому князю владимирскому.

Святослав, услышав, что идут на него, отошел из Лук к Торопцу и потом на Волгу. Андрей подал ему помощь, и он сжег Новый Торг. Новоторжцы отступили к Новгороду. Братья его, Роман и Мстислав, сожгли Луки.

Андрей соединился со смольнянами и полочанами. Они заняли все пути и перехватили послов новгородских, силой требуя Новгород принять Святослава. «Нет вам иного князя, говорили они, кроме Святослава».

Новгородцы крепились, убили посадника Захарию, Неревина, Незду бирюча, обвиняя их в сговоре со Святославом. Он подошел бы-

ло к Русе с суздальцами и прочими союзниками. Новгородцы поспешили навстречу с Якуном, и враги отступили. Якун и выбран был посадником.

Между тем, Даньславу Лазутиничу удалось с дружиной пробраться окольной дорогой в Киев и привести оттуда князя Романа Мстиславича, «14 апреля, во вторую неделю по великом дне, индикта 1 (1168), и рады были новгородцы своему хотению: они сидели без князя о Якуне от Семена дня до великого дня, ждуче от Мстислава сына».

Следовало ожидать войны с Андреем, который не мог стерпеть подобного оскорбления. Новгородцы вместе с псковичами сходили прежде на его союзников: пожгли Полоцкую волость, не доходя только тридцати верст до стольного города. На весну Роман сжег Торопец, смоленский город, и привел много пленников.

Даньслав Лазутинич, привезший новгородцам князя, отправился данником за волок в Двинскую область, захваченную Андреем. Суздальцы пытались было преградить ему дорогу, но были им разбиты, и он собрал всю

дань, так что заплатившие суздальцам должны были потерпеть вдвое.

Андрей решил прежде всего наказать великого князя Мстислава киевского. Многочисленная рать его, собранная всеми князьями русскими, покорными ему, явилась под Киевом. Мстислав, после короткого сопротивления, должен был искать спасения в бегстве, и победитель, старший сын Андрея Мстислав, посадил на киевский стол своего дядю, Глеба переяславского.

Покорив себе Киев, Андрей обратился к Новгороду. Собрались полки суздальские, ростовские и владимирские; князья рязанский и муромский прислали сыновей со своими ратями, смоленский с братом. «Толико бысть множество вой, что и числа их нетуть», говорит летописец. Андрей опять поручил их своему сыну Мстиславу, покорителю Киева, и главным воеводой назначил прежнего, Бориса Жидиславича.

Летописцы разделяют негодование Андрея. Им всем было как будто оскорбительно, зачем новгородцы живут не как прочие и могут распоряжаться своими князьями по своему

разумению. «Нельзя, говорят, оправдывать новгородцев тем, что они освобождены прадедами князей наших. Пусть это так, но разве передние князья велели им переступить крест и соромлять своих внуков или правнуков, целовать им крест и после изменять присяге? Злое наверстие в них вкоренилось. До которых пор Богу терпеть над ними! Вот и навел он наказание на них рукою благоверного князя Андрея».

Лишь только вступила рать в пределы новгородские, как и начала предавать все огню и мечу, воины жгли села, убивали людей, пленили жен и детей, похищали имение. На пространстве трехсот верст все было разорено и опустошено.

Новгородцы решили защищаться. Их молодой князь, тот славный Роман, что покорит впоследствии всю Волынь и весь Галич, приведет в ужас литву, запрягши ее в плуг, и распространит свои владения за Дунай и Карпаты, тогда еще юноша, у которого, разумеется, билось сердце на подвиг и рука рвалась на удар, ободрял их к сопротивлению. Ему уже хотелось попытать своей силы, потешиться в

битве, помериться с могучим противником.

Вместе с посадником Якуном, таким же молодцом, принялись они укреплять город и ворота, устраивать острог, расставлять сторожей, снаряжать ратных людей в ожидании неприятеля.

И вот они явились. Начались приступы. Суздальцы, уверенные в победе, уже поделили в уме между собой новгородские улицы. Три дня продолжались приступы. Роман успешно отражал все нападения; однако силы его начали ослабевать, число воинов уменьшалось, враги напирали сильнее и сильнее, казалось, что городу долго не удержаться...

Но у новгородцев был еще иной защитник, иной воитель. Это архиепископ Иоанн, муж праведный, который славился в народе многими великими подвигами веры. Между тем, как его соотечественники бились, проливали кровь и принимали смерть за Святую Софию, Иоанн молился, молился денно и ночью. Вдруг, на молитве, в тишине, ночью, послышался ему голос: «Иди в церковь на Ильине улице, возьми образ Божией Матери, поставь

его на забрале города, и вы узрите спасенье».

Поутру он поведал людям о полученном свыше откровении. Все исполнились радости и надежды, одушевились верой, пошли собором на Ильину улицу. Митрополит совершил молебное пение перед святой иконой. Потом повергся перед ней на колени и, плачущий, рыдающий, произнес молитву: «О Пречистая Мати, упование наше! Грешные, мы молимся Тебе со слезами — не предай нас!» С этими словами он взял ее на руки; казалось, она сама о себе подвинулась. Народ в умилении, в восторге, не мог выговорить ни слова и только восклицал: «Господи помилуй!» Архиепископ передал икону двум дьяконам, и торжественным ходом, со всем духовенством, под сенью хоругвей, в сопровождении народа, отнесли ее к укреплениям и поставили на стене. Там кипела отчаянная битва. Стрелы, как дождь, сыпались за стены. Вдруг одна ударилась в икону, и икона, рассказывают, повернулась к городу. Слезы потекли из очей Божией Матери, кои архиепископ принял на свой фелонь. Новгородцы получили «якобы некую силу дерзости». В то же время туман покрыл

суздальцев: они, не видя, начали убивать друг друга. Новгородцы бросились из укрепления и довершили поражение. Вся осаждающая рать обратилась в бегство (1170).

Множество суздальцев попало в плен, так что продавались они в Новгороде по две ноги. Остальные, возвращаясь по разоренным местам, терпели ужасный недостаток в продовольствии: иные умирали с голода, другие в Великий пост ели конское мясо.

Новгородцы приписали свое спасение от такой многочисленной рати заступничеству Пресвятой Богородицы и, в изъявление своей благодарности, положили праздновать ежегодно, 27 ноября, ее честному знамению, что после исполнялось ими уже вместе со всей православной церковью — однако же долго кроме Суздаля!

Андрей не достиг своей цели, рать его была разбита, он, казалось, должен был уступить, — но нет, побежденный, он все-таки остался победителем, и уступили новгородцы, а не он. Сила его уже не зависела от случайностей. Новгородцы вскоре должны были указать путь от себя своему храброму защит-

нику, князю Роману, и прислали к Андрею просить о мире и князе. Ужасная дороговизна возникла у них вследствие разорения, недостатка в подвозе из соседних, Андрею подчиненных, областей, или неурожая: кадь ржи продавалась почти по 4 гривны, хлеб по две ногаты, а пуд меда по 10 кун.

Андрей, довольный их покорностью, дал им Рюрика, брата умершего, между тем, Святослава Ростиславича, из-за которого он начал войну.

Рюрик прожил у них недолго, недовольный, кажется, своим положением; неудовольствие его обнаружилось отнятием посадничества у Ярослава, преданного Андрею, который и бежал к нему в Суздаль. Андрей не поладил и с прочими Ростиславичами. Рюрик уже не мог оставаться в Новгороде и поспешил оттуда вон, а новгородцы послали к Андрею просить себе князя (1171).

Андрей прислал сначала посадничать того же Жирослава, прибежавшего от Рюрика под его покровительство, а потом дал своего младшего сына Георгия (1172). Новгородцы слушались его во всем, и сам архиепископ

Иоанн, который столько прославился во время последней осады города, приходил к нему во Владимир.

Новгородцы ходили по зову Андрея со своим молодым князем, Георгием Андреевичем, на помощь его полкам под Киев против Ростиславичей.

Таким образом, они почти совершенно подчинились великому князю суздальскому, как вдруг он был убит в Боголюбове своими приближенными, составившими против него тайный заговор (1174). Новгородцы обрадовались, разумеется, избавившись от сильного противника, надеясь освободиться из-под ненавистной власти.

Во Владимире произошли смятения. Дружины выбрали себе в князья племянников Андрея, сыновей его старшего брата Ростислава, шуринов рязанского князя Глеба. Они не смогли утвердиться и вынуждены были уступить дядям, Михаилу и Всеволоду, младшим детям Юрия Долгорукого.

Ростиславичей приняли к себе новгородцы, незадолго перед тем выгнавшие Андреева сына Георгия. Они рассчитывали, что враги

великого князя суздальского лучшие для них друзья и помощники.

Мстислав Ростиславич женился в Новгороде, взяв за себя дочь посадника Якуна Мирославича. Его вызвали, однако же, вскоре ростовцы, после смерти Михалка, и оставил в Новгороде своего сына.

Эта война также была несчастлива для Мстислава, и он должен был вернуться в Новгород, но новгородцы указали ему путь вместе с сыном Святославом (1176): «Ты ударил пятою Новгород, и пошел на стрыя своего Михалка, поваблен ростовцами; Михалка Бог поял, а с братом его Всеволодом рассудил тебя: чего же тебе у нас надо?» Мстислав ушел в Рязань.

Новгородцы взяли у Всеволода племянника, Ярослава Мстиславича. Глеб рязанский, его шурины начали со счастливым владимирским князем новую войну, но все были побеждены и взяты в плен.

В следующем, однако же, году (1177) они были отпущены в Русь и с дороги повернули в Новгород. Новгородцы опять посадили у себя на столе Мстислава, брата его Ярополка в

Новом Торгу, а Ярославу Мстиславичу дали Ламский Волок.

Война с великим князем суздальским, который все более и более оказывался достойным преемником своего брата Андрея, была неизбежна. Вскоре он пришел под Торжок. Жители обещали дань и медлили. Дружина побудила князя взять город приступом. Город был сожжен, люди пленены, имущество взято на щит за новгородское непокорство. Ярополк бежал.

Отправив пленников к Владимиру, Всеволод обратился к Волоку Ламскому. Выручив прежде князя, племянника, он пустил людей на вороп, и город был сожжен.

Мстислав вскоре умер в Новгороде. После его смерти новгородцы перевели к себе Ярополка, бежавшего из Торжка.

Всеволод рассудил за благо принять прежние меры в отношении новгородцев и велел перехватить новгородских купцов, торговавших в его волости.

Новгородцы тогда изгнали Ярополка, привели к себе Романа смоленского, который прожил у них несколько месяцев, и они по-

слали в Русь за Мстиславом, братом его. Мстислав отказывался, говоря: «Не могу идти из своей отчины и разойтись с своею братьею». Но братья и мужи уговорили его исполнить желание новгородцев: «Иди, брат, если тебя зовут с честью. Разве Новгород не наша отчина?» Мстислав послушался, думая вернуться при первом случае в Русскую землю. Он пришел в Новгород с боярами новгородскими и был принят с великой честью 1 ноября.

Через некоторое время Мстислав созвал новгородских мужей и предложил им идти на чудь и отмстить поганым за их обиды. Новгородцы были очень рады и собрались вслед за своим князем (1179). Мстислав опустошил Чудскую землю и возвратился, приведя много челяди и скота. Возвращаясь от чуди, он зашел в Плесков, захватил сотских, не хотевших племянника его Бориса, и договорился с людьми.

Проведя зиму в Новгороде, пошел весной на своего зятя Всеслава в Полоцк, возвратив один погост, заведенный за Полоцк Всеславом первым сто лет назад, да сосуды церковные и ерусалим, им же захваченные. Когда

пришел он на Луки, намереваясь отомстить за эту старую обиду, то его старший брат, Роман смоленский, прислал к нему мужа сказать: «Обиды тебе до Всеслава нет, а если хочешь идти на него, то пойдя прежде на меня». Всеславу же послал Роман помощь с сыном Мстиславом. Мстислав не захотел поступить наперекор старшему брату и возвратился в Новгород.

Там он занемог и, приказав дитя свое, Владимира, Борису Захарьичу, поручая его с властью братьям Рюрику и Давыду, 13 июня в пятницу (1180) скончался и положен в той гробнице, где лежит Владимир, сын Ярослава. Новгородцы искренне оплакали его, приговаривая: «Не пойдём мы больше с тобой, господине, в иные земли, поработать поганых в область Новгородскую. Тебе хотелось, господине, всех поганых привести под нашу волю, ты отмстил им за наши обиды, как и дед твой Мстислав. Ему поревновал ты, господине, и наследил путь деда своего. Теперь не увидим тебя больше, господине, и солнце наше закатилось». Так, говорит летопись, плакало над ним все население новгородское — сильные и

худые, нищие и убогие. Дружина предана была ему безгранично, он всегда уступал ей всю добычу и речами своими подавал дерзость воинам своим. Не только новгородцы, но вся земля Русская не могла забыть его доблести. И черные клобуки его долго помнили. Не было никакой страны, которая не любила бы его и не желала бы иметь своим князем: «всегда бо тосняшеться на великия дела».

После смерти Мстислава новгородцы посылали в Русь к новому врагу Всеволода, великому князю Святославу Всеволодовичу, который прислал им сына Владимира, пришедшего в Новгород 17 августа (1180).

Он водил новгородцев в помощь отцу своему против Всеволода, и они принимали значительное участие в походах и битвах на реке Влене, верстах в сорока от Переяславля. На обратном пути великий князь киевский навел сына в Новгороде.

Ярополк опять получил Новый Торг и тотчас начал воевать Поволжье.

Между тем, как новгородцы пошли провожать Святослава к Дрютеску, Всеволод со всем полком своим, с муромцами и рязанца-

ми, пришел к Торжку. Новоторжцы затворились и сидели пять недель. Ярополк был ранен стрелой, а жители умирали с голода за недостатком корма. Город был сожжен, и жители, вместе с князем, скованные, отведены в плен.

Новгородцы, после всех неудачных опытов, вынуждены были смириться, указали путь Владимиру и просили себе князя у Всеволода. Тот дал свояка своего, Ярослава Владимировича (1182).

Новый князь прожил у них около трех лет и «негодоваху ему новгородцы, зане много творяху пакости волости Новгородстей». Всеволод вывел его (1184), и они испросили у Давыда смоленского сына Мстислава, который прожил у них года два, но, видно, было им тягостно оставаться не в ладах с великим князем суздальским, и они опять обратились к нему с просьбой (20 ноября 1181 г.) об Ярославе, который остался у них теперь уже очень долго, разумеется, в силу покровительства Всеволода.

Ярослав ходил с ними на финские племена несколько лет кряду, может быть, также по

указу Всеволода.

Новгородцы вознегодовали за что-то на своего князя и снарядили посольство к Всеволоду, Мирошку посадника, Бориса Жирославича, Никифора сотского — просить у него сына. Всеволод задержал посольство у себя во Владимире.

В следующем году новгородцы послали к Всеволоду новое посольство, просить, чтобы он отпустил к ним задержанного посадника Мирошку, Иванка, Фому и прочих мужей. Он, собравшись на Чернигов, велел новгородцам идти с Ярославом на Луки, а задержанных послов повел за собой. Войны не было, и Всеволод отпустил новгородцев с Лук домой, сказав им, чтобы они выбирали себе князя, где хотят, «а Новгород выложиша вси Князи в свободу, и деим любо, туже себе Князя поймають». Возвратившись во Владимир, он отпустил Фому, а Мирошка и Иванка не отпустил. Новгородцы разгневались и послали за князем к черниговскому Ярославу Всеволодовичу, просить у него сына, а Ярославу «показали путь» осенью на Юрьев день и сидели всю зиму без князя, «и жаляху по нем в Новегороде

добрии, а злии радовахуся».

Ярослав пошел на Новый Торг, и новоторжцы приняли его с поклоном. Он забрал дани по всему верху, по Мсте и за Волоком; Всеволод велел хватать всех новгородцев за Волоком и по всем волостям своим и содержал их во Владимире, где они, впрочем, ходили вольно.

Ярослав пришел из Чернигова «на вербницу, настанущю лету Мартом месяцем (1197)». Он просидел шесть месяцев одну (только), от вербницы до Семенова дни (Симеона Столпника). Новгородцы выгнали его и послали за Ярославом, который был в то время позван великим князем Всеволодом во Владимир. Во Владимир было снаряжено особое посольство, лучшие мужи и сотские, которые приняли Ярослава со всей правдой и честью. Ярослав пришел на зиму по крещении за (через) неделю (1198), и «седе на столе своем, и обуяся с людьми, и добро все бысть. И Мирошка приде посадник, седев два лета за Новгород, и вси приидоша неврежени ничим же, и ради быша Новегороде вси от мала и до велика».

Этот год проведен был деятельно. Ярослав посадил сына Изяслава княжить на Луках, — оплечье Новгороду от литвы. На осень приходили полочане с литвой и пожгли хоромы, но лучане удержались в городе.

В отмищение Ярослав ходил на зиму с новгородцами, плесковичами, новоторжцами, ладожанами и всей областью Новгородской на Полоцк. Полочане встретили их с поклоном на озере Каспле, и мир был заключен.

В 1199 году великому князю Всеволоду вздумалось вывести Ярослава из Новгорода и прислать туда сына, чего желали недавно новгородцы и в чем он им решительно отказывал. Он велел владыке Мартирию, посаднику Мирошке и лучшим мужам приехать к нему во Владимир за сыном. Разительное доказательство его власти! На озере Серегере архиепископ Мартирий скончался, тело его было отвезено в Новгород к Св. Софии, а посадник Мирошка и мужи прибыли к Всеволоду и сказали: «Ты господин князь великий, Всеволод Юрьевич, просим у тебя сына княжить Новгороду, зане отчина тебе и дядина Новгород». Всеволод принял послов с великой

честью, утвердил честным крестом на всей воле своей и дал им в князя Святослава, еще младенца четырехлетнего. Согласившись с посадником, Всеволод дал новгородцам также архиепископа Митрофана, который поехал в Киев на поставление в сопровождении новгородских и Всеволодовых мужей.

Внутри все успокоилось, а вне происходило смятение: литва опять набежала (1200), взяла Ловоть и прошла до Чернян. Новгородцы погнались за ними и побили 80 человек, остальные бежали, а из своих пало 13: Рагуил Прокопьянич с братом Олексою, Гюргя Сбыкшинич, Ратмир Нежатинич, Страшко серебряник весец, Внезд Ягинич, Лука, Мирошкин отрок, Микита Лазаревич, Жирошка Огасович, Осип подвойский, Роман Пъкт и еще четверо. Добыча была отбита.

В том же году Нездило Пыхтинич послан был на Луки воеводой. Он ходил из Лук с малой дружиной на лотыголу набегом. Кто с Молбович не пошел с ними, с тех, избивши, взяли кун. Новгородцы застали людей врасплох. Убито было 40 человек, а жены и дети взяты в плен.

1201 года, в сентябре, возвратился архиепископ Митрофан, ходивший на поставление в Киев с новгородскими и Всеволожими мужами.

Варяги отпущены были без мира за море, а на осень пришли они горою (по сухому пути) на мир, и дан им был мир на всей воле новгородской.

В 1203 году великий князь Всеволод прислал в Новгород своего старшего сына: «В земле вашей рать ходит, а князь ваш, сын мой, Святослав, мал. Я даю вам старшего моего сына Константина, и рад бысть весь град моему хотению».

В 1208 году приходил Лазарь, Всеволодов муж, из Владимира, и Борис Мирошкинич, и велел Всеволод убить Олексу Сбыславича на Ярославовом дворе, и он был убит в субботу 17 марта, на Святого Алексия. «А заутра плака Святая Богородица у Св. Якова, в Неревском конце».

Все эти события ясно показывают, что Новгород лишился на время своей независимости, и великий князь Всеволод делал там что хотел, к великому негодованию, хотя и тайно-

му, новгородцев.

В 1209 году они с князем Константином, позванные, пришли к Всеволоду, который собирался идти на Чернигов. Все войско собралось на Оке. Обстоятельства изменились, и Всеволод вместо Чернигова повернул на Рязань и осадил Пронск. Взяв город, он заключил мир и отошел прочь. На обратном пути он отпустил новгородцев с Коломны, «одарив без числа, и вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотяху новгородцы, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казните». Сына Константина и посадника Димитрия Мирошкинича он оставил у себя, с семью лучшими мужами. В Новгороде, по возвращении рати, произошло сильное смятение, как бы в исполнение прав, возвращенных Всеволодом. Было созвано вече на посадника Димитрия и братьев его: они обвинялись, «яко ти повелеша на Новогородьцих сребро имати, а по волости куны брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло». Люди бросились на дворы их, зажгли Мирошкин и Дмитров, «поимали житие их, а села и челядь распродали, изъискали все сокровища, а избыток раздели-

ли по зубу, по три гривны по всему городу и на щит, а кто тайком что взял, про то один Бог ведает». Многие разбогатели. «Что на досках было, то оставлено князю». Вскоре посадник Димитрий умер во Владимире, и тело его было привезено в Новгород. Раздраженные новгородцы хотели сбросить его с моста, но архиепископ Митрофан не допустил и похоронил его честно у Св. Юрия в монастыре возле отца. Святослав, сын Всеволода, прибыл в Новгород в неделю мясопустную. Новгородцы отдали ему доски Димитриевы, «а бяше на них без числа», и поцеловали крест честный: «яко не хотим у себе держати дети Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твердислава Станиловича и Овстрат Домажировича», — и князь отослал их к отцу в заточение, «а на инех серебро поимаша без числа». Посадничество дано Твердиславу Михалковичу.

Милостивые слова Всеволодовы, как и прежние, ясно стало, не имели никакого положительного смысла; он продолжал смотреть на Новгород, как на подвластный ему город.

Новгородцы, не привыкшие к такому обра-

зу действий, роптали, скорбели, и жалобы их разносились всюду. И вот услышал их удалой князь, Мстислав Мстиславич, сидя в своем Торопце. Что же? Он вздумал вступить за Новгород (где княжил недавно его отец, любимец новгородцев) и со своей малой дружиной пришел в близкий Торжок.

Там, не говоря ни слова, не объявляя никому причины, захватывает он посадника и бояр Всеволодова сына, княжившего в Новгороде, Святослава, налагает на них оковы, берет имение, до чего рука дошла, и посылает сказать новгородцам: «Кланяюсь Святой Софии и гробу отца моего — и всем новгородцам. Я услышал о насилье, что вы терпите от князей. Мне жаль стало моей отчины — и вот пришел я к вам на помощь». Новгородцы обрадовались без памяти такому заступнику, недуманному, не гаданному. Без размышления, без соображения о том, будут ли они в силах бороться с могущественным Всеволодом, они тотчас принимают предложение Мстислава и отправляют к нему почетное посольство: «Приходи, князь, мы ждем тебя». А сына Всеволода сажают на Владычнем дворе под стра-

жу со всеми его мужами, пока управятся с отцом.

Мстислав пришел в Новгород и был торжественно посажен на столе. Новгородцы ликовали. Но деятельный Мстислав не думал о пирах и весельях, а собрав войско, поспешил навстречу Всеволоду, от которого надо было опасаться сильного нападения за кровную обиду...

Но старому князю, перед скорой смертью, жаль или страшно стало за свое милое детище: он искренне или притворно укротился. «Ты мне сын, прислал он сказать Мстиславу, а я тебе отец. Пусти ко мне Святослава и мужей его, отдай, что захватил, а я отпущу гостей новгородских с товарами». Мстислав согласился, и они примирились. Таким образом, торопецкий князь стал князем новгородским, и счастье объявило себя на его стороне.

Но он был осторожен и боялся поверить, чтобы великий князь суздальский уступил ему так дешево Новгород и забыл обиду. Тогда же осмотрел границы и распорядился везде для обороны: где велел срубить город, где определил надежного посадника, Луки пору-

чил брату, Владимиру псковскому, а сам стал на опасном месте, в Торжке.

Наконец, убедившись, что со стороны Суздальского княжества ему опасаться нечего, Мстислав начал ходить с мечом по соседям, которые давно не видели русских воинов.

В 1212 году напал он на чудь, «рекомую торму» (в Дерптском уезде), и возвратился с богатой добычей, пригнав множество скота.

На зиму ходил он еще на другую чудь и подступил к Медвежьей Голове. Жители вышли из города и поклонились князю. Он взял с них дань и дал им мир.

Потом (1214) с псковским и торопецким князьями ходил Мстислав на третье племя чуди, ереву (в уезде Вейсенштейнском Эстляндской губ.), прошел всю Чудскую землю до моря и осадил город Воробиин (Верпель, в Викском уезде, Эстляндской губ.) Чудь еревская покорилась ему так же, как и торма. Он взял дань, отдал две части новгородцам, а третью своим дворянам.

Не успел он вернуться в Новгород, как явились к нему послы от братьев: Всеволод Чермный, твердый в своем намерении, выгонял

остальных Ростиславичей из Руси за то, что они будто содействовали гибели двух Олеговичей в Галиче. «Поди к нам, звали изгнанники своего брата, поищем нашей отчины. Всеволод Святославич не творит нам части в Русской земли». Мстислав созвал вече на Ярославле дворе и обратился к новгородцам с просьбой идти к Киеву на Всеволода. «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросим», отвечали они любимому князю, и Мстислав собрался с ними, не медля, в поход. Полки благополучно дошли до Смоленска. Здесь случилась ссора у смольнян с новгородцами, которые убили одного смольнянина и потом отказались идти за князем. Князь стал звать их на вече — разобрать дело вместе. Они не шли. Тогда Мстислав, «целовав всех», поклонился им, пожелал доброго здоровья и ушел в поход один со своей дружиной.

Новгородцам стало совестно; они сотворили вече о себе и начали гадать. Посадник Твердислав сказал: «Братцы, деды и отцы наши страдали за Русскую землю. Пойдем и мы». И новгородцы догнали Мстислава, помирились с ним, продолжили путь вместе, до-

стигли неприятельских волостей, разорили по Днепру Черниговские города, взяли Речицу. Наконец, подступили они под Вышгород и начали биться. Мстислав одолел, и Всеволод бежал за Днепр. Вышгородцы отворили ворота. Мстислав тотчас вступил в Киев, посадил на стол своего двоюродного брата, Мстислава Романовича, и пошел к Чернигову, преследуя врага. Двенадцать дней продолжалась осада. Всеволод смирился перед противником, отказавшись от своих притязаний. Князья заключили мир, и новгородцы, осыпанные подарками с князем, вернулись домой.

Мстислав недолго остался с ними. Побывав на Руси, он увидел и услышал много нового, особенно по галицким делам, и решил попытать своего счастья. Вскоре по возвращении он созвал вече на Ярославовом дворе и распрощался с новгородцами, сказав им: «Есть мне орудья в Руси, и вы вольны в князьях».

Новгородцы избрали (1213) зятя Мстислава, сына Всеволода, великого князя суздальского, который, жестокий враг их, незадолго перед тем умер (1212), оставив свой стол второму сыну Георгию, помимо старшего Кон-

стантина. Этот выбор был очень неудачен. Ярослав не походил на Мстислава. Гордый, раздражительный, упрямый, мстительный, он не мог ужиться с новгородцами. Вскоре начались у них распри; Ярослав управлялся по-своему и, наконец, уехал от них в Торжок, близкий к его Твери. Новгородцы послали к нему послов с объяснениями и приглашениями: он, не отвечая ни слова, задерживал послов, хватал везде купцов с их товарами, а в Новгороде случился на ту пору ужасный голод и дороговизна хлеба, так что бедные жители продавали детей своих гостям в рабство. Ярослав не пускал туда ни одного воза с хлебом, и новгородцы, не зная, что им делать, опять послали послов, и опять Ярослав задержал их, и в третий раз также, «и бысть в Новегороде печаль и вопль...»

Вдруг, откуда ни возьмись, появляется между ними дорогой их Мстислав. Трудно описать их удивление, а радости было еще больше. «Кланяюсь святой Софии, возговорил он зычным голосом, созвав вече, я услышал о ваших бедах. Либо ворочу вам ваших мужей и ваши волости, либо повалю головою за Нов-

город». Новгородцы были в восторге. Князь поцеловал им крест, они ему — на живот и смерть. Наместник Ярославов был тут же взят, а бояре его закованы.

Когда пришла весть к Ярославу, что случилось в Новгороде, и кто туда пожаловал, он понял, что дела примут другой оборот и что надо думать уже и о себе: укрепил город, засек все пути от Новгорода, запер реку Тверцу, а в Новгород послал сто новгородских мужей из числа им захваченных, чтобы они старались всячески выжить оттуда Мстислава. Мужики взялись, но, приехав к себе домой, отреклись от Ярослава и стали со всеми своими заодно против общего врага, о котором теперь никто и слышать не хотел.

Мстислав был готов, впрочем, кончить с ним дело полюбовно и послал к Торжку попа Юрия со своим мужем сказать ему: «Сыну, кланяюсь тебе! Мужей моих и гостей пусти, а сам с Торжка иди и возьми со мной любовь».

Ярослав упорствовал и отпустил попа без мира, а новгородцев созвал всех на поле за город, в мясопустную субботу, мужей и гостей, числом больше двух тысяч, оковал и разослал

по своим городам, конями их и товарами наделил своих и стал готовиться встретить Мстислава, надеясь на помощь своего брата Георгия, великого князя суздальского, сторону которого он держал против старшего Константина.

Тяжело приходилось новгородцам. Лучшие их люди были схвачены, меньшие разошлись от города по сторонам. Много умерло. Налицо было мало, — и те, растревоженные, упали духом. Один Мстислав не унывал. Он созвал вече на Ярославовом дворе, поговорил и прогнал робость. «И в многе, братья, Бог, и в мале Бог, и в правде. Да не будет Новгород Торжком, ни Торжок Новым городом. Где святая София, там Новгород. Пойдем же искать мужей своих — вашей братьи и волости».

На новый год, 1 марта, во вторник на чистой неделе (1216), выступил Мстислав на зятя своего Ярослава, — но по другой дороге, по которой тот не ожидал его: озером Селигером (успех был так невероятен, и опасность была так велика, что через день из Новгорода бежало несколько мужей, переступив крест, к Ярославу, с женами и детьми). Мстислав, при-

дя в свою волость, послал людей запастись кормом для себя и для коней, что и было исполнено. Он уже стоял в верховьях Волги, когда услышал, что деятельный Ярослав прислал и в эту сторону брата Святослава с многими воинами осаждают Ржевку, его городец в Торопецкой волости, где затворился и отбивался Ярун с сотней воинов. Мстислав поспешил к нему на помощь со своими пятьюстами (вот все его ополчение), но осаждавшие удалились еще прежде. Тогда Мстислав, вместе с братом Владимиром псковским, двинулся вперед и взял Зубцов на Вазузе. Там присоединился к нему еще союзник, двоюродный брат, князь Владимир Рюрикович, со смолянянами, и они пошли по Волге. Остановившись на Холохольне, князья повторили Ярославу предложение о мире. «Мира не хочу, отвечал им гордый, вы пошли, — ну, и идите, и изо ста человек не останется у нас по одному». «Так и быть, сказали промеж себя князья, ты, Ярослав, с плотью, а мы с честным крестом».

Новгородцы советовали князьям идти на Торжок. «Нет, не годится, отвечали они, если

пойдем на Торжок, то мы попустошим Новгородскую волость, а мы лучше поворотим к Твери». Они повернули к Твери и начали жечь села...

Ярослав, услышав о разорении своей волости, оставил Торжок и, забрав старейших бояр и молодых новгородцев по выбору, а новоторжцев всех, переехал в Тверь, чтобы ее защитить. Посланные им вперед сто избранных мужей наткнулись в 13 верстах от города на соединенных князей, которые, расставив полки, создавали вид рати великой. Ярун бросился на них, большая часть сторожей полегла, другие взяты в плен, и немногие спаслись бегством назад в Тверь.

Но Мстислав не думал идти туда, а устремился в другую сторону. «Пойдем к Переяславлю», сказал он князьям. Этот путь был далек, идти трудно, но там дожидался его, как говорил он, третий друг.

Кто же был этот друг, на которого мог надеяться Мстислав? Константин, сын Всеволода, старший брат Ярослава и Георгия, который с досадой сидел в Ростове и ждал случая отнять у младшего брата Владимир, принад-

лежавший ему по праву. Если Юрий был за Ярослава, то по одной этой причине Константин должен был взять сторону Мстислава. Так рассчитывал последний и не ошибся в расчете.

Князя обошли Тверь низом, прошли Шошу и Дубну и отправили к Константину боярина Яволода, которого пошел провожать на рубеж Владимир псковский с псковичами и смольнянами. Они шли по Волге, воюя, взяли и сожгли город Коснятин и все Поволожье. Там встретил их из Ростова воевода Еремей и сообщил: «Князь Константин кланяется вам; он рад, слыша о вашем приближении. Вот вам от него пятьсот мужей, а вы пошлите к нему от себя со всеми речами шурина его Всеволода». Они отправили к нему Всеволода и продолжали идти вниз по Волге, потом повернули к Переяславлю, побросав возы и сев на коней. 9 апреля, на Велик день, в городище на Сарре, присоединился к ним сам Константин Всеволодович. Они обрадовались, свидевшись, и поцеловали крест, спеша вместе к Переяславлю, — но Ярослава там уже не было. Он ушел к брату Георгию во Владимир. Кня-

зья повернули туда.

Новгородская война принимала другое значение. Междоусобие перенеслось в пределы Суздальского княжества, до того свободно от войн. Дело пошло не об одном высвобождении новгородских мужей и споре между Мстиславом и Ярославом, а о столе великого княжества: кому сидеть — старшему Константину, имевшему право, или младшему Юрию, которому отдал отец.

Ярослав и Юрий стояли на реке Кзе, а Мстислав и Владимир с новгородцами поставили своих близ Юрьева; Константин дальше, на реке Липице. Решительный час наступал.

Как ни смел и запальчив был Мстислав, однако, увидев полки Юрия и Ярослава, счел, что силы у них далеко не равны, и еще раз попробовал заключить мир. Он послал Лариона сотского к своим противникам, сказать князю Юрию: «Кланяемся. Обиды нам с тобою нет, обида нам с Ярославом». Князь Юрий отвечал: «Брат Ярослав и я едино есмя». Князю Ярославу посол сказал от Мстислава: «Пусти мужей новгородских; что зашел волости Новгородской, Волок, ворота и мир с нами возь-

ми; крест нам поцелуй». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли и попали как рыба на сухо».

Ларион принес ответ того и другого брата своим князьям. Тогда они послали к обоим братьям вместе последнюю речь: «Братья княже Юрий и Ярослав! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Бог крови творити. Управимся так. Мы все один род, отдадим старейшинство князю Константину». Ответ последовал отрицательный, и надо было готовиться к битвам.

Мстислав и Владимир так воодушевляли своих воинов: «Братья, мы вошли в землю сильную: станем крепко. Назад оглядываться нечего; побегше не уйти! Позабудем же дома, жен и детей. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Биться будем, кто хочет пеший, кто хочет на коне». Новгородцы закричали: «Не хотим измерети на конях, но как отцы наши на Колокше будем биться пеши», — соскочили с коней, сбросили с себя платье, разулись, — и кинулись вперед пешие. Мстислав был тому очень рад. Смольняне бросились также пешие. За ними послал князь Влади-

мир своего мужа, Ивора Михайловича с полком, а сами князья и воеводы следовали сзади на конях.

Исход сражения и последующие события принадлежат более к истории Владимирского княжества, чем Новгородского.

Мстислав с новгородцами и Константином ростовским одержали решительную победу, 21 апреля, в четверг, на второй неделе по Пасхе.

В битве суздальцев и переяславцев пало без числа, а из новгородцев только: Дмитр Плесковитин, Антон котельник, Иванко Прибышинич опонник, да при преследовании Иванко попович, Семьон Петрилович, Терский данник.

«Сильные полки победили они, говорит летописец, взяли свою честь и славу».

Война закончилась: Константин посажен был на столе во Владимире, а Георгий получил себе во владение городок Радилов. Князья и новгородцы были щедро одарены.

Определив все условия, союзные князья разошлись: Мстислав к себе домой в Новгород, Константин во Владимир, Владимир

один в Псков, другой в Смоленск.

Мстислав забрал всех новгородцев, что были с Ярославом в полку, — и пришли в Новгород все целые.

Можно себе представить, какая радость была в Новгороде, когда все мужи приехали из долгого плена, волости возвращены, и тяжкая власть суздальская над ними была уничтожена. Они вспомнили старое время, и дорог им стал Мстислав еще более. Но радовались они недолго, недолго отдыхал у них мужественный витязь.

Посадником вместо Гюргия Ивановича был поставлен Твердислав Михайлович.

На следующий год (1217), оставив в Новгороде княгиню и своего сына Василия, Мстислав уехал в Киев и взял с собой Гюргия Ивановича, Сбыслава Степаныча, Алексу Путиловича.

Литва воевала по Шелони. Новгородцы отправились на них с князем Владимиром, который был у них проездом, и посадником Твердиславом, но не настигли. Потом они осадили Медвежью Голову. Чудь явилась к ним с поклоном, а между тем послала за немецкой

помощью. Новгородцы, отойдя далеко от лагеря, начали обсуждать с плесковичами речи чюди, а те, между тем, напали на лагерь. Новгородцы поспешили с веча, схватились за оружие и выбили их из стана. Немцы побежали к городу. Новгородцы убили двух воевод, а третьего взяли в плен. Коней отняли семьсот.

Во время этого похода Мстислав вернулся в Новгород и захватил Станимира Дерновича с сыном Нездилою, заключил в оковы, взял имение, но потом отпустил.

Был в Новгороде большой пожар 31 мая, от Ивана Ярышевича, и сгорел весь посад, не осталось ни одного дома; огонь проник и в каменные церкви, где хотели укрыться некоторые с добром. Церквей сгорело 15, у каменных обгорели верхи и притворы. В варяжском соборе погибло варяжского товара без числа.

В 1218 году Мстислав ходил в Торжок и взял Бориса Некуришинича, отнял много добра и потом отпустил его. Вскоре, созвав вече на Ярославовом дворе, он сказал: «Кланяюсь Св. Софии, и гробу отца моего, и вам всем. Хочу искать Галича, но вас не забуду никогда. Приведи меня Бог лечь у Св. Софии подле от-

ца. Прощайте». Новгородцы много и долго уговаривали Мстислава, который сделал им столько добра и так пришелся им по нраву, которого они так любили, к которому так привыкли. «Не ходи, князь, молили они его печальные, останься с нами, куда тебе», и никак не могли убедить. Он распростился с ними и уехал искать новых опасностей и новых подвигов в стороне, совершенно противоположной Суздалью и Новгороду — в Галиче.

Новгородцы послали в Смоленск за Святославом Мстиславичем, который пришел к ним 1 августа.

Спокойствие было непродолжительно. На зиму бежал Матвей Душильевич, связав Моисеица, «бирюча ябеднича». Он был настигнут и приведен в Городище. В городе распространилась ложная молва, что Матвея выдал князю посадник Твердислав. Онополовцы зазвонили у Св. Николы и звонили всю ночь, Неревский конец, у Сорока Святых, «также копяче люди на Твердислава. Князь, учюв голку (услыша шум) и мятеж, отпустил Матвея». Онополовцы поднялись все в доспехах, даже дети, как будто на войну, неревляне

также, а загородцы не вставали ни за тех, ни за других, ожидая конца. Твердислав, воззря на Святую Софию, сказал: «Если я виноват, да буду ту мертв, а если я прав, так оправь меня Господи», — и пошел с Людиным концом и с Пруссами, и началась сеча у городских ворот, одни побежали на онпол, а другие в конец. Мост разобрали, и ониполовцы переправились в ладьях. Из Пруссов убит один муж, из кончан другой, из ониполовцев Иван Душилькевич, брат Матвеев, из Неревского конца Коснятин Прокошинич и еще шесть мужей, ранено же множество народа. Это случилось 27 января 1219 года. Веча не прекращались целую неделю. Князь Святослав прислал, наконец, своего тысяцкого на вече сказать: «Не могу быть с Твердиславом и отнимаю от него посадничество». Новгородцы спросили: «В чем же его вина?» Святослав отвечал: «Без вины». Твердислав сказал: «Я рад, что вины за мною нет, а вы, братья, вольны и в посадничестве, и в князьях». Тогда новгородцы дали такой ответ: «Княже, оже нету вины его, ты нам крест целовал без вины мужа нелишити, а тебе ся кланяем, а се наш посад-

ник, а в то ся не вдадим», — и князь уступил, и «бысть мир».

Святослав ходил с Владимиром псковским на леттов и ливов. Они проникли до нижней Аа, но были отражены и должны были вернуться вследствие нападения литвы на Псков.

В следующем году Мстислав Романович прислал в Новгород своего младшего сына Всеволода, говоря: «Примите Всеволода, а Святослава старейшего пустите ко мне». Новгородцы исполнили его волю.

Зимою Семьюн Емин, с четырьмя сотнями, ходил на Тоймакары. Но великий князь владимирский Юрий, занявший после смерти старшего брата Константина и брат его Ярослав переяславский не пустили их через свою землю. Они возвратились в ладьях и стали, «на зло», шатрами по полю, взводя на Твердислава и Якуна тысяцкого, будто они засылали к Юрию поверенных с советом не пропускать новгородцев. Город взволновался, и посадничество было отнято у Твердислава и дано Семену Борисовичу, а тысяцкое у Якуна и отдано Семьюну Емину.

Всеволод ходил с новгородцами к Пертуеву (Пернау). Немцы, литва и ливь встретили сторожей и бились, победа осталась на нашей стороне, но без всякой пользы.

Вернувшись от Пертуева, они отдали посадничество Твердиславу и тысяцкое Якуну.

Антоний, архиепископ новгородский, отлучился в Новый Торг; новгородцы в отсутствие его ввели сверженного Митрофана опять на стол, а Антонию послали сказать: «Иди куда хочешь». Антоний ушел в монастырь Св. Спаса в Нередицах. Тогда новгородцы одумались и сказали Митрофану и Антону: «Идите к митрополиту, и кого он назначит, тот и будет нашим владыкой». С ними были отпущены два попа: Вассиан и Борис.

В 1220 году возвратился архиепископ Митрофан; Антонию же, удержанному митрополитом у себя, дана епископия перемышльская.

Всеволод ходил «своим орудием» (по своему делу) в Смоленск и, вернувшись, рассерженный без вины на Твердислава, хотел убить его. Князь пришел с Городища на Ярославов двор, со всем двором своим, в полном

вооружении, в бронях, как бы на войну. Новгородцы также собрались с оружием и стали полком на княжем дворе. Твердислав был болен, и его привезли на носилках к Борису и Глебу. Пруссы, загородцы, Людин конец, собрались около него и разделились на пять полков. Князь, «уразумев их ряд (намерение), что они хотят крепко животы свои отдать», не выехал к ним, а выслал архиепископа Митрофана «со всеми добрыми повестьми», и владыка свел всех в любовь: князь и Твердислав поцеловали крест, «и братья вся вкупе быша». Твердислав, помирившись с князем, отказался за болезнью от посадничества, которое отдано было Иванку Дмитровичу. Твердислав же был болен еще семь недель и тайно от жены, детей и всех родственников ушел в Аркаж монастырь, где и постригся. Жена постриглась после в монастыре Св. Варвары.

В следующем году (1221) новгородцы изгнали князя Всеволода: «Не хотим тебя, иди куда хочешь», — и он ушел к отцу в Русь.

В 1222 году посылали новгородцы владыку Митрофана, посадника Иванка и старейших мужей к великому князю владимирскому,

просить у него сына, и Георгий дал им Всеволода «на всей воле новгородской», щедро одарив архиепископа и всех мужей. Вскоре он прислал им еще брата Святослава в помощь для похода их к Кеси (Венден). Они много воевали, но города не взяли, потому что ему пришла помощь из литвы. Казалось, все было согласно, но Всеволод той же зимой, тайно, ночью, бежал из Новгорода со всем двором своим. Новгородцы опечалились и послали сказать великому князю Георгию: «Если не хочешь держать Новгорода сыном, то дай нам брата, и он дал им брата Ярослава».

Ярослав, некогда ненавистный, пришел к ним (1223), и они с радостью пошли с ним немедленно на литву. Около Торопца погнались за ними до Усвята, но не догнали. Потом Ярослав ходил к Колываню и повоевал всю волость Чудскую. Добыто много золота, всякого добра, но город взят не был.

Ярослав по возвращении оставил Новгород с княгиней и детьми и отправился в свой Переяславль, как ни упрашивали его новгородцы, кланяясь: «Не ходи, князь». Они послали к Георгию за сыном, и тот дал им опять Всево-

лода.

В следующем году (1224) новгородцы испытали много горя: немцы, которые усиливались с каждым годом в соседстве и искали сначала их дружбы, например, епископ Алберт, приславший посольство в 1220 году, начали действия наступательные, взяли город Юрьев, после долгой и жаркой осады, и убили князя Вячка, одного из полоцких князей, посаженного там новгородцами, которые не успели подать ему помощи, литва победила рушан, которые вышли было к ней навстречу с посадником Федором. Они были ссажены с коней и многие убиты: Домажир Торлинич и сын его Богша и прочие. Остальные разбежались по лесам.

Внутренние смятения умножались с каждым годом.

Суздальское или Владимирское (на Клязьме) княжество

Залесская (относительно Киевской Руси) сторона, занимая восточную часть ее владений, соприкасалась на севере с Новгородскими волостями, а с востока и юга была окружена финскими племенами, рассеянными и внутри некоторых ее местностей.

Древнейшие города ее, Ростов и Белоозеро, были сначала поселениями финскими: в Ростове жила меря, в Белоозере весь. Суздаль также именем своим доказывает финское свое происхождение. К ним пришли новгородские словене, может быть, смешанные с варягами, и утвердили над ними свою власть: они стали волостями новгородскими еще в предысторическое время. При Рюрикe, пришедшем сюда своих мужей, варяжская составная часть населения усилилась и сообщила свой строй всему населению. От Новгорода Ростов и Белоозеро перешли, вероятно, во власть великого князя киевского Олега или Владимира, который посадил в Ростове сына Ярослава. Вероятно, от его имени и построен

на Волге город Ярославль. Он был переведен отсюда в Новгород. Ростов же отдан был тогда Св. Борису.

Став великим князем киевским, Ярослав предоставил Залесскую сторону третьему, любимому своему сыну Всеволоду, при его Переяславском княжестве.

Сын Всеволода, Владимир Мономах, ездил часто в эту область для сбора дани и прочих хозяйственных распоряжений, что видно из его поучения, написанного им на пути в Ростов, около 1096 года.

Он посадил в Ростове сына Мстислава, который оттуда переведен был в Новгород.

Место его занял другой сын Владимира, Изяслав, который хотел захватить себе и чужой Муром, принадлежавший к Черниговскому уделу второго Ярославова сына Святослава, но поплатился жизнью за свое корыстолюбие, в сражении со спасшимся сюда Олегом Святославичем, который, в свою очередь, хотел овладеть всей страной и грозил отсюда даже Новгороду. Мстислав новгородский вынудил его отказаться от такого намерения.

Владимир Мономах предоставил здешнюю сторону меньшим своим детям, из которых Юрий, получивший впоследствии прозвание Долгорукого, водворен здесь, кажется, еще прежде Олегова погрома, судя по следующему месту из письма Владимира к Олегу, по кончине Изяслава: «если ты мыслишь на меня лихое, да то ти седить сын твой хрестьный (Мстислав) с малым братом своим, хлеб едучи дедень».

Юрий Владимирович был женат отцом на Аепиной дочери, Осеновой внучке, половецкого князя, 12 января 1108 года.

Мономах в одну из следующих поездок основал здесь город на Клязьме и назвал по своему имени Владимиром, который вскоре получил преимущество перед старшим Суздаlem и послужил ступенью к будущему возвышению северо-восточной России над юго-западной, Великороссии над Малороссией.

Из первоначальных действий Юрия летописи сохранили только известие о походе на болгар, знаменитое торговое племя, которое столько пострадало от нашествия Святослава. Юрий возвратился оттуда с богатой добычей,

в 1020 г.

При кончине отца в 1125 году, Юрий находился в Киеве, и ему, верно, не хотелось ехать оттуда в свою дикую, лесистую сторону.

При старшем брате Мстиславе он не смел самовольствовать и оставался дома в покое, но при слабом Ярополке он пытался было водвориться в Переяславле, который сначала занял насильственно, выгнав племянника, Всеволода новгородского (1132), а потом выменял на Суздаль, но вскоре вынужден был от него отказаться и уйти восвояси (1134).

Мстиславичи, в свою очередь, хотели было отнять у него Суздаль, и Всеволод Мстиславич, изгнанный им из Переяславля, ходил два раза (1134) войной на Суздаль, намереваясь посадить там брата, Изяслава Мстиславича, остававшегося без волости.

Сражение на Жданой горе (1135) не доставило никакой пользы находникам, несмотря на их победу.

При Всеволоде Ольговиче Юрий не мог предпринять ничего относительно южной Руси, и поход его 1135 года не мог состояться из-за отказа новгородцев, хотя и избравших пе-

ред тем к себе его сына Ростислава. Ростислав должен был бежать к отцу (1139).

Юрий рассердился и на обратном пути в Суздаль взял Новый Торг и опустошил пограничные села.

С этих пор суздальские князья начинают притеснять Новгород.

После кончины Всеволода Ольговича, когда стол киевский достался племяннику Изяславу Мстиславичу, Юрий принял деятельное участие в расприх киевских, как союзник северского князя Святослава Ольговича, враждовавшего с великим князем по своим причинам. Юрий надеялся, разумеется, посредством этого союза достать себе вождельный Киев, захваченный племянником не по праву.

Первый его поход на помощь Святославу Ольговичу (1146) прервался от Козельска, вследствие нападения рязанского князя на его собственные волости, по вызову великого князя Изяслава Мстиславича.

Юрий послал к Святославу на помощь своего сына Ивана, которому северский князь дал Курск с Посемьем.

Дела Святослава, однако же, ухудшались

час от часа. Изяслав со своими союзниками Давыдовичами стремительным походом занял его волости, начиная с Новгорода (Северского), и, преследуя по пятам, вынудил спастись бегством от Карачева в Дедославль и оттуда к Колтеску. Юрий прислал ему сюда тысячу человек дружины белозерской. Святослав хотел идти с ними на Давыдовичей к Изяславу, как вдруг занемог Иванко Юрьевич. Святослав остался при нем и не отпустил дружины, а Давыдовичи, услышав о полученной им помощи, поручили продолжение враждебных действий вятичам и отправились домой от Дедославля.

Иванко умер в ночь на понедельник, на масленицу, 24 февраля 1147 года.

Наутро приехали два брата его, Борис и Глеб, «сотворили плач велик» и, взяв тело его, повезли в Суздаль к отцу «с жалостию».

Святослав отошел в верховья Оки и стал в Лобыньске; Юрий прислал к нему послов утешать его и сказать: «Не тужи о сыну моем, аще того Бог отъял, а другии ти сын пришлю». Вместе с этим Юрий одарил Святослава, жену его и дружину многими дарами.

Продолжение войны было несомненно.

Юрий хотел ее, чтобы достать себе Киев, Святослав хотел ее, чтобы выручить брата, Давыдовичи хотели ее, чтобы утвердить за собою захваченные вместе Новгород-Северские волости, Изяслав, чтобы покончить с неутомным врагом.

Весной враждебные действия возобновились: Юрий начал воевать Новгородскую волость, где княжил брат Изяслава, взял Новый Торг и всю Мсту, а Святославу велел воевать Смоленскую волость Ростислава, брата Изяславова, и тот взял люд голяд, в верховьях Протвы. «И тако ополонишася дружина Святославля, сказано в Киевской летописи, и прислав Гюрги и рече: прииди ко мне, брате, в Москов».

Москов, так значитса в одном списке летописи, в другом Москова, в третьем Москва! Что за имя? Какое странное! В первый раз только оно здесь слышалось. Не ошибка ли это? Нет, не ошибка: так значитса во всех списках летописи. Что же это такое: деревня, село или город? Где находится Москва?

На краю волостей Суздальских, Чернигов-

ских, Рязанских и Смоленских, к югу от выше-названного люда голяди, там, где протекает мелкая речка Москва, берущая начало за Можайском, и принимает в себя другие речки, еще меньшие, Язу и Неглинную, рассыпано по горам и долинам несколько селений, и в среднем их, на крутом берегу, мелькает деревянный городок, окруженный дремучим бором. Это будущий Кремль, его окружность — это славная Москва.

Князья разъехались на другой день после пира. Что им было делать в пустыне, где случайно привелось встретиться, так сказать, по дороге, на перекрестке своих путей? Юрий узнал, что по особенному ряду братьев Изяслава киевского и Ростислава смоленского против него вооружаются новгородцы и смольняне. Он должен был поспешить назад, чтобы приготовиться для встречи врагов с другой стороны. Осенью, действительно, выступил против него брат великого князя Изяслава Святополк со всей Новгородской землей, но вернулся из-за распутицы от Нового Торга.

Следующий год (1148) Юрий оставался дома, послав на помощь к Святославу сына Гле-

ба. В Суздаль приходил к нему с миром знаменитый новгородский епископ Нифонт, который выпросил захваченных новоторжцев и «гость весь цел» (всех задержанных купцов). Он освятил церковь Св. Богородицы великим освящением, и Юрий оказал ему любовь и уважение, но мира новгородцам не дал.

Юрия постигло в это время еще семейное огорчение. Старший сын его Ростислав ушел от него из Суздаля и обратился к врагу его, великому князю киевскому Изяславу. «Отец меня обидел, сказал он, и не дает мне волости в Суздальской земле; я пришел к тебе — ты старше всех в Владимировых внуках; я хочу потрудиться за Русскую землю и ездить подле тебя». Изяслав принял его и дал ему пять городов.

На зиму Изяслав приходил в Новгород и вместе с новгородцами пошел отсюда воевать Юрьевы волости. Они взяли по Волге шесть городов, опустошили страну до Ярославля и захватили до семи тысяч пленников. Распутица заставила их вернуться. Юрий отплатил немедленно за набег, к чему побудил его в особенности сын его Ростислав, который, по

возвращении великого князя Изяслава из волжского похода, был лишен им волостей, по наветам, и с бесчестьем отослан по Днепру к отцу. Он просил прощения у отца и побуждал идти на Киев: «Тебя ждет вся Русская земля и черные клобуки». В негодовании Юрий сказал: «Неужели мне и детям моим нет части в Русской земле». Он собрался со всеми силами и 24 июля 1149 г. выступил на вятичи.

В Ярышеве он имел свидание со Святославом Ольговичем, который опять взял его сторону. На Супое соединились с ним приглашенные половцы.

Ополчение явилось под Переяславлем. Юрий требовал себе Переяславля и уступал Киев. Изяслав не соглашался. Сражение 23 августа кончилось его поражением, и Юрий, к великой его радости, занял киевский стол.

Тотчас и начал он свои распоряжения, предполагая остаться там навсегда и пренебрегая своей Залесской стороной, Суздальским княжеством. Всех сыновей своих он рассажал по киевским городам, Ростислава в Переяславле, Андрея в Вышгороде, Бориса в Белграде, Глеба в Каневе. Суздальское княжество

предоставлено было младшему сыну Васильку.

В том же году данники новгородские ходили по смежным с Суздальскими волостями странам: Юрий выслал на них Берладника — была сильная схватка, но суздальцев пало больше.

Недовольный своим успехом, Юрий хотел покончить со своим противником: «Выжену Изяслава, говорил он, и перейму волость его».

Однако же помирился с ним, по совету Владимирка галицкого и сына Андрея, но не исполнил условий касательно возвращения даней новгородских и награбленного товара по переяславскому полку, что послужило вскоре поводом к возобновлению военных действий.

Он выдал тогда свою дочь (1150) за Владимиркова сына Ярослава, своего нового союзника, а другую за Святославова сына Олега.

Изяслав неожиданно приблизился к Киеву. Юрий, не приготовившись его встретить, бежал в городок Остерский. Его выручил из беды Владимирко, но ненадолго. Будучи совершенно разбит за Рутром, бежал за Днепр

вместе с детьми, был там осажден неутомимым Изяславом и должен был дать обещание, что не будет искать Киева под Изяславом и Вячеславом, и вернулся в свой Суздаль.

Святослав Ольгович на обратном скорбном пути принял изгнанника с великими почестями.

В следующем году (1152) услышав, что мстительные враги сожгли его Городец, единственную точку опоры на любезном юге, воскликнул: «Они сожгли мой Городец, я им отожгу», и собрался в поход. Повоевав около Чернигова, он должен был вернуться домой, будучи не в силах бороться с подросшим на помощь великим князем Изяславом, и оставил верному своему союзнику Святославу Ольговичу сына Василька с 30 человек дружины, а сам через вятичи ушел в Суздаль.

Но его тянуло к Киеву, и он в 1154 году собрался в новый поход с ростовцами, суздальцами, со всеми детьми. По дороге, в вятичах, случился в его войсках конский падеж, и он опять должен был повернуть на Суздаль.

Возвратившись, он услышал о неожиданной смерти непримиримого своего врага, ве-

ликого князя Изяслава Мстиславича. Недолго думая, он поспешил в путь. По дороге в Смоленск узнает он о кончине старшего брата Вячеслава и о занятии великокняжеского стола черниговским князем Ярославом Давыдовичем.

Отпустив сына Мстислава, за которым приходил епископ Нифонт, в Новгород, он поспешил вперед.

Далее встретил его с поклоном старый друг, Святослав Ольгович северский, а потом в Стародубе и Святослав Всеволодович. Следовательно, все главные князья признали его старшинство.

Остановившись у Моровийска, он послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мне отчина Киев, а не тебе. Ступай домой, в Чернигов». «Избезумился я, отвечал Изяслав, виноват», — и Юрий вступил, наконец, с торжеством в Киев на вербницу в 1155 году, достигнув к старости, семидесяти лет, своей желанной цели.

Он раздал все волости своим детям: Андрею Вышгород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Василию Поросье, Мстислав оставался в Новгороде.

Суздальское княжество предназначалось им, вероятно, как и Мономахом, младшим его детям: Михаилу и Всеволоду.

Следует сознаться, что оно обязано Юрию Владимировичу Долгорукому первоначальным своим гражданским устройством. Он основал здесь несколько городов: Переяславль, Юрьев, Дмитров, Москву. Многие церкви остались памятниками его княжения.

Старший сын Андрей не хотел оставаться на юге: недолго прожил он в Вышгороде; как отца тянуло всю жизнь на юг к Киеву, так сын полюбился север с Владимиром.

Ему надоели, кажется, эти нескончаемые, бесплодные войны за Киев; он посчитал, что его отцу, уже семидесятилетнему, недолго оставалось жить на свете, а после этой близкой смерти Киев ему достаться никак не мог при таком множестве соискателей, из которых иные имели и права гораздо больше, чем он, а именно все старшие двоюродные братья, не говоря об Изяславе Давыдовиче, уже сидевшем на киевском престоле, и о Святославе Ольговиче, имевшем притязания даже прежде Изяслава и Юрия. А там еще издали

глядели с жадностью на Киев ретивые дети Изяслава... Борьба с ними со всеми, вместе или поодиночке, притом без права, не предвещала верного успеха, а трудов множество; в Суздальском же княжестве ожидало его владение обширное, почти бесспорное; он родился там, или, по крайней мере, провел лучшие годы жизни, привык к земле, людям и обычаям. Жена его была оттуда родом и предпочитала, разумеется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной непрерывных опасностей; ее братья, Кучковичи, близкие к Андрею, твердили беспрестанно о своей родине и убеждали сестру и зятя туда переселиться.

Как бы то ни было, Андрей, вскоре по вдовении в Вышгороде, решил оставить этот удел и в 1155 году, без отчей воли и даже ведома, тайно, ночью, с женой, детьми и двором, отправился на нашу далекую, залесскую сторону, взяв с собой из Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впоследствии получила такое важное значение в Русской истории и ныне составляет первую Московскую святыню в Успенском соборе под

именем Владимирской.

Многими чудесами ознаменовалось путешествие святой иконы, перед которой по всей дороге пелись молебны: там, на Яузе, Андрей послал всадника искать брод, и несчастный вдруг стал невидим в переполнившейся реке. Князь, обвиняя себя в его гибели, обратился с молитвой к Божественной Спутнице, и в то же мгновение утопавший всплыл живой и невредимый; там, на полях Рогожских, взбесившийся конь сбил с себя служителя и затоптал жену священника Николы, которая слезла перед тем со своего воза. Муж пал со слезами перед иконой, и увечная очнулась целой и невредимой. Наконец, не доходя до Владимира, на берегу реки Клязьмы, кони, везшие святую икону, вдруг остановились. Никакими усилиями нельзя было побудить, чтобы они двинулись с места. Перепрягли других, и те стали как вкопанные. Князь Андрей понял, что Владычице не угодно шествовать далее, остановился на этом месте, назвал его Боголюбимым и обещал построить церковь.

Андрей, благополучно совершив путь, во-

дворился во Владимире. Ему было тогда под пятьдесят лет.

Ростовцы и суздальцы посадили Андрея на отчем столе в Ростове и Суздале, «занеже, сказано в летописи, бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имеяше к Богу и ко всем сущим под ним». А впрочем, эти княжества, по завещанию Юрия, должны были принадлежать его младшим детям.

Этих последних Андрей вскоре выгнал, вместе с мачехой, второй женой Долгорукого, и ближними мужами отцовскими, «желая быть самовластец всей земли», а может быть, вместе и в исполнение воли избравших его городов. Княгиня, гречанка родом, отправилась в свой родной город Константинополь, и сын ее, Василько, получил себе в удел от императора четыре города по Дунаю.

Десять лет Андрей спокойно прожил в своем княжестве, приводя в порядок хозяйские дела, ладя с соседями, укрепляя силы для будущих действий, строя церкви и украшая зданиями свой стольный город.

В 1158 г. он заложил во Владимире церковь Успения Божией Матери. В 1164 году он

соорудил церковь на Золотых воротах, построенных им по образцу и в воспоминание о Ярославовых Золотых воротах в Киеве.

Десятилетнее спокойное княжение его во Владимире было возмущено только ересью Леонтия, епископа, которого он изгнал прежде вместе с братьями, а потом принял в Ростов, вместо Суздаля: Леонтий начал запрещать скоромное в господские праздники, даже в Рождество и Крещение, если они придутся в среду или пятницу. Великий князь просил у него разрешения на мясо от Воскресения до недели Всех Святых. Епископ дозволял только на Святой неделе. Произошла «великая тяжа между духовными» перед князем и всеми людьми. Суздальский епископ Феодор доказывал Леонтию неосновательность его заповеди, но тот не хотел слушать и уехал за решением в Царьград. На Дунае, в ставке императора Мануила, в присутствии послов суздальского, черниговского, переяславского, киевского решено было, к удовольствию князя Андрея, болгарским святителем Адрианом, это важное прение, растревожившее весь русский православный мир. Леонтий, однако, не

был убежден и противоречил столь дерзко, что вельможи греческие хотели утопить его в Дунае (1164).

В делах южной Руси Андрей не принимал во все это время никакого участия, если только мы исключим малую помощь, посланную им в 1160 году, с сыном Изяславом, по просьбе союзника его Изяслава Давыдовича, для его племянника, князя вщижского, Святослава Владимировича, за которого выдал свою свою. Но он готовился к действиям.

Соседние князья, рязанские, муромские, смоленские, полоцкие, так или иначе, признали над собой волю Андрея, и во всех следующих его предприятиях находились в числе его воинов.

Первым предметом его замыслов был Новгород, богатое и сильное, не подверженное разделению и междоусобиям, цветущее торговлей княжество, с которого он не спускал глаз с самого своего водворения во Владимире.

Андрей еще тогда (1160) послал сказать новгородцам: «Ведомо вам буди, что я хочу искать Новагорода добром или лихом; целуй-

те мне крест на том, чтоб иметь меня отцом себе, а мне желать вам добра». «С тех пор, замечает летописец, начали новгородцы мястися и часто творить веча». Почуяло их сердце, что заходит на них от близкого Владимира туча, какой не видывали они еще от далекой Киевской Руси, и что придется им когда-то потерять свою дорогую волю. Андрей, сказав это слово, сделал первый шаг к Новгороду, проложив дорогу, по которой неукоснительно пошли его преемники, князья владимирские, а затем московские, и с которой Ивану Третьему осталось ступить только один шаг, уже последний, до Святой Софии.

В следующем году, чтобы умилоствивить Андрея, новгородцы прислали просить у него сына. Сына он почему-то не давал, а предлагал брата, от которого те отказывались, ибо он уже княжил у них и не угодил им; тогда он дал племянника Мстислава Ростиславича, разумеется, на условиях, на каких хотел, или, как говорилось тогда, «на всей воле своей» (1160).

Но вскоре переменял свое решение и вывел племянника из Новгорода, договорив-

шись со своим старшим двоюродным братом, великим князем киевским, Ростиславом Мстиславичем, который прислал туда своего сына Святослава, не без особых выгод для Андрея, уступая ему, кажется, Двинскую дань (1161).

Святослав жил у них долго, но, наконец, они рассорились. Новгородцы, по старой привычке, указали ему путь от себя, поцеловав Святую Богородицу, «яко не хотети его». Андрей заступился за Святослава, как за своего союзника, и отправил к нему помощь на Волгу, куда тот удалился. Изгнанный князь сжег Новый Торг, а прочие союзники, смольняне и полочане, по воле князя Андрея, Великие Луки.

Они ходили было к Русе, но, не дойдя, вернулись, когда услышали о приготовленной встрече (1167). Новгородцы избрали к себе на стол сына великого князя киевского Мстислава Изяславича, Романа. Союзники перехватили послов и заняли все пути, чтобы до него не могло прийти никакой вести о происходившем. Андрей, «силою местяче» (насильно помещая) на стол новгородский своего ставлен-

ника, говорил новгородцам: «Нет вам другого князя, кроме Святослава», и новгородцы, не привыкшие к такому языку, возмутились, убили посадника и других чиновников, державших сторону изгнанного князя, и настаивали на своем выборе. Новые послы, с Даньславом Лазутиничем, успели пробраться окольными дорогами, мимо всех засад, в Киев и привезли, наконец, князя, которого новгородцы ожидали от Семена дня до Велика, сидя с одним посадником Якуном (1168). Новгородцы обрадовались, но Андрей вознегодовал на них за упорство и слушание, вознегодовал еще более на киевского Мстислава, как тот осмелился, вопреки ему, дать сына строптивому городу.

Он решил наказать и Мстислава, и Новгород, и начать с первого, которого не любил издавна. Ему досадно было, что этот младший князь, хотя и по условию со старшими, занял великое княжество Киевское, к которому сам он, Андрей, по праву был ближе сына Изяслава. Прочие русские князья также завидовали ему, начали сноситься речами на него с Андреем и утвердились крестом между собой.

Многочисленная рать собралась по зову Андрея. К полкам ростовским, суздальским, владимирским, со старшим сыном его Мстиславом, присоединились Роман из Смоленска, Глеб из Переяславля, Олег Святославич и брат его Игорь черниговские, Владимир из Дорогобужа, Рюрик из Вручого, Давыд из Вышгорода, брат его Мстислав, брат Андрея Всеволод Георгиевич, племянник Мстислав Ростиславич, всего 11 князей. Главным воеводой послан был Борис Жидиславич. Сам Андрей не пошел, уверенный, что дело обойдется успешно и без него.

Все полки собрались в Вышгороде и на второй неделе поста осадили Киев. Мстислав затворился и отчаянно бился из города. Помощников у него не было никого, кроме торков и берендеев, и те «льстили под ним». Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабела. «Что, Князь, стоишь, говорили ему, нам их не перемочи». Мстислав не мог противиться долее: с четвертого приступа город был взят, и Мстислав вынужден был оставить Киев. Бастеева чадь погналась к Василеву, стреляя в плечи ему, и захватила многих

из его дружины: Дмитра хороброго, Олекса дворского, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тиуна его, и многих других. За Уновью Мстислав соединился с братом Ярославом, и оба поспешили в свой Владимир (Волынский), а жена его и дети достались в плен победителям.

Киев был взят в марте, на второй неделе поста (1169).

Мстислав, разумеется, по мысли и воле своего отца, посадил в Киеве дядю Глеба Юрьевича; никто не смел противиться, хотя и были еще двое старших двоюродных братьев. Слабые, они радовались, что, по крайней мере, у Мстислава Киев был отнят. Сын Андрея возвратился во Владимир с великой честью и славой.

Отец его был очень доволен, исполнив свое желание — примерно наказать ослушника и принять в свое распоряжение древнюю русскую столицу. Брать ее себе он не думал, навсегда утвердив местопребывание в любезном ему Владимире.

Теперь дошел черед до Новгорода. Летописцы разделяют негодование Андрея: им

всем было как будто оскорбительно, зачем новгородцы живут не как прочие и могут распоряжаться князьями по своему усмотрению. «Нельзя, говорят они, оправдывать новгородцев тем, что они освобождены прадедами князей наших. Пусть это так, но разве передние князи велели им переступить крест и соромлять своих внуков или правнуков, целовать им крест и после изменять присяге? Злое неверствие в них вкоренилось. До которых пор Богу терпеть над ними! Вот и навел он наказание на них рукою благоверного князя Андрея».

Новгородцы, между тем, успели сходить с молодым своим князем на волости союзников Андрея, Полоцкие и Смоленские, пожгли и разорили их. Данник их, Даньслав Лазутинич, тот, который ходил в Киев за Романом, послан был с дружиной, «по сту мужей от конца», за Волок собирать дань с Двинской области, предавшейя Андрею, и разбил суздальский полк, что выслан был к нему навстречу, взял всю дань, а с суздальских смердов другую.

Новые причины гнева Андрея, который не

любил прощать обид. Давно уже он кликнул клич, и собрались у него полки ростовские, суздальские и владимирские; князь рязанский прислал к нему сына с полком; князь муромский прислал сына с полком. «Толико бысть множество вой, говорит летописец, что и числа их нетуть». Андрей поручил их опять сыну своему Мстиславу, победителю Киева, и главным воеводой назначил прежнего, Бориса Жидиславича.

Лишь только вступила рать в пределы новгородские, как и начала предавать все огню и мечу; жгли села, убивали людей, пленили жен и детей, похищали имение. На пространстве трехсот верст все было разорено и опустошено.

Новгородцы решили у себя защищаться и бились так успешно, что вся осаждающая рать предалась поспешному бегству (1170).

Андрей не достиг своей цели, рать его была разбита, он, казалось, должен был уступить, — но нет, побежденный, он все-таки остался победителем, и уступили новгородцы, а не он. Сила его уже не зависела от случайностей: новгородцы вскоре должны были

указать путь от себя своему храброму защитнику, князю Роману, и прислали к Андрею просить его о мире и князе. Ужасная дороговизна возникла у них вследствие разорения, недостатка в подвозе из соседних, Андрею подчиненных, областей или неурожая.

Андрей, довольный их покорностью, дал им Рюрика, брата умершего, между тем, Святослава Ростиславича, из-за которого он начал войну (1171).

Между тем, не стало в Киеве брата Андрея, Глеба (1172). Ростиславичи, княжившие в городах окружных, соблюдая свои выгоды, осмелились без ведома Андрея призвать на великое княжение Владимира Мстиславича из Дорогобужа, действительно старшего из потомков Мономаха. Андрей приказал Владимиру идти вон из Киева назад в Дорогобуж, а Роману приказал идти из Смоленска в Киев, послав сказать Ростиславичам: «Вы нарекли меня отцом, и я хочу вам добра; я даю Киев вашему брату Роману». Роман смоленский, по слову Андрееву, пришел в Киев, а Владимир, между тем, умер (1172).

Новгородцы, прогнавшие своего Рюрика,

который начал было действовать не согласно с Андреем, отняв посадничество от преданного ему Жирослава, опять просили себе князя у него. Андрей сначала прислал посадничать того же Жирослава, прибежавшего от Рюрика под его покровительство, а потом дал своего младшего сына, Георгия (1172). Новгородцы слушались его во всем, и сам архиепископ Иоанн, который столько прославился во время последней осады города, приходил к нему во Владимир.

Но вдруг один нечаянный слух нарушил его спокойствие: ему сказали, что брат его Глеб в Киеве умер не своей, а насильственной смертью, изведенный киевскими боярами, и он потребовал их у Ростиславичей: «Выдайте мне Григоря Хотовича, Степанца и Олексу Святославца, — это враги всем нам». Ростиславичи не хотели их выдать, и отпустили Григоря от себя. Рассерженный Андрей прислал сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею — иди же из Киева, а Давыд из Вышгорода, Мстислав из Белгорода. Ступайте в Смоленск и там делитесь между собою. Киев я отдаю брату Михалку».

Так был силен Андрей, что одного своего слова он считал достаточным, чтобы выслать многих князей из их княжеств и произвести совершенно новое между ними размещение.

И этого слова было, в самом деле, достаточно: Роман, услышав его, собрался и беспрекословно выехал из Киева, а Рюрик, Давыд и Мстислав огорчились и решили попытаться, не успеют ли переменить гнева на милость. Они послали сказать Андрею: «Брат! Правда, мы нарекли тебя отцом своим, целовали крест тебе и стоим в крестном целовании, хотяче добра тебе, а ты брата нашего Романа вывел из Киева и нам кажешь путь из Русской земли, без всякой со стороны нашей вины. Но Бог и сила крестная над всеми!»

Андрей не давал им никакого ответа.

Между тем, Михалко, которому он назначил Киев, не пожелал переезжать туда, а послал младшего брата Всеволода с племянником Ярополком.

Ростиславичи, видя, что им от Андрея надеяться не на что, напали ночью на Киев, захватили Всеволода и его племянника, всех бояр и отдали Киев брату Рюрику, договорив-

шись с Михалком.

Ольговичи черниговские, не терпевшие Ростиславичей, рады были этому случаю и послали своих мужей к Андрею, «поводяче его на ослушников»: «Кто тебе враг, говорили они, тот и нам враг; мы готовы с тобою».

Андрей уже и сам «разжегся гневом» и послал Михна мечника с новым приказом в Киев: «Поезжай к Ростиславичам и скажи Рюрику, — пусть он идет в Смоленск к брату в свою отчину; Давыду скажи: пусть идет в Берлад; а Мстиславу скажи: все от него, я не велю ему быть в Русской земле!»

Мстислав, привыкший с юности не бояться никого, кроме Бога, как говорит летописец, выслушав этот грозный приказ, велел перед собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь к своему князю, сказал он, и донеси ему: мы считали его до сих пор отцом себе, по любви; но если он прислал тебя с такими речью ко мне, не как князю, а как подручнику и простому человеку, то я не хочу знать его. Что умыслил он, пусть и делает то, а Бог за всем!»

Обруганный, обесчещенный посол явился

во Владимир. Когда Андрей увидел его в таком состоянии, остриженного, без бороды, «образ лица его потускнел, говорит летописец, и взострился на рать, и бысть готов».

Все рати собрались на его зов: и ростовцы, и суздальцы, и владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, рязанцы. Сами новгородцы пришли с его юным сыном Георгием. Войско Андрей снова поручил испытанному воеводе Борису Жидиславичу и велел ему — Рюрика и Давыда выгнать из своей отчины, «а Мстислава, взявши, не троньте, и приведите ко мне».

Когда ополчение проходило мимо Смоленска, князь Роман выслал сына со своими полками, вынужденный идти против родных братьев из-за страха перед Андреем.

Потом, по дороге, получив приказ, присоединились князя полоцкие, пинский, туровский, городенский; потом Ольговичи с полками черниговским и новгород-северским; наконец, братья Андрея, Михалко и Всеволод, перед тем выпущенные из плена, племянники Ярополк и Мстислав Ростиславичи, Владимир Глебович переяславский.

Все князья и войско остановились у князя черниговского Святослава Всеволодовича, по указу Андрея, для совещания, и потом пошли на Киев.

Киев был уже пуст: Ростиславичи оставили его и разъехались по своим городам: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давыд уехал в Галич, просить помощи у тамошнего князя Ярослава.

Князья, заняв оставленный Киев, поспешили к Вышгороду, где засел главный противник Андрея, Мстислав, которого им было велено представить живого суздальскому великому князю. Святослав Всеволодович черниговский, старший между всеми князьями, которых числом было двадцать, отрядил вперед Всеволода Юрьевича и Игоря с младшими князьями. Мстислав не унывал. Увидев подходившую рать, выстроил свои полки и вышел к ней навстречу на болонье. Полки те и другие ждали боя. Стрельцы сшиблись и начали стреляться, гоняясь между собою. Приметив замешательство между своими, Мстислав подскочил к дружине и воскликнул: «Братья, ударим, надеясь на помощь Божью и

святых мучеников Бориса и Глеба!» Противники стояли тремя полками: новгородцы и суздальцы, а посередине Всеволод Юрьевич. Мстислав бросился на середину и потоптал ее; а другие ратные, увидя, что противник малочислен, окружили его, и все перемешалось. «И было ужасное смятение, говорит летописец, и стон, и крик, и голоса неизвестные, ломкопыйный и стук оружийный; от множества праха не видать ни конников, ни пешцев». Крепко бились враги и разошлись к ночи; впрочем, убитых, к удивлению, оказалось немного, а больше раненых. Таков был бой первого дня на болонье у Мстислава с Всеволодом, Игорем и другими младшими князьями. А наутро пришли все силы, окружили город и начали каждый день ходить на приступ; из города также часто выходили биться. Мстислав держался. Много было в его дружине раненых и убитых добрых мужей, но он не думал сдаваться. Девять недель продолжалась осада.

На десятой неделе пришел на Ростиславичей же Ярослав Изяславич луцкий, со всей Волынской землей, и потребовал себе старей-

шинства перед Ольговичами, которым Андрей предоставлял Киев. Ольговичи не уступили ему Киева, и строптивый Ярослав вступил в переговоры с Ростиславичами, договорился о Киеве и перешел на их сторону.

Между осаждающими разнесся слух, что на помощь к Ростиславичам идут еще галичане и что черные клобуки готовы перейти на их сторону.

Как бы то ни было, по справедливой или мнимой причине, полки черниговские испугались и, не дождавшись рассвета, бросились через Днепр в великом смятении, так что и удержать их было невозможно, и множество потонуло в реке. За ними последовала и остальная рать суздальская. Мстислав, увидев такое внезапное бегство, «никому не гонящу», выехал из города с дружиной, ударил на стан и взял множество колодников.

Много пота утер он и много мужества показал со своей дружиной, за то и наградил его Бог победой.

Вся сила Андрея со стыдом возвратилась во Владимир. Тяжело было великому князю на старости лет потерпеть такое унижение,

но Ростиславичи, — кто бы подумал, — чувствуя его силу, видя, что Киева, переходившего после из рук в руки, от Ярослава луцкого к Святославу черниговскому, получить они не могут без воли и помощи Андреевой, смирились перед ним и послали к нему с повинной головой, просить стольного города русского брату их Роману (1174).

Андрей отвечал: «Подождите, я послал к братьям в Русь. Когда будет весть от них, я дам ответ».

Андрей рассуждал с собой, простить ли Ростиславичей или наказать их и послать на них новую рать, чего требовать от них, или кому отдать Киев, — он рассуждал, а между тем дни, или, лучше, часы его были сочтены, и в темноте ночной точилось уже то острие, которым пресечется завтра нить его жизни.

Старый князь рассердился за что-то на одного из Кучковичей, своего шурина, который находился всегда при нем со времени его женитьбы, провожал его в Киев, уговорил переселиться оттуда в Суздальские области и пользовался особенной его милостью. Он велел взять виновного и казнить. Брат его

Яким, услышав о таком приказе, передал его своим родным, и все вспыхнули злобой. В пятницу, накануне Петра и Павла, после обедни, собрались они у Петра, Кучкова зятя, позвав к себе и других княжеских слуг — Анбала ключника, Ефрема Моизовича и прочих, человек двадцать. Яким начал: «Нельзя нам стерпеть этого: князь казнит ныне одного, а завтра доберется, пожалуй, и до нас. Дображдать нечего. Надо же подумать о себе...» Все согласились с ним и, нисколько не откладывая, решили на другую ночь убить своего кормильца и господина.

Злодеи напали на князя. Андрей стал бороться и повалил одного на землю, а другой, думая, что повален князь, в темноте ударил мечом товарища и убил. Тот закричал; прочие, ждавшие в сенях, прибежали на крик, как звери свирепые, и напали все на князя. Он все еще оборонялся, потому что был силен. Они били его мечами и саблями, кололи копьями и, наконец, думая, что он уже испустил дух, поспешили схватили труп своего сообщника и выбежали, а Андрей был еще жив. Очнувшись от ударов, но все еще без полной

памяти, он побежал за убийцами и громко стонал от боли. Те услышали голос и вернулись. Андрей спрятался под сенями за столпом восточным. «Где он?» — спрашивали убийцы в испуге друг у друга. «Кажется, сказал один, он сошел с сеней вниз». «Посмотрите там, где мы его били», сказал другой. Некоторые побежали наверх и тотчас воротились, принеся в ответ, что там его нет. «Мы пропали», кричали прочие. «Огня!» Засветили огонь, зажгли свечи и пошли со свечами в спальню, а оттуда уже по следам крови нашли под столпом несчастного Андрея, который, увидев их приближение, успел только обратиться с молитвой к Богу о грехах своих. Они поразили его мечами, а Петр отсек ему правую руку.

Горожане боголюбские, проснувшись, ждали праздничного благовеста к обедне, чтобы идти в церковь, как услышали, что князь убит. Они изумились и не знали, что делать. Страх объял всех. Ждали, что будет. Вступить в дело было некому: его последний сын княжил в Новгороде, братья — на Руси, знатные люди сами участвовали в заговоре.

Потомство Андрея пресекалось. Два старших сына, слуги его побед, Изяслав и Мстислав, умерли еще при его жизни. Внука, Мстиславова сына, Василия, след пропал в летописях, где записано только его рождение и кончина. Младшего сына, Георгия, новгородцы тотчас после смерти Андрея выгнали от себя, и он, по какому-то удивительному стечению случайностей, очутился в Грузии, супругом знаменитой царицы Тамары, славной своими победами и любовью к истории, стихотворству, просвещению, и потом, изгнанный, скончался неизвестно где.

Узнав о княжеской смерти, ростовцы и суздальцы, переяславцы и вся дружина, от мала и до велика, съехались во Владимир и думали на вече: «Князь наш убит, а детей у него нет, — один сыночек мал в Новгороде, — братья его в Руси. Кого же нам взять к себе в князья?» Рязанские послы, Дедилец и Борис, указывали на братьев своей княгини. «В самом деле так, рассудили думцы, рязанские князья, что муромские, у нас в соседстве: они могут пойти ратью на нас, пока нет князя. Пошлем лучше к Глебу и скажем: князя нашего Бог по-

ял, и мы хотим твоих шурьев, Ростиславичей, Мстислава и Ярополка».

Эти князья были племянниками Андрея, — сыновья старшего брата Ростислава. Избирая их, граждане преступали, как прежде, при избрании Андрея, свое крестное целование Юрию на младших его детях.

Все утвердились Святой Богородицей и послали сказать Глебу: «Тебе твоя шурина, а наша князя, шлем к тебе послов и просим, ты приставь к ним своих, и пусть едут вместе за нашими князьями».

Глебу было очень лестно, что оказывают ему честь и хотят его шуринов: он исполнил желание суздальцев.

Послы нашли избранных, вместе с их дядями Юрьевичами, младшими братьями Андрея, в Чернигове, и сказали молодым князьям: «Ваш отец добр был, когда жил у нас; поезжайте к нам княжить, а других мы не хотим». Мстислав и Ярополк отвечали: «Спасибо дружине, что не забывает любви отца нашего». Посоветовавшись между собой, под влиянием Святослава черниговского, который был им покровителем, они сказали дя-

дям: «Либо лихо, либо добро всем нам, а пошлемте все четверо вместе». И, утвердясь между собой перед святым крестом, у черниговского епископа Антония, они поехали — Юрьевича два и Ростиславича два, Михалку, по соглашению, «держащу старейшинство».

Двое отправились вперед — Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич, — и прибыли в Москву, перепутье между старой Русью и новой, Малой и Великой.

Ростовцы, услышав, что кроме избранных ими князей едут еще двое дядей, вознегодовали, и велели Ярополку продолжать путь одному, а Михалку пождать. Ярополк уехал от него тайно в Переяславль.

Михалко, лишь только узнал о его отъезде, как и сам поехал во Владимир и был принят владимирцами.

Ростовцы, поцеловавшие крест Ярополку, взволновались, как те смели принять князя к себе вопреки их решению. «Это холопы наши каменщики, кричали они, мы сождем их и посадим у них опять посадника. Владимир пригород наш». Владимирцы не могли сносить такой обиды и решили стоять на своем,

хотя их дружина, в числе полутора тысяч, вышла еще прежде навстречу к князьям, и в Переяславле должна была целовать крест Ярополку, вместе с прочими. Когда те пришли с рязанцами и муромцами принудить их силой к покорности, они затворились в городе и начали биться. Семь недель продолжалась осада, и князья не могли одолеть города. Но голод изменил дело. Они сказали Михаилу: «Миришь или промышляй о себе». «Делать нечего, отвечал сын Юрия, не погибать же вам из-за меня», и, простясь с ними, уехал в Русь.

Ярополк и Мстислав, утвердясь крестным целованием с жителями, чтобы не делать им никакого зла, вступили в город. Владимирцы не имели, впрочем, ничего против этих князей, замечает летописец, но не хотели только поддаться ростовцам, которые хвалились перед ними беспрестанно: «Мы старшие, что нам любо, то и сотворим».

Князья утешили их и разделили между собою волости: Мстислав сел в Ростове, а Ярополк во Владимире. Сына Мстиславова приняли к себе новгородцы.

Но они усидели недолго... Раздав посадничества русским детским, которые начали притеснять народ продажами и вирами, князья возбудили против себя общее неудовольствие. Они были молоды и слушали своих бояр, а бояре учили взимать большие дани. Даже из соборной церкви они взяли серебро и золото, отняли город и дани. Владимирцы вышли из терпения. «Мы вольные люди, говорили они, прияли сами князей к себе, а они поступают как будто не в своей волости, не рядят, а грабят; грабят не только волость, но и церкви. А промышляйте, братья!» Владимирцы, впрочем, послали сначала к ростовцам и суздальцам сказать о своей обиде. Те на словах были за них, а делом были далече, и бояре крепко держались князей. Но владимирцы стояли твердо и послали прямо в Чернигов звать к себе Михаила: «Ты старший в братье своей, иди к нам. Если ростовцы и суздальцы из-за тебя замыслят что-нибудь на нас, то как с ними Бог даст и Святая Богородица!»

Михалко и его брат Всеволод отправились, черниговский князь Святослав дал им сына Владимира с полком. «Михалка уя болезнь ве-

лика на Свине; его понесли на носилках, еле жива, и так донесли до Кучкова, рекше до Москвы». Здесь князья были встречены владимирцами с Юрием Андреевичем.

Племянники, посоветовавшись со своей дружиной, решили не допускать их до Владимира. Ярополк пошел навстречу с полком своим, преградить им путь, но, к счастью, они разминулись дорогами: Михалко, через силу, держал путь к Владимиру, а Ярополк прибыл в Москву. Тогда он решил повернуть и ударить на Михалка сзади, а Мстислав, которому он дал знать, должен был принять его спереди от Владимира.

Мстислав, получив эту весть от брата, поскакал на Михалка с дружиной, «как на зайцев», и встретил его уже в пяти верстах от Владимира, больного, несомого на носилках. Ростовцы бросились на владимирцев, «как будто съесть их хотели»; но те дружно приняли натиск, отбились и, в свою очередь, ударили с такой силой, что ростовцы не выдержали и, бросив стяг, вынуждены были бежать. Мстислав спасся в Новгород, а Ярополк в Рязань. Сражение происходило почти под Вла-

димиром, и все люди, с духовенством и крестами, вышли после встретить братьев-победителей (1175).

Радость в городе была несказанная. «Ялись за правду мизеннии люди владимирские, говорит летописец, не убоялись двоих князей, бывших в их волости, положили ни во что прещения бояр, семь недель оставались без головы, говоря, либо найдем себе князя Михаила, либо головы свои положим, — и Бог им помог, и увидели они у себя опять князя всея Ростовския земли».

Суздальцы прислали сказать Михалку: «Мы, князь, на полку том не были с Мстиславом, а были с ним только бояре; ты лиха на нас за то не держи и приезжай к нам».

Михалко поехал в Суздаль, а из Суздаля в Ростов, и «сотворил везде людям наряд», утвердился крестным целованием и приял честь со многими дарами от ростовцев.

Посадив своего брата Всеволода в Переяславле, он ходил к Рязани войной на Глеба; но Глеб умилиствовал его, признав себя виноватым и обещая вернуть все до золотника, что взял у своих шуринов, равно как и образ Бо-

жией Матери. Михалко жил недолго: он умер через несколько месяцев (1176). Владимирцы поцеловали крест младшему его брату, Всеволоду, а ростовцы вернулись к своей прежней думе. Они послали за Мстиславом в Новгород известить, что Михалко умер и что они не хотят никого, кроме него.

Мстислав приехал в Ростов и, собрав ростовцев, бояр и гридьбу, пасынков и всю дружину, пошел к Владимиру.

Всеволод вышел навстречу с остальными боярами и послал сказать ему: «Брат, тебя привела старейшая дружина, ростовцы, а меня привели владимирцы. Я останусь во Владимире, а ты ступай в Ростов, и мы оттуда возьмем мир. Суздаль же пусть останется пока у нас общим: кого похотят они, тот и будет им князь».

Мстислав выслушал эту речь и согласился, но бояре сказали ему: «Хоть бы ты дал ему мир, но мы не даем». Особенно восставали Матьяш Бутович, Добрыня Долгий и другие злые люди. Мстислав их послушался.

Всеволод передал, между тем, переяславцам свои переговоры, и те ему отвечали: «Ну

что же, князь, ты хочешь ему добра, а он ловит твоей головы. Стой крепко».

Соперники сразились на Юрьевском поле, и Всеволод победил: Мстислав бежал, Добрыня Долгий, Иванко Степанович убиты, множество ростовцев и бояр взяты в плен. Владимирцы повязали пленников, взяли их села, погнали скот и коней во Владимир.

Мстислав бежал в Ростов, а из Ростова в Новгород, но новгородцы уже не приняли его: «Ты, князь, сказали они ему, ударил пятою Новгород и ушел к ростовцам с их подговору, на дядю своего Михалка, — ну вот, Михалка Бог взял, а Всеволода Бог рассудил с тобой: что же тебе делать у нас?»

Мстислав обратился тогда к зятю, Глебу рязанскому, и старался склонить его на свою сторону. Тот пришел на Москву и сжег ее. Всеволод хотел было сам тотчас напасть на него, но был удержан новгородцами, Милонежковой чадью, которые советовали ему дожидаться их помощи, и возвратился во Владимир. Зимой, получив помощь из Руси от Святослава Всеволодовича и от племянника Глеба из Переяславля, он пошел к Рязани. Уже когда

был в Коломне, пришла к нему весть, что Глеб с половцами пришел другим путем к Владимиру, пожег села боярские, а жен, детей и товар отдал поганым, запалил многие церкви.

Всеволод вернулся от Коломны и нашел Глеба на Колокше, с половцами и полоном. Они стояли друг против друга месяц, потому что нельзя было перейти реки по льду. Наконец, Всеволод решил дать бой и на масленице «пустил возы» на Глебову сторону реки. Рязанский князь отправил людей с Мстиславом на возы, а сам с сыновьями и Ярополком перешел Колокшу ко Всеволоду, на Прускову гору. Между тем, Мстиславу не удалось около возов, к которым Всеволод прислал на помощь дружину с переяславцами: он не выдержал и бежал. Глеб, увидев его бегство, заколебался, постоял немного и также бежал. Всеволод погнался за ними, убивая и пленяя. Тогда взяли самого Глеба, его сына Романа, шурина Мстислава Ростиславича, всю его дружину, всех его думцев. Здесь попался и Борис Жидиславич, знаменитый воевода Андрея, Дедилец, Ольстин и множество других. Половцы

все были избиты оружием.

Всеволод вернулся во Владимир с победой и славой. Князь рязанский, бояре и дружина были приведены пленниками, а свои освобождены. Новая радость во Владимире.

На третий день случился мятеж: встали бояре и купцы и приступили к Всеволоду. «Князь, мы хотим добра тебе и кладем за тебя свои головы, а ты держишь врагов своих на свободе: враги твои и наши, — суздальцы и ростовцы. Либо казни их, либо слепи, либо отдай нам». Всеволоду не хотелось поступить так жестоко, и он, для успокоения мятежа, посадил колодников в темницу, а между тем послал в Рязань за другим соперником, Ярополком: «У вас мой враг, отдайте его, не то приду к вам».

Рязанцы подумали: «Князь наш и братья наши погибли из-за чужого князя», и согласились: поехали в Воронеж, взяли там Ярополка и выдали руками Всеволоду. Тот велел посадить его вместе с прочими.

Между тем, Глебова жена молилась о своем муже. Мстислав новгородский, зять Глеба, убеждал Святослава Всеволодовича, союзни-

ка Всеволодова, вступиться за Ростиславичей: князь черниговский прислал епископа Ефрема и игумена к владимирскому князю ходатайствовать за пленников и просить их в Русь. Но Глеб сам не согласился и сказал: «Лучше здесь умру, а не пойду». Он в самом деле вскоре умер, а Роман, сын его, был, наконец, по долгом молении, за крестом, отпущен. Освобождены из темницы были и Ростиславичи, будто ослепленные.

Таким образом, брат Андрея, великий князь суздальский Всеволод, освободился от всех своих врагов, и сила Андрея, расточавшаяся по его смерти, собралась, хоть частично, опять в одной руке (1177).

Последний сын князя Юрия Владимировича Долгорукого, от второй жены его, гречанки родом, и, следовательно, младший почти из всех многочисленных внуков Мономаха, — тот, кому предназначено было судьбой продолжить дело Андрея, возвеличить Владимирское княжество, утвердить средоточие будущего государства на севере, быть главой всех действующих лиц своего времени, наконец, стать прародителем славнейшей ветви

Рюрикова дома, князей северных, — владимирских, суздальских, ростовских, нижегородских, тверских, московских, а через этих последних и всех царей русских, до Феодора Иоанновича включительно, — Всеволод начал свое долгое и многозначительное поприще очень несчастливо, тихо и бедно.

Оставшись ребенком после отца, умершего на киевском, любезном для него, столе в 1157 году и завещавшего еще прежде младшим детям Суздальское княжество, он возвратился было с матерью в свою отчину, но вскоре, через пять лет (1162), был изгнан старшим братом Андреем Боголюбским, который уже давно там водворился (с 1155 г.) и не хотел делить власти ни с кем из своих родственников.

В Грецию, отчизну печальной вдовы, удалилось осиротелое и обездоленное семейство, и император Мануил Комнин дал старшему из них брату Васильку один фракийский город во владение.

Неизвестно, сколько времени продолжалось изгнание. В 1169 году мы видим Юрьевичей, уже возмужавших, на Руси. Они примирились со своим гонителем, великим князем

суздальским, и служили ему против великого князя киевского, Мстислава Изяславича. Вероятно, они получили себе за то какие-нибудь уделы, после того как Киев поступил в распоряжение Андрея.

В его новой войне с Ростиславичами за Киев братья опять находятся в составе его войска: нашему Всеволоду, как младшему между всеми участвовавшими князьями, довелось начать первое сражение под Вышгородом и получить урок в ратном деле от храбрейшего воителя того времени, Мстислава храброго, — урок, принятый, впрочем, с честью.

После поражения Андреевой рати младшие Юрьевичи остались на юге едва ли не без пристанища. Со смертью Андрея, их главного прежде притеснителя, наступил для них, казалось, счастливый случай вернуться на родину и получить отцовское наследие, но граждане сочли себя вправе избрать князя по своей воле, несмотря на свою прежнюю присягу. Последующие происшествия обратились в их пользу, как мы видели выше, и Всеволод избавился благополучно от своих врагов, получил в единственное, бесспорное владение

почти всю северную Русь — Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль, Москву, Тверь, Поволжье, Белоозеро, — это была область обширная, сильная, богатая, что касается до естественных произведений, нужных для жизни, не слылавшая почти никогда об усобицах, не выдавшая давно никакого врага, ни своего, ни чужого. Северная Русь со стольным городом Владимиром находилась теперь точно в том положении, в каком была южная — Киев, при первых князьях, следовавших один за другим поодиночке, до Ярослава включительно, и потому имевших время и возможность основать, распространить и усилить свое княжество-государство. Всеволод, подобно им, заступил теперь после кратковременной усобицы, один, место Юрия и Андрея, — и на сорок лет оставался один же на севере, между тем как на юге было уже до ста князей, которые все хотели есть и искали себе хлеба вместе с половцами, вырывая куски друг у друга.

Вот в чем состояла простая тайна северной силы, вот в чем состояла простая тайна владимирского преимущества перед Киевской

Русью, дробившейся все мельче и мельче. Здесь случилось быть одному князю, а там число беспрестанно умножилось. Пока сохранялись эти численные отношения, то есть пока здешний князь стоял один лицом к лицу с множеством тамошних князей, до тех пор он мог, если только хотел, иметь значительное влияние на все их дела, даже не отличаясь от природы чрезвычайными способностями, а властолюбивый, высокомерный, деятельный, даровитый, как Андрей, «кольми паче». Всеволод же не уступал старшему брату в доблестях. При самом вступлении на поприще, несмотря на молодость, он выказал много смелости и твердости, равно как и расчетливости, осторожности. Так, во все продолжение своего княжения, умея пользоваться обстоятельствами, не пропуская ни одного случая к каким бы ни было приобретениям, Всеволод, без особенных усилий со своей стороны, без вызова происшествий, становился могущественнее и значительнее с каждым годом.

По счастливому стечению обстоятельств, одним и тем же ударом, которым приобрете-

ны были Всеволодом Владимир, Ростов и Суздаль, тем же ударом поражена была и соседняя Рязань, и ему нечего стало опасаться Рязани, как Киев опасался Чернигова.

Подчинив себе Рязань, которая сама беспрестанно подавала ему поводы к участию в ее делах, прибрал к своим рукам Новгород, зависевший от него по своему естественному положению, овладел Переяславлем (Русским) и, возобновив любезный отцовский Городец на Остре, выговорив себе многие города от Киевского княжества, за помощь, без которой южные князья не могли обойтись, пособив удержаться за Днепром Мономаховичам, которые за то должны были признать его своим главой и получить от его руки Киев, приводя в повиновение черниговских Олеговичей, оказывая покровительство Галичу, стеснив соседнее царство Болгарское и нанеся удары не только близкой мордве, но и отдаленным половцам, Всеволод достиг, наконец, цели Андрея и Мономаха, то есть господства, господства в пределах еще более обширных, чем какое было у этих могущественных князей, — казалось, что удельное расстройство прекра-

цается, княжество его вполне готово стать государством, и он сам становится самодержцем; но не станем упреждать событий и передадим их по порядку.

Новгородцам хотелось сбросить с себя непрошеную стеснительную опеку князей суздальских, и они опять приняли изгнанных Всеволодом племянников, Мстислава и Ярополка (ослепление которых было, кажется, мнимое, для народа владимирского или для самого Всеволода), и посадили первого у себя, а второго в Торжке; Ярославу же Мстиславичу, данному им Всеволодом, после первой разлуки с Мстиславом, поручили Волок Ламский, крайний город их владений, близ границ Суздальского княжества. Враги тамошнему князю казались им самыми надежными друзьями, покровителями и защитниками; но Всеволод не мог, даже для самосохранения, оставить их в покое.

Управившись дома, он пошел к Торжку (1177). Жители обещали дань и медлили. Владимирская дружина, привыкшая в последнее время своевольничать, начала роптать: «Мы не целовать их приехали. Они лгут, князь, и

Богу, и тебе». Толкнули коней, вскакали в город, зажгли, мужей повязали, а жен, детей, имущество взяли на щит за новгородскую обиду (8 декабря). Ярополк бежал.

Из Торжка, отправив добычу Владимиру, Всеволод обратился к Волоку Ламскому с остальной дружиной. Они взяли город, выручив прежде князя, и сожгли его, но людей не тронули.

Мстислав вскоре умер (20 апреля 1178 г.), и новгородцы посадили у себя бежавшего из Торжка Ярополка.

Всеволод, вернувшись из похода, решил действовать иначе и, как показали следствия, гораздо удачнее, хоть тише и легче: он велел перехватать и рассажать под стражу всех гостей новгородских, торговавших в его волостях. Новгородцы тотчас указали путь Ярополку (1178), чего желал на первый случай Всеволод, но обратились за князем не к нему, а к Роману смоленскому, потом к брату его Мстиславу (1179) и, наконец, к новому врагу Всеволода, великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу (1180), который прислал им сына Владимира.

Святослав, старший тогда между всеми князьями русскими, только что получил великое княжество и распорядился в то же время всеми волостями Ольговичей, следовательно, относительно, был сильнее всех на юге.

Всеволод разошелся с ним по следующему случаю.

Дети несчастного князя Глеба, который дорого заплатил за мгновенную честь, на него возложенную ростовцами и суздальцами, принять от его руки его шуринов на княжение, были выпущены из владимирского плена, в уважение ходатайства многих родственных им князей, разумеется, на условии совершенной покорности, или, как говорилось тогда, на всей воле великого князя суздальского.

Вскоре (1180) они перессорились между собой и подали повод ему утвердить власть над собой еще крепче, прислав к нему жаловаться, младшие на старших: «Ты господин, ты отец (вот уже какой язык слышался на Руси). Брат наш старший Роман отнимает у нас волости, слушая тестя своего Святослава, а к

тебе крест целовал и переступил».

Всеволод пошел к Рязани. Суздальские разъезды встретились с рязанскими и обратили их в бегство. Роман бежал не заходя в Рязань, где затворились согласные с ним братья, Игорь и Святослав. А когда Всеволод взял Борисов-Глебов, то смирился перед ним и получил мир. Великий князь суздальский сотворил ряд всей братье, раздав им волости по старейшинству.

Святослав черниговский, некогда благодетель Всеволода в изгнании, не мог снести, разумеется, хладнокровно нанесенного оскорбления. Он пошел мстить за сына. Другой сын его, Владимир, только что избранный новгородцами, вел к нему помощь от Новгорода. Они вышли из Твери, опустошили берега Волги и подступили почти к Переяславлю. На реке Влене, в 40 верстах от города, встретил их Всеволод с полками суздальскими, рязанскими и муромскими. Суздальцы стояли на горах, в пропастях и ломах, так что их нельзя было достать. Всеволод удерживался от сражения. Только однажды он отрядил рязанских князей в стан Святослава, которые про-

извели было там замешательство, но после вынуждены были отступить. Святослав послал попа своего к Всеволоду: «Брат и сын! много делал я добра тебе и не чаял такого от тебя возмездия; но если ты умыслил уже на меня зло и взял моего сына, то недалеко тебе искать меня: отступи от реки и дай мне путь; я перейду на твою сторону, и Бог нас рассудит. Если же ты не хочешь дать мне пути, то я дам тебе; переезжай сюда, и Бог нас рассудит». Всеволод не отвечал и удерживал посла. Святослав долго дожидался и, наконец, опасаясь оттепели, отошел, спалив по дороге Дмитров. Всеволод не велел гнаться за ним.

Ему надо было управиться с новгородцами, которые опять посадили Ярополка в Новом Торгу, и он тотчас начал воевать Поволжье (1181). Всеволод пришел со своим полком, с муромской и рязанской помощью к городу. Новоторжцы затворились и сидели пять недель. Настал жестокий голод; князь был ранен стрелой, и они должны были сдаться. Город сожжен, жители с женами и детьми отданы в плен, и сам Ярополк с ними, в оковах.

Всеволод, впрочем, скоро помирился с ве-

ликим князем Святославом. Ему, видно, совестно стало прежних своих отношений; он выпустил Глеба из оков и сватался со старым Святославом, выдав за его младшего сына свою вторую свояченицу (1182).

Новгородцы вынуждены были смириться, после всех своих неудачных опытов, и, указав путь Владимиру Святославичу, просили князя у Всеволода: он дал им своего свояка Ярослава Владимировича (1182), который княжил у них очень долго и был выведен только однажды на краткое время.

Таким образом, домашние и соседние дела устроились как нельзя лучше; новгородцы смирились, Рязань слушалась, южные князья находились в дружбе, и Всеволод, с их помощью, мог предпринять внешний поход на богатых болгар, куда любили ходить и ходили так часто и счастливо Юрий и Андрей.

Ополчение собралось большое (1183). Князья черниговский и смоленский прислали к Всеволоду своих сыновей; все Глебовичи рязанские, муромский князь, соединили с ним свои полки. Окой и Волгой пошли они в землю Болгарскую, стали у Тухчина городка, а на

третий двинулись к великому городу, выслав вперед сторожи. К ладьям отряжен был бело-зерский полк с воеводой Фомой Лазковичем. На пути, при устье Цевцы, наши разъезды увидели полк в поле и сочли его болгарским. Но тотчас пятеро мужей из этого полка явилось к Всеволоду и ударили челом перед ним: «Кланяются тебе, князь, половцы Емяковы, пришли мы воевать болгар с князем болгарским». Всеволод, посоветовавшись с братьями и с дружиной, взял с них клятву половецкую, принял к себе и продолжал путь. Перейдя Черемшан, он выстроил полки и начал думать с дружиной, а Изяслав Глебович, племянник его, взяв копьё, пустился к плоту, что болгаре, выйдя из города, учинили твердью. Он гонял их за плот к воротам, копьё свое изломал, как вдруг ударило его стрелой сквозь броню под самое сердце, и принесли его свои еле живого. Между тем, другие болгары, из городов Собекуля и Челмаша, пошли в ладьях, а из Торцкого на конях, на наши ладьи. Те вышли против, ударили дружно, и болгары побежали. Наши секли их, преследуя, а многие потонули в опрокинувшихся лодках. Великий князь

стоял десять дней под городом. Болгары выслали к нему послов с миром, и он, видя брата изнемогающего, дал им мир. Изяслав умер. Всеволод послал коней на мордву, а сам вернулся во Владимир.

Через год (1183) посылал он на болгар воевод своих с городчанами, которые взяли многие села и вернулись с добычей.

Рязанские князья служили ему верно во всех этих походах — и против новгородцев, и против Святослава, и против болгар: они не смели его послушаться, но вражда между ними не прекращалась, а напротив, возгорелась до такой степени, что старшие — Роман, Игорь, Владимир, искали случая убить младших (1186). Те проведали и начали укреплять свой город Пронск. Старшие пришли с ратью и стали разорять села. Всеволод прислал к ним послов с увещаниями: «Братья, что вы делаете? Не дивно, что поганые воевали прежде нашу землю, а вы теперь ищете сами убить друг друга!» Они же, «восприимше помысл буй», начали злобствовать еще сильнее. Тогда великий князь суздальский прислал осажденным, по их просьбе, триста человек влади-

мирской дружины. Битвы продолжались. Всеволод послал еще свояка своего Ярослава Владимировича да двух муромских князей, и осаждавшие, при этой вести, удалились от города. Тогда один из освобожденных князей, Всеволод, выехал из Пронска навстречу к покровителям в Коломну, объявить им о происшедшем, и оттуда с ними на совет во Владимир, — а старшие, узнав, что Святослав остался в Пронске один, вернулись и возобновили осаду. Они обманули Святослава; Святослав отворил ворота. Братья вошли и отдали город ему, приведя ко кресту, а жену Всеволодову с детьми и что осталось дружины его, бояр, связав, увели в Рязань; имение расхитили, владимирцев, присланных на помощь, пленили.

Великий князь собрал войско и требовал задержанной дружины у Святослава: «Отдай мою дружину добром, как ты взял ее у меня, выбив челом. Если ты помирился со своей братьей, так зачем же держать тебе моих людей. Они ратны, когда ты ратен, а ты мирен, так и они мирны».

Тогда рязанские князья, услышав о его сборе, прислали к нему сказать: «Ты господин,

ты отец, ты брат; где твоя обида будет, мы прежде тебя сложим свои головы, а ныне не имей на нас гнева! Мы воевали своего брата, потому что нас не слушает, а тебе кланяемся и мужей твоих отпускаем». Всеволод не слушал их, и уже только в следующем году (1187), в уважение ходатайства черниговского епископа Порфирия и своего епископа Луки, приходившего с мужами черниговскими Всеволодовичей, Святослава и Ярослава, дал Рязани мир, послав туда вместе с этими послами своих послов и освободив пленников. Порфирий справил, однако же, свое посольство не верно, не по-святительски, а как «переветник и лож». Утаясь от прочих послов, он изворочал речь великого князя суздальского перед рязанскими князьями и отошел иным путем в страну свою. Всеволод, узнав об этом, хотел было послать за ним, но оставил, а на Рязань пошел вместе со свояком своим, князем Ярославом Владимировичем, и муромским князем Давыдом Юрьевичем. Всеволод Глебович из Коломны ходил с ними на братьев своих. Переправившись через Оку, они пожгли многие села, «сотворили землю (1186)

пусту» и возвратились с большой добычей.

Южные князья начали искать его союза и дружбы. Великий князь киевский Святослав Всеволодович, глава Ольговичей, женил своего племянника Ростислава Ярославича на его дочери Всеславе; деятельнейший из Ростиславичей, сидевший несколько раз на столе великого княжества, Рюрик просил у него дочери, еще восьмилетней, Верхуславы, в замужество за своего старшего сына Ростислава. Богатый и многолюдный поезд явился за ней во Владимир; Рюрик прислал князя Глеба туровского, своего шурина, с женой, тысяцкого Славна с женой, и многих других бояр с женами. С велика дня отправились они из Руси, а на Борисов день (2 мая) отдал им великий князь дочь свою и дал за ней без числа золота и серебра; всех сватов одарил богатыми дарами и отпустил с великой честью. До трех станов проводили горестные отец и мать свое милое детище и простились с ней с горькими слезами, дав ей в провожатые своего близкого родственника, боярина Якова, с женой, и других бояр, снабженных разнообразными дарами для всех новых родственников. На

Офросиньин день приведена была невеста в Белгород и принята с честью и любовью, заутра Богослова венчана была у Святых Апостол епископом Максимом. «Сотворил же Рюрик Ростиславу велми сильну свадьбу, ака же несть бывала в Руси, и быша на свадьбе князи мнози, за двадцать князей; снохе же своей дал многие дары и город Брагин; Якова же свата и с бояры отпустил в Суздаль с великой честью и дарами многими одарив» (1187).

Слава о силе и значении Всеволода уже тогда распространилась настолько, что немецкий император, к которому спасся бегством из Венгрии галицкий князь Владимир Ярославич, узнав от него, что великий князь суздальский Всеволод ему дядя, принял его с любовью и поручил польскому королю Казимиру добыть ему Галич. Владимир был посажен на стол отца и деда, с обязательством платить императору по две тысячи гривен серебра ежегодно. Он искал, однако же, опоры больше во Всеволоде и прислал сказать ему: «Отче господине! Удержи за мной Галич, а я Божий и твой со всем Галичем, и из твоей воли не выйду». Всеволод послал оповестить

всех князей и короля ляхского и привести их к кресту, чтобы они под сестричичем его Галича никогда не искали. Владимир утвердился в своей отчине, и с тех пор никто более не пошел на него (1190).

Точно так же, когда великий князь Святослав киевский хотел было присвоить что-то от Смоленской области, Всеволод вместе с Рюриком убедили его оставить свои притязания, и он послушался.

Святослав, заспорив о пограничных волостях с рязанскими князьями, хотел было вместе со своими братьями идти на них войной и послал к Всеволоду «просячеся у него» на Рязань. Всеволод не изъявил своего согласия, и великий князь киевский возвратился от Карачева (1194).

После смерти Святослава, сначала благодетеля, потом на короткое время противника, а потом союзника и единомышленника Всеволодова, Киев занял Рюрик Ростиславич, сват его, позванный к умиравшему князю и принятый киевлянами (1194 в июле), а Всеволод, тогда уже старший из всех князей, прислал мужей своих посадить его на киевский стол,

чего прежде никогда не бывало и чем ясно объявилось его первенство. В делах южной Руси он начал тогда принимать деятельное участие.

Вскоре он вознегодовал на Рюрика и прислал к нему послов сказать: «Вы нарекли меня старшим во Владимировом племени, а ныне ты сел в Киеве и не учинил мне части в Русской земле: раздал области иным младшим, а мне ничего; если так, да то ты, а то Киевская область; кому ты дал ее, с тем и стереги. Я посмотрю, как вы удержите; а мне не надо».

Рюрик был приведен в большое затруднение, потому что города, требуемые себе Всеволодом: Торческ, Триполь, Богуславль, Корсунь, Канев, он отдал своему зятю Роману волынскому, славному сыну Мстислава Изяславича, еще в молодости защитившему Новгород от сильной рати Андрея Боголюбского, и целовал ему крест. Рюрик предложил Всеволоду другую волость, но тот не согласился. Тогда он, после многих советов с дружиной и духовенством, обратился к Роману, объясняя, что им всем нельзя быть без Всеволода, на ко-

тором положили они старейшинство всего Владимирова племени, договорился с ним и исполнил Всеволодову волю.

Всеволод тогда дал шурина Романову, а своему зятю, Рюрикову сыну, Ростиславу, Торческ. Роман оскорбился, начал подозревать и примкнул к Ольговичам, подговаривая их на Киев и на своего тестя.

Рюрик послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, во Владимировом племени старший. Романко изменил нам. Гадай о Русской земле, о своей чести и о нашей».

Роман смирился, побежденный со своими помощниками Казимировичами — надо было наказать и Ольговичей, которые обнаружили свои виды на Киев.

Рюрик и Всеволод потребовали от них, чтобы они поцеловали крест не искать Киева и Смоленска, отчины их, ни под ними, ни под их детьми: «как разделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вам не надо». Ольговичи отвечали Всеволоду: «Если ты велишь блюсти Киев под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; но если ты велишь лишиться его нам отныне навсегда, то мы не угры, не ляхи,

но единого деда внуки, при вашем животе не ищем его, а по вас кому Бог даст». Долго они спорили между собой, и много речей было между ними: Всеволод, желая подчинить себе все племя Владимирово, пригрозил, наконец, им войной. Ольговичи испугались и послали мужей своих с игуменом Дионисием к Всеволоду, «кланяючесь и емлючесь ему под всю волю его». Всеволод поверил им и слез с коня, а Ольговичи послали на Давыда Ростиславича к Смоленску и, победив, взяли в плен племянника его Мстислава Романовича. Рюрик звал великого князя владимирского отомстить обиду и стыд (1195).

Всеволод пошел к Чернигову, соединившись с Давыдовичами смоленскими, занял города вятичей. Ярослав выехал к ним на встречу, «стал под лесы своими, засекался от них», а по реке велел разобрать мосты и послал мужей своих сказать им: «Брат и сват! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если ты любишь с нами ряд правый и хочешь в любви с нами быти, то мы любви не бегаем, и на всей воле твоей станем; если же ты умыслил что — все-таки не бежим: как рассудит нас с

вами Бог и Святой Спас».

Всеволод начал думать с Давыдом, рязанскими князьями и мужами своими и был расположен помириться, но Давыд стоял идти к Чернигову, по условию с Рюриком, и там заключить мир вместе. Всеволод не послушался и предложил: отпустить свата Мстислава Романовича, Ярополка выгнать из своей земли, от союза с Романом Мстиславичем отказаться. Ярослав соглашался на все, кроме последнего, потому что Роман помог ему против своего тестя Рюрика. Всеволод послал, наконец, мужей своих и сказал ему про волость свою и про детей своих, «а Киева не искать под Рюриком, и Смоленска под Давыдом». Мужья Ярославовы водили к кресту Всеволода, Давыда и рязанских князей, мужья Всеволодовы — Ярослава и всех Ольговичей (1196).

Покончив с Ольговичами, Всеволод известил Рюрика, который был очень недоволен, особенно Романом, оставленным со средствами вредить ему. «Сват, говорил он суздальскому великому князю через присланных мужей, крест целовал ты мне на том, кто мне враг, то и тебе враг, и просил у меня части в

Русской земле; я дал тебе область лучшую, не от обилья, а отняв у братьи своей и у зятя своего Романа. Он сделался мне ворогом из-за кого, как не из-за тебя. Ты обещал мне сесть на коня и помочь мне, но перевел все лето и зиму ту; ныне сел на коня, да как помог? Свой ряд взял, а про кого была мне и рать, про зятя своего, того дал рядить Ярославу и с волостью, что я же дал ему. Да про кого же я и на коня сажал тебя! С Ольговичами у меня не было никакой обиды, и они Киева подо мной не искали. Недобр я был с ними, потому что с тобой они были недобры. Оттого я воевал с ними и волость свою зажег. А ты ныне не исправил мне того, на чем крест целовал».

Рюрик отнял у Всеволода за то русские города. Но тот скоро отомстил ему, по окончании распри с Новгородом, происшедшей по следующему случаю: собираясь в 1195 году к Чернигову, Всеволод звал новгородцев на помощь, и они явились, огнищане, гридьба и купцы, но были отпущены с честью из Нового Торга, потому что поход не состоялся. Они ободрились, видно, тогда прислать мужей своих к Всеволоду, Мирошку посадника,

Бориса Жирославича, Никифора сотского, чтобы пожаловаться на шурина Ярослава, верного и лучшего слугу Всеволода, за притеснения и просить сына.

Всеволод, видно, рассердился, сына не дал, а мужей задержал. Новгородцы присылали за ними к следующем году, но напрасно. Князь велел им идти на Луки, а сам, пойдя в другой раз к Чернигову, взял с собой задержанных мужей.

Новгородцы еще раз явились с просьбами. Всеволод отвечал, чтоб они выбирали себе князя, где хотят, а из мужей отпустил только некоторых. Новгородцы «разгневались», выгнали сами Ярослава и взяли себе князем сына у князя черниговского. Изгнанный Ярослав, между тем, был принят новоторжцами, самыми близкими к мести Всеволодовой, и начал брать дань по всему верху, по Мсте за Волоком. А Всеволод употребил прежнюю меру, оказавшуюся столь действительной: велел ловить новгородцев за Волоком и на всей земле своей и привозить во Владимир, где они ходили, впрочем, на свободе.

Новгородцы опять смирились и, продер-

жав у себя черниговского князя только полгода, вынуждены были исполнить волю Всеволодову и опять просить к себе Ярослава (1197).

Всеволод велел Ярославу прийти из Торжка к себе во Владимир, а новгородским лучшим мужам явиться за ним туда же. Так и было исполнено. Они пришли и взяли его со всей правдой и честью во Владимире, как бы из рук великого князя суздальского, в знамение его верховной власти, а их подчиненности. Всеволод отпустил тогда и всех новгородцев, томившихся у него в неволе, — посадник Мирошка, сидевший два года под стражей, также возвратился в Новгород, к общему удовольствию его сограждан.

Но через год (1199) Всеволоду вздумалось самому вывести Ярослава из Новгорода и посадить там сына. Он велел владыке Мартирию, посаднику Мирошке и лучшим мужам приехать к нему во Владимир за сыном. Разительное доказательство его власти! На озере Серегере архиепископ Мартирий скончался, тело его отвезено было в Новгород к Святой Софии, а посадник Мирошка и лучшие мужи

прибыли к Всеволоду и сказали: «Ты господин князь великий Всеволод Юрьевич! Просим у тебя сына княжить Новгороду, зане отчина тебе и дедина Новгород». Всеволод принял послов с великой честью, утвердил честным крестом на всей воле своей и дал им в князя Святослава, еще четырехлетнего младенца, который и приведен был к ним 1 января 1200 года.

Согласившись с посадником, Всеволод дал новгородцам архиепископа Митрофана, который поехал в Киев на поставление в сопровождении новгородских и Всеволодовых мужей.

Наступала пора отомстить Рюрику, который взял перед тем назад города, уступленные им великому князю суздальскому.

Всеволод не спускал глаз с юга, и в 1195 году он прислал тиуна своего Гюрю с людьми создать «град на Городци на Востри» и обновил свою отчину. В 1197 году дал епископа Павла в Переяславль. В 1198 году, по смерти племянника Ярослава Мстиславича в Переяславле Русском, прислал туда княжить своего сына Ярослава, еще отрока, так же как в Нов-

город младенца Святослава. Теперь у Рюрика с Романом началась новая распря. Всеволод принял сторону Романа, который заставил тестя отказаться от Киева и идти в свой старый Овруч. На киевском столе посажен был тогда именем Всеволодовым и Романом Ингварь Ярославич луцкий (1202). Рюрик хоть взял город (1 января 1204 г.), соединившись с половцами и Ольговичами, но не мог его удержать за собой без согласия Всеволода и удалился в свой Овруч.

Роман, желая оторвать своего тестя от половцев и Ольговичей, взявших тогда его сторону, пришел было к нему мириться во Вручий. «Слися, сказал он, к свату своему великому князю Всеволоду, и я слюся к нему, к своему отцу и господину, и молимся ему, чтоб он отдал тебе Киев опять». Рюрик поверил Роману и поцеловал крест Всеволоду, с сыновьями и братьями.

И Всеволод не помянул зла, достигнув своей цели, то есть получив, может быть, прежние города: он опять отдал Рюрику Киев.

Ольговичи также, при посредстве Романа, который молился за них великому князю,

«дабы приял их в любовь», примирились с Всеволодом, и он прислал своего боярина Михаила Борисовича привести их к кресту. Черниговские бояре ездили к Владимиру, и великий князь целовал при них крест. Роман присягнул также. Южная Русь успокоилась хоть ненадолго; Всеволод обратился к северной.

Он решил вывести Святослава, княжившего четыре года, из Новгорода, сказав новгородцам: «По земле вашей ходит рать, а князь ваш, сын мой, Святослав, мал: даю вам старейшего сына своего Константина» (1205).

Отпуская Константина, Всеволод сказал ему: «Сын мой Константин! Бог положил на тебе старейшинство во всей братье твоей и во всей Русской земле, а Новгород Великий имеет старейшинство между всеми княженьями в Русской земле. По имени твоём и хвала твоя. Поезжай в свой город. И я даю тебе старейшинство». Всеволод дал ему меч и крест: «Се буди тебе охранник и помощник, а меч преценье и спасенье, пасти люди твоих от противных». С этими словами, поцеловав, отпустил его. Все братья его — Георгий, Владимир, Иоанн, бояре отца его, купцы, проводили

его с честью великой до реки Шедакши. «От множества людей, говорит летопись, великий был говор, доходящий как будто до неба: все радовались, и, настигшу вечеру, поклонились ему братья его, мужи отца его, послы от братьев, воздавая хвалу великую и простились».

Таким образом, Всеволод стал как бы полным господином Новгорода, и, разумеется, делал, что хотел.

В 1208 году пришел Лазарь, Всеволодов муж, из Владимира, и повелел убить Олексу Сбыславича, — и убили его без вины на Ярославле дворе. Разительное доказательство Всеволодова самоуправства, которое смиренный Новгород должен был вытерпеть беспрекословно. Святая Богородица плакала на другой день у Святого Иакова, замечает летописец.

Вскоре по отбытии Константина мать его, великая княгиня, одержимая жестокой болезнью в продолжение восьми лет, почувствовала приближение кончины и изъявила желание постричься. Великий князь Всеволод, Георгий, его любимый сын, дочь Верхуслава, приехавшая из Киева погостить у родителей,

епископ Иоанн и Симон игумен, отец ее духовный, все бояре и боярыни, духовенство и горожане проводили ее до монастыря, ею основанного, со многими слезами, «зане бяше до всех преизлиха добра». Великая княгиня наречена в монастыре Марией, и, прожив только восемнадцать дней, была погребена там, оплаканная семейством и городом.

Между тем, на юге произошли перемены: Роман, целовавший крест вместе с прочими князьями, не только выгнал Рюрика, но и постриг его. Вскоре он погиб в походе на ляхов (1205), и Рюрик сел на киевский стол, но тут явился ему новый враг, Всеволод черниговский, сын Святослава, который, унаследовав Чернигов после Игоря Святославича, принял-ся за воплощение мысли, занимавшей некоторое время его деда (Всеволода): изгнать Владимирово потомство из Руси. Он отнял Киев у Рюрика и потом выгнал Всеволодова сына из Переяславля, сказав ему: «Иди к отцу своему в Суздаль, а Галича не ищи под моей братьей (его избирали перед тем галичане); если же ты не уйдешь добром, то я приду на тебя ратью». Молодой Ярослав, которому судьба

предназначила много превратностей, должен был повиноваться и просил у него пути, на чем тот целовал крест. Несколько раз Киев переходил из рук в руки у Всеволода с Рюриком, пока, наконец, великий князь суздальский решил положить конец междоусобию, сжалившись о том, что Ольговичи с половцами разоряют землю Русскую.

«Разве им одним отчина Русская земля, сказал он, а нам разве она не отчина? Хочу пойти к Чернигову: как нас управит с ними Бог». Он послал за своим сыном Константином, который, собрав новгородцев, псковичей, ладожан, новоторжцев, прибыл к нему в Москву; рязанские и муромские князья также должны были прийти (1207).

Послушные зову, они немедля снарядились и пошли на соединение с ним по крутому берегу Оки. Вдруг Всеволод, уже встреченный в Москве сыном Константином с новгородцами, узнает, верно или нет, что «они идут к нему на лъстях, свечавшись с врагами его Ольговичами». Он решил прежде всего покончить с ними и от Москвы повернул назад к Коломне. Дойдя до Оки, великий князь оста-

новился шатрами на пологом берегу. В тот же день подоспели и рязанские князья: Роман, который тридцать лет сидел у него в темнице, Святослав, изменивший ему в Пронске, с двумя сыновьями, и еще четверо племянников, сыновей Игоря и Владимира. Поцеловав их, Всеволод велел им сесть в шатре и послал к ним князя Давыда муромского и мужа своего Михаила Борисовича. Долго ходили эти посредники между князьями, «оним клянущимся и ротящимся», что злого умысла у них никакого не бывало, как вдруг двое из них, «братичичи, а им своя», Глеб и Олег Владимировичи, явились обличителями. Когда великий князь услышал, что истина установлена, то велел взять их вместе с думцами (несчастное семейство, несшее из рода в род измены и казни) и вести во Владимир, а сам пошел к Пронску через Оку. Михаил Всеволодович, услышав, что стрьи его взяты, а на него рать идет, бежал в Чернигов к тестю. Проняне приняли к себе Изяслава Владимировича, третьего брата «обличителей», или, как называет их Новгородская летопись, «клеветников», и затворились в городе. Великий князь прислал

к ним Михаила Борисовича смирить их, но они, надеясь на крепкие стены, решили защищаться. Суздальцы приступили со всех сторон, отвели воду. Проняне бились изо всех сил и по ночам выходили за водой. Великий князь велел, наконец, стеречь с оружием день и ночь и распределил всех князей, кому стоять против каких ворот и биться: сыну Константину с новгородцами и белозерцами против одних ворот на горе, Ярославу с переяславцами против других, Давыду с муромцами против третьих, а сам, с сыновьями Юрием и Владимиром, и при них рязанские Глеб и Олег Владимировичи за рекой с поля Половецкого. Проняне все-таки бились, уже выходя из города «не для брани, а для жажды водной»: многие люди умирали даже в городе. И у осаждавших оказался недостаток в продовольствии; надо было послать «по корм к ладьям на Оку». На ладьи напал тогда Роман Игоревич, выйдя из Рязани со своим полком. Всеволодов полк, к которому приставлен был Олег Владимирович, быстро двинулся к ладьям на помощь. Рязанцы, оставив ладейников, выстроились и сразились. Олег победил

Романа и возвратился к Пронску к великому князю с победой. Три недели длилась осада, и, наконец, проняне сдались. Всеволод смирил их, посадил у них Олега Владимировича, а сам пошел под Рязань, сажая своих посадников по всем городам. Когда он был у Доброго и наутро хотел переправиться через Проню, рязанцы прислали к нему гонца с поклоном, моля, чтобы он не подходил к городу, епископ Арсений слал одного за другим послов, молясь, чтобы он не шел далее: «Князь великий! Не опусти мест честных, не пожги церквей святых, в них же жертва Богу и мольба за тебя совершается. Мы исполним теперь всю волю твою, все, чего ты хочешь». Всеволод отошел к Коломне. На устье Мерьской, на пути к Владимиру, его догнал сам епископ с мольбой и поклоном от всех людей.

Рязанцы, сдумавше, послали своих князей с княгинями к великому князю во Владимир.

Всеволод в следующем году (1208), уже считая Рязань своей, послал своего сына Ярослава на стол, а рязанцы, «лесть имуще к нему, хотя целовали крест, но не управили, изымали людей и сковали; других изморили, в по-

гребях засыпавше».

Тогда Всеволод собрался вновь и пришел к Рязани. Ярослав вышел к нему и целовал его с радостью. Рязанцы все еще говорили «буюю речь по своему обычаю и непокорству». Великий князь велел всем людям выйти из города с добром, а другие говорят, что он вызвал их к себе лестью, и, когда все вышли, велел зажечь город, послав к городу полки; оттуда пошел он к Белгороду и также велел его зажечь. Потом, взяв всех рязанцев и епископа их Арсения, со всеми своими полками и сыном Ярославом возвратился во Владимир и распределил колодников по городам.

(Михаил Всеволодович, бежавший из Пронска, и Изяслав Владимирович, заступивший его место, приходили было воевать около Москвы, но были прогнаны, побежденные сыном великого князя Юрием.)

Оставив намерение идти на Чернигов, после получения известия оттуда об успехе Рюрика, вновь занявшего Киев (1207), Всеволод отпустил новгородцев домой, одарил их и возвратил им прежние законы, уставы старых князей, чего всегда желали новгородцы,

сказав, как прежде: «Кто вам добр, того любите, а злых казните».

Может быть, последнее действие Всеволода (умерщвление Олексы Сбыславича) возбудило особенное раздражение в Новгороде, и осторожный великий князь хотел своими ласками сгладить произведенное тягостное впечатление. Впрочем, это были только слова, как и прежде, ибо Всеволод все-таки прислал князем младшего сына, малолетнего Святослава, со своими мужами, а Константина оставил у себя, дав ему Ростов. Ясно, что влияние осталось прежнее.

В это время Всеволод находился на вершине своего могущества и значения: Новгород находился почти в его власти, Рязань была покорена, киевский князь обязан ему своим столом, на который и был его мужами посажен, черниговские обратились перед тем с повинной головой, Галич признавал его покровительство.

Всеволод везде на Руси делал, что хотел. Противников не было. Ослушаться, казалось, не мог никто.

И в это самое время князь самого незначи-

тельного Смоленского удела, Мстислав Мстиславич торопецкий, осмелился объявить себя его противником. Услышав о притеснениях великого князя суздальского и о негодовании новгородцев, сам назвался к ним в князья, чего никогда прежде ни с кем не случалось. Из своего Торопца пришел он в Торжок, заковал посадника; изгнал дворян Святославовых, захватил имущество, все, до чего дошла рука, и послал сказать новгородцам: «Кланяюсь Святой Софии, гробу отца моего и всем новгородцам. Я слышал про насилье к вам от ваших князей, и мне жаль стало моей отчины — я пришел к вам». Новгородцы обрадовались и послали за ним с великой честью, а Всеволода сына Святослава засадили на Владычнем дворе с мужами его, «пока будет управа с отцом». Мстислав пошел со всем полком на Всеволода (1210).

Всеволод выслал на него Константина с братьями, как вдруг переменял все намерения и прислал ему сказать: «Ты мне сын, а я тебе отец, пусти ко мне Святослава с мужами, и все, еже зяседел, исправи — я освобожу гостей и товары их». Мстислав отпустил сына и

мужей его. Всеволод — гостей новгородских с их товарами.

Надо удивляться, каким образом Всеволод мог так легко перенести полученное оскорбление: разве что он хотел выручить скорее сына, во что бы то ни стало, и отлагал отмщение до другого времени, более благоприятного?

Как бы то ни было, Новгород на эту пору совершенно освободился из-под его влияния. Обстоятельства изменились в ущерб могущественному князю суздальскому и в прочих областях русских, и, наконец, дома.

В 1209 году великий князь Всеволод, уже в старости, женился во второй раз, взяв за себя полоцкую княжну Васильковну.

Он послал в Ростов за старшим сыном Константином, у которого было уже два сына (Василий, род. 1209 г. и Всеволод, род. 1211 г.), давая ему после своей смерти Владимир, а Ростов Юрию. Константин, узнав о таком решении, отказался ехать к нему и требовал себе Ростов вместе с Владимиром. Отец послал за ним во второй раз и получил тот же отказ и то же требование. Разгневанный Всеволод ре-

шил лишить старшего, непослушного, доселе любимого сына Константина великого княжества. Он созвал со всех волостей и городов бояр, игуменов, попов, купцов, дворян и всех людей, епископа Иоанна, — новое явление, — и завещал Владимир своему сыну Юрию (женатому за год на Всеволодовне, дочери Чермного, 1210 г.), подчинил ему всех братьев и всех водил к кресту. Все люди целовали крест на Юрия, Константин же «воздвиже брови своя с гневом на братью свою, а более всех на Юрия».

Таким образом, великий князь суздальский увидел в этой братней распре начало того зла, той болезни, которая расстроила, ослабила и привела к гибели все русские княжества; таким образом, перед его глазами начались междоусобия, приготовившие Суздальскому княжеству из-за роста числа князей одинаковую участь с участью древнейших княжеств, оказалось, что сила его была также случайной, временной, как Андреева, Мономахова, и зависела от его личности, равно как от стечения счастливых обстоятельств, не заключая в себе ничего прочного, несмотря на

наружный блеск и великую славу. Всеволод достиг своей цели только для того, чтобы на вершине своего могущества, когда желать ему ничего не оставалось, увидеть разрушение своего здания, столь же легкое, скорое, как было и разрушение братнего здания, увидеть на старости, при смерти, открывшейся внезапно и неожиданно, под его ногами, источник зла, который грозил его потомству тем же наводнением, в котором потонули князья южной Руси.

Он недолго пережил свое огорчение и скончался 14 апреля 1212 года, имея с лишком шестьдесят лет от роду.

Не успели братья опустить тело своего отца, великого князя Всеволода, в могилу, как начались распри. Великий князь владимирский уже не мог думать ни о Новгороде, ни о Киеве, ни о каком значении перед прочими князьями, а разве только о том, как удержать за собой столицу, угрожаемую соперниками.

Первым делом Георгия было отпустить рязанских князей с их людьми и епископом Арсением.

Между тем, старший брат Константин го-

товился к войне в своем Ростове.

К нему пришел брат Святослав. Чтобы предупредить их, Георгий, собрав полки, пошел с остальными братьями к Ростову.

Князья помирились, но ненадолго. Владимир бежал от Георгия к Константину, который дал ему, вызванному с Волока, Москву, а Святослав бежал от Константина к Георгию, который дал ему Юрьев Польский.

В следующем году (1213) новая война, набеги и опустошения (Константин около Костромы, Георгий около Ростова) и примирение. Владимира Георгий вывел из Москвы и дал ему Переяславль Русский.

Два года прошло в покое; но вражда между братьями не утихала, и первый представившийся случай ее обнаружил: их третий брат Ярослав призван был на стол в Новгород и действиями самоуправства, жестокими поступками, вывел граждан из терпения. Мстислав, прежний любимый князь, явился к ним на помощь. Он начал войну против Ярослава, который ушел перед тем в Торжок, захватив с собой многих знатных новгородцев, и держал несколько посольств, присланных за ним из

Новгорода, а также и всех новгородцев, попавших ему в руки. Мстислав, оставляя Ярослава в Торжке, решил идти к Переяславлю, в надежде на помощь брата Ярослава, Константина, в чем и не ошибся. Константин ростовский присоединил к нему свои полки. Ярослав из Переяславля ушел во Владимир к брату Георгию.

Новгородская война приняла другое значение. Междоусобие перенеслось в пределы Суздальского княжества, до того почти не задетого войнами. Дело пошло не об одной выручке новгородских мужей и ссоре между Мстиславом и Ярославом, а о столе великого княжества: кому сидеть — старшему Константину, имевшему право, или младшему Юрию, которому отдал отец.

И Юрий, почувствовав это, поднял всю свою силу — и суздальцев, и муромцев, и бродников, и городчан, «было согнано и до поселей и до пещцев». Нечего говорить, что и Ярослав вывел все свои полки с захваченными новгородцами и новоторжцами; младшие братья также. У Юрия стягов было 13, а труб и бубнов 10. Константин со всеми своими пол-

ками был при Мстиславе. «Оле страшно чудо и дивно, братья, восклицает летописец, дети шли на отца, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов».

Во Владимирском княжестве, на севере, начинались те же междоусобия, что были и на юге между князьями киевскими, черниговскими, галицкими и прочими.

Полки сблизились.

Ярослав и Юрий стояли на реке Кзе, а Мстислав и Владимир с новгородцами поставили своих близ Юрьева; Константин дальше, на реке Липице. Решительный час наступил.

Как ни смел и запальчив был Мстислав, однако, увидев полки Юрия и Ярослава, счел, что силы у них далеко не равны, и запросил мира. Он послал Лариона сотского к своим противникам сказать князю Юрию: «Кланяемся. Обиды нам с тобою нет, обида нам с Ярославом». Князь Юрий отвечал: «Брат Ярослав и я едино есмь». Князю Ярославу посол сказал от Мстислава: «Пусти мужей новгородских; что зашел волости Новгородской, Волок, ворти и мир с нами возьми; крест нам поцелуй». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, мужи у ме-

ня, а вы далеко зашли и попали, как рыба на сухо».

Ларион принес ответ того и другого брата своим князьям. Тогда они послали к обоим братьям вместе последнюю речь: «Братья княже Юрий и Ярослав! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Бог крови творити. Управимся так. Мы все один род. Отдадим старейшинство князю Константину. Посадите его во Владимире, и вам Суздальская земля вся». Князь Юрий отвечал: «Скажи братье моей, князьям Мстиславу и Владимиру — вы пришли, так и уйдите, куда хотите. Если отец не смог помирить меня с Константином, то вам нечего братья за то. А брату Константину молви: переможешь нас, тебе вся земля».

Так надеялись Юрий и Ярослав, видя свою силу, что не хотели слушать о мире, — и начали пировать в шатре со своими боярами. Веселье было шумное. Только и речей, что о предстоявшей битве. Почти все не сомневались в победе, но было и другое мнение. Один боярин сказал Юрию и Ярославу: «А лучше бы, князья, вам помириться и отдать старейшинство князю Константину. Меньшая бра-

тъя в вашей воле, и спорить с вами не будут. Подумайте о том, что при наших полках нет Ростиславова племени, мудры те князья, и рядны, и хоробры, а каков Мстислав Мстиславич в том племени, вы сами ведаете: дана ему от Бога храбрость изо всех! И мужи их, новгородцы и смольняне, дерзи к бою. А, господинна, гадайтa?» Не любa была эта речь князьям Юрию и Ярославу. Зато другие говорили: «Князья Юрий и Ярослав, не опасайтесь! Не было того ни при отце вашем, ни при деде, ни при прадедах, чтобы вошел кто ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел. Хотя бы вся Русская земля наступила, — и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, и то не успели бы ничего против нашей силы, а нынешние полки, да мы седлами их закидаем». Такие слова нравились князю Ярославу, и он, жестокого сердца, обратясь к боярам и первым людям своим, сказал: «Пришел бы товар в руки, вам все — кони, брони, порты, только не брать никого живого; кто возьмет, тот сам будет убит. Хоть бы золотом у кого было шито оплечье, все равно, убивать; кто утечет из

полка, не убит... поймаем... вешать, либо распинать. Чтоб не осталось ни одного в живых. А о князьях, что попадутся к нам в руки, мы рассудим после».

Потом князья отпустили людей и остались одни, — начали делить города между собой. Князь Юрий заключил: «Мне, брат князь Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, тебе Новгород, а Смоленск брату Святославу; Киев отдать черниговским князьям, а Галич вам же». Они поцеловали крест между собой и написали грамоты, которым следовать.

А что происходило в Мстиславовом стане? Там не было такой надежды и веселья; напротив, сомнение колебало сердца. Братья опасались больше всего, чтобы Константин, испугавшись, не изменил им. Долго толковали они между собой и, наконец, привели его снова к кресту, потом начали готовиться к бою и, велев затрубить в трубы и кликнуть во всех полках, двинулись к Липицам, куда вызывали их противники.

А суздальцы ночью отошли от Липиц через овраг на гору Авдову. Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили свои

полки на горе Юрьевой, под которой протекал ручей Тунег. Они послали еще раз к Юрию трех мужей просить мира, «а если не дашь мира, то отступи дальше на ровное место, и мы перейдем на вашу сторону; или мы оборотимся назад к Липицам, а вы станете на наше место». Юрий отвечал: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли столько земли, — через этот ли овраг не переберетесь». Суздальцы надеялись на свое укрепление: гора была оплетена плетнем, «осована кольем», на случай ночного нападения.

Похолодало, подул сильный ветер: князья послали было свою молодежь против Ярославовых людей, но как-то не жарко схватились они, бились целый день до ночи, и безрезультатно.

Среди опасений, в нерешимости, пришла им в голову новая мысль — идти прямо к Владимиру, оставленному без защиты. Не трогая полков, они «начали доспевать в станах». Противники, заметив движение, подумали, что они хотят бежать, спустились было с горы, но те повернулись и опрокинули суздальцев. Между тем, подоспел Владимир псков-

ский из Ростова.

Константин отговорил идти на Владимир: «Если мы пойдем мимо них, то они возьмут нас в тыл, а другое дело: мои люди к бою не дерзки, разойдутся по городам». «Так пойдем на них прямо, братья Владимир и Константин, воскликнул Мстислав, которому уже становилось скучно среди этой неизвестности и нерешимости, гора нас не победит, и гора нам не поможет». Это было 21 апреля, в четверг, на второй неделе по Пасхе.

Полки выстроились: Владимир смоленский встал на фланге против Ярослава, возле него Мстислав и Всеволод с новгородцами перед Юрием; Владимир псковский с псковичами, а за ним Константин с ростовцами, лицом к младшим братьям.

Мстислав и Владимир так воодушевляли своих воинов: «Братья, мы вошли в землю сильную: станем крепко. Назад оглядываться нечего; побегше не уйти! Позабудем же дома, жен и детей. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Биться будем, кто хочет пеший, кто хочет на коне». Новгородцы закричали: «Не хотим измрети на конях, но как отцы на-

ши на Колокше будем биться пеши», — соскочили с коней, сбросили с себя платье, разулсь, — и кинулись вперед пешие. Мстислав был тому очень рад. Смольняне также бросились пешие. За ними князь Владимир послал своего мужа Ивора Михайловича с полком, а сами князья и воеводы следовали сзади на конях.

Передние, не дождавшись никого, с криком и воплем ударили на Ярославовых пешцев. Те не выдержали первого напора, подались назад, а эти за ними, — бьют, подсекают стяг Ярославов, — и вот подоспел с полком Ивор, под которым в овраге споткнулся было конь, и он едва выбрался оттуда... вместе досекаются они до другого стяга Ярославова... здесь завязывается жаркая схватка, а князья еще не доехали. Мстислав видит издали опасность... он не утерпел. «Не дай Бог, брат Владимир, выдать добрых людей», кричит он брату и пускается во весь опор на противников сквозь свою пехоту. Полк его за ним. За ним и Владимир со смольнянами, Всеволод Мстиславич с дружиной. Ударили и Владимир с псковичами, и Константин с ростовца-

ми. Мстислав впереди. Ничто противостоять ему не может. Все перед ним уклоняются, все пятятся. Три раза без сопротивления проехал он сквозь полки Ярославовы и Юрьевы, сек топором тех, кто попадался ему на дороге. Кого доставала его рука, тот уже не поднимался с места. Владимир не отставал от Мстислава. И такой крик поднялся от живых, а стон от раненых, что в городе Юрьеве было слышно. Враги, ошеломленные от ударов, объятые страхом, пустились бежать по всем дорогам, кто в ближний город, кто во Владимир, кто в Переяславль.

А Юрий еще держится против брата Константина. Вражда у них закоренелая. Им сеча на жизнь или смерть. Победителю стол великого княжества, побежденному нет надежды и на кусок хлеба. Ему терять больше всех. Он держится. Брат Ярослав, виновник войны, уже стоит возле него, помогает...

Между тем, Мстислав и Владимир прорвались до Ярославова стана. Все его войска разбежались: Мстислав закричал: «Братья-новгородцы! Не стойте к товару, прилежите бою, чтобы не воротились они, образумясь. Тогда

они ведь измятут нас!» И новгородцы стали крепко, а смольняне принялись грабить обоз, — но никто не возвращался. Сеча продолжается только на другой стороне, да и там уже недолго.

Юрий, видя «полки пожинаяемые везде яко класы на ниве», видя войска Ярославовы сбиты, наконец смутился... еще несколько ударов... страх запал в сердце, и он в отчаянье повернул своего коня в сторону, брат Ярослав в другую; они поскакали без памяти...

Трех коней загнал Юрий дорогой, — и прискакал во Владимир на четвертом в одной сорочке. Рати сошлись в час обеда, а он прискакал во Владимир о полудне. Вот как он гнал! Во Владимире оставались только жены и дети, чернецы и попы. Завидя скачущего ратника, они обрадовались, подумав: наши одолевают, посол от князя! А как узнали, что это был сам князь Юрий, то ужас сковал на всех. Юрий в беспмятстве кричал еще издали: «Твердите город, твердите город», и начал ездить около стен и распоряжаться. К вечеру прибежали многие с битвы, кто раненый, кто нагой, полумертвый — и поднялся в городе

плач вместожданного веселья...

Поутру князь созвал людей. «Братья-владимирцы, сказал он жалобно, затворимся в город. Может быть, Бог даст, мы отобьемся». «Княже Юрий, отвечали люди, с кем затвориться нам? Братья наши избиты, а другие изоиманы. Остальные прибежали без оружия. С кем же мы станем?» Князь Юрий сказал: «Все это знаю, но не выдайте меня брату Константину, ни Мстиславу, ни Владимиру, чтобы я вышел из города по своей воле». Владимирцы обещали.

А что происходило с Ярославом? Как Юрий во Владимир, так Ярослав прискакал в Переяславль на пятом коне, загнав четырех. Но ему мало было первого зла, замечает летописец, ему мало было крови, пролитой в Новгороде, Торжке, на Волоке: в сердцах, велел он пере хватать всех новгородцев и смольнян, которые пришли с товарами в землю его, и запереть кого в погреб, кого в тесную избу, кого в гридницу, — полтора ста их в одну ночь задохнулось; только пятнадцать человек смольнян, посаженных отдельно, остались в живых.

Возвратимся к победителям, или, лучше, к победителю, потому что он, Мстислав, один, крепкой своей рукой, доставил победу над неприятелем, который был их во много раз сильнее.

Не уйти бы Юрию и Ярославу, говорит летописец, если бы Мстислав захотел их преследовать, и он в тот же день занял бы Владимир. Но, милостивое племя Ростислава, князья не хотели гнаться и остались на месте побоища. На другой день тихо подошли войска к Владимиру и остановились перед стенами. Князья объехали стены кругом, высматривая, с какой стороны его занять. Ночью загорелся княжий двор. В суматохе легко было напасть на город и ворваться; так и хотели новгородцы, но великодушный Мстислав не пустил; его примеру последовал и Владимир, не позволив на другую ночь, во вторник, смольникам воспользоваться новым общим пожаром города, со второго часа ночи до света. Юрий выслал к князьям с челобитьем: «Не ходите на меня теперь, а завтра я сам выйду из города».

Поутру рано выехал князь Юрий с двумя

братьями, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру и сказал: «Братья, вам челом бью! Вам живот дати и хлебом накормити, а брат мой Константин в вашей воле, он не будет спорить о том, что вы обо мне положите».

Мстислав и Владимир держали совет и отдали старшему Константину стол великого княжества, а Юрию Радилу городец, куда тот немедля и отплыл в ладьях с женой и своими людьми. Оставляя свой любезный Владимир, он зашел в собор и, ударив челом у отчего гроба, плачущий, сказал: «Суди Бог брату Ярославу — до чего он меня довел». А Константин въехал во Владимир, встреченный духовенством и всеми людьми, одарил князей и бояр на радости многими дарами и привел владимирцев к кресту.

Ярослав, между тем, затворился в Переяславле, «пребывая в злобе и дыша гневом». Он не хотел покориться, надеясь выдержать осаду. Но недолго продолжалась его надежда. Мстислав не думал оставить дела незавершенным. В пятницу, на третьей неделе по Пасхе, двинулись его рати к Переяславлю... и дрогнул Ярослав! Увидя, что как-нибудь дело

кончиться не может, начал высылать послов навстречу князьям, молясь о мире. Князья шли вперед, не слушая его речей.

Во вторник поутру выехал он сам и, как ни тяжело было его гордому сердцу, ударил челом князю Константину: «Господине! Делай со мною что хочешь. Не выдавай меня только отцу моему князю Мстиславу, ни князю Владимиру, а накорми хлебом сам, как тебе угодно».

И князь Константин исполнил его желание, примирил его с тестем, велел освободить новгородских мужей, бояр, купцов, возвратить их имение, отказаться от волостей. Не доходя еще Переяславля, князья договорились между собой.

В среду на Преполовенье они пришли к городу. Ярослав одарил князей и воинов многими дарами. Мстислав принял дары, но в город въехать не захотел, а потребовал к себе только дочь, жену Ярославову, а также оставшихся в живых новгородцев, и расположился станом за городом. Князь Ярослав несколько раз присылал к тестю с мольбой о своей княгине, но Мстислав оставался непреклонным. На-

прасно Ярослав говорил: «Мало ли какие ссоры бывают между князьями. Я виноват, и крест меня убил», но Мстислав никак не хотел отпустить к нему дочери.

Константин сел на стол великого княжества, принадлежавший ему по старшинству. Ему, набожному и благочестивому, северная сторона обязана основанием знаменитых церквей, преимущественно в любимом им Ростове, Ярославле, Владимире. Во Владимире принесение епископом полоцким мощей Лонгина сотника и Марии Магдалины, положенных в соборе Димитриевом, подало повод к великому торжеству церковному и народному.

Добрый от природы, он примирился вскоре с братом Георгием, которому еще при отце не хотел уступать любимого Ростова, и после спорил о старейшинстве. Он призвал его из Радилова городка с Симоном и боярами и сказал ему: «По животе моем Владимир тебе, ныне возьми себе Суздаль».

Брат Владимир, возвратившийся из Руси, получил еще прежде Стародуб.

Своим малолетним сыновьям он дал уде-

лы: Васильку Ростов и Всеволоду Ярославль.

Летописец приписывает ему следующее наставление: «Чада моя возлюбленная! Будьте в любви между собою, Бога бойтесь, заповеди соблюдайте, примите мои нравы, что видели меня творяща, нищих и вдовиц не презрите, церкви не отлучайтесь, иерейский и монашеский чин почитайте, книжного поученья слушайте, слушайте старших, что вас на добро учат, потому что вы еще в младенстве. Чувствую, что я должен умереть скоро, поручаю вас брату и господину Георгию, который заступит для вас мое место».

Действительно, он скончался в следующем году (1217), на Сретенный день. Предание приписывает ему особенную любовь к образованию и собиранию книг. Епископ Симон торжественно положил его тело возле Андрея, в храме Владимирской Богоматери. Весь народ собрался на его погребение. Княгиня Константиновая постриглась над его гробом и прожила не больше двух лет после своего мужа.

Георгий занял тогда великокняжеский стол.

Во владениях, принадлежавших одному Андрею и одному Всеволоду, теперь уже стало семь князей: братья — Ярослав княжил в Переяславле, Святослав в Юрьеве, Владимир в Стародубе, Иван... племянники Василько в Ростове, Всеволод в Ярославле. Они жили, впрочем, довольно дружно, хоть и не без временных неудовольствий, и слушались старшего брата, который был сильнее их всех.

Княжение Георгия примечательно распространением пределов Руси на восток, куда проложили путь еще первые князья: Юрий, Андрей и Всеволод, еще перед кончиной посылавший своего оруженосца Козьму Ратшича, который взял Тепру. Несколько раз его полки ходили на мордву и на болгар.

В 1221 году для утверждения своей власти на востоке, Георгий поставил, при слиянии рек Оки и Волги, Новгород Нижний.

Новгород, освободившийся с помощью Мстислава из-под ига Всеволодова, под конец его жизни, почувствовал опять свою зависимость от владимирских князей, и после Мстислава, избирая к себе на стол князей смоленских и киевских, обратился, наконец, к вели-

кому князю суздальскому Георгию, послал к нему владыку Митрофана, посадника Ивана и старейших мужей просить у него сына, — и он дал им (1222) Всеволода, на всей, впрочем, воле новгородской; в том же году прислал им брата Святослава в помощь против чуди. Но Всеволод оставался у них недолго, и на ту же зиму бежал от них тайно ночью со всем своим двором, может быть, из ложного страха. Опечаленные новгородцы опять послали к Георгию своих старейших мужей: «Если тебе неуютно, сказали они, держать Новгород сыном, то дай нам брата», — и Георгий дал им Ярослава, весьма ими нелюбимого, а через год (1223) опять сына Всеволода, который, не поладив по-прежнему, опять ушел ночью с двором своим в Торжок. Туда пришел к нему отец со своими послами, брат его Ярослав, Василько с ростовцами, Михаил с черниговцами. Новгородцы прислали к нему двух мужей просить: «Княже, пусти к нам дитя, а сам с Торжку иди». Георгий отвечал: «Выдайте мне таких-то мужей; не выдадите, я поил коней Тверью, напою и Волховом». Новгородцы выдать мужей не хотели и начали укреплять

свой город. «Поймите у меня шурина моего Михаила», предложил последнее свое условие Георгий. Новгородцы согласились, и великий князь, причинив им много вреда, оставил их пределы.

Что касается южной Руси, Переяславль оставался в распоряжении великого князя суздальского, и Георгий с самого начала послал туда брата Владимира (1215), который ходил оттуда на половцев, был разбит ими и взят в плен.

Владимир, княжа в Переяславле, женился на дочери черниговского князя Глеба, а старший сын Георгия — на дочери Владимира Рюриковича киевского.

Сам Георгий женат был на дочери Всеволода Чермного, и сыну его, ставшему впоследствии знаменитым и святым, Михаилу, Георгий помог (1224) получить Новгород, приходил также на помощь против Олега курского (1223), с которым заключить мир содействовал оказавшийся там митрополит Кирилл.

Михаил провинился, однако же, перед братом Георгия, Ярославом, который собрался на него войной. Тогда с юга во Владимир прибы-

ло великое посольство от Владимира Рюриковича киевского. Митрополит киевский, епископ черниговский, многие игумены и бояре стали просить у великого князя посредничества, и Ярослав послушался своего брата и отказался от войны, к великому удовольствию всех.

Вообще, после войны братьев, решившейся сражением при Липице, хотя они жили довольно дружно, опасаясь великого князя Георгия, который был сильнее их всех, но бывали предлоги и к недоразумениям, грозившие обычными следствиями.

Том второй

Обозрение составных частей государства и отношений их между собою в продолжение удельного периода

Мы представили Историю княжеств, на которые была разделена Русская земля перед грозой, несшейся на нее с дальнего Востока. Извлечем заключения из наших известий о том состоянии, в каком она находилась вообще, исследуем причины, содействовавшие к ее расстройству, и, наконец, постараемся отыскать основы ее лучшего будущего, залог ее спасения.

Обозревая историю удельного, по преимуществу, периода, от кончины Ярослава до нашествия татар, мы видим в действии: князей с дружинами, города с воинами и волости с народом, церковь.

Чтобы составить себе ясное понятие о ней, необходимо рассмотреть эти составные государственные части порознь.

Начнем с князей, и поговорим прежде об их происхождении и увеличении их числа.

В продолжение норманнского периода, к счастью молодого государства, бывало большей частью по одному князю: Рюрик (1 степень), Олег, Игорь (2 ст.), Святослав (3 ст.), следовали один за другим поодиночке и расширяли пределы своей земли. Наследство Святослава, вскоре по кончине старших, Ярополка и Олега, досталось одному Владимиру (4 ст.). От Владимира, хотя у него было и двенадцать сыновей, уделы соединились через короткое время в руке Ярослава (5 ст.), который, собственно, и стал родоначальником всех русских князей, кроме полоцких, происходивших от его старшего брата Изяслава.

Как укреплению, усилению молодого государства, содействовало малое число князей, так беспрестанно умножавшееся их количество постепенно ослабляло его и, наконец, привело на край гибели.

Ярослав оставил пять сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава и Игоря (6 ст.), родного внука Ростислава (от старшего сына Владимира) и двоюродного Всеслава (от

Изяслава, сына Владимира Святого) (7 ст.).

От них пошли дети, и с этой шестой степени, в которой считалось князей 11, число их начало умножаться следующим образом:

в седьмой известных было 13,

в восьмой 39,

в девятой 49,

в десятой 66 и т. д.

Переходим к владению князей и рассмотрим дробление княжеств.

Русская земля делилась и дробилась между перечисленными родами князей. Ярослав разделил ее между пятью своими сыновьями на пять частей: кроме великого княжества, составлявшего как бы майорат, Туровское княжество, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Владимиро-Волынское, — с принадлежащими к ним волостями.

Некоторые из них вначале иногда соединялись между собою, но впоследствии разделились окончательно.

Кроме сих Ярославовых княжеств, было еще Новгородское, не вошедшее в состав его деления, и Полоцкое, отделенное при Владимире Святом.

Новгородское, принадлежавшее в первое время как бы к Киевскому майорату, тогда получало себе князей от великих князей киевских, но вскоре утвердило у себя избирательное правление и избирало из рода Ярослава, не допуская никаких делений и давая иногда во временный удел, вследствие особых обстоятельств, Псков, Торжок, Ладогу, Волок Ламский.

Псков впоследствии отделился от Новгорода и составил особое владение.

Полоцкое, совершенно особое княжество, осталось в роде Изяславовом (Владимировича) и имело в числе уделов, кроме Полоцка, Минск, Изяславль, Витебск и проч.

От Киевского великого княжества, с которым при великом князе Изяславе соединилось Владимиро-Волынское, а при брате его Всеволоде Переяславское и Смоленское, отделились:

Галицкое, отданное Всеволодом Ростиславичам.

Владимиристо-Волынское, отошедшее в род старшего сына Мстислава, Изяслава.

Смоленское, отошедшее в род второго его

сына Ростислава.

Черниговское княжество разделилось при сыновьях Святослава Ярославича на Черниговское с Давыдом Святославичем, Северское с Олегом Святославичем, Муромское с Ярославом Святославичем, Тмутораканское, вскоре уничтоженное половцами.

От Муромского отделилось Рязанское.

От Рязанского Пронское.

От Переяславского отделилось Суздальское, отданное Мономахом младшим детям.

От Суздальского или Владимирского отделились Ростовское и Переяславское.

Каждое из этих княжеств дробилось впоследствии более и более, так что, наконец, перед нашествием татар, иным городом на юге кормилось в одно время по два князя.

Самый важный вопрос при князьях состоит в их праве наследства или преемственности.

В древней России право старейшинства пользовалось особенным уважением. Беспрепятственно встречаются в летописях места, свидетельствующие о его значении как в глазах князей, так и в глазах народа.

По этому праву, принесенному, вероятно, с Севера, как в первом или великом княжестве, так и во всех княжествах, в случае смерти князя старший в его роде занимал его место, то есть брат после брата, а не сын после отца (например, после великого князя Изяслава брат его Всеволод, а не сын Ярополк, и тому подобное).

Право старейшинства было, однако же, ограничено, относительно наследства, судя по событиям, то есть имело некоторые исключения. Старший в роде имел право занять только такой стол, который был занимаем когда-нибудь его отцом. Таким образом, деды и прадеды не принимались в расчет, то есть нельзя было, или, лучше, не должно было внуку искать и получить то, чем владел его дед или прадед, но не владел отец; хотя, разумеется, внук или правнук имел сугубое право на то владение, которым владел не только отец его, но и дед, и прадед, на свою отчину и дедину.[7]

Изяслав, старший сын Владимира Святого от полоцкой Рогнеды, умер при жизни отца (1001), следовательно, не владел Киевом, и по-

тому потомство его лишилось права на этот стол. Оно осталось во владении своею отчиною, Полоцком.

Потому и Ростиславичи, потомки старшего сына Ярослава, Владимира, должны были ограничиться княжеством Галицким, ибо родоначальник их Владимир умер в Новгороде (1032) прежде своего отца.

Теперь перейдем к потомству Изяслава. Он владел Киевом, и Киев достался по степени старшинства сыну его Святополку-Михаилу, но старший сын Святополка, Ярослав, умер в 1123 году, не владев Киевом, который принадлежал при нем еще старшему дяде его, Мономаху. Потомство его, следовательно, утратило по этому случаю свое право на Киев.

Младшие сыновья Святополка, не имевшие даже никаких уделов, умерли через год с небольшим после Мономаха и не могли состязаться, если не было других причин (незаконного происхождения), с могущественным Мстиславом, которому Владимир предоставил Киев.

Впрочем, право их, если и было какое, продолжалось после смерти Мономаха только

год.

Из двух потомств, Святослава и Всеволода, первое было старшее, но оно утратило свои права, потому что дети Святослава, Олег, Давыд и Ярослав, уступили, или вынуждены были уступить, киевский стол, по кончине Святополка Изяславича, Владимиру Мономаху (1113), избранному киевлянами.

Впрочем, некоторые князья из его рода, старшие сыновья, попадали на киевский стол, а именно: Всеволод Ольгович насильственно (1139), сын его Святослав (1177) вследствие любовной сделки и внук Всеволод Чермный, несколько раз (1206, 1207, 1210), вследствие различных обстоятельств.

Князь получал свой стол по прямому наследству: Изяслав после Ярослава (1031).

На основании старшинства: так наследовали в Киеве Всеволод Ярославич брату Изяславу (1078), в Чернигове Ярослав Святославич брату Давыду (1123), в Смоленске Мстислав Романович дяде Давыду Ростиславичу (1192) и проч.

По предоставлению и назначению предшественника: Мстислава назначил отец Моно-

мах (1123) в Киеве, Владимира Давыдовича двоюродный брат Всеволод Ольгович (1140) в Чернигове, Георгия — отец Всеволод во Владимире (1212).

По народному избранию: Мономах (1113) в Киеве, Рогвольд Всеславич (1128) в Полоцке.

Вследствие любовной сделки: Мстислав Изяславич (1169) в Киеве, Святослав Ольгович (1158) в Чернигове.

Или решения князей: Ярослав Изяславич (1174), Владимир Мстиславич в Киеве (1175).

А иногда и насильно: Святослав Ярославич (1073) занял Киев, Всеволод Ольгович (1128) Чернигов.

Случалось соединяться некоторым из этих условий, например, законный наследник был вместе и избираем: Всеволод Юрьевич во Владимире (1176) после брата Михаила.

Или садился на стол с бою: Константин Всеволодович (1216) после войны с младшим братом Георгием, во Владимире.

Рассмотрим отношения князей между собой.

Великий князь

Что такое был между ними великий князь? Это было именное старшинство, почетный титул, завидное владение, особенно сначала, когда силы у него было больше, волость обширнее, дружина многочисленнее, земля обильнее и богаче, и ничего более. По завещанию Ярослава, князь киевский должен был быть «в отца место» своим младшим братьям, прочим князьям. Отеческое влияние продолжалось недолго. Братья вскоре восстали на Изяслава, старшего сына Ярослава. Никакой власти над ними он не имел. Еще более сказалося это во втором после них поколении и следующих. Князю киевскому не было никакого дела, что происходило в Чернигове, Галиче или Полоцке. Все князья совершенно от него не зависели. Ни о каких правах и преимуществах помину нет нигде. Он имел влияние только на князей, живших в пределах его собственного, т. е. Киевского княжества, где он распоряжался уделами: раздавал кому хотел, разумеется, согласно с древними обычаями, и отбирал. Остальная власть великого

князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, в которых он находился. Если случилось великому князю быть не только старше, но и умнее других, иметь искусство воспользоваться своей силой, тогда он повелевал ими, имея в виду обычаи, отношения, сообразно своему характеру. Таковы были Святополк, Мономах, Мстислав, Всеволод Ольгович, хотя и им часто оказывалось сопротивление, смотря по обстоятельствам.

А в чем состояли его повеления? В следующих словах Мономаха заключается полное их содержание (1117): «Ярославу покорившюся и ударившу челом перед стрьем своим Володимером, и наказав его Володимер о всем, веля ему к себе приходити, когда тя позову».

С Ярополка Владимировича (1133) начинаются сторонние покушения на Киев, беспрепятственные споры, и великий князь постепенно терял свою силу и значение, тем более, что пределы его княжества уменьшались вследствие увеличения числа князей.

Но Киев все-таки считался первым, старшим, главным городом; помнились еще слова

Олега, после его переселения с Волхова к Днепру: «се буди мати градом Русским». С Киевом связывались все воспоминания княжеского рода, как с колыбелью.

Общие предприятия против половцев происходили по преимуществу из Киева.

Наконец, великий князь суздальский Андрей, владея обширной, почти неприкосновенной страной, взял верх над Киевом, оборонным и ослабевшим. Став вскоре и старшим из потомков Мономаха, он располагал им по своему произволу, оставаясь сам во Владимире (1155–1174).

Такое же влияние приобрел себе Всеволод, брат его, благодаря своим государственным способностям (1176–1212). Достоинство великого князя киевского принизилось и в общем мнении.

Старшим во всех смыслах стал великий князь владимирский.

Великого князя владимирского слушались соседние князья, рязанские и муромские, равно как и дальние, — более нежели прежде великих князей киевских, потому что он был гораздо сильнее их.

Название отцом при владимирских князьях продолжалось, как прежде при киевских, также не без возражений, смотря по обстоятельствам. «Мы нарекли тебя отцом своим, говорят Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь с нами, не как с князьями, а как с подручниками, то пусть рассудит нас Бог...» Точно так же поступил и Рюрик Ростиславич с Всеволодом в 1195 году.

После смерти Всеволода (1212) достоинство великого князя владимирского начало снижаться так же, как прежде киевского, и Георгию, сыну его, было много хлопот дома с братьями, а до Киева ему уже и дела не стало.

Таковы были отношения великого князя к прочим князьям; какие отношения были у них между собою?

Все князья считали себя как бы вправе, хоть и безотчетно, иметь что-нибудь, участвовать во владении Русской землей, собранной трудами их отцов и дедов, иметь что-нибудь в своем владении, точно как теперь всякий помещик считает себя вправе участвовать во владении землей своего села. Как сельская земля находится в общем владении всего се-

ла, так вся Русская земля, земля Руси, находилась как бы в общинном владении княжеского рода, на которое все князья имели притязание, кому по происхождению и родству где что приходилось.

Все князья были равны между собой, находясь в зависимости, в некотором смысле отвлеченной, каждый у старшего в своем роде, княжившего в стольном отчинном городе, а вместе от великого князя киевского, после суздальского.

Провинившийся князь терял волость по приговору князей (например, Давыд Игоревич, в 1096 году).

Старший князь раздавал своим детям или родственникам города, в пределах его княжества находившиеся, и удельные князья обязаны были его слушаться, то есть ходить на зов его (например, Мономах, сын его Мстислав и проч.).

Главной заботой всех князей, источником и причиной всех их войн и сношений было владение.

Князья, в своем роде, или в отношении к Киеву, ссорились между собой из-за волостей,

желая каждый себе больше власти: ломоть в чужой руке каждому из них казался длиннее.

Известен даже особый глагол, вышедший теперь из употребления, определяющий характер междоусобных войн — волоститься; а князя или государя в этом отношении назывались волостелями. О многих войнах именно так и сказано самими князьями или летописцами, без всяких околичностей, просто и ясно.

Одним из предлогов к войнам служило право наследства, с его исключениями, право, по которому не сын наследовал после отца, а брат или вообще старший в роде.

Часто искали князья владений без всякого предлога (например, Ростислав Владимирович (1064), Всеволод Ольгович (1132)).

Иногда искали с предлогами, более или менее справедливыми, например: месть, подозрение (Святослав Ярославич (1072), Георгий Владимирович (1149)), желание вернуть свое (Ольговичи (1133)).

Для чего князья искали себе владений? Для доходов.

Волости и города они ценили количеством

доходов, с них собираемых. Роман волынский говорит (1193) тестю своему, великому князю Рюрику Ростиславичу, на предложение его об уступке данной Роману волости: «Мне любо иную волость в тое место даси, любо кунами даси за нее, во что будет была».

Смоленский князь Ростислав Мстиславич получал одной дани, судя по десятине, представленной им новопоставленному епископу, до 3150 гривен серебра.

Кроме владения, причин к междоусобиям было мало, и то в начале этого периода, а именно: принуждение к покорности (Мономах и Глеб минский (1109), Ярослав Святославич (1119)), наказание (Мстислав и полоцкие князья (1129)), заступление (Всеволод за Ярополка (1084)); наконец, надо заметить немногие походы с общего согласия (например, вследствие ослепления Василька (1096)).

Войны состояли часто из одних движений или занятий, без всякого кровопролития, и решались почти всегда одним сражением (Ярославичи с Всеславом (1066)), или даже одним походом (Мономах (1083) против Ярополка), набегом (Ростислав Владимирович (1064)

в Тмуторакани), осадой (города Владимира Святополком в 1099 году).

Междоусобные войны не имели, особенно сначала, характера непримиримости: это были часто условные, полюбовные, если можно так выразиться, схватки с оружием в руках, как Бог рассудит, т. е. чья возьмет, а после враги становились друзьями, и наоборот, как в кулачных боях. Это в отношении к князьям, а до народа касались они тогда еще менее. Князья воевали друг с другом, а не против народа; они, по большей части, хотели владеть теми волостями и городами, на которые нападали, следовательно, не могли, для своей собственной пользы, разорять их кроме особенных случаев. (Князья с дружиной сами по себе, а поселяне сами по себе.)

Все сношения князей между собой, все их договоры, союзы и ссоры имели также причинной, самой главной, владение, кроме немногих частных случаев: например, князья сносились между собой и помогали друг другу, иногда по родству, — брат помогал брату, имея общие выгоды: Изяслав Мстиславич и Ростислав Мстиславич (1147); Игорь Олегович

и Святослав Олегович (1146); все Олеговичи Всеволоду Чермному (1207) и проч.

Поневоле, — если какому князю случалось взять верх над другими и заставить их ходить под его рукою: так слушались многие князья Мономаха, Мстислава, Всеволода Олеговича, Андрея Боголюбского.

Из страха навлечь на себя месть, например, Давыдовичи помогали сначала Изяславу Мстиславичу, а потом Святославу Ольговичу (1146).

По условию, например, Святополк и Мономах, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, действовали заодно (1189).

Князья входили между собой в союзы, составляли своего рода артели или товарищества, чтобы действовать заодно, выбирали себе старших, для которой цели и обязывались клятвой, целуя крест, по-древнему: ходили роте, почему и назывались ротниками.

Великие князья, сильнейшие, принуждали иногда к тому силой. Так, Мономах постановил условием Глебу минскому (1116), Ярославу Святополковичу (1117), приходить к себе на зов. Мстислав жаловался на полоцких кня-

зей, почему они не приходят к нему на помощь против половцев, и за то лишил их отчины (1130).

Князья сносились и переговаривались на съездах, обсылались послами (1195), или посольниками (1144), которыми были мужи или бояре (1159, 1197), лица духовные (1161), даже иногда митрополиты (1140), союзные князья.

В случае неудачи прибегали к чужой помощи: к половцам, ляхам, уграм.

Таковы были отношения князей между собой и к великому князю, сначала киевскому, а потом владимирскому.

При всяком новом обстоятельстве, столонаследовании по кончине старшего князя и по прибытии нового, при столоприобретении вследствие войны, выигранной или проигранной, происходило новое рассаживание князей и новая разверстка или переверстка, как у крестьян весной, волостей, по воле главного или старшего князя, если он был не только старше, но и умнее, и сильнее всех, — по взаимному соглашению князей, имевших какие-либо права или притязания, умевших поддерживать свои требования силой, — по

назначению победителя, если дело доходило до схватки, — по требованию людей и городов, если они, призывая или уступая, предлагали какие условия. Сила, ум, характер, возраст и старшинство определяли наделы при всяком случае.

Если было несколько лиц равносильных, они договаривались между собой и налапали условия на прочих (например, Святополк и Мономах относительно Ольговичей (1093)).

При перемене обстоятельств они торговались и вновь уступали или требовали, воевали.

Умирал великий князь киевский, — наследник ему, то есть, старший в роде, приходил из другого города, Чернигова, Турова, Смоленска и распределял киевские города по своему усмотрению, стараясь привести других к покорности и распространить свою область, наделить лучше своих детей, братьев, союзников.

Оставленный тем или другим князем стол занимался ближайшим к нему членом семейства, который передавал свой удел другому князю, как ему заблагорассудилось.

Появлялись иногда незаконные притязатели, овладевавшие, благодаря стечению благоприятных для сего обстоятельств, Киевом или другим стольным городом и распоряжавшиеся произвольно.

Иногда решала дело война, и победители были еще безотчетнее в своих решениях.

А в чем состояла власть князя в пределах его княжества?

Власть княжеская, в продолжение норманнского периода, сосредоточенная в Киеве, разнеслась, по кончине Ярослава, по многим другим городам, сделавшимся средоточиями особых княжеств, столицами.

Во всяком новом уделе князь заводил тот же порядок, какой установился в Киеве, и становился таким же государем в пределах своего княжества, каким был сначала великий князь киевский.

Города

Городское население, потомки пришлых варягов-руси, сохранило свой древний военный характер. Все действия, приписываемые летописями жителям городов, обличают в них первоначально военных людей, например, угроза Ярославичам уйти в Грецию. Так же под гг. 1147, 1151 и проч. Прежнее их население подчинилось совершенно пришлому. Города стали военными посадами, вроде древних римских колоний, как теперь это посады по большей части правительственные.

Города получали свое значение преимущественно как места пребывания князей, придававших им блеск и важность, а сами по себе значили немного, разве который имел особенно выгодное положение или славен был древностью, например, Киев.

Военное сословие, составляя главную часть городского народонаселения, принимало, вместе с дружиной, участие в общих княжеских и своих местных делах, смотря по обстоятельствам, в так называемых вечах.

Веча встречаются по летописям во всех го-

родах: в Киеве (1067, 1068, 1113, 1146, 1147, 1150), Владимире Волынском (1097), Звенигороде (1147), Полоцке (1159, 1186), Смоленске (1185), Ростове (1157, 1175), Суздале (1157, 1175), Владимире Залесском (1157, 1175, 1176), Переяславле (1175), Рязани (1177), Галиче (1231).

Веча бывали иногда на походе (1185).

Мирские сходки нашего времени по селам есть древние волостные веча.

Веча созывались самими горожанами (1146), князем (1147, 1148, 1150, 1231), его уполномоченными (1147), в отсутствие князя (1159), против воли князя (1159), в междукняжие (1068, 1079, 1113, 1147, 1154, 1157, 1175, 1177).

На вече присутствовало все население городское, преимущественно все военное сословие, населявшее город (что видно из всех мест): князь, бояре, остальная дружина (1147), купцы (1177).

Место собрания веча в Киеве было: на торговой площади (1067), у Туровой божницы (1146), у Св. Софии (1147).

Вечевые собрания происходили вслед-

ствие обстоятельств. Это было явление случайное, право по обычаю: городской люд, быв доволен или не имея сил, молчал и жил спокойно; недовольный — созывал вече и принимал свои меры.

Что касается предмета веча — горожане на вече избирали князей (1113), принимали (1138) или отвергали (1095), изгоняли князей (1128).

Право это было также отрицательное, если можно так выразиться, т. е. соблюдалось и не соблюдалось. Князья следовали, как мы уже видели, одни за другими по своему порядку, без возражения со стороны горожан, согласие которых предполагалось; иногда наоборот, города предлагали условия князьям, договаривались и взаимно присягали, приносили жалобы; князь делал горожанам лично или через своих поверенных предложения, которые принимались ими или отвергались; горожане предлагали свои меры; без князя рассуждали об общественных делах (1146, 1147), продолжать ли войну или мириться, сдаваться и т. п.

Городское население, военное сословие,

происходившее от прежнего племени варяго-русского, было весьма немногочисленно, и у самых сильных князей, например, киевского, владимирского, число воинов, которых могли они выставить в поле, в нужнейших случаях, кроме чрезвычайных, например, в половецком походе, простиралось тысяч до трех; у других оно должно было быть гораздо менее, по 300 и т. п. Так точно и в городах их, больших и малых, жило по количеству соразмерному.

Этим малым количеством воинов, бывших в действии, объясняется, как случалось, что князья с поля сражения убегали иногда в одиночку, например, Святополк (1093), Изяслав Мстиславич (1149), Юрий и Ярослав (1216). Этим объясняется и неудача большей части осад. Сил вообще было недостаточно, взяться было некем; воинов было мало, так что небольшого перевеса в средствах у одной из двух противных сторон было довольно для успеха, и осажденные, затворясь в городе, всегда могли долго бороться со своими врагами.

Малочисленностью воинов объясняется также легкость их движения; это были толпы,

которые могли удобно ходить по дорогам, не разделяясь и не затрудняясь нисколько в продовольствии. Иначе нельзя было бы понять некоторых походов и многих явлений в междоусобных войнах, например, в 1064 г., Ростислав, бежав из Новгорода с Пореем и Вышатою, мог выгнать внезапно Глеба из Тмутаракани. Он вышел оттуда, когда отец, Святослав черниговский, пришел на помощь к сыну и по удалении занял в другой раз. Так, Ярополк Изяславич в 1085 г., княжа во Владимире Волынском, считал для себя возможным бороться с дядей, великим князем киевским, Всеволодом Ярославичем.

Воины разделялись на тысячи и сотни. Самое название тысяцкого и сотского служит доказательством о бывшем существовании тысячей и сотен: если были тысяцкие и сотские, то были тысячи и сотни.

Земля, волости, дань

Каждому городу принадлежало известное пространство земли, составлявшее его округ, как бы уезд, разделенный на волости, прежде верви, имевшие, вероятно, отношение к тысячам, на погосты, впоследствии на станы.

Разделение земли по городам от первых князей было основано преимущественно на различии племен и наречий, вместе с некоторыми живыми урочищами, в особенности реками.

Волости, приписанные, говоря по-нынешнему, к городу, или, выражаясь древним складом, притянутые, обложены были данью еще от первых варяжских князей.

Дани наложены были огульно (например, Новгороду Олег назначил платить две тысячи гривен) и раскладывались плательщиками между собой или порознь, по щлягу, черной куне, белке, от дыма, от рала. Так точно и доставлялись подданными племенами и делились в городах, вероятно по раскладке.

Дани с одних волостей шли «в клеть кня-

жую», то есть принадлежали собственно князю; другие, по его распоряжению, предоставлялись жене, детям, родственникам; некоторые волости отдавались боярам; остальные определены были на содержание воинов, то есть городов, в которых обитали воины. Чуть ли не с самого начала все земли первыми князьями были разделены на княжьи, боярские, городовые.

По мере увеличения числа князей города со своими волостями поступали им в удел; некоторые образовали удельные княжества, которые иногда отделялись совершенно, приобретая полную независимость.

Князья, в удельных княжествах, основывали свое пребывание в старых главных городах, средоточиях древних племен, например, в Смоленске у кривичей, в Чернигове у северян; иногда выбирали себе по усмотрению другие, в пределах доставшейся волости находящиеся, например: Овруч (Рюрик Ростиславич (1160)), Пересопницу (Мстислав Немой); иногда строили новые города, например, Владимир Залесский.

Князья, сядясь на столы отдельных кня-

жеств, определяли дани с места еще точнее и подробнее первых князей, как мы видим то из грамоты Ростислава в Смоленске (1150) и Святослава Ольговича в Новгороде (1137). Они делали новую раскладку: брали себе княжеские волости; боярам и отрокам, остававшимся на их службе, отдавали прежние их волости; вновь пришедшим с ними отдавали волости ушедших или назначали вновь из свободных.

Чем больше волости или волостей принадлежало к городу и чем больше эти волости приносили дохода, тем город был желаннее, завиднее.

Князья удерживали себе некоторые волости и в оставленных княжествах, смотря по условиям и любовным сделкам с заступившими там их место братьями.

Содержание, т. е. количество волостей служивым людям, боярам и отрокам, определялось сначала, вероятно, большей частью везде равное (как и после в царский период), что и избавляло, с одной стороны, от затруднений дележа при всяком новом водворении, а с другой препятствовало усилению, обогаще-

нию и даже оседлости сословия высшего, т. е. боярского и отроческого.

Волости, определенные сначала на содержание воинов или городов, оставались за нами, за городами, не переменяя так часто господ. Может быть, — это черные волости, которые за разбродом, переводом, если не истреблением, первого военного поселения, остались на время без хозяев.

Сельское население

Крестьяне работали, т. е. возделывали землю и платили дань натурой, как, например, сказано это о радимичах: «повоз везут и до сего дня (т. е. до времени летописца), мехами — белками (поляне, северяне, вятичи), черными кунами (древляне) и деньгами — щягами (радимичи)».

Назывались они в отношении к пришедшим князьям, или от них, смердами (а после черными людьми).

Местное народонаселение славянского племени не принимало никакого участия в войнах, а спокойно продолжало свои занятия, как прежде, даже и после водворения между

ними варягов-руси; занималось ремеслом и торговало, особенно в городах.

Судьба поселян, или, как называла их первая Русь, смердов, оставалась без больших перемен. Для них было все равно, кому бы ни шла их дань — князю ли, боярину, монастырю или для содержания воинов. Состояние их, кажется, было сносное; никакой особенной тягости они не несли. Исполнить свои обязанности было легко; средства для пропитания были везде в изобилии, земли удобной было много, лесов с дикими зверями и птицами, воды с рыбою также. Война — это было дело княжее, и поселян она не касалась. Изредка приходилось терпеть во время походов и междоусобных войн, и то по большим дорогам. После пожара выстроиться было не трудно.

Земля искони была у поселений в общем владении — отличительное явление Русской Истории, и справедливо замечают, что «только в общем владении можно искать причины молчания древнейших наших законов касательно наследства поземельной собственности».

Земля в Русской Правде совсем не упоминается как предмет наследства.

Неизмеримое количество земли по всем сторонам было причиною, что цены ей долго не придавалось, относительно частного владения, и всякий мог селиться, где ему было угодно, неся известную повинность.

Свобода переходить была у поселян полная (живи где хочешь), и не встречается ни в летописях, ни в грамотах никакого места, из которого бы можно заключить об их принадлежности к земле или личной зависимости. Положительные известия о холопах, закупах и кабальных людях доказывают свободу прочих областей земли Русской, которая, так сказать, разумелась сама собою.

Общие замечания

Приложим несколько общих замечаний об отношениях всех этих сословий — князей, дружины и войска, городов, смердов — между собой.

Отношения князя к волостям и смердам состояли в получении дани, в праве суда и разных поборах.

Дружина обыкновенно жила в городах при князьях, да и неудобно, опасно было князьям отпускать от себя дружину при частых поводах к столкновениям и междоусобным войнам.

Имея возможность и удобство помогать и мешать, дружина сама по себе не могла для себя делать ничего; сборная, бродячая, она не составляла замкнутого целого, не могла приобрести особого отдельного значения и потому, что была малочисленна, состояла из двух различных отделений, уменьшалась более и более, по мере увеличения числа князей, между которыми беспрестанно размещалась, и часто меняла местопребывание, не имея наследственной поземельной собственности.

Сами бояре не могли сделать ничего без князя, как и князь без них. Ходившие взад и вперед за князьями, привязанные только к одному лицу своего князя, дававшего им кормление, рассеянные по княжествам и городам, без всякой связи между собой, в зависимости от князей, они не могли составить особого живого сословия; связи же между ними не могло быть никакой, так как не было и общих выгод.

В таких же отношениях к князю находились и города, выражавшие часто свою волю, совершенно несогласную с его видами, но неспособные к собственной деятельности, по своей отдельности и беспомощности, относительно малочислию, завися от главного города, где князь имел силу и большое влияние.

Отношение их к волостям ограничивалось получением определенной дани. Меняя их, не имея мысли об их удержании, бояре не привыкали, как и князья, ни к какой местности.

Смерды жили особой жизнью; заплатив дань с дыма, с плуга, — князю, боярину, монастырю, городу, могли быть спокойны; кроме особенных случаев, где следовали с них опре-

деленные пошлины, им не было дела до княжеских междоусобий, в которых они лично не участвовали.

Земля, заселенная преимущественно по большим судоходным рекам, не составляла ничьей собственности, не имела, сама по себе, никакой цены. Между жилыми местами находилось везде много пустого пространства, где свободно было ставить слободы князьям, боярам и всяким сильным людям: туда сходились со всех сторон смерды, желая под покровительством пользоваться еще большим спокойствием, защитой, и в наших древнейших законах уже встречается много статей о так называемых ролейных закупах.

Таковы были особенности и отношения различных государственных сословий. Но эти особенности и отношения мы видим уже в самом проявлении, действии, событии: они отнюдь не были определены никакими правилами с ясностью и не были с точностью разграничены. Никакой народ не представляет такого отвращения от обряда (формы), как русский. Да и нужды в этом обряде (форме) не оказывалось. В нашей истории все происхо-

дило смотря по обстоятельствам и решалось по усмотрению действующих лиц, по требованиям минуты, или соглашению, любовным сделкам в известное время; господствовали не правила, а обстоятельства, свободная воля, здравый смысл. О писаном праве никогда и помину нет, везде имеется в виду только живое право, как оно действующими лицами в данную минуту себе представляется.

Мы усматриваем несколько, очень мало, коренных обычаев, и то по большей части в их уклонениях, каковы: для князей — право старшинства, отчинность, провинность, для бояр — право перехода, для городов и волостей — вечевые собрания, для смердов обязанность платить дань, разделение волостей по городам.

Как ни мало было этих коренных правил, но часто не исполнялись и они, служа князьям только предлогами к спорам.

Князь наследовал по старшинству, но случилось, что являлся ему соперник, нарушавший его право и занимавший, ни с того ни с сего, его место (Всеволод Ольгович), или народ противопоставлял ему своего избранника

(Изяслава Мстиславича). Иногда князь назначал себе сам преемника (Всеволод Ольгович), иногда народ выбирал его (Мономах) и даже изгонял своего законного государя (Изяслава Ярославича). Иногда князья, по взаимному соглашению, сажали одного из своей среды на стол (Мстислава Изяславича).

Теряли волость князья за вину по приговору князей, которые, случайно, брали на себя эту обязанность.

Бояре имели право перехода, но случалось, что князь подвергал их заточению (Даниила заточеника), изгнанию (Владиславичей).

В одних случаях бояре выражали свою волю, в других — люди, те и другие требовали войны или отказывались от войны, и князь должен был их слушаться.

Веча собирались, как случится: князем, против князя, боярами, простыми людьми.

Торговля

Русская торговля в продолжение норманнского периода, т. е. в IX, X и начале XI столетия, как мы видели, была очень обширна, производилась между отдаленными странами — Самаркандом, Бухарой, Бактрией, Каспийским морем, Волгой, Уральскими горами, Скандинавией, Германией и Грецией. Русские торговали с арабами, хозарами, болгарами, весью, югрой, норманнами, немцами, греками.

Во второй половине XI столетия, в XII и в начале XIII, то есть в продолжение удельного периода, до нашествия татар, русская торговля несколько стеснялась в своих пределах, потому что арабы перестали под конец ездить на Север, вследствие каких-то малоизвестных переворотов на их Востоке, козары в устьях Волги были совершенно поражены, болгаре ослабли; но она была еще очень значительна и увеличилась внутри, а также вскоре и на Севере, со вновь образовавшейся Ганзой. Живое торговое движение ясно примечается в летописях, как ни разбросаны мелкие изве-

стия. Киевские купцы ездили в Крым, Грецию и Константинополь, к половцам и в страну Залесскую или Суздальскую. Новгородские плавали по Балтийскому морю, торговали в Дании и Готланде, ходили за Урал и рассыпались по всей Русской земле, в Киеве и Смоленске, Чернигове, Переяславле и Владимире. Смольняне, полочане, видбляне торговали с Ригой и немцами. Латины приходили в Киев, Владимир, в землю Болгарскую. Жиды принимали деятельное участие в этой торговле, живя в Киеве, и, вероятно, в других городах. Немцы приезжали из внутренней Германии, галичане с солью от Карпатских гор, дунайские болгары сообщались между собой и Русью. Норманны не забывали еще своего Аизитд1, Константинополя и древней Биармии, которую ограбили особенно в 1222 году.

Средоточием греческой торговли был Киев. Средоточием северной торговли был Новгород.

Киевская торговля с Грецией в продолжение удельного периода, до татар, была так велика, и предмет ее был так важен для князей, что они иногда вынуждены были брать на се-

бя сами, сообщая, обязанность провожать купцов, торговавших с Грецией, охраняя обозы от нападения хищных племен, кочевавших по их пути.

Купцы, торговавшие с Грецией, назывались гречниками. Название их перешло после и к нашим киевским купцам, торговавшим с Грецией.

Первое известие о греческих купцах встречается под 1084 годом: Давыд Игоревич, младший внук Ярослава, один из князей, наиболее буйствовавших в это время, захватил в Олешье (ныне Алешки, город Екатеринославской губернии) гречников, т. е. купцов, торговавших с Грецией, и отнял у них много товара.

Под 1167 г. встречается известие еще любопытнее: Киевская летопись говорит, что половцы, услышав о несогласиях князей русских между собой, начали «пакостити» гречникам. Значит, что князья, в мирное время, не допускали половцев причинять вреда купцам. И в этом году, впрочем, великий князь киевский Ростислав, внук Мономаха, послал рать для «возведения» гречников, т. е. для сопровождения их вверх по Днепру.

Но самое важное место о греческих купцах находится под следующим, 1168 годом: тогда Ростислав снарядил целую многочисленную экспедицию для охраны греческих купцов из Владимира, Луцка, Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Галича и др.

Одиннадцать князей со всей Руси, даже отдаленная галицкая помощь, оказались нужными для охраны купцов из Греции. Больших ополчений не бывало и для наступательной войны с половцами. Не ясно ли из этого следует, что обозы были огромные и что польза от торговли простиралась на всю Русь, которая принимала в ней деятельное участие, так что князья, из самых отдаленных стран, считали своей обязанностью, для собственных своих выгод, ей покровительствовать. Заметим еще выражение в пользу нашего заключения о многочисленности купцов и товаров: князья стояли долгое время, пока «не взошли гречник и залозник»; следовательно, долгое время восходили купцы; следовательно, их было очень много. Далее: не может быть, чтобы это случилось только в одном году; следовательно, торговое сообщение было обыкно-

венное, как оно было «обыкновенно» в норманнском периоде, и только в летопись оно попало под этим годом, по особенному случаю, равно как и следующее под 1170 г., когда великий князь Мстислав Изяславич созвал также князей почти со всей Южной Руси и «возбудил» их против половцев именно потому, что последние «изотымали» у Руси пути: Греческий (т. е. Днепр), Соляной (т. е. тот, по которому русские промышленники ездили за солью в Крым, по свидетельству Рубруквиса) и Залозный.

«Река (Мстислав Изяславич) тако: „братье! пожалтеси о Русской земли и о своей отцине и дедине, оже несуть хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у нас и Гречьский путь изотимають, и Соляной, и Залозный, а лепо ны было, братье, възряче на Божию помочь... поискати отец своих и дед своих пути и своей чести. И угодна бысть речь его преже Богу, и всее братье, и мужем их. И рекоша ему братья вся: Бог ти, брате, помози в том, оже ти Бог вложил таку мысль в сердце, а нам дай Бог за крестьяны и за Русскую землю головы

свое сложити, и к мучеником причтенном быти“» и пр.

Вот и второе ополчение, столь же многочисленное, как и Ростиславово, через короткое время после того.

Поход был очень успешен, и князья вернулись с добычей и славой. Но вследствие этого похода они сочли за необходимое принять новые сильные меры для охраны гречников в следующем году. Опять собрались они из Киева, Вышгорода, Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова и пошли в Канев.

Под Каневом обыкновенно князья стерегли землю Русскую от нападений половцев, например, в 1192 году: «Князь Святослав со сватом своим с Рюриком совокупившеся с братьею, и стояше у Канева все лето стерегучи земли Русские».

Эти известия наших летописей разительно поясняются и подтверждаются известиями арабских писателей, например, Ибн Хордадбехом, который у нас был мало известен, обнародованный после книги Френа; он жил во второй половине IX века. Вот его слова: «Что касается до Русских купцов, принадлежащих

к Славянам, то они из отдаленнейших стран Славянских привозят бобровые меха, меха черных лисиц и мечи к берегу Румского моря, то есть Черного, где оно касается Византийского государства, и к морю около Константинополя. Там дают они десятую часть Византийскому Императору».

Вот они, наши гречники!

«Иногда они на кораблях ходят по реке Славян (то есть Волге) и проезжают по заливу Хазарской столицы (Итиля), где платят десятую часть тамошнему Царю. Оттуда отправляются они в Каспийское море и выходят на берег, где им угодно. Иногда они возят свой товар на верблюдах до Багдада». В Булгаре, как и в Итиле, русские купцы имели целые слободы и складочные амбары, живя там подолгу.

О вывозе мехов русскими в другие страны повторяют писатели X века: неизвестный сочинитель Книги стран, Массуди, Истахри; в XI в. Мукаддези, в XII Идризи, и другие.

Согласно с этими древними известиями, позднейший писатель Ибн аль-Атир (ум. в 1233 г.) говорит, что после поражения русских и половцев монголами в 1224 году, «соедини-

лись многие из важнейших купцов Русских и богачей (в Корсуне), нагрузили, что имели ценного, и отправились морем в земли мусульманские на нескольких судах; но когда они приближались к пристани, к которой шли (вероятно, Синопу), одно судно разбилось, а люди спаслись... остальные суда уцелели. Об этом и рассказывали бывшие на них люди».

У Ибн аль-Атира есть темное известие о русских купцах в Таврисе.

Первые западные путешественники к татарам свидетельствуют то же.

Плано-Карпини (1246) встречает русских в Орне или нынешнем Азове.

По словам Рубруквиса (1233) русские торговцы приезжали в Судак или Сурож в крытых телегах, запряженных волами, меняли меха на шелковые и бумажные ткани и пряные коренья. В Крым за солью приезжали со всех концов России (это нынешние чумаки). За воз соли давались две бумажные ткани, стоившие половину константинопольского червонца.

Киевляне торговали также с половцами.

Еще митрополит Иоанн (1080–1089) в своем церковном правиле доказывает всякому гостю или купцу, сколь грешно торговать крещеными рабами в земле язычников половцев, даже ездить туда и для выгод сребролюбия оскверняться нечистыми яствами.

От половцев, как прежде печенегов, получали лошадей, овец, рогатый скот.

Под 1184 г. находим мы известие в Киевской летописи, что русские князья, в походе своем против половцев, встретили гостей или купцов, шедших из земли Половецкой, которые доставили им сведения о местах, где тогда кочевали половцы, а именно по реке Хоролу.

О торговле солью из Галича есть известие у Нестора в житии Св. Феодосия: «Егда же Святополк с Давыдом Игоревичем рать зачастую за Василькову слепоту. не пустиша купцев ко Киеву от Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей Российской земли».

Когда, по словам Патерика, Прохор, чудотворец Печерский, раздавал пепел вместо соли, «вздвижеса зависть от продающих соль, и створися им неполучение хотения своего:

мневшися в ты дни всего мира богатство приобрести в соли; и сеже бысть им тщина велия, иже прежде драго ценяще, по две головажни на куну, ныне же и по 10 не брегоме».

В 1164 г. «пойде вода из Днестра велика в болонье, и взиде оли до Выковаго болота, и потони человек более 300, — иже бяху пошли с солью из Удеча».

Из наших городов видим мы киевских купцов только во Владимире Залесском, как свидетельствует Суздальская летопись под 1173 г., и то совершенно случайно.

Как киевские купцы ездили по другим городам, так новгородские и прочие приезжали в Киев.

Наконец, кроме домашних купцов, жили в Киеве и иноземные, латинские или немецкие, что всего яснее видно из следующего места в летописи:

В 1174 г. Ярослав луцкий, подозревая киевлян в измене, будто они навели на него Святослава Всеволодовича черниговского, «попродал (обложил контрибуцией) весь Киев, игуменов и попов, чернцов и черниц, Латину, и гостей, и затворы, и всех киевлян». Под затво-

рами нельзя разуместь ничего, кроме магазинов, амбаров. (Затворами назывались иногда монастыри, но здесь местом, которое занимает это слово — между Латинами, гостями и киевлянами, уже после духовенства, исключается последнее значение.)

Еще лучшее свидетельство о пребывании иностранных купцов в Киеве сохранилось в Новгородской летописи, что весьма замечательно, указывая именно на торговое сообщение (известие принесено было, вероятно, в Новгород из Киева новгородскими купцами), а именно под 1203 годом: половцы, взяв Киев, дали жизнь иноземцам всякого языка, затворившимся в церквях, разделив товары с ними пополам. («1203, января 1 дня, Рюрик с Ольговици и с погаными Половци... взяша град Киев на щит... а что гости иноземья всякаго языка, затворишася в църквах, и въдаша им живот, а товар с ними разделиша наполю»).

Свидетельства наших летописей подтверждаются словами современника Нестора, польского летописца Мартина Галла, который так выражается (в предисловии) о своем отечестве: «Польша делалась известною пре-

имуущественно только потому, что через нее проезжали иностранные купцы в Русь».

Из немецких грамот мы узнаем, что Регенсбург в XII веке, случалось, имел в Киеве свои торговые дома, и что через Енс (?) и Вену отправлялись регенсбургские торговцы в Киев за покупкой меховых товаров. Они (Кигап — купцы, торговавшие с Русью, как наши гречники торговали с Грецией?) платили подать при отъезде и по возвращении в отечество.

В начале X столетия русские купцы приходили со своими телегами через Богемию на берега Дуная, продавать баварцам лошадей и невольников.

В 1027 году поляки с русскими доходили до Сицилии.

Переходим к Новгороду.

Новгород и его область, сырая, болотистая, бесплодная, не изобиловала никакими естественными продуктами, напротив, она чувствовала недостаток в главнейших потребностях. Но новгородцы были посредниками всей русской торговли с Севером и Германией. Они сами ездили за море.

В 1142 году шведский король, на 60 шнеках, напал на новгородцев, возвращавшихся в трех ладьях из-за моря, но не успел ничего, потеряв даже полтора человека в сражении и три шнека. (Ладьи новгородские, видно, были очень велики, если они могли бороться с 60 шнеками и, побив 150 человек, отойти безопасно.)

В 1188 году у новгородцев была серьезная ссора с варягами, т. е. со скандинавами, которые заточили их купцов на острове Готланде. Новгородцы, по праву мщения, поступили, кажется, так же с их купцами у себя и в Торжке, и хотя отпустили их на другой год, но не позволили своим купцам ехать за море, и не отправили послов.

Иностранные купцы приезжали в Новгород, жили там постоянно, имели свой двор и церковь. В Ярославовом уставе о мостовых упоминается о целом участке, заселенном немцами.

Наши свидетельства о торговле новгородской с Севером подтверждаются иностранными. Исландские саги наполнены ими. Адам Бременский свидетельствует, что датчане в

его время приезжали в Новгород в 4 недели, а от устья Одера совершали туда путь обыкновенно в 43 дня. Город Волин XI века называет он величайшим из городов европейских и знаменитейшим сборным местом для варваров и греков окрестных, то есть наших гречников.

В 1157 году Свенд, король датский, при осаде Шлезвига захватил русские купеческие корабли и товары, на них взятые, роздал своим ратникам вместо жалованья.

В 1158 г. бременские купцы явились в устье Двины и начали с тех пор постоянно торговать с ливами и русскими.

1161–1180 из заключения древнейшей Новгородской Скры видно, что с Русью торговали, между прочими городами, Сест, Дортмунд и Любек.

В грамоте епископа кельнского Рейнольда (1165 г. августа 31) есть известие, что жители городка Медебаха в Вестфалии торговали с Русью.

В 1187 г. император Фридрих грамотой, данной городу Любеку, освободил от пошлин руссов, готов, норманнов и других восточных

обитателей, приходивших для торговли.

Торговые сношения Новгорода с немецкими землями были так значительны, обширны и постоянны, что очень рано оказалось нужным постановлять правила и обязываться в их исполнении. Около 1199 года заключен новгородцами торговый договор с немцами.

По основании Риги в 1201 г., и по окончательном водворении немцев в устье Западной Двины, торговые сношения распространились еще более: в летописи Ливонской встречается о них много сведений.

Касвини, писатель XIV века, нашедший в Майнце много восточных монет, удивляется, что здесь, на отдаленном западе, встречаются в огромном количестве пряные коренья, свойственные лишь крайнему Востоку, — перец, имбирь, гвоздика, нарד, кост, галанга, которые вывозятся из Индии. Эти произведения привозились на Запад через Россию еще в XI веке.

Переходим к внутренней торговле Новгорода.

Новгородцы после древних, вероятных, своих поселений в Бежецке, Волоке Ламском,

Торжке, Ростове, Муроме, Белозерске, селились с торговыми целями по рекам Ваге, Северной Двине, Пинеге, Мезени, Печере, даже до Оби.

Под 1096 г. помещен в Новгородской летописи рассказ о самом дальнем северо-востоке: «Четыре года тому назад вот что я слышал от Юрята Роговича Новгородца, говорит вводный свидетель: я посылал отрока своего в Печеру, к людям, дающим дань Новгороду.

Из Печеры отрок мой ходил в Югру. Югра — народ немой, сидит на границе с Самоядью, в полуночных странах. Они рассказывали моему отроку о случившемся за три предтем года: за лукою моря есть горы, путь к ним непроходим — пропастями, снегом и лесом, высота им яко до небесе, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору хотяще высечися, и в горе той просечено оконце мало. Оттуда говорят они, но нельзя понять что; они показывают на железо, давая знаки рукою, прося железа. За нож или секиру, кто даст им, они платят мехами. Мудрено доходить до тех мест, а есть еще и дальше на север поселения».

Под 1114 годом есть еще воспоминание, переданное летописцу ладожанами, «что мужи старые ходили за Югру и за Самоядь», рассказывая многое удивительное о тамошних странах.

В 1193 г. новгородцы ходили войной на югру, которая, желая спасти свой город от осады, прислала сказать им, «яко копим серебро и соболи, и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани».

Новгородцы получали оттуда меха, морских птиц, моржовое сало, клыки и доставляли преимущественно железные изделия. Новгородские купцы ездили в Киевское княжество. Это мы видим из того, что в 1161 году великий князь киевский Ростислав, рассердясь на новгородцев, велел перехватить их купцов, что были в Киеве, и посадить в погреб, где их в одну ночь умерло 14 человек, а остальные разсланы были после по городам.

Новгородцы торговали с Черниговом, что видно из предложения князя Михаила черниговского принимать к себе их купцов.

О количестве новгородских купцов лучше всего мы можем судить по известию о том,

сколько князь Ярослав, который был после великим князем владимирским — поссорясь с ними, захватил в Торжке в 1213 г. мужей новгородских и купцов — более двух тысяч. Каково количество, большую часть которого составляли, без сомнения, купцы! «Ярослав. гость Новъгородьскый всь прия (в Торжке). Посла князь Мъстислав (сказать ему): мужь мой и гость пусти. Князь же Ярослав того не улюбил. а Новгородце съзва на поле за Тържк. вьси мужи и гостьбици, изъймав я вся, посла исковав по своим городом, а товары их раздая и коне; а бяше всех Новгородьць боле 2000».

О пребывании новгородских купцов в Переяславле (Залесском) находим известие в истории того же Ярослава; он перехватил там новгородских купцов в 1216 г.: «Ярослав (разбитый Мстиславом), въбег в Переяславль и изыма Новгородцы и Смолняны, иже бяху зашли гостьбою в землю его, повеле в погребы вметати их, что есть Новгородцев, а иных в гридницу, и ту ся изодхоша, а иных повеле затворити в тесне избе, и издуши их полтора, а Смолнян 13 муж затвориша кроме, те

же быша все живы».

Чтобы смотреть за правильностью весов, собирать разные подати в пользу церкви, хранить и употреблять их соответственно назначению, князь поставил ей трех старост от живых людей, одного тысяцкого от черных и двух старост от купцов и повелел «ни во что Ивановское» не вмешиваться ни посаднику, ни боярам новгородским, ни самому владыке. Из доходов церкви положено было ежегодное жалованье: священникам, закону, сторожам. Из тех же доходов ежегодно отпускаема была значительная сумма для храмового праздника Св. Иоанна Предтечи на свечи и другие издержки.

Иногородние купцы в Новгороде назывались гостями.

По Всеволодовой грамоте мы видим низовских, смоленских, полоцких, новоторжских гостей, также тверских, бежецких, деревских с Помостья (т. е. с живших по реке Мсте).

Новгородские купцы принадлежали к числу почетнейших граждан, ходили послами и участвовали в войнах, условиях с князьями.

Кроме Новгорода производили торговлю

псковичи, новоторжцы, ладожане, рушане, как видно из некоторых выше и ниже предложенных мест, а именно: Ярослав в 1232 г. не пустил в Псков купцов с солью.

О смоленских купцах в Переяславле и встречается известие в летописи по тому поводу, что Ярослав Всеволодович, после поражения под Липицами, захватил их вместе с новгородцами, пятнадцать человек; они были заключены особо и остались в живых.

В ливонских летописях есть известие, что в 1210 году некто Лудольф из Смоленска был послан в Ригу полоцким князем к епископу Альберту для переговоров о мире: без сомнения, это был купец, проживавший в Смоленске.

О торговле Смоленска, вместе с Полоцком и Витебском, сохранилось в Рижском архиве драгоценное подлинное свидетельство — договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом, 1228 года. Пропади этот документ, что знали бы мы из наших летописей о торговле Смоленска? Решительно ничего. А между тем, она была так обширна и велика, что для содержания ее в

законных пределах потребовалось определить множество частных, доказывающих самое живое и частое сообщение. Мы узнаем теперь, что смоленских купцов бывало множество в Немецкой земле; что немецких купцов бывало множество в Смоленске; что немецкие купцы имели в Смоленске церковь и ездили из Смоленска и в другие города, что Полоцк и Витебск производили такую же торговлю с немцами, как и Смоленск, и что Двина по всему своему течению была свободна.

Из городов Смоленского княжества известны по торговле Торопец: в летописи еще под 1074 годом упоминается «богатый» купец Торопчанин, который роздал имение свое нуждающимся и постригся в монастыре Феодосиевом, нареченный Исакием.

Что во Владимир Суздальский приходили купцы: греческие, немецкие, киевские и восточные, — о том мы случайно узнаем из причитанья Кузмища Киянина над трупом Андреевым. «Иногда бо аче и гость приходил из Царягорода, и от иных стран из Руской земли, и аче Латинин, и до всего хрестьяньства, и до всея погани...» Андрей всем велел показывать

церковные богатства.

Низовые купцы должны были платить в Новгороде от двух берковец воцаных по гривне серебра, да гривну перцу. Перец неоткуда было получать низовым купцам, кроме Востока. Следовательно, восточная торговля через Астрахань и Булгар продолжалась еще в XIII веке.

Такова была торговля внутренняя и внешняя Руси в удельном периоде. Она находилась под особым покровительством князей, что видно по летописям и по договорам, и была ограждена законами, очень подробными в Русской Правде, чем и доказывается ее значительное развитие с кредитом (заимством), процентами (ростом, резами, лихвою), поручениями (комиссиями). Не только деньги давались взаем, но и «жито в присоп, настав в мед, скот в приплод» (см. в Русской Правде). Деньги давались «в куплю и в гостьбу», т. е. в торг домашний и заграничный. Резы, росты (откуда нын. ростовщик) обыкновенные. Против резоимства очень сильно протестовали проповедники.

Арабские монеты IX — XII ст., находимые

во множестве на всем пространстве России.

Русь продавала свои товары в Болгаре и Итиле всегда на чистые деньги, по свидетельству самых арабских писателей Ибн Дасты и Ибн Фоцлана.

Вместе с арабскими монетами, шедшими преимущественно из Мавераннегра (Хивы и Бухары), попадают древние греческие, римские, немецкие, англосаксонские. Восточная торговля, впрочем, значительно уменьшилась в продолжение удельного периода.

Главные предметы заграничной торговли, как на запад, так и на восток, были меха — соболя, горностаи, куницы, песцы, волки, медведи, бобры, зайцы, рыбы зубы, поташ, воск, мед, лес, кожи (юфть), иногда хлеб; на юг в особенности челядь.

Получались по-прежнему: драгоценные ткани, янтарь, сукна (ипское из Ипра во Фландрии), железные изделия, из Греции церковные принадлежности: иконы, сосуды, мозаика, вина; с востока вина, пряные коренья, благовония.

Что касается до внутренней торговли, — различие в климате и почве земли, обилие

тех или других естественных произведений, по местам были причиной происхождения разных отраслей местной промышленности и меновой торговли. Так, например, Новгород (1141) должен был получать хлеб с юга из Суздаля или даже от немцев, а Суздаль, в случае нужды, от Болгар.

Главные пути — реки: Волга, Ока, Днепр, Дон, Нева и прочие, между которыми находились волоки. Два волока, между Бабиновичами и Оршей, и Болиголовичами и рекой Уллою, где впоследствии прорыт Березинский канал, почти до нашего времени служили путями торговых сообщений между речными системами Днепра и Двины. На первом из этих волоков найдены в четырех разных местах монеты из Халифата и Парфии, преимущественно VIII века. В одном лишь кладе были сассанидские, X века. Волоки дали имя городам Вышнему Волочку, Волоку Ламскому.

Доставлялись по местам товары и сухим путем: например, из жития Феодосия видим, что он встретил близ Курска обоз, шедший в Киев. Последуя за ним, он достиг Киева через три недели, следовательно, в день делалось

верст по 20.

В городах везде были торговища, т. е. торговые площади (которые до сих пор сохранились и во всех славянских городах на западе).

При монастырях, особенно в дни их праздников, происходили торги, подавшие впоследствии повод к учреждению ярмарок.

Предметы торговли внутренней, о которых говорится в современных памятниках, например, в Русской Правде: хлеб — рожь, пшеница, пшено, овес, сено, мясо, рыба, соль, воск, мед, лен, дрова, вообще съестные припасы, рогатый скот и все нужное для одежды и обуви. (Затворники печерские плели копытца и клубуки и носили на продажу в город, где покупали жито.)

Внутренняя торговля была обложена пошлинами, о которых можем судить по уставу Всеволода. Были пошлины на перевозах, на мостах, передмер (с меры, померное), осмниче, весче (с веса, за вес).

Земледелие

Пахотная земля называлась рольею. Пахать выражалось словом орать. Орали лошадьми, а не волами, как ныне в Малороссии. Когда в 1103 году Мономах звал своего двоюродного брата, киевского великого князя, Святополка Изяславича, против половцев, то дружина его возражала (по Лавр. списку), «яко негодно ныне, весне, ити хочем, погубити смерды и ролью их. И рече Володимер: дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же то ореть (смерд), а сего чему не промыслите, оже то начнет орати смерд, и приехав Половчин ударит и стрелою, а лошадь его поимет, а в село его ехав, имет жену его, и дети его, и все его именье (по Ипат. списку: и гумно его зажжет), то лошади жаль, а самаго не жалы ли?»

Земледельческие орудия: плуг, рало, упоминаются у Нестора и в Русской Правде, борона в Русской Правде.

Коса и серп (в Сузд. летописи 1178) известны с глубокой древности.

Жатва, сено сечи, выражения в правиле

Кирилла митрополита.

В Слове о полку Игореве так описывается уборка хлеба иносказательно: «на Немизе снопы стелят головами, молотят чеши харалужными, на токе живот кладут, веют душу от тела».

В житии Феодосиевом упоминаются ручные жернова.

Прочие орудия: мотыки, лыскари (1074), рогалии (1091), кирки.

Сено уп. в Русской Правде, в Новг. летописи (1145), сеножати в грамоте Ростислава. В селе северского князя Игоря Ольговича, в 1146 г., военными противниками найдено было на гумне 900 стогов (сена?).

Хлеб сушился в овинах, упоминаемых в уставе Владимира Святого, хранился на гумнах, в ямах, как значится в Русской Правде; в житии Св. Феодосия говорится о сусеках, в Слове Данииловом упоминаются житницы, в Киевской летописи (1146 г.) бретьяницы.

Роды хлеба, упоминаемые в памятниках: рожь, жито (1193); пшеница (1114, в ВК.) пше-но, измерявшееся по Русской Правде убороками (четвериками?), просо (1095), ячмень, со-

лод (ведрами), овес (лукнами), отруби, ярь (яровое); в Новгородской летописи под 1127 г. вершь (всходы), озимица.

В церковном уставе 1051–1054: «Аще муж имет красти коноплю или лен или всяко жито, митрополиту в вине с князем на полы, також и жонка».

Гобино — урожай, обилие (оттуда: угобзить); готовизною, вероятно, назывались всякие припасы, слово, от которого остался у нас глагол: готовить кушанье.

Меры хлеба: кадь (после бочка, оков), содержала 4 четверти, четверть 2 осмины. Кадка малая должна быть что осминка великая, а осминка малая — четверик?

В житии Феодосия бъчвь (оттуда бочка) полна меду.

К земледелию относятся в Русской Правде законы: «Аже будеть росечена земля... то платити продажу, аже межу. ролейную разорет, то 12 гривен продажи. Оже дуб перетнет знаменый или межьный, то 12 гривен продажи».

Особенного имени для земледельцев в древности не было, как теперь крестьяне, раз-

ве мужи (откуда нынешние мужики). Пришлое, господствующее племя называло этих мужей-туземцев смердами. Впоследствии однажды (1216) встречается имя поселей, откуда нынешние поселяне.

В Правде значатся особенные батраки, которые назывались ролейными закупами, наймитами. (Это имя кажется переведенным с чужого языка и указывает на иностранное происхождение обычая.) Закупы получали от хозяина особую плату и обязывались за нее служить ему, обрабатывать землю. Их, видно, было столько, что для определения их отношений понадобились многие особые правила:

Плата, содержание, снабжение нужными вещами не давали права на личность; получавший мог до срока отходить, с обязанностью возвратить все полученное. За потерянный плуг и борону закуп должен платить, а если пропажа случится в его отсутствие по делам хозяйским, то она не причитается ему в вину. За уведенную скотину из хлева закуп не отвечает, но если он потеряет ее в поле, не загонит во двор, не затворит, где хозяин велит,

то должен платить. Если господин обидит закупа и не выдаст ему полного жалованья, то должен удовлетворить его и заплатить 60 кун за обиду. Если возьмет у него деньги, то должен возвратить с прибавлением 3 гривен пени. Если господин продаст закуп в крепость, то лишается всех денег, ему выданных, и платит 12 гривен продажи. Если господин побьет закуп про дело, то есть без вины, а не смысла, пьяный, то платить, как за свободного человека. Закуп за кражу, выплаченную его господином, делается ему крепостным. Бегство наказывалось закрепощением, жалобы за неплатеж или обиду не ставились в вину, а требовали суда.

Из этих правил должно заключить, что уже в древнее время было очень много земли, которая обрабатывалась по найму. Вероятно, свободные мужи-поселяне шли в такие заработки, чтобы пользоваться покровительством князя или боярина, зажиточного человека, и иметь для себя все нужное, готовое.

Закупы были, так сказать, родоначальниками свободного перехода крестьян, который установился впоследствии (Юрьев день).

В Русской Правде упоминаются сельские, ратайные тиуны, княжие, боярские.

В одном, хотя и не очень ясном, месте говорится о холопях смердих.

Св. Феодосий в детстве «начать на труды подвижен бывати, якоже исходити ему с рабы на село и делати с великим смирением».

Бояре «села вдавающе на попечение им» (инокам Печерского монастыря).

Ремесла

Рассеянное житье, недостаток в сообщении и множество других препятствий — были причиной, что жители везде научились сами рано удовлетворять главные свои потребности, не прибегая к посторонней помощи.

Русский крестьянин с женой до сих пор изготавливает все нужное для своего обихода — одежду, летнюю и зимнюю, обувь, посуду, орудия; женщина прядет лен и точет холстину, муж валяет сукно, плетет лапти, шьет тулуп из домашней овчины, делает сани и телеги.

О ремесленниках и ремесленницах есть особая статья в Русской Правде. За убийство

пеня полагается в 12 гривен.

Слово ремесло почти нигде более не встречается. Только в Слове о богатом упоминается враческое ремесство.

Плотники, этот промысел принадлежал преимущественно новгородцам, у которых особый конец в городе назывался Плотенским. Еще Святополковы воины корили их: «А вы плотницы суши!»

Из дерева вырезались разные вещи, например, стрелы.

Улица Лубяница указывает на промысел там лубяной.

Гончарный конец населен был гончарами — глиняное и горшечное искусства.

В летописях встречаются гарницы.

Каменщики. Ростовцы говорят о владимирцах (1176): «Ти суть холопи наши каменщики».

В 1119 году заложена в новгородском Юрьеве монастыре церковь Георгия каменная, «а мастер трудился Петр».

Андрею Боголюбскому при возведении Владимирского собора (1156) «приведе Бог из всех земель мастера».

О стене под Выдубецким монастырем (1199) Киевская летопись говорит: «Благоверный Великий князь Рюрик Ростиславич... заложи стену камену под церковью святаго Михаила у Днепра, иже на Выдобычи. О ней же мнозе не дерзнуша помыслити от древних, али на дело ятися... изобрете бо подобна делу и художника во своих си приятелех, именован Милонег, Петр же по крещению» (который и построил ее с небольшим в год).

Каменные стены имели некоторые города: Новгород, Киев, Переяславль, Ладога.

При возведении Печерской церкви оказалась сменная доска на алтарь, неизвестно кем принесенная; игумен посылал «тамо, идеже делаются таковыя вещи, три гривны серебра, да тоя мастер возьмет за свой труд».

Упоминаются в летописях мраморные гробницы после Ярослава: великого князя Изяслава, сына Ярополка, и др.

Вытесывались из камня кресты и разные украшения.

В вопросах диакона Кирика упоминаются сосуды деревянные, глиняные, стеклянные, медные, серебряные.

Кузнецы. В житии Феодосия есть известие, что он «шед единому от кузнец, и повеле ему железо счепито (из цепей) сковати». Клещи (1114).

Даниил Заточник говорит: «не огонь творит разжение железу, по надыманье мешное (посредством мехов)».

У него же встречаются выражения: «железо варити, камень долотити».

Литейное искусство было известно, в чем удостоверяет множество оставшихся медных крестов и образков.

Серебряных и золотых дел мастерство было довольно распространено.

Оклад Мстиславова евангелия, сделанный, впрочем, в Греции, сохранился до нашего времени (около 1125).

Андрей Боголюбский вскова на образ Владимирской Божией Матери более 30 гривен золота, проче серебра.

В Слове о полку Игореве говорится о «злате стремени». В Слове Даниила Заточника о златоконных трубах. В древних песнях о разных золотых изделиях.

В предисловии к Новгородской Софийской

летописи, вероятно, около 1200 г., сказано, при сравнении древних князей и мужей их с новыми: «не жадаху, мало ми есть сто гривен; не кладаху на свои жены златых обручей, но хожаху жены их в серебре, и расплодили были Русскую землю».

Под 1234 г. упоминается в Новгородской летописи серебряник.

Были, вероятно, и денежники, которые чеканили монету.

Плано-Карпини видел (1245) в Орде русско-го золотых дел мастера Козму, который сделал престол для хана.

Золотошвейное искусство было известно искони.

Еще под 1024 г. о варяге Якуне, пришедшем на помощь к великому князю Ярославу, сказано: «луда бе у него золотом исткана».

Под 1146 г. союзные князья ограбили церковь Св. Вознесения в Путивле, принадлежавшем к владениям их врага, Святослава Ольговича северского: «индитьбе (одежды, покровы) и платы служебныя (воздухи), а все шито золотом».

В 1183 году сторела Владимирская собор-

ная церковь, и что «бъше в ней... порт шитых золотом и женчюгом, яже вешали на праздник в две верви от Золотых ворот до Богородицы, а от Богородице до Владычных сеней во две же верви чюдных» (Киевская летопись по Ипат. списку).

Под 1216 г. упоминается об оплечьях, шитых золотом: Ярослав перед сражением под Липицами говорит своим боярам и первым своим людям: «Аще и золотом шито оплечье будет, убий!»

В летописях упоминаются: котельник, опоньник (1216), кожевник (1240).

В житии Феодосиевом говорится о делании полотен.

В житии муромского князя Константина о ткании красна.

В песнях упоминаются чеботные и портные мастера (порты — платье, одежда).

Церковь, распространение христианской веры

Христианская вера, от кончины Ярослава, распространялась далее и далее по обширным областям его державы. После соседних с Киевом областей, населенных славянскими племенами, она проникала на дальний север и восток, где русские были окружены финскими племенами. Успехи ее на этом пути могли быть, разумеется, только постепенными; не говоря о других естественных препятствиях, сама подготовка способных священнослужителей, устройство церквей и снабжение их всеми принадлежностями сопряжено было с великими затруднениями и требовало много времени.

Из Ростова первый епископ Феодор, посланный еще Св. Владимиром, вместе с сыном его Борисом, и построивший в 992 году церковь «дубовую, дивную и великую» (которая сгорела в 1160 году), вынужден был бежать. Он водворился в Суздале, где, видно, дело обращения было успешнее.

Преемник его Иларион не был счастливее

его в Ростове.

Св. Леонтий, ученик Св. Антония печерского, также нашел сильное сопротивление у здешних язычников: он был изгнан из города и поселился неподалеку, близ ручья Брутовичи. Сюда он стал призывать детей, кормил и ласкал их, учил началам Св. веры и крестил. Крестились вместе с детьми и взрослые. Прошло некоторое время. Укрепившись силой крестной, постом и бдением, он возвратился в свой соборный храм. Здесь продолжал он святое дело — учить детей и проповедовать о пустоте и нечестии идолослужения. Язычники решили убить его и толпой собрались к собору. Святитель в полном облачении, сопровождаемый духовенством, явился перед ними с крестом в руках и укротил их ярость. Многие тогда приняли христианство. Но вражда в большинстве не прекращалась. Св. Леонтий был убит среди нового возмущения, вероятно, около 1074 года. Первый ростовский священномученик, по выражению Св. Симона, жизнеописателя печерского, «его же Бог прославил нетлением... и се третий гражданин небесный бысть Русскаго Мира с онема Варягома

(Феодором и Иоанном, убитыми при Владимире), венчався от Христа».

Еще известен ростовский проповедник Авраамий, живший во время Мономаха, который сокрушил тростью каменный идол Велеса. Житие его говорит, что он в юности, «ревнуя о жизни духовной», оставил дом, родителей, принял иночество и поселился у озера Неро, в хижине, им поставленной. Здесь скорбевший об идолослужении, которое продолжалось в Чудском конце Ростова, имел он видение, ободрившее его совершить свой подвиг. На месте сокрушенного идола он основал Богоявленский монастырь, донныне существующий.

Есть известие, что несколько жителей ростовских, не хотевших принять христианство, выселились куда-то на берег Волги.

Обращение вятичей, соседних с Курской областью, в нынешней Орловской губернии должно относить к первой трети XII столетия. Нестор, описав языческие обряды древних русских славян, прибавляет: «се же творят Вятичи ныне», т. е. в начале XI и начале XII столетия. У вятичей проповедовал Св. Кукша.

Св. Симон в послании к Поликарпу говорит, что он вызвал дождь, иссушил озеро и сотворил много чудес. Он был усечен язычниками и в муках скончался с учеником своим Никоном, что в Киевских пещерах прозрел Св. Пимен постник, который, став среди церкви, возгласил, по Печерскому сказанию: «Брат наш Кукша предается смерти», — и с этими словами скончался сам.

Муром обязан своим просвещением преимущественно ревности первого после Глеба своего князя Константина, который, идя сюда на княжение, прислал сначала сына Михаила — он был убит. Константин взял город и поставил церковь Св. Благовещения. Там похоронил он своего убитого сына Михаила с христианскими обрядами.

После описания действий князя на пользу христианства житие сообщает любопытные сведения о современных языческих суевериях в Муроме: «Где рекам и озерам требы кладущии? Где дуплинам деревяным ветви убрусцами обвешающии и сим поклоняющиися? Где кладезем и поникам поклоняющиися, очныя ради немощи умывающеися, и сребрени-

цы в ня поверзающеи? Где кони закаляющеи по мертвых, и ременная плетения древолозная с ними в землю покоповающеи, и битвы, и кроения, и лиц настрекания, и драния творящеи? Где сверилия и горкая согрешения восклицающеи?.. Идеже бо в Муромстей стране пройдеши, нигде не услышишь проклятых многобожных имен, ни Перуна, ни Ждабога, ни Мокоша, им же погании требы творяху»[8]

Жители упорствовали и умышляли против своего князя. Однажды толпы собрались с дубинами перед его жилищем. «Князь со своей семьей, — говорит житие, — с духовными и несколькими из добрых слуг стал на молитву. Затем один явился, с иконою Богоматери на руках, к волновавшейся толпе. Бунтовщики были поражены ужасом и вместо угроз выражали мольбу просветить их Св. крещением». Обрадованный князь воздал благодарение Господу и Пречистой Матери, назначил день, когда все непросвещенные должны явиться на реку Оку. «Священницы мазаху их хризмою чело, очи, уста, ноздри, уши. И надеша на ня венцы червленые на главы их обязаша;

на них же крест, и белы ризы, и ногавицы, и сапоги, и даша всем свечи горящи в руке, и повелеша ити в церковь».

К 1147 году принадлежит обращение Вологды Св. Герасимом, пришельцем из Киева. Он основал обитель у ручья Кайсарова, приобретя землю у одного купца, род которого (Пятышевых) пресекся только в наше время.

На берега Северной Двины принесли святое учение новгородцы, где уже в XII столетии имели свои монастыри.

В 1174 году некоторые из них поселились на Вятке и принесли туда христианство.

Прибалтийская чудь просвещается была христианством из Новгорода и Пскова, о чем есть следы и в летописях ливонских.

Следы язычества

Так распространялась христианская вера, но языческие верования долго еще были живы по местам. Наша первая летопись, под 1067 г., свидетельствует о том, вставляя следующие слова в заимствованное из древнего Злотоструя осуждение своего времени: «Се бо не поганьски ли живем... аще бо кто усрящет черноризца, то возвращается, — ли единиць, ли свинью... се бо по дьяволу наученью кобьсию держать, друзии же и закиханью веруют, еже бывает на здравье главе».

Древний, неизвестный проповедник говорит в одном своем слове, что ревнитель христианской веры не может терпеть христиан двуверных; они христиане, но веруют в Перуна, Хорса, Мокошь, Сима, Рекла, Вилы, которых числом несчастные невежды полагают тридесять. Все это считают они богами и богинями и кладут им жертвы, ломают караваи, режут кур; они молятся огню и зовут его Сворожицем; и чеснок считают за бога, и когда у кого бывает пир, кладут его в ведра, в чаши, и так пьют. «Не одни невежи, но и вежи это де-

лают, попы и книжники; если и не творять того книжники и вежи, то пьют и едят сие моленное брашно; если же не пьют и не едят, то видят деяния их злыя, если же не видят, то слышат и не хотят поучать».

«И ноне, говорит другой древний ревнитель, по украинам молятся ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творят отай, сего немогут ся лишити проклятаго ставленья, и вторыя трапезы нареченныя роду (?) и рожаницам (девам жизни и судьбы, паркам?)».

Даниил Заточник в своем слове говорит: «Дети бегают рода, а господь пьяного человека».

Сказания о волхвах, рассеянные в летописях, до позднейшего времени представляют такие следы древнего язычества.

1071. Волхв пришел в Киев и рассказывал людям, что через пять лет Днепр потечет назад, и земли переменятся: Греческая станет там, где есть Русская, а Русская, где Греческая, — так изменятся и прочие. Глупые верили, а умные говорили, что бес им играет на пагубу ему. Так и случилось, замечает летопис-

сец: в одну ночь он пропал без вести.

По поводу этого известия летописец рассказывает следующее: был голод в Ростовской области. Два волхва, идя по Волге от Ярославля, обвиняли женщин, что они скрывают у себя обилье... Жители приводили к ним жен, матерей, сестер. Волхвы прорезали у женщин «в мечте» за плечом и вынимали жито, рыбу, мед; несчастных убивали, а их имущество доставалось убийцам. Таким образом пришли они на Белоозеро в сопровождении трехсот человек. Там собирал дань от Святослава Ян, сын Вышаты. Белозерцы сообщили ему, что два кудесника уже избили многих женщин по Волге и Шексне. Ян спросил, чьи они смерды, и, узнав, что они принадлежат к области его князя, послал к их спутникам требовать их выдачи. Те не послушались. Ян хотел идти к ним сам без оружия, но отроки его остановили: «Не ходи без оружия — осрамят тебя». Он велел 12 отрокам своим взять с собою оружие и пошел вместе с ними к лесу, держа топорец в руке. Шайка исполчилась. Навстречу выступили три человека и сказали Яну: «Что идешь на смерть, не ходи!» Ян велел убить их

и двинулся вперед к прочим. Те бросились на Яна: один промахнулся топором, Ян, оборотя топор, ударил его обухом и велел отрокам сечь их. Все разбежались. В схватке убит был поп Яна.

Ян, вернувшись в город, сказал белозерцам: «Поймайте волхвов, если не поймаете, то не уйду от вас за лето». Белозерцы поймали и привели волхвов к Яну. Между ними произошло состязание. «За что погубили вы столько людей?» — «За то, что они держали гобино». «Ложь это, Бог сотворил человека из земли, человек имеет кости и жилы, и нет в нем больше ничего». Волхвы сказали: «Мы знаем, как сотворен человек». «Как?» «Бог мылся в мовнице, и, вспотев, отерся ветошкой, которую бросил с неба на землю. Сатана заспорил с ним, кому сотворить из нее человека, и сотворил человека дьявол, а Бог вложил в него душу: потому и идет тело человека по смерти в землю, а душа к Богу». «Поистине, прельстил вас бес, сказал Ян, какому Богу вы веруете?» «Антихристу». «Где он?» «Сидит в бездне». «Какой же это Бог, если сидит в бездне? Это бес, а Бог есть на небеси. Бес свер-

жен оттуда за величанье и сидит в бездне, ожидая, когда придет Бог и велит связать его со слугами его и ввергнуть во тьму кромешную. Вы же примите муку от меня здесь, а по смерти там». «Боги поведают нам, что ты не можешь сделать с нами ничего». «Лгут вам боги», сказал Ян. Волхвы сказали: «Нам стать перед Святославом, а ты не можешь сделать с нами ничего». Ян велел бить их и драть бороду. «Ну, что говорят вам теперь боги?» спросил Ян. «Стати перед Святославом». Ян велел вложить им в рот рубль, и, привязав к упругу, пустить по реке в ладье, а сам поплыл за ними в устье Шексны. Он спросил их опять: «Что говорят вам боги?» «Не быть нам живыми от тебя». «Вот это правду говорят они вам», подтвердил Ян. «Но если тыпустишь нас, сказали они, то много добра тебе будет; а если погубишь, то примешь зло и многу печаль». «Если я пущу вас, то зло будет мне от Бога», и, обратясь к перевозчикам, спросил, не убит ли кто ими из родных. Один назвал мать, другой сестру, третий ребенка. «Мстите же за своих». Перевозчики убили волхвов и повесили на дубе. В ту же ночь медведь пожрал их тела.

Под этим же годом рассказывает летописец: пришел один новгородец в чудь и попросил у кудесника волхвованья. Тот начал призывать бесов в храмину. Новгородец сидел на пороге, кудесник же упал, оцепеневши: «шибе им бес». Встав, кудесник сказал новгородцу: «Боги не смеют придти — у тебя есть что-то, чего они боятся». Новгородец вспомнил, что на нем есть крест, вышел и положил его в стороне. Позванные вновь бесы объяснили, зачем он пришел. Новгородец спросил после, почему они боятся креста. «То есть знаменье небесного Бога, которого наши боги боятся». Он спросил: «Какие у вас боги, и где они живут?» «В бездне: суть же образом черны, крылатые, с хвостами, восходят и под небо, слушая ангелов. Кто умирает из ваших людей, того ангелы возносят на небо, а кто умирает из наших, тот несется к нашим богам в бездну». Так и есть, заключает летописец, грешника в аду ждут муки вечные, а праведники водворяются с ангелами в небесном жилище.

Нестор, рассказав этот случай, заключает свои рассуждения о волхвовании так: «Паче же женами бесовьская волшвенья бывають...

тако в си роди много волхвуютъ жены чародейством, и отравою, и инеми бесовьскими козньми».

При Глебе явился волхв в Новгороде и прельстил чуть ли не весь город, «творяся яко Бог», хуля веру христианскую, говоря о себе: все знаю, и вызываясь перейти Волхов перед всем народом. Случился мятеж в городе, хотели убить епископа. Епископ облекся в ризы и, с крестом в руке, став перед ним, сказал: «Кто верить волхву, иди к нему; кто верует, тот иди ко кресту». Князь Глеб с дружиной стали около епископа, а все люди пошли за волхва. Глеб спрятал топор под скутом и подошел к волхву. «Знаешь ли, что случится завтра поутру и ныне вечером?» спросил он волхва. «Все знаю», отвечал тот. «А что будет теперь?» продолжал спрашивать Глеб. «Чудеса великие сотворю». Глеб вынул топор и ударил его. Волхв упал мертвый, и народ разошелся.

Ныне употребительные слова волшебник, волшебство остались памятником древних волхвов.

Грамотность и образование

Христианская вера стала источником нашего образования, источником единственным, в противоположность с западными народами, которые, кроме христианской веры, получили в наследство себе, еще прежде ее введения, греческое и римское образование, сильное и многостороннее. Они пропитались этим образованием, и оно дало их новым верованиям свой особый характер, что и было причиной отличий первоначального римского католичества от греческого и еще более от русского православия.

Второе отличие в образовании русского народа от западных народов состоит в том, что мы получили с самого начала Священное Писание и все богослужение на родном, понятном языке.

Священное Писание и богослужение на родном, понятном языке — вот что было краеугольным камнем нашего образования. Еще современник Св. Феодосия, мних Иаков, глубокомысленно заметил: «Прияша святое крещение, готово имуще святое писание, и кни-

ги переведены с Греческого языка на Русский».

Бессмертные славянские первоучители, Кирилл и Мефодий, и их преемники обогатили славянский язык сокровищами Слова Божия. Все книги Ветхого и Нового Завета исполнь были переведены ими.

Константин, в монашестве Кирилл (827–869), вместе с братом своим Мефодием, перевел сначала избранные места из Евангелия (или так называемое Евангелие апракос, расположенное по церковным праздникам, начиная с Пасхи) и Апостола, потом все книги, необходимые для церковного богослужения: Псалтирь, Служебник, Требник, Часослов, Октоих, или осмогласник, Минею общую, содержащую в себе воследования праздникам Богородицы, Предтечи и общие целым чинам святых, Паремейник или собрание чтений из Ветхого и Нового Завета, и, наконец, Устав или общий чин православного богослужения.

Кириллу же приписывают: дошедшее до нас Написание о праве вере, в котором он, согласно с православной церковью, исповедует

учение о Пресвятой Троице, также догматы о воплощении Сына Божия и иконопочитании; «Слово о злых дусех», с именем Св. Кирилла, обращено к славянам язычникам и нападает на их суеверия; «Сказание об обретении мощей Св. Климента», составленное очевидцем, и молитву о покаянии, исходе души и за всех христиан.

«Осми частей граматикия переложии» с еврейского на греческий язык, свидетельствует биограф его, Св. Климент. Этот перевод ныне неизвестен, как и сочинение его: «Спор с раввинами», переведенный Св. Мефодием на славянский язык.

Св. Мефодий (ум. 885) участвовал с младшим братом своим в переводе чтений из Евангелия с Апостолом, Псалтири и книг богослужебных, а по смерти брата перевел шестьдесят уставных или канонических книг Св. Писания, кроме Маккавеев. До нас, к сожалению, полностью великое дело Мефодия не дошло.

Биограф Мефодия ему же приписывает перевод Номоканона, древнейшего собрания церковных законов, и отеческих книг, содер-

жащих в себе жития святых Вселенской церкви.

Первоначальный перевод Библии был сделан со списков Константинопольской церкви, которые, как известно, отличались от текста библейских списков, распространенных в западной церкви и в Александрии.

Разнообразные чтения в дошедших до нас списках служат доказательством, что переводы священных книг у нас издревле рассматривались, изучались и исправлялись по подлинникам. Следовательно, у нас уже были люди, способные к такому делу.

Первые русские христиане, устремившиеся читать Священное Писание, не довольны были одним его текстом, но искали толкования, и уже на первых порах имели важнейшие сочинения этого рода, которые дошли до нас в значительном количестве списков, что доказывает их значительное распространение в народе.

В Пчеле (1199), одном из древних наших сборников, сказано о книгах: «Ум без книг, аки птица спешена. Якож она възлетати не может, такоже и ум недомыслится съверше-

на разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его ж лишився безумный, акы во тьме ходит и погибнет во веки».

В богослужебных книгах, в том, что из них пелось и читалось в церкви, начиная с «Господи помилуй», было для народа много нового, любопытного, назидательного, а язык их был для него тогда гораздо ближе и понятнее, чем теперь.

Многие князья покровительствовали учению, уважали книжную мудрость и любили беседовать с духовными лицами о спасении души, что в особенности с чувством отмечается летописцами. Назовем Святослава, который высоко чтит преп. Феодосия и для которого написаны были два сборника: 1073 и 1076 года. Хотя послесловие, в котором говорится о его клетях, наполненных книгами, есть перевод с послесловия, обращенного к болгарскому царю Симеону, однако оно, видно, могло быть прилагаяемо хоть сколько-нибудь и к нему.

Благодаря всем этим благоприятным обстоятельствам, духовное и нравственное образование стало на высокую степень, и мы

имеем из этого периода (1054–1240) множество письменных произведений, принадлежащих лицам всех званий и санов: князьям, митрополитам и епископам, архимандритам и монахам, боярам и простолюдинам, — о предметах самых разнообразных, обнимающих жизнь почти во всех ее проявлениях. Мы имеем летописи, сказания, законы, церковные уставы, грамоты княжеские, монашеские, мирные, торговые договоры, поучительные слова, рассуждения, жития, послания, описания странствий, вопросы и ответы о церковных предметах, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобиографии. Мы должны присоединить к произведениям духовной и церковной словесности и светские произведения: былины, песни, поговорицы, поговорки, Слово о полку Игореве, Слово Даниила Заточника.

Летописи

Преподобный Нестор написал житие Св. Бориса и Глеба, житие Св. Феодосия и летопись.

Вот свидетельства и доказательства — в заключении Феодосиева жития он сам себя называет так: «Се бо елико же выше о блаженем и велицем отци нашем Феодосии, оспытовая, слышах от древних мене отец, бывших в то время, тоже вписах аз грешный Нестор, мьний вьсех в монастыри блаженаго и отца всех Феодосия...»

А в начале: «Се бо исперва писавшю ми о житии и убиении и о чюдесех святою и блаженною стратотерпцю, Бориса и Глеба, понудихся и на другое исповедание приити...»

Летопись приписывается ему на основании слов Поликарпа, инока печерского, в послании к архимандриту Акиндину, который в житии Агапита ставит себе пример Нестора: «Яко же блаженный Нестор в летописце написа о преподобных отцах, о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исаакии», — и эти жития, в этом же порядке, находим мы в дошедшей до

нас летописи.

Поликарп и в другом месте, в житии святого Никиты, называет Нестора летописцем.

На некоторых списках летописи стоит имя Нестора, на других — черноризца печерского Феодосиева монастыря.

В пещерах покоятся мощи Нестора не книжного, в противоположность Нестору летописцу.[9]

К числу доказательств о тождестве сочинителя летописи с сочинителем жития Феодосия, Нестором, можно причислить и то, что в летописи не упоминаются те события из жизни Феодосия, которые описаны в житии, и, наоборот, что есть в летописи, того уже нет в житии, например, о погребении, об открытии мощей.

Сомнение может происходить из следующего разночтения в житии и летописи: в житии Нестор говорит, что он был принят в монастырь Св. Феодосия преп. игуменом Стефаном, «и яко же от того острижен быв, и мнишескыя одежда сподоблен, паки же и на дьяконьскый сан от него изведен сый», а в летописи: «Феодосьеви же, живуцю в монастыри,

и правящую добродетельное житье и чернечское правило, и приимающую всякаго приходящего к нему, к нему же и аз придет, худый и недостойный раб, и прият мя лет ми суццю 17 от роженья моего». Может быть, это только обмолвка, неточность, очень извинительная, какая встречается часто и у новых авторов в сочинениях, между которыми прошло много лет: Нестор был принят Феодосием и пострижен Стефаном, который после стал игуменом. Во всяком случае, это сомнение, недостаточно еще объясненное, должно уступить количеству и важности вышеприведенных доказательств.

Расположенный от природы к авторству, познакомясь, вероятно, с летописями греческими в болгарских переводах, которые привозимы были к нам болгарскими и греческими монахами, Нестор написал два жития и потом вознамерился написать русскую летопись. Примером ему служили греческие летописи, из которых он предлагает много выписок. Может быть, он достал записки, веденные на княжеском дворе о происшествиях, может быть, монастырь получил их с поруче-

нием княжеским об их обработке. Как бы то ни было, Нестор распространил и дополнил эти записки сведениями, от того или другого лица услышанными (на боярина Яна он сам указывает) и самим, по врожденной любознательности, собранными из преданий, песен, пословиц; наконец, он вставил целые сказания, которые уже тогда находились в обороте, например, о путешествии Св. Андрея Первозванного, о принятии Св. Владимиром христианской веры, и проч. В житии Св. Бориса и Глеба он сам на это намекает: «Се аз Нестор грешный о житии и о погублении, и о чудесех... опасне ведущих исписая, другая сам сведя, от многих мало вписах», и др.

Летопись Нестора доведена до 1111 г., впрочем, он был жив еще в 1113 году, ибо этот год успел ввести в свою хронологическую таблицу.

Главных списков Нестора было шесть: харатейный Лаврентьевский или Пушкинский (1380 г.) до 1305 г., Ипатьевский (конца XIV или начала XV в.), с которого списаны Хлебниковский (XVI в.) и Ермолаевский, Радзивилловский (XV или начала XVI в.), Троицкий ха-

ратейный (сторел при французах), Троицкий до 1319 г. на бумаге XV века. К ним присоединился в последнее время седьмой, также из XV века, Погодинский.

Нестор нашел любознательных подражателей, которые стали его продолжателями, и мы имеем, благодаря его примеру, летописи: Киевскую, Новгородскую-Суздальскую, Волынскую.

Кроме этих продолжателей, явились особые сочинители, которые описывали те или другие события. Из них самый примечательный был некто Василий, современник Нестора, человек значительный, близкий к князьям: находясь в 1096 году во Владимире Волынском, он был привлечен тамошним князем, Давыдом Игоревичем, для переговоров с тестем своим, князем Васильком Ростиславичем, который находился там в плену, и описал подробно всю историю их отношений между собой и свое посредничество. Описание его вставлено кем-то в Несторову летопись еще в первое время после ее сочинения. Оно представляет такие драгоценные черты, которых не находим мы и у Нестора при всех

его достоинствах. Василий в этом отношении имеет преимущество перед всеми русскими летописцами, которые обыкновенно опускали частности и подробности, живо изображающие время. Если бы мы имели летописцев, подобных Василию, то история наша приняла бы другой вид. Василию принадлежат, без сомнения, и еще несколько мест в летописи, начиная с кончины Всеволода.

Сильвестр, игумен Михайловского монастыря в Киеве, переписал в 1116 г. летопись со вставкой Василия (а по одному позднейшему свидетельству продолжил ее), и его список стал прародителем всех последующих, повторяющих его приписку.

Продолжателей было иногда одновременно по два и по три — в Киеве, Новгороде, Владимире, отчего позднейшие редакторы и переписчики (а они только и дошли до нас), еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причине летописи уходят одни перед другими годом и двумя.

Киевская летопись. Она есть непосредственное продолжение Несторовой. Предмет ее по преимуществу Киевское великое княже-

ство. Продолжатели Нестора писали сплошь, без разделения, и имен своих никогда не открывали. Только по некоторым приметам можно определить, что до 1200 года в Киеве их было трое: первый от 1111 до 1132 или 1140, второй от 1140 до 1170 годов, третий до 1200.

Волынская летопись, сколько ее дошло до нас, имела двух авторов: один жил около 1226 г., начав описывать с 1200 годов. Другой принадлежит уже к следующему периоду, описывая 1289 год, как современник. Списки ее соединяются с Киевской летописью. Изложение имеет особый характер и отличается любопытными подробностями.

В Суздале было, кажется, два летописца: один описывал княжение Боголюбского и видел его погребение, другой жил около 1220 г. Начало Суздальской летописи есть плохое сокращение Киевской. Она имеет предметом в особенности историю Суздальского великого княжества и началась, вероятно, при великом князе Всеволоде (об Андрее Боголюбском должно быть особое сказание).

Новгородская летопись, начинаясь сокра-

щением Нестора, описывает подробно происшествия Новгорода с 1120 годов, заключая в себе признаки древнейших записок, например, о 1067 годе. Первый летописец, начав с 1120 г. окончил около 1161, когда явился другой, писавший до 1200 года. Третьему принадлежит следующее время. Летопись велась, вероятно, при соборной церкви Св. Софии. Она заключает любопытные черты о внутреннем быте, о торговле, ценах, отношениях к чуди и др.

Ростовский летописец, о котором упоминает епископ Симон, пропал.

Так называемый Переяславский есть только список с летописи Нестора и Суздальской с местными дополнениями о последнем времени.

В таком виде наши летописи, с Нестором в основании, переписывались в продолжение XII, XIII, XIV веков. В следующие века явились новые сочинители, которые брали Несторову летопись с продолжениями, как материал, и заимствовали из нее начало своих сочинений, перерабатывая ее по-своему, изменяя более или менее, повторяя ее слова или упо-

требляя собственные, распространяя ее в одних местах и сокращая в других.

Все эти летописцы были современниками описываемых событий и писали из года в год, иногда даже изо дня в день, приводя не только месяцы, но и числа, дни, часы событий, которые как будто записывались немедленно по своем совершении.

Они были лицами почти служебными, которые в исполнение обязанности делали свое дело, по повелению князей. «Первии наши властодержцы без гнева повелеваючи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати», говорит один летописец (под 1409 г.). В монастырях же производилась, может быть, окончательная редакция. Описать, например, период 1146–1152 гг., состоявший из сотни происшествий, нельзя было иначе, как не на месте, при князе.

Летописи наши отличаются верностью. Что записывалось, то записывалось, как было, кратко, просто, ясно, без украшений, без всяких посторонних целей, без рассуждений, разве благочестивых, принадлежащих уже к редакторам. До самого XVI века вы не найдете

пяти показаний, неверных или умышленных, и в этом отношении они представляют единственное явление в европейской литературе. Шлецер уже отдавал преимущество им перед западными, слишком хорошо ему известными, перед всеми прочими, а он знал наши летописи и не полные, и в худых списках! Что сказал бы он, увидев все источники, открытые в последнее время?

Они искренны, беспристрастны и совершенно одинаковым тоном показывают как похвальные действия своих князей, так и «позорные», не стараясь никогда ни оправдать, ни обвинить: рассмотрите сказания их об Изяславе, или Всеволоде, или Боголюбском — чистая правда, одни дела!

С одинаковым беспристрастием судят они дела полезные для своих князей, как и вредные. Давыдовичи, например (1146 г.), изменили своим родственникам, Игорю и Святославу, Ольговичам, в пользу киевского Изяслава, и, однако же, киевский летописец выражается так: «Лукавый бо пронырливый дьявол, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло к злу, и вложи има мысль не взыскати

брата Игоря, ни помянути отечества и о Хресте утверждения, ни божественная любве, яко же бе лето жити братъи единомысленно укупе, блюдучи отечества своего; но переступиша крестное утверждение, и забыша страха Божия, и посластася к Изяславу: Игорь како то тебе зол был, тако и нама, а держи твердо. А к Святославу посласта, рекоша: пойди из Новагорода Путивлю, а брата ся лиши».

Точно то же должно сказать о них и в отношении к иностранцам: как передают они, например, похвалы крестоносцам, положившим живот свой для освобождения гроба Господня!

Они нелицеприятны и учат князей наравне с простолюдинами:

1174 г. «Андрей князь толик умник сы... и погуби смысл свой невоздержанием, располевся гневом, такова убо слова похвална испусти (об изгнании Ростиславичей из Русской земли и о приведении к нему Мстислава). Яже Богови студна и мерзка хвала и гордость, си бо вся быша от дьявола на ны, иже всевает в сердце наше хвалу и гордость».

Благочестивы: все успехи, по их мнению,

зависят от помощи Божией и принадлежат молитвам угодников.

1111 г. «Ангел вложи Володимеру в сердце (звать князей на половцев). падаху Половци. невидимо бьеми ангелом. с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святых ангел възратишася Русьстии князи».

Все несчастья приписывают они грехам людским, действиям злого духа, и беспрестанно повторяют: «Сиже вся содеявшася грех ради наших».

Любят отечество. При всяком удобном случае напоминают о Русской земле и от души прославляют тех князей, которые делали ей добро. Например:

1125. «Преставися благоверный... христолюбивый Великий князь всея Руси, Володимер Мономах, иже просвети Русскую землю, акы солнце луча пуцая; его же слух произиде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым, братолюбець и нищелюбець и доброй страдалець за Русскую землю. Святители же жаляще си плакахуся по святе и добром князи, весь народ и вси людие... яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем вси

людие и сынове его».

1173. Летописец, описывая убийство великого князя Андрея Боголюбского, обращается к нему и говорит: «Ты же, страстотерпче, молися ко Всемогущему Богу о племени своем, и о сродницех, и о земле Руськой, дати миру мир».

Они имеют образование: очень хорошо знакомы со Священным Писанием и часто приводят места из него, имеют общие исторические и богословские сведения.

Говоря о внушении Мономаху ангелом мысли идти на половцев, летописец приводит примеры знамений из истории Иерусалима, делает выписки из хронографов: «Аще кто сему веры не имать, да потчет хронографа».

Знают свою историю, что видно из того, что припоминают иногда события прежние.

В особенных случаях заботятся об украшении своей речи; прочтите, например, наставление великого князя суздальского Всеволода сыну Константину, когда тот отправлялся княжить в Новгород в 1206 г., или заключение Киевской летописи 1199 года.

Описывая преемство князей, рождение и

смерть, междоусобные войны, набеги иноплеменников, походы, строение церквей, посвящение епископов и кончины их, знамения небесные, — не вникая никогда в причины действий, не предлагая никаких известий о частной жизни, — летописцы наши вообще сухи и однообразны. Но опытный, тщательный и проницательный исследователь найдет в них многие драгоценные черты, нечаянно приведенные или намеченные, по которым может, хотя и с большим трудом, составить очерк времени.

К сожалению, все эти летописи дошли до нас не в первоначальном своем виде, а в сокращениях, более или менее полных, о чем мы с уверенностью можем судить по тому, что, например, в Киевской летописи встречаем многие события суздальские и новгородские, каких нет в местных летописях, и, наоборот, в Суздальской и Новгородской есть известия киевские, какие опущены в Киевской летописи. Наконец, надо заметить, что многие ошибки принадлежат переписчикам.

Особые сказания, вошедшие в состав летописей и попадающиеся в сборниках отдель-

но:

- Об ослеплении теребовльского князя, Василька Ростиславича, и его последствиях, — драгоценное сочинение какого-то Василия, переносящее в древность, представляющее черты личные и живые. Сочинитель принимал участие во многих действиях. Ему принадлежат, кажется, и другие известия в Несторовой летописи, начиная с княжения великого князя Всеволода.

- Сказание о нападении владимирского князя Андрея Боголюбского на Новгород.

- Об убиении Андрея Боголюбского, которое внесено в летописи, Суздальскую и Киевскую, с разными подробностями, обличающими современника.

- Повесть о взятии Царьграда крестоносцами помещена в Новгородской летописи, вероятно, по известиям очевидцев, под годом 1204.

- Сказания о битве на Калке и о Батыевом нашествии, написанные очевидцами.

(Так точно и древнейшие сказания: о пришествии в Русь Св. апостола Андрея, о принятии великим князем Владимиром христиан-

ской веры, написаны были сначала отдельно, и после внесены Нестором в летопись.)

По всем самым точным исследованиям, по всем самым мелким наблюдениям, по всем сильным соображениям, подвергая строжайшей критике все показания летописи и все свидетельства посторонние, хладнокровно, беспристрастно, добросовестно, в том положении, в каком находится ныне наша история и ее критика, сколько до сих пор известно источников и документов, мы признаем несомненным, что первой нашей летописью мы обязаны Нестору, киево-печерскому монаху XI столетия.

Общее обозрение

Мы изложили события первых четырехсот лет Русской Истории в их последовательном порядке.

Подведем теперь итоги под наши известия, окинем взглядом все прошедшее, соберем рассеянные черты воедино и составим картину Русской земли перед нашествием татар и покорением ее под их иго.

Северо-восточная треть Европы, прорезанная поперек, на юге, Днепром, Доном и Волгой, на севере Невою и Двинами, Северной и Западной, была по большей части покрыта дремучими, непроходимыми лесами. Славянские племена, двигавшиеся со стороны Дуная, который слышится до сих пор в наших песнях, заселили ее, в незапамятные времена, преимущественно по берегам рек и по соседним с ними долинам, — столкнувшись на крайнем севере и востоке с финнами и латышами.

Финны пришли, вероятно, прежде их из Азии через Урал и заняли огромное восточное пространство, в некоторых местах до Вол-

ги и Оки, в других переправившись через эти реки, а на севере опоясали на значительном протяжении Балтийское море, встретив здесь латышские племена, первых, вероятно, переселенцев с Дуная.

Славяне в некоторых местах отодвинули финнов, а в других поселились между ними.

Отличаясь по преимуществу характером тихим, смирным, терпеливым и покорным, они уже были знакомы с разными первоначальными ремеслами и орудиями для удовлетворения своих насущных нужд и имели разные обряды, обычаи и верования о природе и другой жизни, перенесенные ими на Дунай еще из своей прародины Индии. Главным доказательством их относительного развития служит богатый и сильный язык, в котором нашлись еще в IX столетии выражения для перевода всего Священного Писания, — и народная способность освоиться вскоре с его святыми истинами.

Сообщение славянских племен было по естественным причинам затруднительно, и они, живя почти особняком, подвергались только влиянию местности, доставшейся то-

му или другому племени в удел для жительства: одни грубели и дичали в лесах, другие смягчались и преуспевали среди полей и по долинам, не заботясь, впрочем, знать, что делается за живым рубежом и решая возникавшие между ними дела на сходках своего поселка, который был для них и назывался миром.

Необходимого для удовлетворения главных потребностей везде было вдоволь: девственная новь давала хорошие урожаи, леса изобиловали дичью, пушные звери бегали чуть не по задворьям, в реках ловилась вкусная рыба, от пчел получался мед и воск, рогатый скот доставлял мясо, кожи, молоко. Нужда учила делать все для себя потребное, очень, впрочем, ограниченное, дома, собственными средствами: муж пахал землю и добывал хлеб, жена пряла лен и ткала полотно. С овец снимали они шерсть для сукна на свиты, а шкуры шли на кожухи. Для обуви на лапти все было готово в соседнем лесу. Сыты, одеты, обуты, мирные поселяне жили себе припеваючи, — песни искони были их услаждением, — пользуясь жизнью по-своему, до-

вольствуясь малым, крепко сидя на своих местах, в теплых избах, топить и строить которые было очень легко и удобно. Из соседей кое с кем они менялись своими произведениями, ибо у одних было больше хлеба, у других мяса, у третьих рыбы, или меда, воска, шерсти.

На некоторых заселенных пространствах, вследствие этого обмена, а равно и для общего богослужения, возникли города, более или менее укрепленные слободы, жители которых, благодаря большому сообщению, становились, разумеется, смышленнее, деятельнее и богаче.

Из них самые важные были — на юге, у полян, на Днепре, Киев, и на севере, на Волхове, у словен, Новгород.

Словене отличались особой деятельностью из славянских племен: пользуясь местоположением, они завели, со времен первого водворения, торговлю с соседними племенами; овладев Заволочьем, проникли далеко на север, к югре и печере, за Урал, и разослали свои поселения по всем сторонам: Торжок, Ростов, Бежецк, Волок Ламский причислялись

издревле к их владениям.

Кроме Новгорода и Киева рано стали известными даже грекам: Вышгород, Любеч и Смоленск на Днепре, Чернигов на Десне. К древнейшим городам принадлежат также Полоцк, Изборск, Белозерск, Муром.

К счастью племен славянских, у них на руках было обилие такого произведения, которое пользовалось великим почетом, имело большее употребление по всей Европе и Азии и ценилось везде очень высоко: меха — собольи, бобровые, лисьи, куньи, медвежьи, волчьи, горностаевые.

Меха издревле привлекли на наш север торговлю, лишь только она осведомилась, что может добывать отсюда дорогой и нужный товар для нее с большой для себя выгодой.

Два народа отличались тогда особой деятельностью, и, занимаясь войной, производили вместе повсюду и обширную, живую торговлю: в Европе норманны, в Азии аравитяне.

Норманны, самое отважное и неустрашимое из всех европейских племен, гонимое нуждой из дома, от каменистых пустынь бед-

ного севера, возобладало с начала Средних веков всеми морями, забиралось в устья всех больших рек и везде заводило торговые связи, устраивало свои поселения.

Как норманнам, так и арабам, нужны были меха, которые и послужили в то время через них связью Запада и Востока с Севером, нашей Залесской стороны с Европой и Азией, точно как пряные корни и благовония привлекали в древности торговлю в Индию, а после в Средние века кофе — в Аравию, табак и сахар — в Америку.

Норманны очень рано появились в соседних к ним устьях — Невы и Западной Двины, и узнали богатый Новгород, который стал известен у них под именем Гольмгарда, и прославился в сагах. Они проникли в глубь страны, где, на водоразделе «Оковьскаго леса» представился им Днепр, приведший прямо в Черное море.

Богатый, роскошный Константинополь — Царьград — Миклагард стал любимой целью их торговых плаваний. Там они нашли себе еще выгодное и почетное занятие служить в императорской гвардии или варангии.

(Последнее имя послужило, кажется, славянам поводом называть норманнов варягами.)

Путь в Грецию прославился также на Севере. Он записан так в нашей древнейшей летописи: «Бе путь из Варяг в Греки, и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, того озера устье впадет в море Варяжское».

Варяги так часто плавали по этому пути, что дали свои имена Днепровским порогам, которые дошли и до императора Константина Багрянородного и им записаны: Нессупи, Варуфорос, Ульворси, Геландри, Леанти, Струвун, — имена, объясняемые легче всего из языков норманнских.

Точно так же открылся варягам путь из Оковского леса в Каспийское море: «Из того же леса (откуда течет Днепр), потече Волга на восток, и втечет семидесятью жерел в море Хвалисское, тем же из Руси может идти в Болгары и Хвалисы».

Новгород был на перепутье для норманнов

и к Черному, и к Каспийскому морям.

Словене-новгородцы, сами торговые и промышленные, приняли живое участие в действиях новых гостей, служили как бы посредниками, доставляли им товары, получаемые из их поселений, и, разумеется, присоединялись к ним и в их путешествиях.

При устье Волги находился знаменитый на Востоке город Итиль, нынешняя Астрахань, принадлежавшая хозарам. Здесь норманны сошлись с арабами, которые приходили туда из Азии и плавали также вверх по Волге до Бертасов и Булгаров.

Арабские монеты, чеканенные в VIII, IX, X, XI и XII столетиях, находимые во множестве по всему пространству нынешней европейской России, вплоть до Уральских гор, доказывают это древнее живое сообщение. Торговля обогащала наш Север, содействовала распространению сведений, расширяла кругозор, — и она же возбудила жадность, привлекла враждебные нашествия.

Из мирных гостей, проезжих путешественников, норманнам захотелось, как то бывало и везде, стать хозяевами, господами.

Удостоверясь в отсутствии у жителей склонности к войне, надеясь не встретить значительного сопротивления, одна их дружина явилась из-за моря в устья Невы и Западной Двины и обложила данью северные племена — словен новгородских, кривичей, чудь, весь и мерю.

Летопись относит это событие к 859 г.

Около того же времени хозары, жившие в Итиле, или нынешней Астрахани, и в Крыму, народ не воинственный, но имевший гвардию (аларезию) из арабов и турок, подчинил своей власти южные племена: полян, северян, вятичей, определив дань по белой веверице с дыма.

Варягов на севере осталось немного после первого набега, и жители, в добрый час вооружившись, прогнали их за море, откуда те приходили, а после, по исконному свойству славянской природы, перессорились между собой. Они понимали, однако же, благодаря природному своему толку, что им придется скоро расплачиваться за недавнее возмущение, и решили призвать к себе начальников, защитников, — князей, также из норманнов,

которые властвовали тогда по всему Северу и с которыми бороться никому в тех краях не было возможности.

Посланцы отправились к трем братьям из племени руси: Рюрику, Синеусу и Трувору, известным, вероятно, в Новгороде прежде, по каким-либо отношениям. «Земля наша велика и обильна, сказали братьям словене, а наряда в ней нет. Придите княжить и володеть нами по праву».

Вот начало нашей государственной истории, — добровольное призвание, — начало любовное, которое в соединении с другими соответственными обстоятельствами, народным характером, пространством, местоположением, климатом, отношением числа пришельцев к числу туземцев, и проч., дало Русской Истории направление, противоположное истории Запада, где с самого начала, вместо нашего единства, оказалось раздвоение, зародились, с одной стороны, у туземцев, ненависть и злоба, с другой, у завоевателей, гордость и недоверчивость, произведшие непрерывную и постоянную так называемую оппозицию, которая и служит до сих пор ос-

нованием всего управления западного.

Братья пришли со своими родственниками и дружинами (862) и заняли главные города призывавших племен: Ладогу и Новгород у словен, Изборск у кривичей и Белозерск у веси.

Все их племя, варяги-русь, перебралось вслед за ними, — разумеется, со своим языком, верой, законами, обычаями, и дало свое имя нарождавшемуся государству: «от тех прозвася Руская земля — Новугородьци: ти суть людье Новугородьци от рода Варяжьска, преже бе беша Словени». Они начали везде рубить города, устанавливать точки опоры, по норманнскому обычаю, и межевать веревкой доставшуюся землю, какая часть ее где должна тянуть на содержание князя, какая определялась для дружины и какая оставалась в пользование прочих воинов.

Новое правительство в нашей стране оставило след во всех словах, введенных им в употребление, которые своими звуками, или приданным им значением, очевидностью перевода, указывают именно на свое норманнское происхождение: князья, бояре, огнища-

не, детские, люди, смерды, закупы, тиуны, гридни, ябедники, метельники, верви, губы, виры, дружина, дума, гривны, скот (в смысле денег)...

Рюрик, утвердившись крепко в Новгороде, начал распространять свои владения за счет соседних, чудских и латышских племен, живших к западу и востоку от Новгорода. По всей вероятности, он покорил себе Балтийское побережье, вплоть до Немана, северный рукав которого получил название Руссы, Курский залив — Русны, а смежная Латышская страна — Порусья, Пруссии. Двое из единоплеменников Рюрика, Аскольд и Дир, отпросясь у него, пошли было на службу в Грецию, но по дороге увидели Киев, который им понравился, и они решили там остаться, воспользовавшись мирным свойством жителей, — те платили дань хозарам, а теперь согласились признать своими господами пришлых искателей приключений.

Варягов набиралось в Киеве больше и больше, — и они недолго усидели на одном месте, — вздумали с двумястами судов решиться на подвиг, достойный норманнской

смелости, — напасть на богатый Константинополь; напали, и город откупился от них золотом, по свидетельству патриарха Фотия, в 866 году. Они привезли домой начатки христианской веры, для которой тогда же в Болгарии и Моравии переведено было все Священное Писание и книги богослужebные бессмертными славянскими первоучителями, Св. Кириллом и Мефодием, так, что Русская земля, по удивительному стечению обстоятельств, получила, почти в одночасье, все три благодатных семени: государственности, веры и просвещения.

Утренняя звезда о трех лучах сверкнула с высокого неба над нашей рекой.

Аскольд и Дир владели Киевом лет пятнадцать, пока Рюрик устраивался по берегам Варяжского, или Балтийского, моря, — и должны были уступить его преемнику Олегу. Недовольный жизнью на севере, увлекаемый духом движения, он отправился с набранными воинами на юг и, выманив обманом к себе владыки киевских начальников, сказал им: «Вы не князья, и не княжеского рода, а я князь, и вот сын Рюриков», велел их умертвить и

остался владеть в Киеве (882), встретив такую же покорность жителей, какой пользовались Аскольд и Дир, а прежде их хозары.

Из Киева Олег, оставив дани северных племен, стал ходить ежегодно, преимущественно по рекам, на восток, юг и запад, и облагать данью славянские племена: северян, радимичей, вятичей, уличей, тиверцов, дулебов, хорватов, которые покорились ему почти все беспрекословно. «Кому дань даете?» «Хозарам». «Не давайте козарам, а дайте мне», — и они давали ему дань, как бы присоединяясь таким образом к первому призванию со своим согласием и добровольным подданством.

Олег, истый норманн, по примеру Аскольда и Диры, пошел (906) с двумя тысячами судов на Константинополь, устранил греков, получил богатую дань, прибил свой щит к городским воротам и заключил через некоторое время договор (после 911 г. подтвержденный письменно), по которому сверх укладов на все его подданные города, князьям, под его рукою сущим, он выговорил значительные преимущества для ходивших в Константинополь послами и торговцами варягов — выда-

вать им месячное содержание, пускать даром в бани, снабжать веревками, веслами и парусами для обратного плавания.

После Олега, при Игоре, дружина его ходила на восток (913) и произвела нападение на берега моря Хвалисского, или Каспийского, где торговали их единоплеменники. Рассыпавшись по всем его западным берегам до Баку, как свидетельствуют современные арабские писатели, они ограбили все города, разбив ополчения, но на обратном пути, по Волге, истреблены восставшими мусульманскими племенами. Здесь погибла часть дружины Игоря, а другая в первом несчастном походе на Грецию (941), описанном греками.

Второй поход под Константинополь, с новой норманнской помощью (943), доставил руси обычную дань и также кончился письменным договором, в начале которого стоят норманнские имена послов, заключавших его от имени князя.

И на берега Каспийского моря второй поход (944) был также удачен, окончившись разрушением Берды, на берегу Куры.

Супруга Игоря, Ольга, жестоко наказав за

его смерть возмутившихся древлян, утвердила подданство племен и усталила некоторые дани.

Сын ее Святослав ходил на ясов, касогов, хозар, по северному предгорию Кавказа. После успешной войны в Болгарии он хотел переселиться там и утвердить центр Руси в Переяславце на Дунае, посадив сыновей в Киеве, Коростене и Новгороде. Греческий император Иоанн Цимисхий не допустил совершиться этому намерению. В жестокой войне, подробно описанной Львом Диаконом, который видел лицом к лицу Святослава и описал его наружность, храбрый русский князь был разбит, вынужден удалиться в Киев и на обратном пути в Днепровских порогах убит печенегами, — кочевым племенем, которое еще при Игоре (914) начало тревожить русские пределы со стороны Черноморских степей.

Между тремя сыновьями Святослава тотчас по его кончине началось междоусобие, и Владимир новгородский, приведя нанятую свежую дружину с Севера, победил сперва нового поселенца в Полоцке Рогволода, нареченного тестя Ярополкова, а потом самого

Ярополка, от которого погиб перед тем средний их брат Олег, — овладел Киевом и отпустил наемных варягов в Грецию, кроме некоторых выбранных, оставшихся в полной от него зависимости.

Владимир ходил на волжских болгар, ятвягов, и, еще дальше своих предшественников, на запад, покорил себе города Червенские, т. е. нынешнюю Галицию.

Он разделил свои владения между двенадцатью сыновьями, которых и разослал по главным городам: в Новгород, Ростов, Муром, Псков, землю Древлянскую, Тмуторакань... предоставив каждому часть своей дружины.

Наследство всех сыновей Владимировых досталось, после нескольких междоусобий, одному Ярославу, которого следует считать последним представителем норманнского периода Русской истории. При нем закончились походы на Константинополь, впрочем, неудачно, он смирил печенегов, ходил на чудь северо-западную, — и для собрания дани с нее построил Юрьев или Дерпт, — на емь, на пермь, на ятвягов, на литву, на мазовшан. Братом его Мстиславом тмутораканским уни-

чтожена окончательно держава хозар в Крыму.

Границами Ярославовых владений были: к северу Балтийское, или Варяжское, море, к западу Неман, Буг, Сан, Карпаты, к югу Новороссийские степи, к востоку Волга, Урал.

Вот как исчисляет Нестор племена, поданные Ярослава:

«Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Северы, Бужане... а се суть инии языцы, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Муром, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимегола, Корсь, Норова, Либ».

Таким образом, в продолжение двухсот лет очертилась окружность Русского, основанного норманнами, государства, с центром в Киеве, о котором еще Олег сказал: «Се буди мати градом Русским!»

Ярослав был в родственных союзах со многими европейскими государями, и двор его был надежным пристанищем для знаменитых изгнанников, преимущественно из норманнских стран.

С его именем сохранилось собрание зако-

нов русских, подвергшихся влиянию христианства и славянских обычаев, Русская Правда, которая приметна еще в договорах с греками и заключает уголовные постановления о праве мести, о пенях за убийство, за побои, за увечье, за кражу, укрывательство, со свидетелями, поручителями, судом 12 целовальников или присяжных, с судебными поединками или полем, испытанием железом и водой.

Племена славянские были соединены норманнскими князьями в одно целое, и в патриархальной их жизни произошла важная перемена: северный вихрь возмутил реку и поднял со дна ее тихие струи. Хотя князья, занятые своими исходами, внешними и внутренними, распространением пределов своей дани, имели к ним мало непосредственного отношения и оставляли их жить на прежней воле, — хотя дань, положенная на племена, была не тягостна, и отдать куницу или белку, которую поймать можно было неподалеку, в соседнем лесу, никому не стоило больших трудов, — но все-таки произошло между племенами небывалое движение, зародились иные чувства, возникли совершенно новые

отношения, и началось понятие об обязанностях. Естественная воля стеснилась. Для пришлого непоседливого племени надобно было припасать содержание и все нужные вещи. Иное шло в дань, другое покупалось. Уже император Константин Багрянородный свидетельствует о закупаемых варягами у славян зимой ладьях, на которых они пускались весной в свои путешествия, торговые и военные. Промышленность и соединенная с ней торговля получили сильный толчок. Сообщение селений с городами и городов между собой усилилось.

Норманнское влияние обнаруживалось преимущественно в городах, где со времен Рюрика расселились «находники Варязи, а первии насельници, сказал Нестор, в Новгороде Словене, Полотске Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома». К ним беспрестанно наезжали соотечественники с Севера на житье или по пути в Грецию. Иные основывали свои особые поселения: Рогволод с сыновьями в Полоцке, Тур в Турове. Их образ жизни, рассказы о виденных странах и народах, знакомство с греческой и во-

сточной роскошью, даже домашний скарб — все действовало на воображение туземцев. Между последними находились и такие, которые принимали участие в их всякого рода странствиях; кругозор расширялся. Женщины, как и везде, были посредницами и, служа к утверждению связей, оказывали обратное влияние, тем более значительное, что пришельцев было несравненно менее туземцев. Норманнство растворилось в славянщине, как капля вина в сосуде с водой, сообщив ей несколько своего вкуса.

В хозяйственном отношении надо заметить еще одно явление: некоторые из пришлых бояр, из дружины, живя при князьях, захотели иметь, подобно им, собственные усадьбы, особенно под городами, занимали пустую землю, — ее везде было с избытком, — и приглашали к себе в работники смердов, в дополнение к многочисленной пленной и прочей челяди, которую приводили они из своих походов. Такие временные работники известны в Русской Правде под именем закупов. Получая известные выгоды, и в особенности большую безопасность и спокойствие

от всяких притязаний, они охотно оставляли свою землю, которую всегда достать себе могли, и шли в услуженье, составляя с боярской челядью слободы, первоначальные поместья. Вот первая степень произвольного крепостного права, со свободным переходом!

Такая перемена произошла в древнем славянском быту, вследствие нашествия и расселения норманнов!

Впрочем, никаких сословий, несмотря на соединение двух племен, господствующего и подчиненного, не образовалось, а разделялся народ по занятиям — военное, торговое, земледельческое, между которыми никаких преград не было, и переход от одного занятия к другому свободный. Самые рабы не лишены были надежды на освобождение.

Важнейшая и благодетельнейшая перемена произведена в народе христианской религией, которой мы также обязаны почину норманнов. Первое семя ее принесено, без сомнения, Аскольдом и Диром из константинопольского похода, о чем свидетельствует грамота и проповеди патриарха Фотия, равно как и церкви, построенные на местах погребения

несчастливых витязей. Мало-помалу число ее поклонников умножалось, и при Игоре у них уже была церковь Св. Илии, в которой дружинники-христиане присягали перед греческими посланцами в сохранении договора (944). Великая княгиня Ольга подала пример, приняв святое крещение в Константинополе, куда ездила с многочисленными спутниками, и привезла оттуда крест, оставив там на память золотое блюдо, которое долго показывалось нашим паломникам. Сын ее Святослав, однако же, не внял ее просьбам о крещении, опасаясь насмешек дружины. При Владимире два варяга, отец и сын, пришедшие из Греции, обреченные по жребию на жертву богам, запечатлели кровью преданность христианской вере: первые священномученики Киевские — Феодор и Иоанн.

Этому князю предназначено было просветить всю Русскую землю ее светом. Выслушав предложение от иудеев, магометан, католиков, он решил принять ее от греков, и для того пошел на Корсунь, знаменитый греческий город на Таврическом берегу Черного моря. Там он крестился и вступил в брак с грече-

ской царевной Анной, сестрой императоров Василия и Константина. Забрав все нужное для богослужения, он возвратился в Киев, велел низвергнуть кумиры Перуна, Волоса и проч. и объявил, чтобы на другой день утром все жители, богатые и убогие, нищие и работники, шли на реку принимать святое крещение, а кто не придет, тот будет ему противен, — и все пришли с радостью, говоря: «Если бы это не было хорошо, то великая княгиня Ольга, мудрейшая всех людей, князь и бояре, не поступили бы так».

Добровольное принятие христианской веры совершенно соответствовало любовному основанию государства, и церковь не получила сначала семян западной реформации, точно как государство не имело семян западной революции.

Владимир велел везде рубить церкви по местам, где стояли кумиры. В Киеве основана была церковь Св. Василия, — имя его ангела, — на том месте, где стоял Перун со своими товарищами. У нарочитой чади взяты были дети и отданы на книжное ученье. Потом из Киева были посланы епископы по странам,

вероятно, большей частью из болгар, разносилье везде свет христианской веры.

Христианская вера с самого начала возымела могущественное действие на народ, без сравнения с прочими европейскими государствами, вследствие особого счастливого обстоятельства — проповеди на родственном, близком, понятном языке.

В избранных душах произошел совершенный переворот: от земли взоры обратились к небу. Сам Владимир преобразился и из человека, преданного страстям и похотям, стал кротким и воздержанным. Сыновья его, Борис и Глеб, как прежде Феодор и Иоанн, приняли с радостью мученические венцы.

Ярослав, сын Владимира, продолжал ревностно дело своего отца; «при нем вера христианская начала плодиться и расширяться, говорит Нестор, основаны монастыри, и размножились черноризцы. Ярослав чтит церковные уставы, попов любил повелику и черноризцев, прилежал книгам и читал их днем и ночью, собрал многих писцов, которые предлагали с еврейского на славянский и переписывали многие книги, ими же поучались вер-

ные люди, и наслаждались божественным учением. Отец его Владимир взорал землю и умягчил, т. е. просветил крещением, а он на-сеял книжными словесы, мы же пожинаем, принимая учение книжное».

Строение церквей, основание монастырей, учреждение епархий имело великое просветительное значение. Всякая вновь построенная церковь становилась, говоря по-нашему, училищем, новый монастырь гимназией, а новая епархия учебным округом. «Господи помилуй, подай Господи, буди святая воля Твоя, остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» — эти простые молитвы и правила распространялись в народе и принимались к сердцу, становясь у многих основанием жизни, как свидетельствуют современные памятники.

Великолепные соборы Софийские, в Киеве и Новгороде, Десятинная церковь, построенные греческими мастерами, представили удивленным взорам славян новое поразительное зрелище. Печерская обитель, учрежденная Св. Антонием и Феодосием, стала средоточием русской духовной жизни, истин-

ным ее святилищем; так водворилось и первое наше христианское просвещение: книги Священного Писания, творения первых отцов церкви, жития, переписывались, читались, изучались и отсюда разносились во множестве по всем обширным областям нашего отечества. В монастырях сохранялись и дополнялись летописи, веденные при князьях. Болгария сообщала нам труды своих учителей, преемников Кирилла и Мефодия.

Святые семена находили везде плодоносную, подготовленную почву: в Киеве и Смоленске, Любече и Курске, Торопце и Турове, везде находились люди, даже между простолюдинами, способные принимать новое учение, претворять его в свою плоть и кровь и на основании его подниматься на высоту первых ревностных христианских исповедников.

Солнце проникало своими лучами до самой глубины реки.

Первые печерские подвижники явили свету великие образцы веры и любви, кротости, самоотвержения, терпения, всех христианских добродетелей, вместе с примечательной для того времени нежностью и тонкостью

чувствований. Из среды их явились писатели или проповедники, глубоко постигшие таинства христианской веры. Вот наши великие люди, которым Россия обязана просвещением духовным, нравственным образованием!

Рассылаемые отсюда епископы заводили по городам училища. Многие из греческих митрополитов отличались просвещением и ревностью к распространению образования в народе. По окраинам и по глухим местам, впрочем, еще долго держались следы язычества, по которым люди назывались от проповедников двоеверцами.

Между тем, как духовная жизнь таким образом возвышалась и процветала, пшеница Божия множилась на удобренной ниве, в продолжение двухсот лет после принятия христианства, — государственное устройство, утвержденное и возвеличенное единодержавием, в продолжение норманнского периода, постепенно ослабевало, вследствие увеличения числа князей и раздробления княжеств, и, наконец, очутилось на краю гибели.

Ярослав разделил свои владения, — «Русскую землю, налезенную трудами отцов и де-

дов», — между пятью сыновьями, предоставив еще прежде Новгород старшему, шестому, который умер ранее его — первые удельные княжества в пределах прежних племен. (Новгород, Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир Волынский, Смоленск, Полоцк оставался во владении Рогнедина сына Изяслава.)

Ярослав разделил, но так, что разделенная им Русская земля составляла все-таки одно целое, одно общее владение, где главный город должен был принадлежать всегда старшему в роде, брату после брата, мимо сыновей, которым следовало дожидаться своей очереди. Так точно и во всяком уделе стольный город должен был принадлежать старшему в роде того Ярославова сына, которому он по его завещанию был предоставлен. Русская земля стала одной большой общиной, в которой все потомки Ярослава имели право каждый на свою часть, как ныне в сельских общинах земля находится в общем владении. Как бы по лестнице князя поднимались поочередно и становились, наконец, кому случилось дожить, на верхнюю ступень, то есть получить стольный город Киев.

Этот обычай, принесенный, вероятно, с Севера, имел решительное влияние на всю нашу древнюю государственную историю и обуславливал все ее явления.

Вследствие этого обычая у князей не было постоянного пребывания, поземельной, наследственной, государственной собственности, а только временное пользование. Они даже и не думали о ней, никакое место не считали своим, а смотрели с него на старшее и лучшее, вплоть до Киева, который по порядку мог достаться каждому из них и составлял предмет его задушевных желаний. Отец, умирая на том или другом столе, отдавал малолетних детей на руки своего преемника иногда без ничего или отсылал в другое княжество на воспитание к брату, дяде или другому какому родственнику. Могли оставаться у них волости по особым обстоятельствам, как оброчные статьи, на правах частного владения.

Сами княжества не имели определенных границ, которые изменялись смотря по личным правам и обстоятельствам того или другого владевшего князя, иногда соединялись,

иногда разделялись.

Но, говорят, где право, там и обида. Первоначальный обычай имел исключения: князь лишался права на тот город, которым не приходилось прежде владеть его отцу; он также мог потерять свое право за вину. Встречались недоразумения. Разные посторонние обстоятельства могли нарушить обычай: народное избрание, воля умирающего князя, имевшего почему-нибудь особенную силу, малолетство законного наследника. У иных князей не доставало терпения ожидать очереди, и они спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых случайно находились. Притом ломоть в чужой руке всегда кажется длиннее, чем в своей; стремление усиливаться, распространять свои владения за чужой счет, обнаружилось еще в первом периоде, когда бывало только по два, по три князя; теперь же, когда число их с каждым годом становилось больше и больше, споры возникали гораздо легче, за которыми следовали распри и междоусобие: князья начали волоститься, воевать между собой за владения, ценимые по мере доходов, и входить в союзы с

этой целью, под тем или другим предлогом, по тому или другому праву. Ни княжеские съезды, которые придумал Владимир Мономах, представитель удельного периода с хорошей его стороны, ни убеждения духовенства, всегда ревностного к прекращению междоусобий, не могли воспрепятствовать развитию этого зла. Во всех княжествах происходили одни и те же явления: войны, впрочем, не слишком кровопролитные. Иногда они уменьшались, благодаря способностям того или другого великого князя; иногда увеличивались вследствие побочных обстоятельств. Война вообще была главным занятием князей.

Кроме междоусобий — они должны были беспрестанно стеречь Русскую землю от набегов литовцев и кочевых половцев, которые заместили на юге печенегов, и отражать их нападения. Иногда же они сами призывали их на помощь против своих соперников.

Дружина, которая разделялась на старшую и младшую, бояр и отроков или детских, жила одной жизнью с князьями. Дружиной всякий князь дорожил потому, что она составля-

ла всю его силу, и без нее он был, как без рук: от дружины он получал первую помощь и первый совет. «С добрым думцею, говорит Даниил Заточник, князь высока стола додумается, а с лихим думцею и малого стола лишен будет». Дружина обходилась с князьями запа nibрата, участвовала во всех их делах и пи ровала с ними вместе. Она не водворялась ни где на постоянное жительство, а следовала постоянно за своим князем, от которого, разу меется, всегда могла ждать лучшего, чем от чужого, приходившего на его место со своими людьми. Если князь надеялся где-то устроить ся лучше, то и дружина его также, а положи тельное содержание, кормление, определя лось везде, вероятно, одинаково, из предна значенных на то волостей.

Княжеский обычай столонаследия имел, следовательно, великое влияние и на отно шения дружины к государственному устрой ству: как в первый, норманнский период Рус ской истории, не могло установиться у нас на особых правах высшее гражданское сословие, аристократия, потому что дружина была не постоянной, а сборной, иногда даже наемной,

сбродной, часто переводилась и возобновлялась, и состоя при всяком князе из новых пришлых людей, всегда на особенных условиях, зависела от князя, — так и в удельный по преимуществу период, странствуя за князьями из города в город, без поземельной, наследственной собственности, а только с правом, или лучше, обычаем пользования, притом очень малочисленная и рассеянная по отдельным княжествам, она не могла составить сильного сословия и всегда находилась в полной зависимости от князей, как князья зависели от нее, — они были связаны между собой одинаковыми выгодами.

Переходя обыкновенно с князем, бояре имели право переходить от одного князя к другому, оставляя в том и другом случае частные свои владения, если у кого какие были. Они дорожили этим правом перехода, которое сочлось бы наказанием на Западе, где всякий прирастал к тому месту, к тому владению, которое досталось ему при первом дележе и поступало в его роде от поколения к поколению. Об оседлости у бояр не было мысли, как и у князей. Война была главным их заня-

тием, вместе с князьями.

Иноплеменники часто встречаются в приближении у князей: из чуди, половцев, ясов.

Города, с военным своим населением, к которому присоединились и первоначальные их жители, принимали по временам участие в текущих делах, в избрании и удалении князей, в согласии или несогласии на ведение войны: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на веча сходятся; на что же старейшие думают, на том же пригороди станут». Князья при вступлении на стол всякий раз договаривались с людьми.

Народу сельскому в удельный период стало тяжелее против прежнего, потому что при уделах князь стал ближе лицом к нему, и он должен был нести лишние повинности. Полюдья, или княжие объезды, как для суда и расправы, за которые получалась пошлина, так и для собирания дани, исправлялись чаще лично. Мономах велит, правда, детям «худого смерда не давать в обиду», но не все князья были так благодушны. Междоусобия отражались и на селах. Надо было содержать про-

хожие толпы и доставлять им все нужное. Походами вытаптывались поля, пожарами истреблялись жилища и запасы. Верхние волнения захватывали реку глубже и глубже. Но зато, если народ подвергался неизвестным ему прежде тревогам, если увеличивались его потребности, то, с другой стороны, больше возбуждался его ум, ощущалась необходимость в труде, увеличивалась его самодеятельность. Нужда учила народ есть пироги, и он становился смысленнее, заботливее, подвижнее. Значительная торговля, продолжавшаяся с Грецией и немецким западом, содействовала его благосостоянию. Жизнь вообще была сносной, и песни распевались по-прежнему, за работой и по праздникам, на свадьбах, в хороводах и в посиделках, — песни, в которых слышится нужное чувство и развитие мирных добродетелей, любовь родительская, в особенности к дочерям, и вообще живо представляется величие русской семейной жизни. Древняя русская свадьба со своими знаменательными обрядами представляет целую поэму и свидетельствует о значительных успехах общежития.

Путешествия в Константинополь, на Афон, в Иерусалим, на Запад, одни с духовной, другие с торговой целью, служили средством для распространения познаний, вроде того, как у западных народов крестовые походы.

Духовенство сеяло благие семена и открывало пути для образования, появлялись такие деятели и учителя, как митрополит Никифор, Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский, Симон и Поликарп печерские, которые были достойными преемниками Иларионов, Антониев, Феодосиев, Варлаамов.

Постановления церковные, и в особенности обряды, соблюдались строго, и малейшее уклонение подавало повод к сомнениям и прениям. Вопрос, например, о разрешении мяса по средам и пятницам, во дни господских праздников, взволновал всю Русь, и князья принимали в нем живое участие, пока, наконец, уже в Константинополе он был решен.

Князья строили монастыри в искупление своих грехов и перед кончиной часто принимали схиму.

Но вот число князей увеличивается все бо-

лее и более: в первой степени от Ярослава, в шестой от Рюрика, было их 11, во второй 15, в третьей — 39, в четвертой 49, в пятой 66. Доблести их не умалялись: та же храбрость, та же неустрашимость, та же деятельность, — и Роман волынский, Мстислав Удалой, Даниил галицкий, Игорь северский, Всеволод курский, Владимир Глебович переяславский, не уступают ни в чем своим отцам, как те первым витязям древности: Олегу, Святославу, Ростиславу Владимировичу, Васильку, Олегу Святославичу, Мономаху, Мстиславу, Изяславу Мстиславичу, Андрею Боголюбскому, Мстиславу Храброму. Избытка силы было у них поровну, бранный дух не ослабевал, они не хотели уступать друг другу и дрались, дрались до истощения сил.

Бывали князья умные и способные, которым, благодаря счастливому стечению обстоятельств, доставались под власть многие княжества и волости, но такое положение оставалось недолго. Порядок наследства и обычай дележа между детьми приводил все в старую колею. По смерти их даже при жизни, возобновлялись одни и те же явления: так, Всево-

лод (Ярославич) «бе един владея в Руси» (1074–1093), но племянники не давали ему покоя своими просьбами: кому нужна была та волость, кому другая, — и он должен был раздать им многие города.

Сильнее его был сын Мономах, владевший и заправлявший силами многих княжеств: Киевского, Переяславского, Владимирского, Курского, Смоленского, Суздальского, даже Новгородского (1113–1125), — они все распределились между его сыновьями и внуками.

Старший сын Мстислав (1125–1132) присоединил еще княжество Полоцкое, но раздробил наследство Мономаха, раздав из своей части уделы сыновьям, кроме уделов братьям, имевшим своих детей.

Всеволод Олегович (1139–1146) владел княжеством Черниговским, овладел Киевским и хотел покорить себе всю Русскую землю, но должен был вскоре отказаться от исполнения своих замыслов, найдя сильное сопротивление Мономаховичей.

Во всех княжествах, к концу этого периода, оказывалось совершенное расстройство: бывало по два князя в одном городе, иные владе-

ли лишь половиной города; бедные волости стали местопребываниями князей, за неимением лучших уделов, как, например, Вщиж. «Не могу я умирать с голоду в Выри», говорит один князь. «Что мне делать с семьей городами, где живут одни псари», жалуется другой.

Киевское княжество, раздробленное и обрезанное, переходившее по десяти раз из рук в руки в продолжение короткого промежутка времени, подвергнутое двум страшным опустошениям, совершенно ослабело и стеснилось в своих пределах чуть не до стен.

Черниговское княжество, от которого отделилось Новгород-Северское и Муромское, раздробившиеся в свою очередь на мелкие части, окончательно истощилось в последней борьбе с Киевом, с которым постоянно соперничало.

Переяславское, разделявшее по большей части судьбу Киевского, с которым часто бывало в соединении, подвергалось сверх того больше всех частым нападениям половцев.

В прочих княжествах западных: Полоцком, Туровском, Владимиро-Волынском, Смоленском, происходило то же: князья умножались,

уделы дробились, соседние враги усиливались.

Средоточие тяжести с юго-запада переместилось в середине XII столетия на северо-восток; там возникло и скоро усилилось новое великое княжество, Суздальское, или Владимирское, которое отделилось от Переяславского еще при Мономахе и зажило особой жизнью. Тамошние князья стеснили Новгород, подчинили князей муромских и рязанских, приобрели верх, на некоторое время, даже над дальним юго-западом. Они также распространили завоевания к востоку за счет болгар, мордвы, черемисы. Юрий Долгорукий, сыновья его, Андрей Боголюбский (1155–1175) и Всеволод Большое гнездо (1176–1212), один за другим, были сильнейшими князьями, и при жизни не давали у себя уделов никому.

Эти князья на севере, как прежние на юге, поднимались, следовательно, на высоту мысли о единовластии и признавали ее пользу, хотя, может быть, и без государственных соображений, а в удовлетворение личного властолюбия или честолюбия, но на ней и останавливались, не имели силы, смелости или

смысла, подниматься выше и обеспечить наследство, сохранение силы. Потому все их здания, воздвигнутые с великими усилиями, разрешались тотчас по их кончине.

Всеволод, сильнейший из них, еще при жизни своей увидел пагубные следствия векового обычая, когда старший сын его Константин «воздвигнул брови» на меньшого брата своего Георгия, которому отец назначал Ростов.

После его смерти междоусобия начались в Залесской стороне точно такие же, какие были и на юге. Сыновья Всеволода вновь поссорились между собой и начали войну, которую закончил новгородский князь Мстислав Удалой, придя на помощь к старшему Константину, против младших братьев Георгия и Ярослава.

Всеволод оставил четырех сыновей. У каждого из них были дети, и к концу этого периода во Владимирском княжестве оказались уделы: Владимир и Суздаль, Ростов и Ярославль, Юрьев, Переяславль, Стародуб, Москва. Число князей возросло до десяти, они прибежали несколько раз к оружию.

Рязань представляла еще более печальное зрелище. После неудачной борьбы с Владимиром она должна была подчиниться сильному соседу. Князья беспрестанно ссорились и просили суда во Владимире, а наконец один из них, вместе с братом, зазвав остальных братьев к себе на пир, изменнически перебил их в своем шатре с их боярами.

Два княжества представили особые явления в древней Русской истории: Новгород и Галич, которые жили более самостоятельной жизнью, особенно первое, и в которых при княжеской власти образовалось свое значительное боярство.

Новгород с самого начала находился в особых обстоятельствах: до Рюрика он уже был независимым, значительным обществом, с обширными владениями. Вероятно, уже тогда завелись там старшины, которые пользовались влиянием на общественные дела. После удаления из Новгорода преемника Рюрика остались там, может быть, некоторые из его бояр, которые и укрепились на своих местах, утвердили за своими родами земли и положили основание городской аристократии

вместе с местными старожилками и богачами купцами. При Ярославе они исходатайствовали себе право, за услуги, выбирать князей из его рода. Право это уважалось до такой степени, что никто без их приглашения не являлся туда со своими притязаниями. Новгород опять стал особняком, сначала как будто майоратом, и, не делясь, как прочие княжества, на уделы, сохранил все свои владения в целости, даже увеличил их за счет соседних финских племен, не принимал почти никакого участия в русских междоусобиях, торговал беспрепятственно, богател и пользовался совершенной свободой на бурных своих вечеах при решении домашних дел, — но несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, не имел и не достиг никакой цели, не успел сделать ничего важного в государственном смысле, кроме славного отражения некоторых нападений со стороны владимирских князей, кроме совершения некоторых личных подвигов. Внутренние распри у бояр с простым народом, у тех и других с князьями, заменяли место междоусобных войн на юге. Князей новгородцы беспрепятственно выгоняли

и, не умея жить без них, призывали снова, как во время до Рюрика. Владимирские князья, усилясь в их соседстве, получили большое влияние на Новгород, тем более, что имели возможность морить его голодом. Между новгородцами образовались их сторонники, от которых прибавлялось смуты; свободный Новгород потянуло в общий водоворот к участию в судьбах всей остальной Руси.

В Галиче усилились бояре, потому что долго оставались на своих местах при единодержавных князьях, следовавших один за другим поодиночке законным порядком, или после кратких междоусобий — так было при Владимире и Василии, при Володимерке и сыне его Ярославле Осмомысле. Может быть, имело здесь влияние и польское происхождение некоторых граждан, остававшихся еще от времен Олега и Игоря. Но при беспутном наследнике Ярослава и после него появились иностранные притязатели, ляхи и угры, — и Галич стал яблоком раздора между ними и русскими соседними князьями. Начались войны, в которых бояре принимали большое участие, склоняясь то на ту сторону, то на

другую и призывая русских князей. Сыновья известного северского князя Игоря Святославича были призваны туда и, выведенные из терпения кознями бояр, решились на вероломное злодеяние: до пятисот человек было ими убито. Смятения не прекращались, и Игоревичи, в свою очередь, при перемене обстоятельств были повешены боярами. Тогда поляки, поссорясь с уграми из-за добычи, призвали новгородского князя Мстислава Мстиславича решить распрю.

Вот в каком положении находились дела во всех княжествах!

Присоедините к междоусобиям, половецким и литовским набегам непрерывные переходы с места на место князей, бояр, воинов и отчасти самых поселян, — и нигде никакого установленного твердо порядка, которого тщетно, видимо, искали словене за морем: полная, совершенная свобода, подвижность, изменяемость господствовала во всех учреждениях — в преемстве князей и их отношении к людям, между собой, в собрании веч, в избрании духовных сановников; какая-то недоверчивость или отвращение от всякого

положительного определения, привычка, ставшая второй природой, решать все дела, вне правил, смотря по обстоятельствам и требованиям времени, как в ту или другую минуту представлялось нужным, полезным и целесообразным.

Сколько источников и поводов для замечательств всякого рода!

А нравственный, духовный уровень в передовых деятелях стоял, между тем, высоко, поднимался беспрестанно, — и во всех областях, во всех слоях общества, являлись люди глубоко просвещенные о едином, «еже есть на потребу», — исключительный предмет древней русской любознательности и просвещения, — но голоса их были голосами вопиющих в пустыне.

Народ принимал все бедствия, как естественные, так и гражданские, справедливым наказанием за грехи и приносил покаяние устами своих летописцев, — но помочь злу он был не в силах и не в понятиях.

Что же грозило государству, до такой степени распущенному, далее, — при естественном увеличении числа князей!

Мелкопоместность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

Враждебные соседи, некогда усмиренные и покорные, теперь ободрились и, пользуясь общим расстройством, уже начали угрожать всем окраинам. Одним словом, государственное положение было отчаянное.

К утешению должно сказать только то, что при всех междоусобиях, при всех неурядицах, при всех дроблениях, единство Русской земли чувствовалось и сознавалось у всех, — и у князей, и у бояр, и у духовенства, и у летописцев.

Вера, язык и единокровие служили к укреплению этого чувства и понятия.

И святые отшельники, по пещерам, на столпах, среди пустынь, в монастырях, молились с горькими слезами о спасении отечества... Бог услышит их молитву: государство спасется, но пройдя через огнекровавое испытание, к описанию которого мы теперь и приступаем.

Первое татарское нашествие

Мы видели, что главным действующим лицом, в первой четверти XII столетия, стал Мстислав Мстиславич Удалой, из рода смоленских князей, который призван был из Новгорода в Галич, где, после смерти знаменитого Романа волынского, сосредоточились действия всего юга.

Туда, в 1223 году, явился неожиданно из своих кочевьев, в нынешних Новороссийских степях, тесть Мстислава, старший половецкий хан Котян в сопровождении своих подручников, — все трепещущие от страха. Никогда не видали половцев в таком смятенном, странном состоянии. И признаков нет прежней дерзости, назойливости, прежнего высокомерия! Тихие, смиренные и униженные, с поклонами и дарами, приходят они к Мстиславу и просят: «Помогите нам, напали на нас сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь нам не поможете, они придут и к вам и сделают с вами то же. Помогите нам!»

«Что случилось с вами? Кто погубил вас? Какие враги?» спрашивает князь и его бояре

испуганных беглецов и не могут получить никакого удовлетворительного ответа. Половцы сами толком ничего не знали, показывали различно, умели описать только свое поражение: «враги их пришли со стороны Каспийского моря, числом их было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицом они смуглые, глаза у них узкие врозь, губы толстые, плечи широкие, скулы выпуклые, волосы черные. Сначала по предгорью Кавказскому победили они ясов, обезов, касогов. Половцы стали было им в отпор с самым сильным своим князем Юрьем Кончаковичем и не могли устоять. Многие были побиты, другие загнаны в луку моря, за Дон, за Днепр. Остальные перебрались через вал Половецкий, в Русскую землю...»

Вот все, что можно было понять и разобрать из их слов; впрочем, в их голосе, на их лицах, во всем их расстроенном виде заключалось самое ясное и убедительное доказательство о справедливости жалоб, об опасности положения, о силе врагов.

«Но, по крайней мере, как их зовут?» спрашивают русские, удивляясь, в свою очередь,

смутным рассказам.

«Зовут их татарами» — и вот в первый раз услышалось на Руси злое, роковое имя!

Мстислав решил созвать русских князей в Киев на совет, для рассуждения об этих новых происшествиях, касающихся всей Русской земли. Понеслись гонцы с повестками во все стороны.

Оповещенные князья собрались — Мстислав Романович киевский, с сыном Всеволодом и зятем, Мстислав Святославич черниговский с сыном, Михаил Всеволодович черниговский (будущий мученик), молодой Даниил Романович волынский, Мстислав Немой волынский, Олег курский, и многие другие.

Туда прибыли и знатнейшие половцы. Они обходили князей, от одного к другому, кланялись, просили, дарили — коней, верблюдов, буйволов, девок-невольниц. Один из них, Бастей, даже принял христианскую веру. Они употребляли все средства, чтобы привлечь русских к их защите. Котян действовал в особенности на зятя своего Мстислава галицкого, и мудро ли было воспламенить этого неустрашимого витязя, в котором с го-

дами не угас бранный дух. Его уже и самого волновало любопытство, что это за новые воины, пред которыми все так преклонялось; его самого уже брало нетерпение помериться с ними силой, которой также до сих пор никто не мог противиться — и чудь, и угры, и ляхи, и половцы. А теперь его умоляют о помощи, от него ожидают спасения! Земле Русской предстоят опасности! Надо же предупредить их!

Князья долго думали и толковали между собой. Мстислав убедил их на общем совете таким соображением: «Если мы теперь не поможем половцам, то они передадутся татарам и нападут вместе с ними на Русскую землю. Тогда силы будет у них еще больше». Определено было помочь половцам, а так как борьба с врагами лучше в чужой земле, чем в своей, то и решились князья идти им навстречу.

Половцы, едва дождавшись этого решения, возрадовались. Перед ними блеснула надежда отомстить за свое поражение. Князья немедля разъехались по своим волостям готовить полки, и по всей Русской земле, свидетельствует ливонский летописец, пронеслось

решение — биться с татарами. К великому князю суздальскому послано было известие с просьбой скорее приходить на помощь.

К весне снарядились князья. Сборным местом был назначен на Днепре, близ Заруба, остров Варяжский, свидетельствовавший своим именем об удачных набегах первых норманнских витязей. С апреля месяца потянулись туда со всех сторон полки, кто в ладьях, кто на конях, кто пеший. Там собрались киевляне и черниговцы, галичане и волыняне, смольняне и переяславцы, весь Днепр покрылся ладьями, из-под которых не видать было и воды: «Мы переходили реку по ладьям, как по суху», говорит очевидец. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли конными, все со своими князьями. Слышался уже из Залесской стороны и Василько Константинович, племянник великого князя Юрия, шедший с вспомогательной дружиной ростовской и суздальской. Выгонцы галицкие, в тысяче ладей, приплыли Днестром в море, поднялись в Днепре до порогов и стали у реки Хортицы, на Протолчьем броду, под начальством Юрия Домамирича и Держикрая

Володиславича.

Половцев прибывало ежедневно. Услышав о походе, они как будто из земли выростали и стекались со всех сторон, ободренные, испытать еще раз счастья. Все отправились в путь.

Лето в тот год было жаркое. Дождей не выпадало ни капли. Солнце палило жестоко. От необыкновенной засухи земля трескалась, леса и болота загорались. Воздух наполнился дымом и смрадом, и мгла прилегала к земле. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночам являлась необыкновенная звезда на западе, пуская лучи не в лицо человеку, а сбоку, как бы к полудню. Она выходила с вечера, после солнечного заката, и сияла ярче других звезд семь дней, а потом на четыре дня оборотила она лучи к востоку и пропала.

Между тем, татары, разбившие половцев, медленно двигались вверх по их земле. Услышав о приближении многочисленного русского ополчения, вдали от главной своей силы, они, кажется, усомнились и выслали послов к князьям. «Слышим, что вы поднялись против нас, поверив половцам, но мы не на

вас пришли, — мы вашей земля не занимали, ни сел ваших, ни городов ваших; мы пришли на холопей своих, на конюхов, половцев: возьмите с нами мир. Прибегут они к вам, бейте их, а имение их берите себе. Мы знаем, что и вам они причинили много зла». Так говорили послы.

А половцы шептали русским князьям другое, побуждая к битве и стараясь всеми силами, чтобы они не соглашались мириться, — и русские князья велели перебить послов, пошли не останавливаясь далее, вниз по Днепру, — судьба их как будто влекла, — и достигли Олешья (против нынешнего Херсона).

Татары прислали других послов: «Видим, что вы слушаетесь половцев, вы убили наших послов, идете против нас — идите, а мы опять говорим, что вас не трогаем».

Вторых послов князья отпустили.

Они шли все далее. Вдруг в стане послышалось, что сторожа завидели впереди татар, которые пришли высматривать русских. Молодой князь Даниил Романович волынский вскочил на коня и понесся вперед — взглянуть, что это за люди. Несколько других моло-

дых князей погнали вслед за ним, увлеченные тем же любопытством «к невиданной рати».

Соглядатаи, впрочем, многочисленные, заведя их приближение, с поспешностью скрылись.

Впечатление произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди», другие возражали: «Нет, это ратники, добрые вои». Юрий Домамирич твердил, что они стрельцы лучше половцев, но молодые князья переспорили всех, и пристали к старшим: «Княже Мстиславе и другий Мстиславе, не стойте! пойдём противу им! Мы их побьем». Мстиславу самому хотелось скорее к делу — столько же пылкий, он послушался молодежи и переправился через Днепр с тысячью человек. Это было во вторник. Бесстрашный, пошел он вперед, по полю Половецкому, встретил сторожей татарских, напал, и разбить их стоило ему одного удара. Его воины угнали множество рогатого скота, который татары водили за собой, так что стало его на всю нашу рать, — и пустились в погоню «секуще». Татары, в бегстве, желая спа-

сти начальника своего Гемябека, засыпали его живого землей, «в кургане Половецком», но русские нашли его. Половцы выпросили пленника себе у Мстислава и, пылая местию, убили. Первый успех ободрил рать.

Все князья переправились через Днепр и поспешили вслед за Мстиславом, который, в жару от первой удачи, шел вперед не останавливаясь и горел желанием сразиться с главной ратью. Девять дней шли они и достигли реки Калки[10] — роковая черта: за ней стояла вся сила татарская.

Мстислав, у которого никто не мог оспаривать военачальства, велел Даниилу волынскому с полком своим и некоторыми другими перейти реку, потом перешел сам, послал своего верного слугу, храброго Яруна, с половцами, в сторожах, расположился станом, но не утерпел и поскакал вслед за Яруном. Окинув издали взглядом полки татарские, — Бог знает, как они ему представились, и что за затмение в очах его приключилось, — он повернул коня и, прискакав к своим, велел немедленно готовиться к бою.

А Мстислав киевский и Мстислав черни-

говский стояли поодаль в своих станах, ничего не зная о том, что битва скоро начнется. Слепленный витязь, в распре с ними, — старый славянский порок, — не дал им никакой вести, уверенный в победе и желая всю ее славу присвоить одному себе.

Даниил ехал впереди, «бе бо дерз и храбр, от главы и до ног не бе в нем порока». С боярами своими, Васильком Гавриловичем и Симеоном Олюевичем, — помянем здесь храбрых, — они первые начали битву. Боярин Василько «сбоден был на первом сступе». Даниил получил удар в грудь, но молодой и сильный, «буести ради», говорит очевидец, не почувствовал раны и не видел, как из нее лилась кровь. Мстислав Немой, увидев его раненого и бьющегося, поспешил к нему на помощь, — он дружен был с его отцом и любил его как сына. Нечего говорить о Мстиславе Удалом. Олег курский крепко бился рядом с ним. Татары бежали от мужественных витязей. Казалось — дело пошло счастливо. Ярун с половцами начал тогда биться также на своей стороне, но половцы, — они погубили нашу рать! С робостью ли приступили они к де-

лу, или страх напал на их сердце внезапно, или увидели они невозможность и бесполезность спора, — но только после первой стычки на своем крыле они дрогнули, замешались. Татары наперли крепче с криком и воплем — передние попятили задних, задние крайних, — еще напор, еще удар, — и половцы побежали, побежали всеми своими толпами, прямо на станы наших князей, которые, не зная ничего, еще не успели выстроить все полки. Половцы совершенно смяли их. Никто не понимал, что происходит; никто не знал, что ему предпринять. Крики отчаяния варваров, лишившихся последней надежды, заглушали все. Они разбежались во все стороны, пешие, конные, с телегами, и произвели общее замешательство. Татары навалились на остальные, еще державшиеся полки, всеми силами; началась сеча злая и лютая, но дух падал, сомнение овладевало, а врагов становилось больше и больше, они стреляли неудержно и пронзали противников. Князья увидели, что стоять им больше нельзя. Храброму Даниилу не стало мочи. Огонь снедал его внутренность. Жажда мучила его, — он

повернул коня к реке и припал напиться воды; только тогда он почувствовал свои раны, оглянувшись, увидел, что все бежит во все стороны, и побежал с прочими. Бежал и Мстислав галицкий, бежал в первый раз от роду, разумеется, истощив все силы в битве, бежал, вероятно, с горьким чувством своей вины. Татары погнались за ними до Днепра и убили шесть князей: Святослава яневского, Изяслава Ингваревича луцкого, Святослава шумского, Мстислава черниговского, Юрия несвижского. Из бояр Иван Дмитриевич пал еще в первой схватке с двумя своими товарищами. Иные летописи называют Александра Поповича с его слугою Торопом, и Добрыню Рязаничем, златым поясом. До семидесяти витязей русских погибло, и киевлян одних пало до десяти тысяч, из всех воинов спасся едва десятый. Эта злоба и победа над князьями русскими, какой никогда не бывало от начала Русской земли, говорят летописи, «убийство бесчисленное сотворися» 31 мая, в пятницу, на память Св. мученика Ермия. Среди общего бегства и половцы убили многих из наших, иного из-за коня, иного из-за одежды. Мсти-

слав, прибежав к Днепру, переправился и велел уничтожить ладьи, — зажечь и изрубить, — чтобы татарам нельзя было гнаться.

Но не все воины, не все князья русские бежали. Остался один, Мстислав старый, великий князь киевский. Не уведомленный о сражении, он стоял со своим полком на каменной горе над рекой Калкой. Увидев с высоты бегство русских князей, Мстислав не двинулся с места со своим зятем Андреем и Александром, князем дубровицким; он решил, кажется, принять добровольную смерть за отечество и сохранить честь русского имени, — старший из князей русских. Укрепив свой стан, он три дня с горы бился с татарами, которые напрасно вступали с ним в переговоры, обещая отпустить его за выкуп. Наконец, воевода бродников, племени, нам подданного, поклялся за них в исполнении слова. Князь поверил и был предан изменником, связанный, с зятем, татарам. Они взяли укрепление и перебили людей. Князей положили под доски, а сами сели сверху обедать, со смехом слушая, дикие варвары, как под досками хрустели их кости, — и «тако ту

скончаша князи живот свой».

Татары, остервенелые, шли вперед, предавая все огню и мечу. Некоторые жители по дороге выходили к ним навстречу с крестами: пощады не было никому. Дойдя до Новгорода Святополческого, на Днепре, близ Витичева, верстах в ста от Киева, грозные враги вдруг повернули назад и скрылись столь же быстро, как и появились. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народ образумился. Как будто свирепый вихрь пронесся по пространству, ломая и разрушая все встречное, помрачая зрение. Он пронесся, — и опять воссияло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой язык у них? Какая вера? Какого они рода? — спрашивали себя русские люди в недоумении, опомнившись после первого переполюха и не видя перед собой никого более. Все спрашивали друг друга, но ответов никто не знал. Одни толковали, что это прежние печенеги, которые нападали при святом Владимире, другие называли их таурменами, безбож-

ными моавитянами. Книжники рассуждали, что это должны быть те люди, которых загнал Гедеон, что они, верно, пришли из пустыни между востоком и севером, что о них предсказывал и святой Мефодий Патарский: «придти им к скончанию века, и поплнить всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтического моря, кроме Ефиопии». «Нет, заключали православные, выслушав ученые речи, Бог один знает, что это за люди, а насылал Он их на нас за грехи наши; обратил же вспять, ожидая нашего покаяния».

Продолжение междоусобий

Что же произошло на Руси после этого неожиданного нашествия, после такого ужасного поражения почти всех ее сил? Какое впечатление осталось в наших князьях по удалении дикой восточной орды? Собирались ли они где-нибудь толковать о мерах на случай ее возвращения? Подумали ли они о своем настоящем положении? Переменили ли образ своих действий в отношениях друг к другу, в виду угрожающей опасности?

Увы! Ничего не изменилось в их взаимных

отношениях; ни рассуждений, ни мер, ни совещаний никаких нигде не было. Все пошло по-прежнему, как будто не случилось ничего особенного, как будто никакой опасности извне не грозило им ниоткуда и все происшедшее они видели только во сне. Они тотчас принялись за прерванные распри, поднимая опущенные в них петли, и междоусобия на всех концах возобновились с прежней горячностью, — в Галиче и на Волыни, в Киеве и Курске, Новгороде и Владимире, Смоленске и Чернигове.

В первый же год в Галиче загорелась война между двумя лучшими князьями того времени, близкими родственниками — Мстиславом, который призвал к себе на помощь половцев, и зятем его Даниилом, который имел на своей стороне ляхов.

Тогда же, на другой стороне, война началась между Олегом курским и Михаилом черниговским, в которой приняли участие и суздальские князья.

За этими войнами поднялся на Волыни спор за Луцк, Пересопницу и Черторижск у Даниила галицкого, которому эти города бы-

ли завещаны Мстиславом Немым, с соседними князьями — Ярославом Ингваревичем, и племянником покойного, Ростиславом пинским.

Галич, среди боярских смут, с вооруженным участием угров, ляхов, половцев и соседних русских князей, переходил несколько раз из рук в руки Даниила и королевича Андрея, потом достался Михаилу черниговскому и сыну его Ростиславу, и, наконец, опять к Даниилу.

В Киеве один за другим сменялись князья, также с боем: Владимир Рюрикович, Изяслав Владимирович, Ярослав Всеволодович, Михаил черниговский и его сын Ростислав.

Чернигов со своими волостями подвергался нападениям Олега курского, Даниила галицкого, Ярослава переяславского и его племянников, князей ростовского и ярославского.

В Новгороде, кроме походов на литву, на чудь, на емь, внутренние смятения не прерывались, и по несколько раз призываемы были то Михаил черниговский, то Ярослав Всеволодович переяславский, из которых каждый

имел своих сторонников между боярами. С этими переменами соединялись и военные действия: были взяты Торжок, Волок Ламский, под угрозой находился Новгород.

Псков воевал с литвой, ссорился с Новгородом и начал сговариваться против него с немцами.

В Смоленске было кровопролитие после смерти Мстислава Давыдовича, вследствие сопротивления граждан, которые не хотели принять к себе на стол его двоюродного брата Святослава Мстиславича.

Владимирские князья, кроме походов на мордву, воевали с Черниговом и Новгородом и начинали враждовать между собой.

Вот краткий очерк междоусобий, происшедших в продолжение пятнадцати лет, следовавших за первым нашествием.

Мы опишем теперь подробнее галицкие происшествия, на юге, и новгородские, на севере, как самые важные, к которым, более или менее, примыкали все прочие.

Главным действующим лицом в Галиче оставался Мстислав Мстиславич Удалой. Но он недолго пережил Калкское поражение: на

третий год он скончался, — проведя свое последнее время среди измен, в беспрестанных тревогах, недоумении и горестях.

Даниила, своего зятя, он любил от души, — и кто же был достойнее любви его! Это говорил Мстислав на своем смертном одре, как за свидетельствовал и при первом появлении своем в Галиче, отдав за него свою старшую дочь и приняв вместе столько трудов для изгнания иноплеменников. Александр бельзский, ненавидя Даниила, равно как и брата его Василька за «злую ночь», старался всеми силами вредить им. «Зять твой хочет убить тебя, зять твой поваживает на тебя ляхов», — твердил он беспрестанно в уши Мстиславу, представлял доказательства, — и столько же легковерный, как и добродушный, Мстислав поверил было клеветнику и вышел с ратью на Лысую гору для соединения с Александром, — а Даниил призвал ляхов. Началась брань, мужественные Романовичи брали верх, Мстислав вынужден был отступить и вернулся в Галич; на другой год призвал он тестя Котяна с половцами, уцелевшего при Калке, своего верного Владимира Рюрикови-

ча, занимавшего киевский стол — как будто собираясь на ляхов, все по совету Александра. Но ему была противна вражда с Даниилом, и он вздумал вдруг решить дело иначе, не прибегая к оружию, не обнажая меча — очной ставкой, на общем сейме соседних князей. Александр, не смея идти на сейм, прислал своего боярина Яна. Мстислав объявил всем князьям, призванным на сейм, о причинах, побуждающих его к войне, и, оборотясь к послу Александру повторил: «Твоя речь, Яню, что Даниил возводит второе на меня Ляхов». Доказательств не привелось, и клевета Александра, ложь Янева, обнаружилась. Тогда все князья решили, что волость Александра должна быть отдана Даниилу. Но добродушный витязь простил виновного, оставив его спокойно владеть своей волостью, и все князья похвалили его за бескорыстие и братолюбие. Даниил, невинно оболганный, был принят Мстиславом с еще большей любовью, чем прежде. Мстислав почтил его, равно как и дочь свою Анну, дарами великими, и дал ему своего борзого коня актаза, какого тогда нигде не бывало.

В Перемиле князья утвердили мир между собою.

Это происходило в 1125 году, а в 1126 году он испытал новое огорчение. Жирослав, один из мятежных галицких бояр, выдумал на него басню, будто он хочет уйти в поле и предать всех бояр тестю своему Котяну на погибель; те поверили и бежали в Угорские горы; оттуда прислали они послов к князю спросить о речах Жирослава, а у него и в уме ничего подобного не было. Он поручил духовнику своему Тимофею заверить бояр, что Жирослав оклеветал его перед ними. Тимофей поклялся и привел всех удалившихся. Мстислав обличил клеветника и изгнал из Галича. Бояре остались, однако же, не расположенными, как прежде, и старались избавиться от князя. Он был со всех сторон окружен изменниками и предателями; был один чистый человек, который любил его от сердца, и которого он любил от сердца, по сходству их нравов и расположений, — и от того старый князь был беспрестанно отвлекаем.

Венгерский король Андрей, получив, еще до слуха о татарах, для сына своего Пере-

мышль, вздумал воспользоваться благоприятными для себя обстоятельствами, и, вероятно, подстрекаемый боярами, появился в Галицкой волости, занял Перемышль (откуда сын его перед тем ушел), Звенигород и, наконец, послал рать под Галич. Сам он не пошел туда, боясь смерти, предсказанной ему волхвами, «узревши Галич». Днестр, между тем, разлился, и нельзя было переправиться. Мстислав вышел из города сам против угров, расположенных впереди, но они посмотрели на нас, говорит летописец, и ушли в свои станы к королю. Король обратился к Теробовлю и взял его, потом взял Тихомль, потом пришел под Кременец, под которым убито и ранено было много угров.

Мстислав послал к Даниилу боярина Судислава сказать: «Не отступай от меня». Даниил отвечал: «Имею правду в сердце моем».

Князь галицкий, убедившись в его преданности, решил идти вперед на короля, который стоял тогда в Звенигороде. Угры вышли навстречу из королевского стана; произошло сражение, и они были разбиты, Мстислав победил, — последняя его победа, — и преследо-

вал беглецов до стана. Сам королевский воевода Мартыниш был убит. Андрей утрашился и поспешил скорее уйти. Даниил и Василько, которые мешали Лешку подать ему помощь, загораживая ему дорогу на Буге, присоединились теперь к Мстиславу и убеждали его преследовать венгерского короля, потому что Андрей вовсе изнемог, а хитрый Судислав, вкравшийся в доверенность к Мстиславу, старался отговорить, не желая гибели королю и возлагая на него свои надежды.

Мстислав поддался на обман, и Андрей благополучно выбрался восвояси.

Этого было Судиславу мало. Он начал приставать к своему князю, чтобы тот, во избежание новых распрей, отдал по прежнему договору Галич Андрееву сыну с дочерью, с ним уже обрученной: «Галича не можешь ты держать сам, потому что бояре не хотят тебя». Мстислав, напротив, склонялся отдать Галич Даниилу, а бояре его Судислав и Глеб Еремеевич толковали: «Если ты отдашь королевичу, то можешь взять у него назад, когда захочешь, а если отдашь Даниилу, то уже не видать его тебе никогда, потому что галичане

желают Даниила».

Начались переговоры, и Мстислав представил (1127) Галич королевичу Андрею, а себе взял Понизье, или нынешнюю Подолию, и отошел в Торческ. Королевич Андрей с Судиславом водворились в Галиче.

Около этого времени Мстислав Немой, который оказал помощь в Калкском побоище храброму Даниилу, умирая, передал ему на руки сына Ивана и завещал ему свою волю, но после смерти Ивана Луцком завладел Ярослав Ингваревич, а Черторижском пиняне.

Даниил вскоре добыл Луцк, а о Черторижске послал заслуженного своего тысяцкого, боярина Демьяна, жаловаться тестю: «Не подобает Пинянам держать Черторижска». Мстислав, неизвестно по каким обстоятельствам, видел уже тогда свою ошибку, чувствовал раскаяние и собирался исправить испорченное. Много толковал с Демьяном, добрый князь заключил свою речь к Даниилу следующими словами: «Сыну! Я согрешил, не отдав тебе Галича, но дав иноплеменнику. Обольстил меня льстец Судислав! Но, Бог даст,

мы пойдём на них опять, ты со своими полками, а я призову половцев. Если Бог нам поможет, ты возьмешь себе Галич, а я останусь в Понизье. Что же касается до Черторижска, то ты прав». Даниил, получив согласие тестя, пошел на виноватый город и взял его.

Между тем, Мстислав, хоть еще не в глубокой старости, разнемогся. Почувствовав приближение смерти, он пожелал видеть Даниила, «жадящу ему видети сына своего Даниила, бе бо имея до него любовь велику в сердце своем». Ему думал он препоручить детей своих и дом свой, — но злонамеренные бояре, особенно Глеб Еремеевич, из зависти не допускали его, — и славный князь галицкий умер один, в Торческе, закончив свою жизнь, исполненную таких тяжелых трудов, таких блистательных подвигов, такой почти постоянной удачи, — самой печальной, безвестной кончиной, оставляя все семейство на произвол судьбы. Счастлив еще: он умер не под игом, — счастлив еще: он умер не рабом, — без мысли, что придут опять татары, — и останутся!

Кончина Мстислава имела следствием но-

вые смятения. Соседние князья сдерживались его силой, решительностью и храбростью, и еще более уважением, которое питали к нему все, получив от него или важные услуги, или сильные уроки. Без него они почувствовали себя как бы на воле и принялись за преследование своих личных целей. Поводов и предлогов было много. Успехи Даниила, который занял между тем Понизье, возбуждали их зависть и вместе опасения, чтобы он не пошел по следам своего отца, славного Романа волынского, слишком для всех памятного. Первый выступил против Даниила, великий князь киевский Владимир Рюрикович, вспомнив, что отец его был не только согнан со стола киевского его отцом, но и пострижен в монахи. «Бе бо ему боязнь велика в сердце его». Ростислав пинский, из рода старшего Ярослава сына, Изяслава, «не престаяше клеветца», потому что дети его томились в плену у Даниила. Образовался союз из князей: киевского, черниговского, новгород-северского, пинского, туровского; подговорены угры с королевичем и Судиславом, призваны половцы, и соединенная рать обложила Каменец. Дани-

ил притворился желающим сотворить мир, «переводя ими», то есть князьями, а между тем старался отвлечь от них Котяна, послав просить его: «Отче, измяти войну сию, прими мя в любовь себе». Котян уступил его убеждениям, обошел ратью Галицкую землю и удалился в свои земли. Союзники не могли сделать ничего и отступили от Каменца, а Даниил с Пакославом, воеводой ляхов, «и Олександро с нима», двинулся на Киев. К нему вышли послы от князей киевского и черниговского просить мира, который и был им дан.

Покончив так благополучно дела с домашними противниками, Даниил должен был принять участие в польских междоусобиях: Лешко, князь краковский, был убит на сейме. У преемника его Конрада, князя мазовецкого, друга Романовичей, завязались споры, и он просил их помощи. Оставив в Берестье Владимира пинского стеречь землю от ятвягов, Даниил пошел вместе с братом Васильком к Конраду. Все вместе они опустошили волости противников Конрада и, обогатившись всякой добычей, осадили Калиш (1229). Решено было взять город приступом. Пого-

да не благоприятствовала — лил сильный дождь, «Кондрату же, любящу Русский бой, и понужающу Ляхы свое», они не хотели идти на город. Наутро Даниил и Василько пошли на штурм одни; по болотистой почве, наполнившейся водой от дождя, трудно было двигаться; жители бросали камни со стен, — и храбрые русские витязи, запалив подъемный мост, должны были вернуться в свой лагерь. Там один из польских военачальников, посланный в обход, заявил: «Кде мы стояли, ту несть воды, ни гребли высокой». Даниил, сев на коня, тотчас отправился осмотреть место и удостоверился в справедливости показания. Вернувшись, он сказал Конраду: «Если б мы знали про то место, город был бы взят». Конрад просил его возобновить приступ, и он на другой день послал людей «терebить» леса с указанной стороны. Жители увидели неизбежную опасность и просили прислать к ним под стены для переговоров Пакослава и Мстивоя. Конрад, не имея доверия к последнему, просил Даниила идти с ними. Даниил отправился переодетый. Жители говорили со стен боярам: «Скажите Конраду, за что он утесняет

нас? Разве мы не его люди, не братья ваши? Какая слава будет для Конрада, если Русь заберет нас в полон к себе? Когда Русское знамя разовьется на наших стенах, кому достанется честь? Разве не Романовичам, а Конраду унижение? Мы служим ныне твоему брату, а завтра будем служить тебе: не давай славы Руси и не бери города». Пакослав отвечал: «Конрад рад бы оказать вам милость, но Даниил лют зело есть, не хочет отойти прочь, не прием града. Вот он здесь, заключил Пакослав рассмеявшись, говорите с ним». Даниил толкнул его оскепищем и, также засмеявшись, снял с себя шлем. Граждане закричали: «Имей службу нашу, молимся, сотвори мир». Начавшиеся переговоры продолжались долго. Даниил взял у них двух талей и вернулся с известиями к Конраду, который и заключил мир. Русь и ляхи поклялись между прочим не воевать, в случае уобицы, ляхам русской челяди (т. е. не брать людей в плен), а руси — лядской. Даниил и Василько, подав важную помощь Конраду, возвратились с великой славой в свои княжества: ни один русский князь, по замечанию летописца, кроме Владимира Святого, не

заходил так глубоко в Ляшскую землю, как они.

После возвращения Даниила галичане прислали звать его к себе: «Судислав ушел в Понизье, и королевич остался один — иди скорее». Даниил отрядил тысяцкого Демьяна против Судислава, а сам, с малой дружиной, отправился в Галич и подступил к городу, который затворился. Даниил занял под городом двор Судислава, где найдено было множество всякого корма, вина и овощей, а потом перешел на другую сторону Днестра. Судислав, между тем, не устоявший перед Демьяном, прибежал в город. Галичане и угры выехали на лед и стреляли по воинам Данииловым, а к вечеру, когда лед вдруг тронулся, и река наводнилась, зажгли мост по совету лихого Семьюнка, «подобнаго лисице чермности ради», и вернулись в город. Зато к Даниилу, к великой его радости, тогда примкнул Демьян со многими галицкими боярами, вернувшись из похода на Судислава. Забота была теперь только о том, как перейти Днестр; Даниил поскакал к мосту и к своему удовольствию увидел, что огонь погас. Наутро подоспел к нему

Владимир Ингваревич, и они перешли на другой берег реки, окружили город со всех сторон. Осажденные изнемогли и сдались. Даниил отпустил королевича, поминая любовь отца его, и проводил его до Днестра. С ним отправился и наставник его Судислав. Граждане бросали в него камнями, восклицая: «Изыди из града, мятежнике земли».

Но Судислав не успокоился и, прибыв в Венгрию вместе с королевичем, начал приставать к Андрею и его детям: «Идите на Галич и занимайте Русскую землю: если не пойдете теперь, то после вам не сладить будет с нею». Король послушался и дал старшему своему сыну Беле сильное войско с присоединением Бегобарсовых половцев. С великими затруднениями, по причине дождей, перешли они Карпатские горы и, уже изнеможденные, осадили Галич, где начальствовал верный Демьян. Даниил привел ляхов и половцев Котьяновых, осаждающие не могли сделать ничего и вынуждены были думать о своем спасении. Они выбрали другую дорогу к Пруту за горы. Множество их погибло — одни убиты, другие взяты в плен, многие утонули, и «Днестр сыг-

рал Уграм злую игру».

Опасность со стороны угров миновала, но Даниилу было еще далеко до покоя. Александр бельзский продолжал «строить ковы втайне», и под его руководством неугомонные бояре составили заговор (1230).

Они уже сговорились зажечь дворец, как Василько нечаянно вышел оттуда и обнажил, шутя, свой меч на слугу короля, который за чем-то оставался в Галиче и принадлежал, видно, к числу заговорщиков — они испугались, подумав, что умысел их открыт, и разбежались.

У князей же еще не было никакого подозрения: Василько поехал по своему делу во Владимир, а Даниила пригласил к себе на пир в Вишню боярин Филипп. Уже на дороге нагнал князя посол от тысяцкого Демьяна: «Берегися, пир зол уготован, тебя убить хотят». Даниил вернулся, велел Васильку идти на Александра, а Ивана Михайловича послал за Молибоговичами, участвовавшими в заговоре, как было узнано. Василько взял Бельз, откуда Александр бежал в Перемышль к своим приятелям. Из заговорщиков было схвачено

26 человек, которые получили прощение, но неуличенных оставалось еще много, и дерзость их доходила до того, что один на пиру облил лицо Даниила из чаши, — и то он должен был перенести.

Надо было идти на Перемышль, где гнездилась измена. У Даниила были только 18 отроков с тысяцким Демьяном. Он созвал вече (1231) и спросил людей: «Хотите ли быть мне верными, и пойдете ли со мною на врагов моих?» Все отвечали в один голос: «Мы верны Богу и тебе, господину нашему». Сотский Микула прибавил: «Господине, не погнетши пчел, меду не есть». Даниил выступил, по пути примкнул к нему Мирослав. Подошли якобы на помощь и неверные, «творя втайне совет лютый». Но Бог помогал Даниилу: он смело подступил к Перемышлю. Александр «не стерпев» убежал и оставил все свое имение.

Неверный Володислав Юрьевич послан был преследовать его, но, в заговоре с ним, допустил его пробраться до Санюка, ворот угорских. В погоне «сбоден» был некто Шелв, славный своей храбростью, и «в великой чести» скончался.

Александр прибыл в угры. Там, с изменником Судиславом, непримиримым врагом Даниила, он уговорил короля опять идти на Галич, и король пошел, с обоими своими сыновьями, Белой и Андреем, собрав многочисленное войско. Настоящий поход был для него счастливее и несчастнее для Даниила. Началось с осады Ярославля. Там начальствовали оставленные Даниилом бояре — Давыд Вышатиц и Василий Гаврилович. Целый день, до захода солнца, продолжалась битва, и угры не могли взять города. Теща Давыдова, Нездиловая, была дружна с Судиславом, будучи кормилицей у него или у его сына, и он называл ее матерью; она убедила Давыда предать город, за невозможностью якобы удержать его. Напрасно товарищ его Василий просил: «Не погубим чести князя своего, — эти вои не могут отнять у нас город». Чак, видя угорские полки, подтверждал это мнение: «Не могут вас уже прияти, ибо вельми суть биени». Но Давыд настоял на своем и сдал город, выговорив право отойти со своими воинами. От Ярославля король пошел к Галичу. Бояре, один за другим, покидали Даниила, воевавшего тогда

около Буска, и переходили в угорский стан. И Галич был взят.

Королю мало было и этого: он пошел к Данииловой отчине, Владимиру. Увидев этот город, он удивился и сказал: «Такого города нет и в немецких странах». Воины стояли по стенам, и щиты их, оружие, блестели как солнце. Боярин Мирослав, до сих пор верный слуга, дядька Романовичей, спасший Даниила еще младенцем на седле своем, при покушении Игоревичей взять Владимир, отдал теперь город уграм без сопротивления. «Иногда же храбру ему сущу, Богу ведать, тогда бо смутися умом» он заключил с королем мир без совета со своими князьями и уступил ему Бельз и Червен, куда король и посадил тогда же Александра.

В Галиче на столе он оставил своего сына и победителем отошел за Карпатские горы домой в угры.

Романовичи были сильно поражены. Они упрекали Мирослава, что тот сдал город имея много воинов. Старый воевода отпирался, впрочем, от уступки Червена, — но эти пререкания не приносили, разумеется, уже ника-

кой пользы. Смелые братья, однако же, не унывали и принимали свои меры, чтобы вернуть себе отнятое и прогнать угров.

Но им добавилась новая забота. Великий князь киевский Владимир Рюрикович попросил у них помощи против Михаила черниговского, грозившего ему войной. Даниил пошел и помирил противников. Город Торческ, полученный за труды, он уступил своим шуринам Мстиславичам: «Держите за добродееanye отца вашего». Между тем, на него к Белобережью шел королевич Андрей из Галича, вероятно, по предварительному договору с уграми.

Владислав, отошедший из Киева от Даниила, разбил угорские полки, им встреченные.

Даниил, получив это известие, пустился вслед за ними и нагнал их у Шумска. Угры остановились, принимая сражение. Данииловы воины были на горах; угры под горою. Бояре Данииловы не советовали ему сходить с гор. «Кто медлит на брань, тот трус, „страшливу душу“ имеет», отвечал он и велел воинам спускаться. В происшедшем сражении Даниил оказал великую храбрость: копьё его, вон-

зенное в неприятеля, сломалось, он обнажил меч и, осмотревшись кругом, увидел стяг Василька. У Василька вся сулица была в крови и оскепище иссечено «от ударенья мечевого». Даниил поспешил на помощь к брату, рубя направо и налево, поражая многих. Братья много трудились. Тысяцкий Демьян и дядька, старый Мирослав, принимали деятельное участие в сражении, которое несколько раз обращалось в пользу то той, то другой стороны, но было, наконец, выиграно Даниилом. Угры бежали с королевичем в Галич. Эта победа Даниила имела ту пользу, что Александр бельзский, свидетель успехов Романовичей и слабости королевича, перешел на их сторону, говоря: «Не лепо ми есть быти, кроме ваю», и они, приняв его с любовью, пошли вместе на Плеснеск, который держали Арбузовичи, и захватили богатую добычу. Дела Даниила поправлялись (1232).

Королевич выпросил у отца новое вспомогательное войско с Данишем.

Даниил отправился в Киев, вызвал половцев, привлек к себе враждебного ему дотолем Изяслава Владимировича и взял с него клят-

ву, как и с великого князя киевского Владимира Рюриковича.

Королевич с Данишем уже шли на Владимир. Союзники выступили против Даниша, но Изяслав тотчас изменил, ограбил волости около Тихомля и ушел.

Противники сошлись под Перемилем и бились «о мост». Угры были разбиты и, бросив свои пороки, вернулись в Галич. Даниил и Владимир пошли за ними. В Бужске присоединились к ним Василько и Александр. Там было совещание, после которого Владимир и Котян отошли домой (1234).

В следующем году (1234) Глеб Еремеевич, один из значительнейших бояр галицких, передался Даниилу, увидев, верно, улучшение его положения.

Братья пошли вперед к Галичу. Большая часть жителей встретила их с радостью. Они заняли многие города и раздали их держать своим боярам и воеводам, потом приступили к самому Галичу, остановившись на левом берегу Днепра. Девять недель продолжалась осада, в ожидании, когда станет лед, и можно будет по льду переправиться через реку. Ко-

ролевич с Судиславом и Данишем изнемогали от голода. Судислав ухитрился отвлечь Александра от союза. «Отойди от брата, послал сказать ему, я дам тебе Галич», — и Александр, как прежде Изяслав, ушел из стана. Но эта измена не помогла осажденным. Королевич внезапно умер, может быть, вследствие нужды или возникших болезней, — и с его смертью все дело решилось окончательно в пользу Даниила. Бояре галицкие прислали за ним Семьюнка Чермного, и он занял Галич в четвертый раз.

Судислав ушел в угры, вероятно, с телом умершего королевича.

Весною (1233) Александр «убояся злаго своего сотворения», обратился к тестю в Киев. Даниил погнался за ним со своими воинами. Три дня и три ночи сряду не спали они и, наконец, настигли Александра в Полоном, на Хоморском луку и взяли в плен, в котором, вероятно, он и умер.

Бельз присоединен был к Владимирскому княжеству.

Великий князь киевский Владимир Рюрикович прислал к Даниилу в Галич сына Ро-

стислава «и прия с ним братство и любовь велику», но Михаил черниговский, равно как и Изяслав Владимирович, не переставали враждовать с ними обоими. Владимиру понадобилась помощь. Даниил отправил в Киев Глеба Еремеевича и Мирослава, но Владимир звал его самого: «Помози мне, брате». Даниил, зная его любовь, спешно собрал полки и пошел. Вместе они отразили Михаила, подступившего под Киев, опустошили его волости по Десне, заняли города Хоробор, Сосницу, Сновск. Под Черниговом произошел лютый бой. Такой таран был поставлен, что «метал на полтора перестрела камни, четверем человекам едва в подъем». На стол в Чернигове был посажен Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила, помогавший союзникам. Воины Данииловы устали, воюя от Крещения до Вознесения, и князь галицкий спешил на отдых домой.

Между тем, прошел слух, что Михаил и Изяслав ведут половцев на Киев и уже вступили на Русскую землю. Владимир с Мирославом убедили Даниила, после многих его отказов, идти к ним навстречу. Полки сблизились

с половцами около Звенигорода. Только тогда была опознана вражеская сила, и Владимир, вместе с Мирославом, вопреки прежнему своему мнению, подали новый голос отступить. Даниил воспротивился и сказал им: «Я не хотел идти вперед и говорил, что нельзя усталым воям идти на здоровых и целых; вы настаивали, и я пошел, — теперь отступить я не хочу. Если воин вышел на брань, то должен или победить, или умереть. Нечего робеть, пойдем вперед».

Русские были разбиты. Под Даниилом убит его гнедой конь. Владимир и Ярослав взяты в плен в Торческе, по указанию безбожного Григория Васильевича и Молибоговичей, Изяслав занял Киев.

Даниил спасся бегством в Галич, где застал Василька с его полком. Борис межидожский, советом Доброслава и Сбыслава, дал знать ему ложно, будто Изяслав с половцами идет на Владимир. Он послал туда Василька и остался один в Галиче, но услышав вскоре, что бояре, по своему обычаю, строят против него козни, и ему грозит гибель, должен был оставить город и отправился к уграм.

Михаил, шедший по следам его, занял Галич. Напрасно зимой Василько тревожил его, напрасно Даниил, вернувшись из угор, действовал со своей стороны — они ничего не могли сделать и вернулись по домам.

Зато галичане повоевали по Хомору и пошли на Каменец, со всеми болоховскими князьями. Много пограбив, они возвращались в Галич, но были настигнуты боярами Данииловыми из Каменца и торками, присланными на помощь от Владимира киевского, который выкупился из плена половецкого. Пленники приведены были к князю во Владимир.

Летом Михаил и Изяслав потребовали с угрозой их освобождения: «Отдай нашу братью, не то придем на тебя войною». Действительно, они призвали на Даниила половцев, некоторых русских князей и ляхов с Конрадом мазовецким, позабывшим услуги, оказанные ему Романовичами.

Остановившись на месте нынешнего Холма, Конрад послал воевать к Червену, где его встретили Васильковы воины, пленили лядских бояр и привели в Городок к Даниилу. Михаил тогда стоял на Подгорье, ожидая Изя-

слава с половцами и думая потом снестись с Конрадом. Половцы пришли, но отказались идти на Даниила, повоевали Галицкую землю и вернулись домой.

Услышав это, Михаил должен был без успеха спешить в Галич, а Конрад в ляхи, причем в Ведре потонуло множество его воинов.

Летом ободренные Романовичи приходили на Галич, но не могли отнять его у Михаила и Ростислава, у которых было много угров, — и только повоевали около Звенигорода.

Весной (1236) они собрались на ятвягов, но должны были остановиться из-за разлития рек. Потом пустились на рыцарей, призванных Конрадом мазовецким против языческих пруссов. «Нелепо есть держати нашей отчины крыжевником Тепличем, рекомым Соломоничем». Так называл Даниил рыцарей Немецкого ордена, поселенных на русском рубеже, смешивая их с тамплиерами или рыцарями храма. Романовичи взяли их город, пленили старейшину Бруна со множеством воинов и воротились во Владимир.

Отдохнув, они опять двинулись на Галич, и на этот раз Михаил вынужден был просить

у них мира, уступив Даниилу Перемышль.

В отмщение Конраду за его измену, Даниил навел тогда на него Миндовга из Литвы и Изяслава из Новгорода.

Король венгерский, вознамерившись венчаться на царство, пригласил Романовичей к себе «на честь». Венгерские летописи говорят, что Даниил, участвуя в совершении торжественных обрядов, вел его коня в знак подданства, но это унижение невероятно, потому что Даниил, тогда достаточно сильный, не имел нужды в его покровительстве.

В угрох услышал он о притеснениях императором Фридрихом австрийского герцога и хотел, неутомимый, идти к нему с братом на помощь, но король не дал на то своего согласия. Романовичи возвратились во Владимир, не переставая думать о походе на Галич.

Вот какое смятение господствовало на нашем юге и западе!

Рассмотрим теперь север и восток.

Новгород, угрожаемый немцами и литвой, никак не мог ужиться со своими князьями, из которых к каждому приставали те и другие бояре, и тем прибавляли смуты, ссорясь еще

между собой, вовлекая и народ в свои ссоры.

В 1224 г. сын великого князя владимирского Всеволод уехал ночью тайком из Новгорода со всем двором своим, по неудовольствию на некоторых бояр, и сел в Торжке. К нему пришел, по предварительному, видно, уговору, отец великого князя Георгий со своими полками, брат его Ярослав, Василько с ростовцами, Михаил с черниговцами. Новгородцы прислали к великому князю двух мужей со словами: «Княже, пусти к нам дитя, а сам иди с Торжку». Георгий отвечал: «Выдайте мне Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Ивана Тимошкинича, Вячка, Ивача, Радка, — не выдадите, а я поил коней Тверцою, напою и Волховым». Новгородцы «скопипи всю волость около города, доспели острог» и послали к великому князю Полюда Вячеслава Прокшинича, Ивана Ярышевича, с ответом: «Княже, кланяемся тебе; а братьи своей не выдаем; крови не проливай, а впрочем — твой меч, а наши головы». На путях поставили они сторожевые отряды, везде устроили тверди, решившись умереть за святую Софию с поездником Иваном Дмитриевичем. Георг-

гий предложил им в князя шурина своего, князя Михаила черниговского. Они согласились, и должны были заплатить еще семь тысяч гривен новых.

Михаилом (1228) новгородцы были очень довольны, но он оставался у них недолго.

Выправив сам товар, захваченный Георгием в Торжке и по волости, объявил им, что не может у них оставаться более, и предлагал им торговать в Чернигове как у себя дома. Убеждения их не помогли, и они, скрепя сердце, послали опять за Ярославом Всеволодовичем в Переяславль.

Ярослав, не доходя до Новгорода, повернулся со своей дружиной и торопецким князем Давыдом на литву, которая приходила перед тем грабить Новоторжские волости. Ярослав отбил у них всю добычу на Усвяте; причем пало их до двух тысяч. Новгородцы не присылали от себя подмоги. Ярослав (1226) не затаил, однако же, гнева на них за то, ходил с успехом на емь (1227), которая, в свою очередь, отплатила набегами по Ладожскому озеру и опустошила по берегам его Исады и Олонес (1228).

Ладожский посадник, не дождавшись новгородцев, сразился с ними и отбил добычу. Они просили мира, и, не получив, перебили пленников, побросали лодки, разбежались по лесам, где их перебили ижоряне и корелы до двух тысяч, «а то все мертво!» Новгородцы стояли несколько дней на Неве, сотворили вече и хотели убить за что-то боярина Судимира, которого спас в своем насаде Ярослав.

Ярослав пошел во Псков с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом, но псковитяне заперлись в городе и не пустили его к себе, прослышав, что князь везет оковы и хочет оковать лучших мужей: он постоял на Дубровне и должен был вернуться в Новгород, где созвал вече на владычном дворе и пожаловался: «Я не мыслил никакого груба на псковичей, и вез им дары в коробах, паволоки и овощи, а они меня обесчестили!»

Тогда же привел он полки из Переяславля. Воины, приведенные Ярославом, расположились шатрами около городища и по дворам в Славне, отчего на торгу все вздорожало: хлеб, мясо, рыба. Хлеб продавался по две куны, кадь ржаной муки по три гривны, пшено по

семи гривен.

Князь говорил, что хочет идти на Ригу, а общее мнение было то, что он, раздраженный, собирается опять на Псков, о чем новгородцы их и предупредили. Псковичи, услышав о сборах Ярослава, заключили мир с Ригой «выложивше Новгородцев: то вы, сказали они, а то Новгородцы; нам ненадобе», то есть до ваших отношений между собой нам дела нет. «Если пойдут на нас, то вы помогайте нам». Немцы согласились, взяв сорок мужей «в тальбу».

Ярослав послал Мишу звать псковичей: «Выдайте, кто меня вам обадил, и идите со мною в путь. Я не мыслил никакого зла на вас». Псковичи прислали к нему Гречина: «Княже, кланяемся тебе и братьям Новгородцам, на путь нейдём, и братья своей не выдаём, а с Рижанами мы взяли мир. К Кольваню вы ходили, серебро получили, а правды не сотворили, ушли в Новгород не взяв города, а в Кеси также, в Медвежьей голове также. За то наши братья избиты на озере, другие уведены в плен. Вы раздражили врагов, да и прочь. Думаете ли идти на нас, мы против вас со Свя-

тою Богородицею и с поклоном. Ступайте, иссеките нас, жен и детей возьмите себе в плен, а не лучше погании, — кланяемся».

Новгородцы также отказались: «Мы без брата своей Псковичей на Ригу не пойдём, а тебе кланяемся». Ярослав никак не мог их уговорить и должен был отпустить свои полки домой. Тогда и псковичи отпустили призванных немцев, чудь, летголу, ливь, а сторонников Ярослава выгнали из города: «Идите к вашему князю, вы нам не братья».

Ярослав в досаде ушел из Новгорода со своей супругой, но, не желая упустить из рук прибыльное княжество, оставил там двух своих сыновей, Федора и Александра, с Федором Даниловичем и тиуном Якимом.

К пущему горю настало в Новгороде ненастье; дождь шел день и ночь, и от Госпожина дня до Николина не видели жители ни одного светлого дня. Народ приписал это бедствие архиепископу Арсению, который подкупил будто князя, отстранив Антония, заключившегося в Хутынском монастыре. Созвали вече на Ярославовом дворе, вытолкали архиепископа за ворота, и он насилу спасся в церкви

Св. Софии. На другой день пошли на Хутино, взяли оттуда больного Антония и ввели на владычен двор, приставив к нему двоих мужей; потом во оружии пошли с веча на тысяцкого Вячеслава, разграбили двор его и многих других сановников за то, что они наводят будто князя на зло. Липенского старосту хотели повесить, и он едва спасся на двор к князю, а жена его попала им в руки. Тогда же отнято тысяцкое у Вячеслава и отдано Борису Негочевичу, а князю Ярославу дано знать: «Приезжай к нам, забожничье (налог церковный) отложи, судей по волости не рассылай, и клянись нам на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославовых, ты наш князь, или ты себе, а мы себе».

В ответ на это требование князь велел сыновьям своим, вместе с их приставниками, оставить Новгород, и они удалились ночью сыропустной недели во вторник (1229). Новгородцы говорили: «Мы их не гнали и князю никакого зла не сотворили; мы свою братью только казнили. Он, видно, задумал лихо на Святую Софию, Бог с ним, мы себе князя промыслим». Поклялись все быть за один, и по-

слали в Чернигов Хота Станимировича и Гаврилу с Лубяницы, которых не пропустил князь смоленский по научению Ярослава.

Михаил, однако же, был тогда в Брыне с сыном, узнал о желании новгородцев и поспешил в Торжок на вербницу, а в Новгород прибыл под конец Фоминой недели.

Новгородцы были довольны, и Михаил поцеловал крест на всей воле новгородской и на всех грамотах Ярослава. Он дал свободу смердам на пять лет не платить дани; кто сбежал в чужую землю, тому платить, кто где живет, по уставу прежних князей.

На Ярославовых любимцах и на городищах новгородцы взяли много кун, но дворов их не грабили и определили собранное на великий мост, отняли посадничество у Иванка Дмитриевича и дали Внезду Водовику. Иванко был послан в Торжок, но новоторжцы его не приняли, и он ушел к Ярославу, с которым вражда не прекратилась, ибо он не хотел отказать от Новгорода.

Между тем, архиепископ Антоний, больной и немощный, не мог управлять церковными делами. Михаил сказал новгородцам:

«Нелепо быть городу без владыки. Выберите, кого вам угодно». Одни указывали на Иосафа, епископа вольнского, другие на какого-то грека, многие на диакона Спиридона при церкви Св. Георгия. Князь подал совет положить три жребия на святую трапезу: «Изволи Бог служителя себе и пастуха словесных овец Новгороду и всей области его». Княжич Ростислав вынул жребий — Спиридонов.

К Ярославу послал он Нездилу Прокшинича и Иванка Тудорковича с речами: «Отступишь Волока, вороти, что ты силою зашел Новгородскаго, и поцелуй на том крест». Ярослав отвечал: «Волока не отступаю и креста не целую: вы себе, а я себе», и продержал по слов у себя все лето.

Михаил между тем уехал в Чернигов и оставил в Новгороде сына Ростислава. Взяв с собой несколько нарочитых мужей новгородских, он сказал: «Дай Бог исправить мне всю правду Новгородскую и принять от вас сына моего».

Литва набегала на волости Серегерские; новгородцы нагнали ее и отбили добычу.

В 1230 г. Михаил приезжал в Новгород, но

оставался короткое время, обещаясь на Воздвиженье сесть на коня и идти на Ярослава; тогда же он совершил постриги своему сыну Ростиславу. Архиепископ Спиридон обрезал отроку волосы во храме Св. Софии.

Ярослав собирался на войну. Во Владимир явилось тогда посольство к великому князю Георгию — митрополит Кирилл, Порфирий, епископ черниговский, и боярин Владимира Рюриковича киевского, просить великого князя о примирении брата его Ярослава с Михаилом черниговским. Послы приняты были с честью, и мир обещан.

В нынешнее отсутствие Михайлове новгородцы возмутились еще сильнее, чем прежде.

Степан Твердиславич рассорился с посадником Водовиком; кажется, Водовик был представителем партии Михайловой, а Степан Ярославовой. Его сторону принял Иванко Тимошкинич, которого избили парубки посадничьи.

На другой день созвано было вече против посадника на Ярославле дворе, и двор его был разграблен. Он, со своей стороны, вместе с Се-

меном Борисовичем, поднял весь город на Иванка и на Якима Влунковича. Яким бежал к Ярославу, Иванко был убит и брошен в Волхов. Был убит еще Волос Блуткинич. Много дворов было разграблено с веча, другие сожжены.

Зимою, 8-го декабря, в воскресенье, посадник Водовик отъехал в Торжок с княжичем Ростиславом. На другой день поутру был убит Семен Борисович, сторонник Михайлов, и жена его захвачена, двор и села разграблены, также двор и села Водовиковы и его сторонников, Бориса тысяцкого и проч., которые все убежали к Михаилу в Чернигов. Имение их разделено. Одолевшая сторона показала путь и Ростиславу из Торжка в Чернигов: «Поди прочь — отец твой обещался и крест целовал сесть на конь на войну со Вздвиженья, а вот уже Николин день настал. Крестное целование с нас снимается. Мы промыслим себе князя», и послали за Ярославом.

Ярослав спешно приехал в Новгород, 30 декабря, и целовал крест на всех грамотах Ярославлих.

Ярослав пробыл только две недели в Нов-

городе и, оставив опять двух своих сыновей, Федора и Александра, уехал в Переяславль.

На осень Ярослав ходил ратью на Михаила, который, несмотря на недавно заключенный мир, принимал к себе новгородских беглецов. Ярославу сопутствовали племянники, Константиновичи. Они пожгли Шеренск и осадили Мосальск.

На следующий год пришли из Чернигова (1232) сторонники Михаила: Борис Негочевич, Петр Володикович, Глеб, Семенов брат, Миша, с подговоренным ими князем Святославом трубчевским. Они думали восстановить свою сторону в Новгороде. В Буице, селе Св. Георгия, на средоговение, князь увидел ложь и несостоятельность их намерения и оставил их, но они явились в Пскове, схватили и заковали посадника Ярослава — Вячеслава.

В Новгороде, где князя не было, началось смятение. Он поспешил приехать, засадил случившихся там псковичей в-gridнице на городище и послал в Псков с требованием: «Мужа моего пустите, а тем покажите путь, откуда пришли».

Псковичи не соглашались и стояли за них крепко. «Пришли к нам их жены, отвечали они, и товар их, и мы отпустим Вячеслава, а не то — вы себе, а мы тебе». И так прошло все лето без мира. Князь не пустил к ним гостей, и они покупали соль по 7 гривен за берковец. Тогда они смирились и отпустили Вячеслава, а князь отпустил к ним Борисовую, Глебовую, Мишную, но мира не дал. На зиму пришли псковичи и поклонились: «Ты наш князь, дай нам сына Федора». Ярослав сына не дал, а дал шурина Георгия. Они взяли его и указали путь Борисовой чади с женами. Изгнанники отправились в Медвежью голову.

В 1233 г. Борисова чадь заняла Изборск с немцами и Ярославом, сыном бывшего псковского князя Владимира Мстиславича. Псковичи оступили их, пленили и отвели к князю Ярославу, который отослал их окованных в заточение в Переяславль. Он готовился играть свадьбу старшего сына своего Феодора в Новгороде, — все приготовления были сделаны, — как тот внезапно скончался и был похоронен в монастыре Св. Георгия. Князь удался в свой город, а немцы в его отсутствие

захватили в Тесове Кирила Синкинича, которого князь по возвращении выправил, приведя с собой множество полков.

Он пошел на Юрьев (1234), разорил окрестности и разбил немцев, пришедших из Юрьева и Медвежьей головы, которые ему поклонились. Зато литва захватила Русу до самого торгова. Рушане поднялись — засада, огнищане, гридьба, купцы и гости, выгнали их из посада и сразились на поле. Литва была побита и отошла на Клин.

Ярослав, услышав об этом нападении, сел в насад и пустился по Ловоти. Другие последовали на конях. Под Моровийском у лодейников недостало хлеба, и князь отпустил их в город, а сам пошел с конниками и настиг литву в Торопецкой волости на Дубравне. Произошла битва. Бог помог Ярославу одержать победу над погаными, и он отнял у них 300 коней и весь захваченный товар. Литовцев много пало на месте, а остальные побросали оружие и щиты и разбежались по лесам. Из новгородцев убито десять мужей: Федя Якунович, тысяцкий, Гаврило щитник, Нежило серебряник, Гостилец с Козмодемьянской улицы, Фе-

дор Ум, княжой детский, другой городищанин и проч.

Ярослав Всеволодович ушел из Новгорода (1236) Киеву на стол, взяв с собой лучших новгородцев сто мужей, Судимира из Славна, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, и проч., которых через неделю отпустил всех из Киева, одарив помногу.

В Новгороде оставлен сын Александр. В 1237 году был общий поход на литву — немцы, рижане, чудь, новгородцы. Псковичи послали от себя 200 человек. Они все были разбиты, и едва десятая часть спаслась домой.

Во Владимире, значительно ослабленном сражением при Липице и потом междоусобицей после кончины великого князя Константина Всеволодовича, на некоторое время водворилось спокойствие.

Жители утешены были пренесением мощей Св. Авраамия, замученного в 1229 г. в Великом Болгарском городе. Это был, говорит Суздальский летописец, человек иного языка, нерусского, но христианин, богатый, торговавший, «гостешбу дея» по разным городам. Болгары убеждали его много времени, «ласка-

ньем и прещеньем», отступиться от Христа и христианской веры. Он не слушал их, «изволи паче умереть за Христа», оставил свое имение, подвергся мукам и был усечен 1-го апреля. Русские, торговавшие в Болгарии, сохранили тело его в гробу, хотя он был иноплеменник, и, вероятно, не православного исповедания, и принесли во Владимир, что приносит большую честь их терпимости, — и православию.

Великий князь Георгий, с княгиней и детьми, епископ Митрофан, со всем клиросом и игуменами, и все люди, со свечами, встретили святые мощи за версту от города. Положен Авраамий был с великой честью в монастыре великой княгини Всеволожей, любимой матери великого князя Георгия.

Начинались новые распри, и «Ярослав усумнеся брата своего Юргя, слушая некои хльсти, и отлучи от Юргя Константиновича три: Василька, Всеволода и Володимера, мысляшет противиться Юргю брату своему», — который некогда, жертвуя собой, помогал ему, но великий князь успел на время примирить вражду. Это было в 1229 году.

Второе нашествие

И в этом самом году пронесся опять слух о татарах, показавшихся на границах Азии, в окрестностях реки Яика или Урала, — и все сердца вздрогнули на Руси, почуя новую беду. Сторожа болгарские, сколько их осталось там от избиения вместе с половцами и саксинцами, племени, вероятно, киргизского, прибежали снизу домой известить о собирающихся на Востоке тучах.

Само небо необыкновенными чудесными знамениями как будто предвещало идущую в них грозу.

На Воздвиженье мороз избил весь хлеб, и он вздорожал еще больше прежнего. Хлеб продавался по 8 кун, кадь ржи по 2 гривны, а на дворах по 25, пшеница по 40 гривен, пшено по 30, овес по 13. Жители расходились по чужим сторонам.

За голодом следовал мор. Трупы валялись по всем улицам. Архиепископ Спиридон построил скудельницу в яме, на Прусской улице, и приставил к ней мужа благого и смиренного Станилу, веля свозить сюда на конях

мертвецов со всего города. В короткое время навезено было 3030.

Следующая весна была еще тяжелее зимы: голод свирепствовал страшно не только в Новгороде, но и по всей стране. Жители употребляли в пищу мох, желуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, нечистых животных, — доходило до человекоубийства. Таких злодеев сжигали, осекали, вешали. Отцы и матери отдавали детей гостям из хлеба в одерень. Иные злые люди зажигали дома, где предполагалась рожь. Мертвецы на улицах, на торгу, по мосту, лежали непогребенными, псами пожираемые; поставлена была другая скудельница, на поле, в конце Чудинцовой улицы, третья на Колени, за Рожеством, и те наполнились скоро.

После первых слухов татары двигались медленно: только в 1232 году подошли они к Волге, и, не доходя до Великого города Болгарского (на левой стороне Волги, Казанской губернии, в Спасском уезде), остановились зимовать. Здесь почему-то кочевали они больше трех лет, и уже в 1236 году взяли древнюю столицу Болгар, ограбили и сожгли.

На следующую зиму они появились в Рязанских пределах, подойдя лесами с восточной стороны, и остановились станом в Онузе (?), которую взяли и сожгли.

Их было множество, без числа, говорит современный русский летописец, а арабский описывает так их нашествие: земля стонала, звери безумели, испуганные птицы падали мертвые.

Рязанский князь Юрий Игоревич при первых слухах оповестил родных и соседних князей. В родственный Чернигов и ближний Владимир отправлены послы за помощью.

В стольном городе Рязани успели собрать только ближние князья: брат Олег Красный, племянники Олег и Роман Ингваревичи, Всеволод Михайлович пронский, один из князей муромских.

Татары прислали к ним послов, двух мужей и жену чародейку, требуя себе десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях, — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих.

Князья отвечали смело: «Не будет нас, тогда возьмете все».

Послы препровождены были к великому князю Георгию Всеволодовичу во Владимир.

На предложение татар: «Мирися с нами», он отвечал: «Брань славная лучше мира постыдного», и начал военные приготовления, а рязанской просьбы не уважил, рать не прислал и сам не пришел, «хотя особь брань сотворити».

Из Чернигова еще не было слуха, и рязанские князья вынуждены были одни идти навстречу татарам к Воронежу, решаь умереть, но не покоряться.

Татары двинулись к Воронежу, где стояли русские князья, и вступили с ними в бой. Сеча была злая. Кровь потекла по полю, как новая река. От стремительного натиска бесчисленных татарских полчищ наши рати устоять не могли. Разбитые, они вынуждены были уступить, и князья спаслись бегством, каждый в свой город. Один из них, Феодор Красный, изнемогающий от ран, еле живой, был взят в плен и приведен к Батыю, которому понравился. Батый обещал ему помилование, если он обратится «на их прелесть». Он не соглашался. Батый, рассерженный, «дохну

огнем от мерзкого сердца своего», говорит летопись, и несчастный был изрезан ножами до полусмерти.

Татары устремились вперед, опустошая огнем и мечом Рязанскую землю, «грады разби- вающе и жгуще, люди съкуще и пленующе». Так были разорены до основания: Пронск, Белгород, Ижеславль, Борисоглебск, и имена их с тех пор не слышатся в летописях, кроме Пронска. Арабские современные писатели выражаются очень живо о городах, опусто- шенных татарами, что они исчезали, как буд- то и не красовались вчера.

16 декабря обступили татары стольный го- род Рязань. Князья затворились, решившись защищаться до последней капли крови. Пять дней продолжалась осада. Граждане отчаянно оборонялись, стояли по стенам не сменяясь, между тем как нападавшие обновлялись бес- престанно свежими силами. Каждый день па- дало множество, но никто не думал о сдаче. На шестой день подступили татары с огнем, с пороками, или стенобитными орудиями, и лестницами, и 21 декабря город был взят и, по разграблении, сожжен. Все жители, попадав-

шиеся под руку, были перебиты без милости, одни расстреляны стрелами, другие посечены мечами, потоплены в реке, женщины на улицах подвергались поруганиям, дети бросаемы были в огонь, и не осталось в городе никого из живых, говорить летопись: некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые.

Из князей остался один Роман Ингваревич, который успел убежать и поведать во Владимире великому князю о гибели Рязани.

Татары пошли вперед, не останавливаясь, на Владимир. Вдруг сзади, когда они уже выходили из пределов Рязанских, говорит древнее сказание, показались рязанские воины и ворвались в их становище. Татары всполошились, не понимая, откуда взялись они: не мертвые ли, павшие в Рязани, встали и прискакали мстить за смерть свою. Неизвестные воители рубили направо и налево изумленных, оторопевших варваров. Притупленные мечи они бросали и хватали другие из рук поверженных на землю татар. Во всех станах

произошло страшное смятение. Пятерых из воителей удалось, наконец, схватить, и они приведены были в ставку Батыя. «Кто вы такие?» спросил их удивленный хан. «Мы слуги великого князя Ингваря Ингваревича, от полка боярина Евпатия Коловрата, посланы тебя, великого царя, почтiti и честно проводить, да не подиви, царю, что не успеваем наливать чаш на великую силу Татарскую».

Шурин Батыев, Таврул, вызвался идти на Евпатия, взял с собой сильные полки и обещал привести его живого. Он бросился на витязя, но тот, исполин силой, рассек его на две части до седла. Татары навели на Евпатия, как на крепость, множество саней со стенобитными орудиями, окружили его и, наконец, одолели. Товарищи его были убиты. Мертвый принесен был к Батыю вместе с остальными воинами, которые были взяты в плен. Батый похвалил мужество и отпустил их на волю, отдав им тело погибшего вождя.

Каким же образом случилось это нападение?

Рязанский боярин, Евпатий Коловрат, был послан при слухах о татарском нашествии в

Чернигов за помощью. Услышав там, что татары уже появились в пределах Рязанских, он поспешил с князем на родину, которую нашел совершенно опустошенной; собрал, сколько мог, дружины, тысячу семьсот человек, которых «Бог соблюде», и погнался вслед за татарами, решив испить мертвую чашу заодно со своими государями, и испил ее до дна, совершив и исполнив со славой великодушное свое намерение.

Поздно понял великий князь суздальский свое положение и увидел свою ошибку. Он отрядил старших сыновей, незадолго обвенчанных, — Всеволода, с бывшими наготове воинами, к Коломне, навстречу татарам, а другого — Владимира — в Москву.

Под Коломной произошло сражение. Татары окружили суздальцев со всех сторон, по своему обычаю. Наши бились крепко, но напрасны были все усилия. Множество везде одолевало. Татары приперли русских к надолбам. Тут пал воевода Еремей Глебович, рязанский князь Роман Ингваревич и много других мужей добрых. Враги опять остались победителями. Всеволод с малой дружиной бежал во

Владимир. Татары двинулись к Москве.

Москва, городок, только что начинавший возникать среди лесов, ее окружавших, не могла противиться долго. Ее защищал другой сын великого князя, Владимир Юрьевич. Он взят был в плен. Воевода Филипп Нянька был убит. Жители истреблены. Имущество пограблено. Татары повернули к Владимиру.

Великий князь уехал перед тем с племянниками на Волгу собирать рать для сильнейшего отпора врагам. Он предполагал, кажется, что враги не могут еще так скоро угрожать его столице, и что он успеет заблаговременно вернуться с новыми, свежими полками. Он мог думать, по крайней мере, что крепкий город во всяком случае продержится до его прибытия. Вместо себя он отрядил двух сыновей, Всеволода и Мстислава, к которым воеводой был приставлен Петр Ослядюкович, — но он ошибся в своих расчетах. Татары не шли, а летели, как птицы, и между тем, как Георгий расположился станом еще по реке Сити, впадающей в Мологу, ожидая своих братьев с полками, 3 февраля, во вторник, прежде мясопуста за неделю, появились они перед Влади-

миром и тьмами тем окружили его со всех сторон.

Владимирцы затворились накрепко в городе с молодыми князьями. Татары хотели уклониться от боя и потребовали сдачи. Владимирцы отказались отворить Золотые ворота.[11]

Епископ Митрофан увещевал народ: «Чада, не убоимся смерти, не приемем себе во ум се-го тленного и скороминующего житья, но о том не скороминующем житье попечемся, еже со ангелы жити. Поручник я вам, аще и град наш пленше копием возьмут, и смерти нас предадут, получим венцы нетленные на том свете от Христа Бога». «О сем же словеси слышавше все, замечает летописец, начаша крепко боротися». Татары подъехали к Золотым воротам, имея при себе плененного в Москве княжича, Владимира Юрьевича, и спросили о великом князе, тут ли он в городе. Владимирцы вместо ответа пустили в них по стреле. Татары ответили тем же, пустив также по стреле на город и на Золотые ворота, и потом закричали: «Не стреляйте!» Наши остановились. Тогда татары подошли ближе к

Золотым воротам и выставили перед ними Владимира. «Узнаете вы своего княжича?» спрашивали они осажденных. На несчастном не было лица, бледный и худой, он едва мог держаться на ногах. Всеволод и Мстислав, стоявшие на Золотых вратах[12], узнали брата и залились слезами, бояре и граждане с ними, смотря на Владимира, в руках у лютых врагов. «Ударим, воскликнули пылкие молодые князья, обращаясь к дружине и воеводе, ударим, лучше умереть за святую Богородицу и в правую веру, неже воли быти поганых». Воевода не согласился.

Татары объехали город и потом расположились станом перед Золотыми воротами, «яко зреемо», то есть на виду у жителей, приготавлиаясь на Студеной горе к приступу.

Один отряд ходил, между тем, к Суздалю — город взят и сожжен, княжий двор, монастырь Св. Димитрия, церковь святой Богородицы, ограблены, жители перебиты, другие отведены в плен. Оставшиеся в живых, нагие и босые, беспокровные, должны были погибать от стужи. (Уцелел только, говорит предание, девичий монастырь, скрытый чудом из

виду татар, — тот, где иноческое борение проходила страдально Евфросиния, дочь будущего мученика, святого Михаила черниговского.)

В субботу мясопустную отряд вернулся к Владимиру. Приготовления к приступу кончились, и татары начали ставить леса и пороки от утра до вечера, а на ночь огородили тыном весь город. Поутру, когда совсем рассвело, князя и граждане увидели, что городу спасения нет при таких средствах осады и что он будет взят непременно. Оставалось только приготовляться к смерти. Супруга великого князя с дочерью, с молодыми женами своих сыновей и внучатами ушли во храм Пресвятой Богородицы, приобщились там Святых тайн и приняли ангельский образ от рук епископа Митрофана. За ними последовали много бояр и людей, — старики, женщины и дети.

Князя Всеволод и Мстислав отошли к старому городу, который был окружен валом также, как и средний.

Все ждали со страхом и трепетом своей гибели, предаваясь в волю Божию.

По заутрени в неделю мясопустную, 7 фев-

раля, на память святого мученика Феодора Стратилата, татары бросились на стены и ворвались в город, через стену от Золотых ворот у Св. Спаса, — место это приметно до сих пор, — с севера от Лыбеди к Орининым воротам и к Межным от Клязьмы (к Волжским). До обеда весь новый город был занят и зажжен. Татары отбили церковные двери в соборе Божией Матери. Семейство великокняжеское с ближними людьми укрылось на палатях. Злодеи ободрали все иконы, захватили все драгоценности, сосуды, кресты, оклады, ризы, порты древних князей, что вешали себе на память. Узнав, что великая княгиня, со снохами и внучатами, находится на палатях, татары звали их сойти, обещая помиловать. Никто не послушался. Тогда они натаскали леса в церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Дым и смрад распространился повсюду. Люди задыхались. Епископ Митрофан, объятый пламенем, благословил погибающих и воскликнул: «Господи, Боже сил, седяй на херувимех, простри руку Твою невидимую, и прими с миром души раб Твоих!»

Владимирский собор Успения, славный па-

мятник князя Андрея Боголюбского, на крутом берегу Клязьмы, сохранился почти совершенно до нашего времени. Целы еще приснопамятные палаты, где избранные русские люди, в минуту общей гибели, положили живот свой, покоряясь безропотно воле Божьей с верой и любовью. Место свято есть!

Молодые князья, Всеволод и Мстислав, были настигнуты за городом и убиты вместе с прочими, искавшими спасения в бегстве. Там же погибли Пахомий, архимандрит Рождественского монастыря, игумены Успенский и Спасский. О пленном Владимире нет известий: вероятно, он подвергся той же участи.

Из Владимира татары рассыпались отрядами к Ростову, Ярославлю, Городцу и пошли по Волге, даже до Галича, другие пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, где был убит сын Ярослава, племянник великого князя, — вплоть до Торжка. Нет почти места в Суздальской земле, где бы они ни побывали; городов взято 14, кроме слобод и погостов, в продолжение одного месяца февраля. Ростовская область была разорена также. Единственное убежище

для народа были леса.

«Такими дремучими лесами была покрыта эта страна, говорят современные арабские летописцы, что в них и змее не было прохода. Татары должны были в иных местах прорубать себе дорогу, и они прорубали такую, чтобы четверем телегам можно было проехать рядом».

А великий князь Георгий еще стоял станом на Сити, вместе со своими племянниками, ожидая братьев, Ярослава и Святослава, с их дружинами.

Вдруг приходит к нему роковая весть: Владимир взят, церковь соборная разорена, жена твоя, княгиня, с детьми и снохами, огнем скончались, сыновья убиты, люди погибли, — на тебя идут!

И недолго оставалось ему жить. Дорож, один из воевод, посланный разведывать с 3 тысячами человек, прибежал к нему скоро назад с известием: «Княже! обошли нас татары».

Едва Юрий начал строить полки с братом Святославом, только что пришедшим, с воеводой Жирославом Михайловичем, внуком

славного Андреева воеводы, и племянниками, как вдруг принеслась новая весть, громовая: идут, идут!

Не успев распорядиться, князья решились отступить вниз по Сити. Татары не дали им опаматоваться, пересекли дорогу и внезапно появились перед ними: сторожей после Дорожа, видно, не было оставлено впереди, или не успели они дать знать о приближении врагов, которые нагрянули на оторопевшее ополчение.

Князь Юрий, отложив всю печаль, бросился в бой. Полки его, обрекшие себя на смерть, последовали за ним. Началась сеча, кровь полилась; сломить малочисленную дружину несметной силе было нетрудно. Она подалась. Татары за ними. Это было уже не сражение, а побоище. Князь Юрий был убит. Голова у него отрублена. Около него повалены снопами его верные воины. Остальные должны были искать спасения в бегстве на все стороны.

Побоище на Сити произошло 4-го марта: вот как быстро шли татары, взявшие Владимир 25-го февраля.

Кучи курганов, рассыпанных по течению

Сити до ее устья и по впадающим в нее рекам, так же, как и по Мологе, обозначают путь татарского натиска и русского жертвоприношения.

Судя по расположению этих курганов, следует заключить, что сражение происходило во многих местах, начиная от села Боженок, где настигнут был Дорож с передовым отрядом, и оканчиваясь при устье Сити и за Мологою. Русские воины, видно, отступали, бежали, останавливаясь усталые, где и настигали их татары, возобновляя сечу.

Многие из открытых в курганах скелетов сохранили на костях следы ударов-проломов, разрубов, усечений.

Некоторые собственные имена, до сих пор сохранившиеся в этой пустынной дикой стране, как глухие звуки, донесшиеся из древности, напоминают несчастное событие: Резанино, Станилово, Станово, Сторожево, Губино, Боронишино, Могилицы, Юрьево.

Есть несколько бедных церквей, где даже до последних времен служились панихиды за убиенного князя Юрия или Егория. Есть и приделы во имя Св. Егория, а кто был этот

Егорий, как он был убит, народ не имеет никакого понятия.

Ясно, что жителей старых здесь не оставалось, и до позднейших поселенцев дошли уже темные предания, дающие повод к разноречивым показаниям.

Василько, племянник великого князя, был живой взят в плен и отведен «со многой нужей» до Шернского леса, где татары остановились станом. Там принуждали они его быть с ними заодно и воевать на своих. Василько отвечал им укоризнами: «О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня от святой христианской веры. В великой беде мы, но ее наслал на нас Бог, за грехи наши! А вас он накажет за души, что губите без правды». Отощавший, он не принимал ни пищи, ни пития; лицо его было уныло от многого томления. Татары бросились на него. Летописец влагает в его уста следующие восклицания: «Господи, Иисусе Христе! Вижу, что младая моя память железом погибает и тонкое тело у меня увядает. Помогите христианам, помилуй раба Твоего, спаси жену мою, детей моих, епископа Кирилла».

Он был тут же изрублен.

Гибель Василька видела какая-то верная женщина и поведала поповичу Андреяну. Они взяли изрубленное тело, завернули в по-нявину и спрятали в сокровенном месте. Вдова его и епископ, узнав о том, впоследствии приезжали за ним и торжественно похоронили в Ростовском соборе.

И Юрьево тело было найдено, без головы, епископом Кириллом, возвращавшимся из Белоозера, и похоронено там же. После привезена была и голова и приложена к телу. Потом оно было перенесено во Владимир, где и ныне находится.

Другой татарский отряд обложил Торжок на сбор по Федорове неделе. И здесь жители не сдавались тем более, что надеялись на новгородскую помощь. Две недели враги били пороками крепость. О помощи не было слуха: «всякий стал о себе, замечает летописец, в недоумении и страхе».

Средства осажденных истощились, и сопротивляться более не осталось сил. Город взят, люди перебиты от мужского пола и до женского, все изобнажено и поругано, и нуж-

ной смертью погублено, 23-го марта, в среду средокрестную, на память Св. мученика Никона. Тут были убиты Иванко, посадник новоторжский, Яков Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич.

От Торжка окаянные погнались Серегерским путем, «людие секуще, яко траву», даже до Игнача креста, верст за сто до Новгорода, а Новгород заступил Бог и спасла Св. София.

Батый вдруг повернул назад, опасаясь, вероятно, зайти, перед вскрытием рек, слишком далеко, в страны неизвестные, все более и более дикие, болотистые и гористые.

Обратный путь его лежал по другому направлению, к западу. О нем не сохранилось никаких известий в летописях, кроме осады города Козельска (в нынешней Калужской губернии), где княжил молодой князь Василий, из рода черниговских князей. Жители, «имея ум крепкодушевен», не хотели сдаваться, как и жители больших городов русских. «Нужды нет, что молод наш князь, сказали они на вече, умрем за него и примем славу здесь, на этом свете, а там, на том свете, венцы небесные получим». Семь недель бились храбрые.

Татары решили, наконец, взять город приступом, разбили стены и вскочили на вал.

Жители приняли их там в ножи и не пускали дальше. Много времени продолжалась резня, и татары вынуждены были сойти вниз, но и жителям нельзя стало более держаться в городе. И пищи и питья у них недоставало, они решили выйти в поле, бросились на пращи, иссекли пращников и сами были все побиты, как на поле, так и в городе, куда путь открылся, «даже до младенцев, сосущих молоко».

О князе Василии пронесся слух, что он утонул в крови.

Козельск получил от татар славное прозвание Злого города. Четыре тысячи татар легло под деревянными стенами его, и три сына темничих нашли там себе смерть.

Батый, свершив свою губительную смертоносную прогулку, отошел в землю Половецкую.

А что делалось там, на юге, на западе — в Киеве, в Галиче, между тем как татары громили восток и север. Прекратились ли хоть теперь тамошние междоусобия? Успокоилась

ли хоть теперь раздираемая столько времени войной страна?

Нет, на юге и западе земля не успокаивалась, и междоусобия продолжались безостановочно.

Киев, оставленный (1236) переяславским князем Ярославом Всеволодовичем, при первом известии о приближении татар к Рязани, был тотчас занят Михаилом черниговским, который приехал сюда из Галича, оставив там сына Ростислава.

Ростислав отнял у Даниила Перемышль, уступленный ему незадолго, и между ними началась распря: они то воевали, то мирились. Ростиславу понадобилось отлучиться на литву со своими боярами. Даниил, воспользовавшись его отсутствием, появился под Галичем и подал голос жителям: «До каких же пор вы хотите терпеть державу чужих князей?» «Ты наш князь, держатель, Богом данный», закричали они в ответ и бросились к нему, как дети к отцу, как пчелы к своей матке. Дворецкий Григорий с епископом Артемием, увидев невозможность сопротивляться, вышли навстречу к Даниилу и сказали ему:

«Иди, князь, бери город». Даниил вступил в Галич в пятый раз и поставил свое знамя на воротах Немецких, сказав: «Теперь никто уже не возьмет у меня Галича».

Ростислав, возвращаясь из своего похода, услышал о взятии города и удалился к уграм, где надеялся получить себе королевскую дочь в супружество. Некоторые из бояр его пришли в Галич, пали к ногам князя, просили прощения: виноваты, что держали другого князя. Он отвечал: «Бог вас простит, только не грешите больше, а то будете наказаны». Прочие пошли за Ростиславом и были преследуемы до горы.

Все это происходило в продолжение 1236 и 1237 годов.

В следующем году Батый прислал еще несколько отрядов прогуляться по России. Одни пришли к Переяславлю Русскому и взяли город, ограбили церковь Св. Михаила, убили епископа Симеона и множество жителей, попавших под удары.

Другие напали на Чернигов, где князь Михаил Глебович также решил защищаться. Татары долго не могли взять города, поставили

тараны и металы такие камни, что только вчетвером можно было поднять. «Лют бе бой у Чернигова», но, наконец, побежден был Мстислав, и множество воинов его погибли, город взят и сожжен, как и прочие.

Батый велел Мангухану «соглядети Киева». Смотря на Киев из-за Днепра, от города Песочного, татары удивились красоте его и величеству. Батый прислал послов к Михаилу Всеволодовичу и к гражданам, «хотя прельстити их». Те не послушались и убили послов. Следовало ожидать нашествия и расправы...

«Бе же пополох тогда зол по всей земле»: люди бегали, сами не зная куда от страха.

Михаил, не имея надежды оборониться от врагов, удалился в угры, где уже был сын его Ростислав. Киевский стол остался незанятым, но и в такое грозное время нашелся на него охотник: Ростислав Мстиславич, из Смоленска, пришел занять Киев, оставленный Михаилом, а Ярослав Ингваревич напал тогда на Каменец.

Даниил явился, отнял Киев у Ростислава смоленского, вытребовав сестру у Ярослава, и поручил защиту города боярину своему Ди-

митрию, а сам удалился во Владимир.

Михаил, между тем, должен был оставить Венгрию, где король Бела, при перемене обстоятельств, отказался выдать свою дочь за его сына, изгнанника. Он прибег под покровительство своего дяди, Конрада мазовецкого. Оттуда он отправил послов во Владимир к Даниилу с выражением раскаяния. «Много раз бывал я виноват пред тобою, много раз причинял тебе вред, не исполнял своих обещаний; случилось — хотел я иметь любовь с тобою; неверные галичане мешали мне; теперь я клянусь никогда не враждовать тебе».

Романовичи не помянули зла, послали к нему сестру свою и звали его из ляхов. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев, а сыну его Ростиславу Луцк. Но Михаил «за страх татарский» не посмел идти в Киев, и Романовичи позволили ему походить по земле своей, снабдив его пшеницей, медом, говядами, овцами, в обилии.

Между тем, гроза приближалась. Даниил решил искать помощи в уграх, чтобы соединенными силами противостоять татарам, взял с собой малолетнего сына Льва и поехал к ко-

ролю, но не успел убедить его и должен был вернуться. В Синеводске (в Стрынском округе), в монастыре Св. Богородицы, он увидел множество народа, бежавшего от татар, и побоялся идти далее с малой дружиной по Русской земле, чтобы не попасть с сыном в руки неверных галичан. Вот каково было положение в этой несчастной стране, игралище бояр, что мужественнейший из русских князей, в виду приближающихся диких врагов, не смел там показаться без достаточной дружины. Он отправился назад в угры, оставил там сына и пошел домой через Польскую землю. В Сендомире он услышал, что его семейство, княгиня, дети и брат, бежали из Руси перед наступлением татар и находятся также где-то в ляхах. Даниил пошел искать их и нашел на реке Пали (?). «Недобро нам стояти зде близ воюющих нас иноплеменников», сказал он и отошел в землю Мазовскую к Конрадову сыну Болеславу, который дал ему Вышгород.

Михаил черниговский искал также спасения у ляхов.

Дошла очередь и до Киева. В 1240 году Батый пришел со всей своей силой, как будто

саранча налетела. Видимо-невидимо полков вражеских окружило город. От ржания коней, мычания стад, рева верблюдов, скрипа телег не слышно стало в городе людской речи. Один захваченный татарин, именем Таврул, известил граждан о количестве силы Батыевой и об именах его воевод: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечан, Бедай-богатырь, Бурундай-богатырь, что взял землю Болгарскую и Суздальскую. Батый поставил пороки к городу против ворот Ляшских. День и ночь беспрестанно били осаждавшие из этих пороков и выбили часть стен. Защитники столпились на оставшихся в целости, «и ту бе видети лом копейный и щитов скепание, стрелы омрачаша свет». Мужественный воевода Дмитр ранен. Татары взобрались на стены и расположились там ночевать. Граждане ночью устроили другой крепкий город около святой Богородицы. Поутру напали на них и здесь татары, и сеча возобновилась. Множество укрылось на камарах церковных со своим имуществом, но стены обвалились от тяжести, и люди погибли под развалинами. Нигде не было спасения. На Николин день, 6 декабря, Киев

был взят и сожжен. Камня не осталось на камне, кроме двух-трех главных церквей, не до основания разрушенных, а дерево все стогрело.

Также взяли татары Кременец, город Изяславов, Владимир, Галич и множество других городов, но Каменца, города Даниила, не могли взять и прошли мимо.

Так, вслед за северо-восточной Россией, или Великороссией, покорена была другая половина России, юго-западная, ныне называемая Малороссией. Городское сословие было почти истреблено как там, так и здесь. Воины, как там, так и здесь, дружины с боярами и отроками, честно исполнили долг свой и положили живот свой за отечество, за веру христианскую, в надежде иметь венцы мученические на том свете. Киев, Чернигов, Переяславль, Лодяжин, Кременец, на юге, защищались до последней капли крови, как на севере — Рязань, Коломна, Москва, Владимир, Торжок, Козельск, и, уверенные в неизбежной гибели, нисколько не колебались предпочесть постыдное рабство мучительной смерти.

Терпение, русская добродетель по преимуществу, преданность в волю Божию, проявились здесь блистательно, и смиренные летописцы заключают обыкновенно свои прискорбные описания следующими словами: «Се же бысть за грехи наши... Господь силу от нас отъя, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наши».

Плано-Карпини, посланный вскоре папой Иннокентием IV к татарам к великому хану со словами мира, проезжая через Киев, пишет в своих записках, что «жителей по дороге везде мало: они истреблены монголами или отведены в плен. В Киеве, продолжает он, наняли мы татарских лошадей, а своих оставили: ибо они могли бы умереть с голода на дороге, где нет ни сена, ни соломы, а татарские, разбивая копытами снег, питаются одной мерзлой травой».

Дмитр успел, наконец, убедить Батюя, чтобы он оставил несчастную Русь, разоренную и опустошенную. «Если ты замедлишь здесь, сказал он, то угры, племя великое, соберутся с силами и не допустят тебя возвратиться во свояси благополучно». Батый принял совет и

отошел в утры.

Король Бела и Коломан были побеждены татарами, которые гнали их до Дуная.

Провоевав в западных странах три года, до Владиславы, Батый удалился в свои улусы.

Татары расположились кочевать в низовьях Волги, по привольным степям, где в Астраханской губернии странствуют ныне прямые потомки их, калмыки. Отсюда легко и удобно им было посылать свои летучие отряды во все покоренные страны, держать их в повиновении и уничтожать всякое покушение, если бы где обнаружилось какое, свергнуть их иго. Отсюда татары могли как бы держать меч над головами всех своих подданных, чтобы никто из них не мог шевелиться.

Заключение

Страшных врагов получила Русь в лице татар, дикого, необузданного азиатского племени. Но не одни татары посягали в это злополучное время на ее целостность и независимость, на ее существование.

Татары утвердились преимущественно на юге и Востоке.

Поляки и венгры терзали ее юго-западную окраину и пытались покорить себе знаменитое Галицкое княжество, нынешнее королевство Галицию.

Далее к северу усиливались литовцы, жившие в глубине лесов Подляшья (на пределах нынешних губерний Гродненской, Виленской, Ковенской) и платившие некогда дань соседним русским князьям. Литовцы выдвинулись теперь из лесов и начали тревожить своими набегами области полоцкие и новгородские, угрожая близкими завоеваниями.

На северо-западе, в устье Западной Двины, появились немцы, построившие первое укрепление с позволения русских князей, но в 1201 году они основали Ригу, с помощью

вновь учрежденного ордена Меченосцев, тотчас обнаружили властолюбивые замыслы и овладели всей страной ливов и леттов, нынешней Лифляндией, подданной прежде Полоцку.

На востоке от них в Эстляндии утвердились датчане, они построили в 1210 году Ревель и угрожали Пскову и Новгороду.

Еще далее на восток, в устье Невы, начали проникать шведы...

Вот в каком ужасном, отчаянном положении находилось наше отечество в середине XIII столетия. Враги сильные, грозные, многочисленные, одни других лютее, с востока, юга, запада, севера и моря, как хищные звери с зияющей пастью, стали над ним и грозили порабощением. Татары, литовцы, поляки, венгры, немцы, датчане, шведы окружили святую Русь как бы облавой, напирали на нее, грозясь разнять ее по суставам, готовясь поделить ризы ее по себе и об одежде метати жребий.

Была ли какая человеческая возможность сладить с таким страшным сборищем врагов стране, изнуренной двухсотлетними между-

усобиями, лишенной теперь почти всего своего военного сословия, опустошенной огнем и мечом вдоль и поперек, от одного конца до другого?

Казалось, гибель ее неизбежна, нигде не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемену обстоятельств к лучшему, — пропадет святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть! Такую горькую, тяжелую думу думал, вероятно, святой отшельник в глубине пещер киевских или черниговских, смиренный летописец, заносивший в летопись не чернилами, а слезами и кровью описание страшных событий — думал и молился со страхом и трепетом о спасении дорогой отчизны, — Господи помилуй!

Помилует ли Он?

Да, Он помилует, она спасется, она перенесет тяжелое огнекровавое испытание, она превозможет всех своих врагов, она восстанет с новой силой и славой: «аще бо паки возможете, и паки побежени будете, яко с нами Бог!»

Кто же спасет святую Русь?

Спасет ее народ терпеливый, смиренный,

твердый, толковый, талантливый, носивший во глубине своего сердца сознание о государственном и земском единстве.

Спасет ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, беспредельная, достаточная для бесчисленных грядущих поколений.

Спасет ее язык, творческий, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасет ее вера православная, горячая, безусловная, готовая в избранных душах на всякие жертвы.

Народ, земля, язык, вера — вот четыре твердыни, крепкие столпостены, на которых, под державой Мономахова потомства, святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тех пор, пока они не будут поколеблены в своих заветных, священных основаниях.

Примечания

Ильмерь, современное название — Ильмень.
Примеч. ред.

[^^^]

Брест Литовский, ныне город Гродненской губернии.

[^^^]

Стрый — дядя по отцу. *Примеч. ред.*

[^^^]

4

Товар — походный, военный обоз, лагерь.

Примеч. ред.

[^^^]

Сыновец — племянник. *Примеч. ред.*

[^^^]

6

Вороп — налет, набег, нападение. *Примеч. ред.*

[^^^]

Соответственное явление представляется после в истории местничества.

[^^^]

8

В Муромских курганах IX и X в., разрытых в недавнее время, найдены остатки коней, изображения змей, сожженные кости зверей и птиц, идолов из глины.

[^^^]

Мощи Нестора некнижного покоятся в дальней (Феодосиевой) пещере, мощи Нестора летописца в ближней (Антониевой). *Прим. ред.*

[^^^]

Ныне Калец, Мариупольского уезда, Херсонской губернии.

[^^^]

К воротам с обеих сторон присыпан был вал, частично сохранившийся до настоящего времени. Сообщения другого не было.

[^^^]

Дверь к накатнику над нижней аркой сохранилась донныне.

[^^^]